

Вацлавъ Строшевскій.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

КОРЕЯ.

Съ 34 иллюстраціями.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Цена 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909г.

КОРЕЯ.

Корейская легенда.

— Корея чудная страна!.. Плодородіе почвы необычное, урожаи египетскіе! Корейскій рисъ наводняетъ даже рисовую Японію!.. Корея покрыта необозримыми лѣсами! И лѣсъ все дорогой: дубъ, ясень, кедръ, кипарисъ, пробковое дерево. Несмѣтныя минеральныя богатства ждутъ только предпринимателя. Золото, желѣзо, мѣдь!.. Есть и каменный уголь, и мраморъ! Птицъ—тѣма! Фазаны, лебеди, гуси, утки носятся надъ полями; стада оленей, антилопъ, козъ, кабановъ бродятъ въ горахъ. Охотникамъ раздолье, но слѣдуетъ остерегаться, такъ какъ тамъ есть и тигры. Множество тигровъ! Тигровыя шкуры густо висятъ въ лавкахъ. Вообще, тамъ прелестно!.. Корея—лакомый кусокъ!.. Рощи камелій и лавровъ бросаютъ сочныя тѣни на цвѣтушія нивы!.. Все омыто мягкимъ воздухомъ, солнечнымъ свѣтомъ и теплымъ голубымъ моремъ. Населеніе добрѣйшее, большія дѣти, которыя подати платятъ охотно, почитаютъ властей и цѣнятъ свой трудъ крайне дешево. Чѣмъ только они живутъ?! Одинъ у нихъ недостатокъ: грязь. Зато корейскія женщины хороши, стройны, высокогруды. При условіи употребленія воды и мыла, это—самыя красивыя женщины Дальняго Востока!

Такова корейская легенда.

Разсказывали мнѣ ее съ небольшими варіаціями многіе „знатоки“ этого уголка Азіи. Тщетно я пытался узнать болѣе опредѣленные подробности о природѣ страны, о нравахъ ея жителей и т. п. „Бывалые люди“ всегда почти отвѣчали мнѣ небывалыми разсказами о своихъ приключеніяхъ въ одномъ изъ открытыхъ портовъ Кореи или туманными разъясненіями все на ту же тему „лакомаго куска“... Изъ этихъ отрывковъ я, конечно, никакъ не могъ создать себѣ предварительной общей картины полуострова, и мои надежды на „живое слово“ рушились; книги тоже оказали мнѣ не особенно большую помощь ¹⁾. И случилось такъ, что плылъ я по прелестному золотисто-голубому Японскому морю къ корейскимъ берегамъ, совершенно свободный отъ предвзятыхъ идей.

Я только помнилъ, что по своему географическому положенію, формѣ и величинѣ Корейскій полуостровъ больше всего напоминаетъ Италію ²⁾, что онъ представляетъ собою далеко выдающійся въ море выступъ азіатскаго континента.

Наконецъ, зарѣяли въ сизомъ туманѣ сѣрые, обнаженные берега Кореи. Крайне мрачными и некрасивыми показались они мнѣ послѣ жизнерадостныхъ береговъ Японіи. Ихъ скомканные, безобразно изогнутые утесы поражали только сказочной уродливостью своихъ выступовъ, трещинъ и ущелій.

¹⁾ Впрочемъ, я долженъ указать на „Описаніе Кореи“, изданіе министерства финансовъ, какъ на лучшій путеводитель по Корее.

²⁾ Поверхность Кореи—218.192 квадр. килом.; длина—900 вер.; ширина въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между Гензаномъ и Корейскимъ заливомъ—130 вер.; самая сѣверная точка корейской границы находится подъ 43°2' с. ш. (на рѣкѣ Тумень). самый южный мысъ достигаетъ 82°20' с. ш.

I. Берега

10-го октября ¹⁾ 1903 года въ 6 час. утра мы стали на якорь въ обширномъ кругломъ заливѣ порта Фузанъ. Входъ сюда сторожатъ три отвѣсно поднимающіеся изъ волнъ рифа да японскій военный корабль. Заливъ окруженъ безобразными сѣрыми утесами. Единственнымъ пятномъ зелени являлась на нихъ темная сосновая роща въ выемкѣ гавани на холмикѣ, на взморьѣ, изящно отражавшаяся въ голубыхъ водахъ. Въ рощицѣ стройно поднималось обычное японское „тори“, и красный буддійскій флагъ развѣвался надъ маленькимъ храмомъ.

— Эту рощу насадили японцы!—сказалъ намъ не безъ гордости нашъ капитанъ, очень милый, образованный японецъ. Я посмотрѣлъ въ бинокль. Многія деревья показались мнѣ толстыми и старыми. Неудивительно, вѣдь Фузанъ уже 400 лѣтъ принадлежитъ Японіи. Вся почти Корея была въ XVI столѣтіи завоевана ими, но послѣ смерти шюгуна Хидеёоши они оставили полуостровъ, удержавши только Фузанъ.

Японскій кварталъ въ Фузанѣ невеликъ, всего 1.000 домовъ, но содержится опрятно, снабженъ водопроводомъ и нѣкоторой канализаціей. Въ немъ находится,

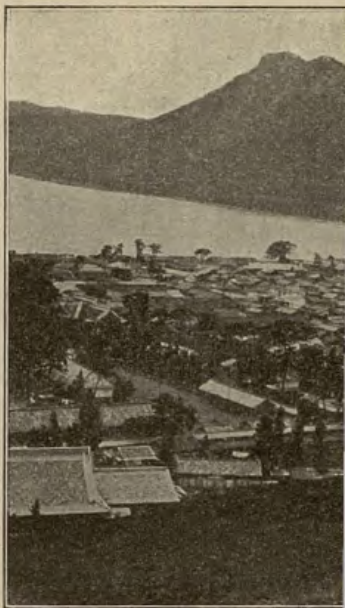
¹⁾ Всѣ числа по новому стилю.

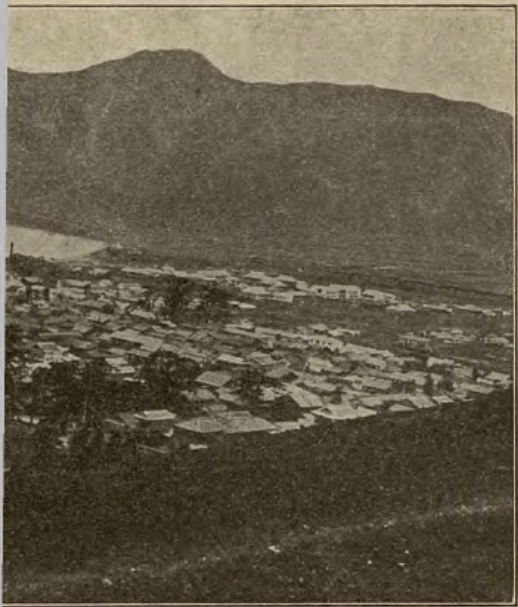
кромѣ частныхъ домовъ и лавокъ и складовъ, госпиталь, отдѣленіе токійскаго банка Дай-иси-гинко, торговыя палаты, почта, консульство, кабельный телеграфъ и редакція японо-корейской газеты „Чосенъ-Шимпо“ Желѣзная дорога Фузанъ—Сеуль проходитъ по населеннѣйшимъ и плодороднѣйшимъ провинціямъ Кореи, часть ея уже въ то время была открыта для публики, а всю японскіе инженеры обѣщали окончить къ лѣту текущаго года.

Живетъ постоянно въ Фузанѣ до 6.000 японцевъ (не считая солдатъ); лѣтомъ въ рыболовный сезонъ число ихъ возрастаетъ до 15.000; у европейцевъ здѣсь всего нѣсколько домовъ, въ которыхъ живетъ не больше 20-ти бѣлыхъ.

На островѣ Оленьемъ (Чьоль-льонъ-до), защищающемъ бухту со стороны моря, японцы устроили угольные склады, пополняемые изъ Нагасаки и Симоносеки. Въ самомъ Фузанѣ они построили нѣсколько фабрикъ, горшечный заводъ и паровую мельницу для очистки вывозимаго въ Японію риса. Набережная выложена камнемъ, гавань снабжена волнорѣзомъ для защиты судовъ во время нагрузки отъ посѣщающихъ Фузанскую бухту тайфуновъ и отъ проникающей въ нее большой приливной волны. Въ городѣ много прекрасныхъ лавокъ, много также чайныхъ домовъ, ресторановъ, какъ всегда въ портовыхъ городахъ. Блуждая по закоулкамъ, мы разыскали даже маленькую „іошивару“, кварталъ веселыхъ домовъ, гдѣ бренчали „самюсены“ и веселый смѣхъ звенѣлъ за полузакрытыми ставнями.

Внизу, сейчасъ же за холмомъ, за сосновой рощей и храмомъ, прятались большія, окруженные стѣною казармы.

Видъ Фузана.

— Вы люди какой страны?.. И чего здѣсь ищете?— спросилъ насъ ломанымъ англійскимъ языкомъ полицейскій, явившійся неожиданно изъ-за кустовъ.

Мой товарищъ отвѣтилъ ему дипломатически, что мы пріѣхали на японскомъ пароходѣ общества „Нипонъ-Юсенъ-Кайша“. Полицейскій что-то отмѣтилъ въ записной книжкѣ, поклонился и ушелъ въ гавань, между тѣмъ какъ мы направились внизъ въ противоположную сторону.

За казармами мы увидѣли красивое, большое зданіе, передъ которымъ на обширной, возвышенной и ровной площадкѣ маршировали колонны мальчиковъ и дѣвочекъ въ темныхъ „киримono“. Движенія ихъ были ловки и пріятны: странное впечатлѣніе производили только голыя ноги мальчиковъ и клекчущія высокія сандаліи дѣвочекъ. По данному знаку колонны разстроились, и дѣти принялись весело играть въ мячъ, прыгать, бѣгать, тормозить другъ друга, оглашая воздухъ смѣхомъ, говоромъ, криками. Учителя и учительницы съ присущей японцамъ сдержанностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ видимымъ удовольствіемъ, принимали участіе въ этихъ играхъ или прогуливались, разговаривая съ толпой вѣшавшихся кругомъ нихъ дѣтей. Опять былъ поданъ сигналъ, и всѣ мгновенно вернулись къ своимъ мѣстамъ и занятіямъ. Мы вошли въ обширную переднюю зданія. Все кругомъ поражало опрятностью и простотой. Кто-то изъ учительскаго состава школы вышелъ къ намъ навстрѣчу и провелъ насъ въ небольшую пріемную, гдѣ просилъ подождать, пока увѣдомитъ директора о нашемъ желаніи посѣтить училище. Пріемная служила вмѣстѣ съ тѣмъ физическимъ кабинетомъ: тамъ стояли физическіе приборы, модели ма-

шинъ, глобусы, чучела птицъ и животныхъ,—все предметы дешевые, но хорошаго качества и умѣло подобранные. Спустя немного провожатый нашъ вернулся въ сопровожденіи молодого японца, который порядочно говорилъ по-англійски, и мы отправились по широкимъ, свѣтлымъ коридорамъ въ классы. Вездѣ—образцовая чистота, пропасть свѣта и воздуха. Таблицы, скамьи, каѳедры все европейскія, по стѣнамъ висятъ карты, гравюры, изображенія звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, растеній, портреты знаменитыхъ людей и историческія картины. Кромѣ того въ каждой залѣ на каѳедрѣ или особомъ маленькомъ столикѣ стояли цвѣты, хорошенькія вазочки, бронза, художественныя ширмочки или другія изящныя мелочи, придающія классу домашній, уютный видъ, освѣжающій пріятнымъ зрѣлищемъ усталые надъ книгами дѣтскіе глаза. Въ одномъ классѣ происходилъ какъ-разъ урокъ пѣнія; красиво одѣтая учительница съ цвѣткомъ въ волосахъ играла на домашнемъ органѣ и негромко пѣла, а дѣти подтягивали хоромъ. Въ другомъ классѣ учитель въ сюртукѣ преподавалъ геометрію и чертилъ на таблицѣ мѣломъ фигуры. Ученики, казалось, не обращали на насъ вниманія, единственно преподаватели отвѣчали улыбкой и кивкомъ головы на нашъ поклонъ при входѣ.

Меня не особенно удивило существованіе въ Фузанѣ такой школы, такъ какъ я зналъ уже, что въ Японіи приходится въ среднемъ на каждые 1.500 жителей *одна* первоначальная школа и на каждые 3.000 до 5.000—школа высшаго типа; такія школы видѣлъ я тамъ часто. Тамъ же въ школѣ мы узнали, что существуютъ въ Фузанѣ японскія школы для корейцевъ и собственно корейскія школы.

Корейцевъ на улицахъ виднѣлось много, но домовъ корейскихъ мы въ городѣ не замѣтили; ради осмотра ихъ мы принуждены были отправиться далеко, въ деревушку, ютившуюся въ ущельи, у подъема въ горы.

Деревушка казалась издали кучей развалинъ. Стая сѣрыхъ, сердитыхъ собакъ и толпа дѣтей въ бѣлыхъ холщевыхъ платьяхъ выскочила намъ навстрѣчу. Но при нашемъ приближеніи они мгновенно исчезли, и вмѣсто нихъ осторожно вынырнули изъ-за угловъ и стѣнъ людскія головы со свернутыми на макушкахъ узлами волосъ. Двигаясь среди сложенныхъ изъ булыжника стѣнъ извилистымъ, крайне засореннымъ переулкомъ, мы попали на маленькій, грязный дворикъ. Подъ невысокимъ навѣсомъ, на узкой площадкѣ, у крошечныхъ дверей похожаго на кучу камней дома важно сидѣлъ на корточкахъ бородатый кореецъ въ волосяной прозрачной шляпѣ на головѣ и бѣломъ жреческаго покроя одѣяніи. Тутъ же стоялъ маленькій столикъ съ небольшими блюдами, полными ѣды, рядомъ колѣнопреклоненная жена держала лубяной туесъ съ варенымъ рисомъ и подкладывала изъ него мужу по мѣрѣ надобности. Въ открытыя двери глядѣло смуглое личико дѣвушки съ большими серебряными серьгами въ ушахъ. Кореецъ бросилъ на насъ спокойный, полный достоинства взглядъ, продолжая постукивать по блюдечкамъ своими обѣденными палочками. И только когда я направилъ на него мой фотографическій аппаратъ, онъ замахалъ отрицательно рукой. Относительно всего остального, нашихъ разспросовъ и осмотра угловъ онъ сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Одинъ аппаратъ видимо дѣйствовалъ на него. Его жена и дочь, спрятавшись внутри дома, на-

блюдали за нами сквозь неприпертыя двери. Кругомъ за горами камней слышались вспышки сдержаннаго смѣха, шорохъ и шопотъ: тамъ прятались любопытные и вмѣстѣ съ тѣмъ боязливые люди. Собаки, забившись въ щели и углы, грозно лаяли оттуда. Мы стояли нѣкоторое время, смущенные и вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованные этой живой картинкой изъ каменнаго вѣка... Вдругъ на фонѣ солнечной синевы далекаго моря и неба, на склонѣ сосѣдняго холма появились неожиданно двѣ японки. Стройныя, изящныя, въ темныхъ сборчатыхъ платьяхъ, перехваченныхъ цвѣтными „оби“, съ сіяніемъ красныхъ, прозрачныхъ зонтиковъ кругомъ улыбающихся лицъ, онѣ казались существами совсѣмъ другого міра. Онѣ вели за руки пухлаго, краснощекаго ребенка, одѣтаго пестро, какъ бабочка... Это тоже былъ Востокъ, но совсѣмъ иной!

Сопутствовалъ имъ школьникъ въ полосатомъ „киримоно“. Онъ понималъ немного по-англійски, выслушалъ съ неизмѣнной серьезностью наши требованія, обсудилъ ихъ и перевелъ корейцу. Тотъ кивнулъ головой и молча протянулъ руку. Мы положили въ нее монету, послѣ чего онъ позволилъ намъ снять себя и осмотрѣть свой домъ. Это была темная, низкая лачуга безъ оконъ, выстланная тонкими соломенными циновками. Въ отдаленномъ ея углу стояли спиною къ намъ женщины и прятали лица въ ладоняхъ...

Немного грустные и разстроенные крайней убогостью деревушки, мы возвращались изъ нашей экскурсіи черезъ сонныя осеннія поля. Тамъ и сямъ по тропинкамъ двигались гуськомъ высокія, важныя фигуры въ жреческихъ бѣлыхъ одѣяніяхъ, а за ними плелись другія помельче въ накинутыхъ плотно на лица розо-

выхъ и зеленыхъ „чангъ-отъ“. По сторонамъ среди темныхъ пашенъ, полуголые, загорѣлые пахари съ трудомъ поворачивали усталыхъ воловъ и тяжелыя сохи. Одѣтыя и неодѣтыя дѣти поспѣшно убѣгали отъ насъ и прятались въ рывинахъ и канавахъ.

Послѣ обѣда мы рѣшили осмотрѣть сѣверо-восточную часть залива, гдѣ вдали бѣлѣла станція строящейся желѣзной дороги. По широкому полотну шоссе, по высокому откосу вдоль берега, двигались толпы бѣлыхъ корейцевъ, шли корейки въ широчайшихъ юбкахъ и шароварахъ съ голыми обвисшими грудями, съ большими корзинами, полными плодовъ и овощей, или съ громадными кувшинами воды на головахъ. Быстро проходили темно-одѣтые, малорослые, завялые японцы, шагали японскіе и корейскіе солдаты въ одинаковыхъ почти мундирахъ. Отъ желтыхъ, сосѣднихъ обрывовъ, изрытыхъ правильными уступами, то и дѣло пролетали къ морю вагонетки-самокаты, нагруженные землей и камнями. На ихъ площадкахъ сидѣли загорѣлые корейскіе землекопы, корейскіе каменотесы обдѣлывали внизу на взморьи каменные глыбы, корейскіе носильщики переносили ихъ въ опредѣленные мѣста. Вверху и внизу на карнизахъ обваловъ и у голубой, засыпаемой землею, полосы моря, среди самаго густого водоворота смуглыхъ нагихъ тѣлъ и бѣлыхъ корейскихъ холстинъ, стояли спокойно съ картами и инструментами въ рукахъ японскіе инженеры и досмотрщики, управлявшіе работами. Сонные, медлительные корейцы двигались теперь быстро и складно. Вездѣ напряженно билась жизнь, трудъ, гудѣли выстрѣлы взрывааемыхъ скалъ, взвизгивали и скрежетали рельсы подъ колесами вагоновъ, и глухой говоръ сотенной

толпы сливался съ однообразно звучнымъ всплескомъ моря.

Нигдѣ въ Корей я уже не видѣлъ ничего подобнаго! Развалины древней корейской твердыни, стерегущія вверху переваль колесной фузанской дороги, съ такимъ же, вѣрно, изумленіемъ смотрѣли на разстилающуюся у ихъ ногъ картину и съ грустью вспоминали былое!

Фузанъ посѣщается еженедѣльно (съ точностью поистинѣ японской) почтовыми японскими пароходами, принадлежащими субсидированному правительствомъ обществу Нипонъ-Юсенъ-Кайша. Замѣчу кстати, что субсидированныя общества всего міра отличаются всегда почти небрежностью обращенія съ пассажирами и неаккуратностью. Ничего подобнаго нельзя сказать о судахъ Нипонъ-Юсенъ-Кайша. Кромѣ того, ежегодно посѣщаютъ фузанскую гавань до 1.000 судовъ, въ томъ числѣ до 300 пароходовъ. Торговые обороты Фузана достигаютъ ежегодно 15.000.000 долларовъ ¹⁾ и, конечно, всецѣло находятся въ рукахъ японцевъ. Вывозъ въ Японію состоитъ главнымъ образомъ изъ риса, бобовъ, гороха и бобовыхъ жмыховъ, употребляемыхъ для удобренія рисовыхъ полей. Ввозятъ японцы главнымъ образомъ ткани, металлическія издѣлія, галантерейные товары, напитки, консервы, фарфоръ и т. д.

Фузанъ, какъ старѣйшій, лучше другихъ обставленный и ближайшій къ Японіи портъ, по всей вѣроятности, надолго удержитъ свое портовое главенство. Соперничать съ нимъ въ состояніи развѣ Мосамъ-пхо (Мозампо), ближайшій къ нему и обладаю-

¹⁾ Долларъ корейскій=іену; іенъ—98 к.

щей болѣе глубокой и удобной гаванью, въ которой суда могутъ причаливать непосредственно къ берегу. И тамъ уже хозяйничаютъ японцы. Они тамъ до войны держали гарнизонъ и основали городокъ въ 1.000 душъ съ консуломъ во главѣ. Конечно, тамъ сейчасъ же были устроены почта, телеграфъ и прочія культурныя удобства. Недалеко отъ этого японскаго мѣстечка находится большая корейская деревня въ 10.000 душъ.

До конца минувшаго столѣтія Фузанъ обладалъ монополіей внѣшней торговли, впрочемъ, очень ограниченной въ то время и связанной многими ограниченіями. Въ 1883 году были открыты для иностранцевъ еще добавочные порты: Чемульпо и Гензанъ; затѣмъ спустя 15 лѣтъ Мокъ-пхо и Чинамъ-пхо, наконецъ, въ 1899 году были открыты Мосамъ-пхо, Сіонъ-чіонъ и Кюнь-санъ ¹⁾.

Тогда-то благодаря своему положенію въ устьѣ судоходной рѣки Ханъ-ганъ, своей близости къ столицѣ, хорошему водному и сухопутному сообщенію съ Пинъ-яномъ, съ Кюнь-санемъ и съ ихъ плодородными и заселенными окрестностями,—выдвинулся и сталъ быстро расти Чемульпо. До того это была маленькая, захудалая корейская деревушка. Теперь тамъ краси-

¹⁾ Въ то же время открыты были для внѣшней торговли города Сеулъ, Пхіонъ-янъ (Пинъ-янъ) и деревня Янъ-гоа-чжинъ (около Сеула). Въ 1902 году Чинамъ-пхо посѣтило 885 парус. суд.; въ 16.767 тоннъ водоизмѣщеніемъ да 283 парохода въ 58.626 т. вод. Мокъ-пхо посѣтило 72 пар. суд. въ 3.839 т. вод. и 373 парохода въ 1 5.116 т. вод.; Кюнь-санъ—69 пар. суд. 1 492 т. в. и 167 парох. въ 35.775 т. в.; Мосамъ-пхо—62 пар. суд. 827 т. в. и 207 парох. въ 29.749 т. в.; Сіонъ-чинъ-пхо—9 пар. суд. въ 858 т. в. и 228 парох. въ 52. 527 т. вод.

вый городокъ съ 8.000 душъ постоянныхъ жителей. Большую часть населенія составляютъ японцы: затѣмъ есть 1.500 китайцевъ и сотня европейцевъ, главнымъ образомъ англичанъ, американцевъ, нѣмцевъ. Въ грязномъ, убогомъ корейскомъ пригородѣ, говорятъ, накапливается по временамъ до 15-ти тыс. матросовъ, лодочниковъ, носильщиковъ, мелкихъ торговцевъ и другой бѣдности. Иностранный кварталъ занимаетъ крутой, высокій прибрежный косогоръ. Бѣлыя зданія очень живописно скрываются въ зелени многочисленныхъ садовъ. Японская концессія устроена лучше всѣхъ. Тамъ можно купить все необходимое въ многочисленныхъ лавкахъ. Впрочемъ, китайцы дѣлаютъ теперь серьезную конкуренцію японцамъ. У послѣднихъ меньше наличныхъ денегъ и болѣе дорогой кредитъ, поэтому имъ приходится уступить въ оптовой торговлѣ богатымъ и ловкимъ китайскимъ купцамъ. Въ мелочной торговлѣ послѣднимъ удалось забрать въ свои руки торговлю огородными овощами и съѣстными припасами, доставляемыми на рынокъ корейскими крестьянами. Лучшая въ городѣ гостиница „Дай-бутсу“ принадлежитъ японцамъ; ихъ консульство тоже чуть ли не лучшее въ городѣ зданіе. Оно прячется въ глубинѣ сада, на вершинѣ горы, откуда открывается великолѣпный видъ на гавань, полную судовъ, на кругленькій островокъ „Rose Island“, отдѣляющій внутренній портъ отъ вѣшняго рейда, на блѣдно-голубой лиманъ р. Ханъ съ розовыми береговыми утесами.

Сама гавань довольно мелка; крупныя военныя и торговыя суда останавливаются очень далеко отъ берега. Во время моего пребыванія въ Чемульпо какъ

разъ пришелъ русскій броненосецъ съ двумя миноносками требовать у японскаго консула удовлетворенія по поводу драки, возникшей на японскомъ праздникѣ между русскими матросами и толпой горожанъ. Огромные корабли, покрашенные въ черный цвѣтъ, казались съ берега маленькими темными точками на лазоревомъ дискѣ залива.

Въ то время, когда представители обоихъ государствъ разбирали дѣло, въ корейской крѣпости на островѣ Кангъ-гоа гудѣли пушки для примѣрной стрѣльбы, и сизый дымъ носился надъ водою.

Бѣдняжки-корейцы увѣдомляли такимъ образомъ міръ о своемъ существованіи!

Несомнѣнно, что Чемульпо обязано своимъ торговымъ развитіемъ прежде всего также японцамъ, которые не только основали здѣсь городъ, но и поддерживаютъ связь его съ Сеуломъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ (45 килом.); они ¹⁾ построили въ Чемульпо пристань, открыли банкъ, учредили торговыя палаты, консульство, организовали почту, телеграфъ, торговыя агентства, пожарныя команды, полицейскій надзоръ и т. д. Въ настоящее время торговые обороты Чемульпо достигаютъ 9.000.000 руб. Посѣщаетъ этотъ портъ ежегодно до 1.000 судовъ, въ томъ числѣ 300 пароходовъ. Въ 1902 г. посѣтило портъ 451 парусныхъ судна и 533 парохода общей вмѣстимостью въ 305.395 тоннъ.

Несомнѣнно, что эти маленькіе японскіе островитяне—народъ дѣльный и что вездѣ на Востокъ они

¹⁾ Дорога эта была построена американцами, которые продали ее затѣмъ японцамъ.

вносятъ начала своей жизни. Китайцы и корейцы охотно подчиняются имъ, такъ какъ видятъ въ нихъ своихъ братьевъ. Къ тому же корейскіе купцы, косные, невѣжественные и небогатые, не въ состояніи еще теперь обходиться безъ чужой помощи.

Изъ открытыхъ для иностранной торговли портовъ въ одномъ Гензанѣ есть нѣчто вродѣ корейскаго купечества. Но и тамъ главными поставщиками и получателями товаровъ являются японцы ¹⁾. Предметами вывоза служатъ мѣдь, кожи, скоть, хлѣбъ и золото, добываемое туземцами въ сѣверныхъ нагорьяхъ. Лѣтомъ собирается въ Гензанѣ много рабочихъ судовъ, и посѣщаютъ портъ китобойные пароходы японскаго и русскаго обществъ. Въ корейскомъ городѣ круглый годъ, каждые пять дней, происходитъ ярмарка, на которую съѣзжаются толпами окрестные крестьяне. Славятся по всему полуострову гензанскія трубочки и гензанскіе пенъковые лапти.

Занимаетъ Гензанъ бухту на сѣверо-восточномъ берегу полуострова и принадлежитъ къ старѣйшимъ приморскимъ поселеніямъ Кореи. О немъ упоминается уже въ лѣтописяхъ XIV столѣтія. Изъ окрестностей Гензана (по - корейски — Уенъ-санъ) происходитъ извѣстный повелитель И-сіонъ-ге, основатель династіи

¹⁾ Японскій селтльментъ въ Гензанѣ состоитъ изъ 400 домовъ, въ которыхъ живетъ до 2.000 жителей (кромѣ войскъ). Въ Гензанѣ есть японское консульство, храмъ, школа, почта, телеграфъ, три аптеки, три больницы, полицейское управленіе, 230 лавокъ и много мастерскихъ. Посѣщаетъ портъ ежегодно около 250 судовъ, въ томъ числѣ до 200 пароходовъ. Торговые обороты Гензана достигаютъ 2.000.000 („Reports on the Trade of Corea for 1898 v“). Въ 1902 году Гензанъ посѣтило 86 парус. суд. и 325 парох. общей вмѣстимостью въ 160.311 тоннъ.

нынѣ царствующаго въ Корей дома. 12-ти-тысячное корейское селеніе представляетъ длинную улицу въ юго-западномъ углу бухты Іонъ-хынъ, болѣе глубокомъ и защищенномъ отъ вѣтровъ, чѣмъ середина бухты, занятая европейцами и японцами. Находящійся къ сѣверу отъ бухты портъ Лазарева хотя удобенъ, глубокъ и обширенъ, но зимою часто заносится льдами, приносимыми изъ Татарскаго пролива. Корейское селеніе застроено довольно плотно низенькими, невзрачными домами, которыхъ насчитываютъ до 3.000; его постройки и положеніе не выказываютъ особеннаго тяготѣнія жителей къ морскимъ промысламъ. Скорѣе производитъ оно впечатлѣніе большого и грязнаго постоянного двора. Въ лавочкахъ и балаганахъ продаютъ главнымъ образомъ сѣстное, табакъ, дорожную обувь, сбрую, вообще вещи, нѣжныя путешественникамъ, ямщикамъ, носильщикамъ. У каждаго почти дома, вмѣсто трактирной вывѣски, разставлена чайная и обѣденная посуда на откидномъ ставнѣ вродѣ прилавка. Тамъ можно поѣсть и переночевать. Въ глубинѣ дворовъ видны обширныя стойла, крытыя и некрытыя, съ высокими корытами для „заварихи“ изъ муки корнеплодовъ и соломенной окрошки, которую даютъ скоту горячей. По улицамъ проходятъ вереницей вьючныя лошади, мулы, волю... Въ Гензанѣ сходятся дороги, соединяющія восточный берегъ съ западнымъ, съ Сеуломъ, а также съ сѣверными городами, откуда привозятъ золото, дорогіе мѣха, женьшень и драгоцѣнные „панты“ ¹⁾. По селенію постоянно

¹⁾ Молодые оленьи рога, срѣзанные съ кровью и погруженные немедленно въ кипящій разсолъ. Китайцы приписываютъ имъ лѣчебныя свойства.

движется густая толпа конюховъ, крестьянъ, торговцевъ и особенно много носильщиковъ и корейскихъ коробейниковъ „пу-санъ“. Весь этотъ людъ смугль и грязень, но одѣтъ обязательно въ бѣлые длинные халаты и черную волосяную шляпу съ полями, сквозь ажурную тулью которой просвѣчиваетъ шиньонъ, свернутый на макушкѣ cadaго правовѣрнаго корейца. Разговариваютъ корейцы громко, но движутся тихо; частенько садятся кучкой на краю дороги, подъ стѣной дома или у лавочки, вынимаютъ свои крошечныя латунныя трубочки на длинныхъ чубукахъ, молча курятъ ихъ съ важностью. Большинство, если не всѣ жители Гензана, кормятся отъ торговли. Тѣмъ не менѣе я не видѣлъ въ гавани ни одной корейской купеческой „джонки“, тамъ стояли исключительно грубыя рыбацьи лодки.

Между тѣмъ Корея—страна моряковъ. Длина этого полуострова въ четыре раза превышаетъ его ширину въ самомъ широкомъ мѣстѣ; самый отдаленный отъ моря пунктъ его отстоитъ всего на семьдесятъ миль отъ берега. Было время, когда корейцы считались отличными моряками и ихъ флотъ былъ лучшимъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ 1593 году въ морскомъ сраженіи подъ Квельпартомъ они разбили на голову мощныхъ уже въ то время японцевъ, мечтавшихъ даже о завоеваніи Китая. Но послѣ этой именно кампаніи, которая тянулась шесть лѣтъ и ареной которой была несчастная Корея, уставшій, измученный, изстрадавшійся до крайности народъ рѣшилъ прервать всякія сношенія съ внѣшнимъ, алчнымъ міромъ. Торговля и всякія другія сношенія съ иностранцами были запрещены подъ страхомъ смертной казни; постройка кораблей и вообще

Фузанъ. Рыбаки.

мореходство были крайне ограничены, берега опустошены; жители прибрежных городов и деревень переведены внутрь материка; вдоль моря былъ устроенъ рядъ маяковъ, которые при помощи огней увѣдомляли властей ближайшихъ городовъ, а затѣмъ и столицу о приближеніи всякаго иностраннаго корабля. Тѣ, кто, несмотря на запрещеніе, рѣшались высаживаться на негостепріимные берега Кореи въ недостаточномъ числѣ и вооруженіи, подвергались немедленно нападенію. Такое положеніе продолжалось 400 лѣтъ. Еще въ 1866 году американское судно „General Sherman“, которое вошло безъ разрѣшенія въ устье рѣки Та-донъ-ганъ, исчезло безслѣдно вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ.

Пробужденіе отъ такого многолѣтняго сна довольно трудно. Путешественника, ѣдущаго на пароходѣ вдоль береговъ Кореи, поражаетъ прежде всего ихъ ужасная мертвенность. На безобразныхъ береговыхъ утесахъ не растетъ ничего, нѣтъ ни деревьевъ, ни даже кустовъ. Нигдѣ не замѣтно ни деревень, ни воздѣланныхъ полей; если они и есть, то прячутся робко въ разсѣлинахъ скалъ и въ глубокихъ закрытыхъ горами бухтахъ. Рѣдкія лодки съ желтыми парусами являются неожиданно и исчезаютъ незамѣтно среди крутыхъ береговъ, среди безчисленныхъ острововъ. Онѣ какъ бы пугаются встрѣчи съ человѣкомъ. Берега безлюдны, и только волны высоко вздымаются и набрасываются на материкъ, такъ какъ море корейское бурно,—лѣтомъ свирѣпствуютъ на немъ тайфуны, а зимою ледяные штормы.

Въ общей сложности открытыя для торговли гавани корейскихъ береговъ были посѣщены въ 1902 году 2.560 парус. судами вмѣстимостью въ 80.539 тоннъ и 2.902 пароходами вмѣстимостью въ 1.160.895 тоннъ. Огром-

ное большинство составляли японскія суда [1.516 джонковъ (парус. суд.) вмѣстимостью въ 61.123 тонны и 1.904 парохода вмѣстимостью въ 877.193 тонны] почтовые и пассажирскіе пароходы общества „Нипонъ-Юсень-Кайша“, „Осака-Шозень-Кайша“ и „Гори-Компани“ совершаютъ рейсы поочередно въ большинствѣ портовъ съ такимъ расчетомъ, чтобы пароходы попадали еженедѣльно въ каждый изъ трехъ главныхъ портовъ и каждая двѣ недѣли во второстепенные. Расписанія эти исполняются точно и неуклонно, подѣ наблюдениемъ японскаго правительства, которое субсидируетъ упомянутыя общества.

II. Тон-са, ма-фу и пхунъ.

— Запишите себѣ въ книжечку, запишите на всякій случай!—настаивали друзья, напутствуя меня всякими совѣтами.—*Мульле*—не понимаю, *ісо*—есть, *обса*—нѣтъ, *чосо*—хорошо, *пали-пали*—скорѣе, *ка*—прочъ, *напо*—скверно, *камаесо*—подожди, *тонь*—деньги, *сули*—водка, *мури*—вода, *пури*—огонь, *кера*—яйцо, *соо*—воля, *могаре*—ѣсть, *чансо*—пить, *сенгнія*—спички... Но прежде всего ругайтесь, ругайтесь и затѣмъ говорите на какомъ хотите діалектѣ!.. Поймутъ васъ обязательно!.. Они къ этому пріучены. Вообще корейцы очень способны, но догадливость и особенно — дѣятельность проявляютъ только послѣ чувствительной встряски!..

Я записалъ слова, постарался запомнить совѣты, но... тѣмъ не менѣе рѣшилъ во что бы то ни стало нанять переводчика.

Нелегко было найти въ Гензанѣ туземца, знающаго по-русски или по-англійски, который согласился бы за 2 рубля поденной платы сопутствовать мнѣ въ Сеулъ. Но еще труднѣе оказалось отыскать лошадей. Мы даже не подозрѣвали, что въ такой многолюдной корейской деревнѣ, живущей извозомъ, можетъ не оказаться вьючныхъ животныхъ. Я соглашался подъ ко-

нецъ даже взять воловъ, но все исчезло. Зато явились японцы, которые, словно тѣни, ходили за мной. Только на слѣдующій день, благодаря необыкновенно энергичнымъ поискамъ агента „Добровольнаго флота“ и угрозъ пожаловаться мѣстному кам-ни (портовому комиссару), намъ удалось вызвать „изъ небытія“ опять все того же оса-бана, дорожнаго маклера, который морочилъ насъ все время лживыми обѣщаніями. На этотъ разъ онъ торжественно поклялся, что за хорошія деньги онъ добудетъ намъ лошадей, которыя... дойдутъ, но не больше, какъ пару. Впрочемъ тон-са (переводчикъ) тутъ же согласился пройти весь путь пѣшкомъ за небольшую прибавку къ положенному жалованью.

— Ничего не подѣлаешь!.. Рѣшайтесь: ѣдете или не ѣдете? Подрядчики и извозчики во всей Корей составляютъ одну шайку. Одинъ другому ни за что не помѣшаетъ. Къ тому же, мнѣ кажется, что здѣсь какъ будто мутить кто-то третій... Дѣло, по-моему, нужно рѣшать сейчасъ,—братъ, что даютъ, а то черезъ часъ подуетъ другой вѣтеръ, а тогда и этого не получимъ... Не помогутъ ни задатки, ни договоры, которыхъ вообще корейцы не знаютъ и не соблюдаютъ. Въ своей поѣздкѣ вы можете быть увѣрены только тогда, когда вы сядете на лошадь... Совѣтую вамъ все-таки и плетку, и револьверъ держать подъ-рукой. Корейцы повинутся только силѣ...—поучалъ меня мой любезный хозяинъ.

Конечно, я немедленно согласился на всѣ предложенныя корейцами условія и приказалъ на слѣдующій день привести лошадей на разсвѣтъ.

Въ назначенный часъ я былъ совершенно готовъ

къ путешествію. Но пробило шесть, семь... девять, а лошадей все нѣтъ и нѣтъ... Мы посылали къ оса-баню гонца за гонцомъ, но все тщетно: посланные пропадали безслѣдно и безрезультатно. Обезпеченные, мы отправились лично въ корейскій кварталъ.

— Чуетъ сердце мое работу японцевъ. Навѣрно, телеграфировали въ Токио съ запросомъ, какъ имъ поступить въ этомъ случаѣ, и ждутъ теперь отвѣта. Въ сущности они здѣсь правители. Городомъ завѣдуетъ не кам-ни, а вотъ кто...—проворчалъ мой хозяинъ-агентъ и указалъ рукой на хорошенькій домикъ японскаго консульства, мимо котораго мы проходили.

— Власть ихъ я тутъ чувствую на каждомъ шагу. Повѣрите ли, что когда однажды они воспретили корейцамъ грузить на наши суда скотъ въ сосѣдней гавани, то ни одинъ рабочій не осмѣлился нарушить приказанія, и мы не нашли людей,—закончилъ онъ сердито.

Я пришелъ въ уныніе.

Къ большому нашему удивленію, мы на полпути встрѣтили всѣхъ нашихъ служителей, переводчика и ямщика съ двумя лошадьми.

— Ты почему такъ запоздалъ?.. Сказано было съ разсвѣтомъ!—напустился на послѣдняго агентъ.

— Лошади что-то долго ѣли... Въ дорогу должны были хорошо поѣсть... Затѣмъ пришелъ слуга, мы говорили... Затѣмъ пришелъ второй слуга... Стали ругаться... И такъ время прошло...

— Такой онъ нашъ ма-фу ¹⁾ (ямщикъ)! Лѣнливъ отъ рожденія! Я знаю его съ дѣтства... Ничего не подѣ-

¹⁾ Ма-фу, китайское слово, произносится по-корейски ма-пху.

лаешь... Такъ случилось,—пробоваль меня утѣшить тон-са.

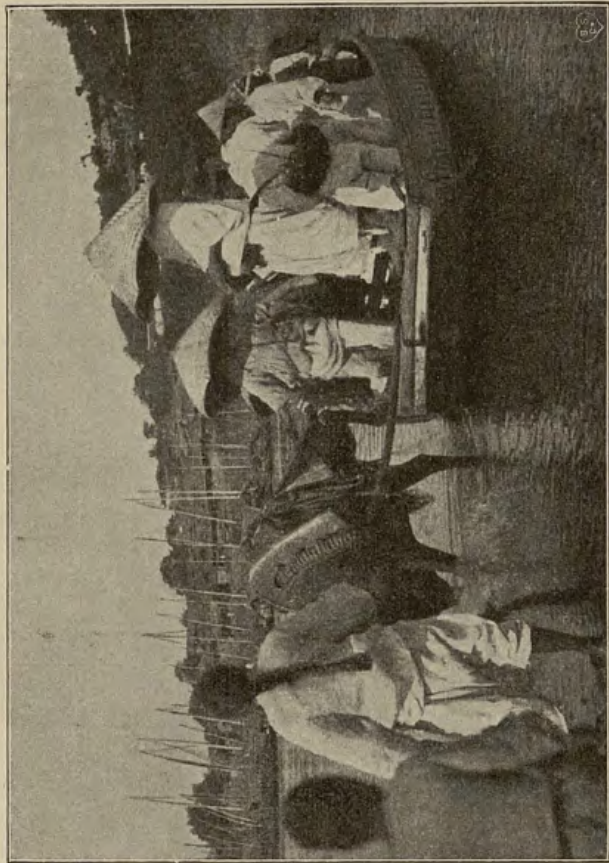
Я, дѣйствительно, повеселѣлъ; разсмѣшило меня это характерное корейское объясненіе. Ихъ отвѣты всегда заключаютъ въ себѣ нѣкоторое чрезвычайно простое положеніе, неопровержимое и забавное.

— Какъ ты смѣлъ уснуть вчера, когда тебѣ приказано было меня дожидаться!—спрашиваетъ слугу хозяинъ.

— Очень мнѣ спать захотѣлось, баринъ!—отвѣчаетъ тотъ тономъ, вполнѣ рассчитывающимъ на всеобщее сочувствіе.

— Вчера разбойники пробрались въ домъ къ богатому корейцу; тотъ сталъ кричать, сбѣжались сосѣди, пришла полиція, но ничего подѣлать не могла. У разбойниковъ оказались револьверы, и они могли кого-нибудь убить... Оставили ихъ... Вѣдь всякому жизнь милѣе денегъ...—разсказываль мнѣ совершенно серьезно присяжный гензанскій переводчикъ, ученикъ русской школы въ Сеулѣ.

Я думаль, что теперь мы немедленно отправимся въ путь. Не тутъ-то было! „Лѣнивый отъ рожденія“ ма-пху и не думаль торопиться. Оказалось, что у него нѣтъ верхового сѣдла. Онъ прехладнокровно привязаль лошадей къ рѣшеткѣ сада и отправился отыскивать его въ городъ... Слава Богу, что оставилъ хотя нѣкоторый залогъ! Между тѣмъ нанятый уже тон-са значительно похаживаль кругомъ меня. Наконецъ, онъ пробормоталь, что онъ сожалѣеть, что не можетъ отправиться со мною, такъ какъ... его отецъ неожиданно заболѣлъ. Обстоятельство это крайне насъ удивило, но поводъ былъ непоборимый. Поклоненіе предкамъ и горячая сыновняя любовь имѣеть въ Корей

Переправа на паромъ черезъ р. Хань-ганъ у деревни Юнъ-санъ.

значеніе религіозной заповѣди. Даже мой вспыльчивый хозяинъ въ первое время угрюмо замолчалъ.

— Вотъ мошенники! Вотъ негодяи! — вспыхнулъ онъ, наконецъ, удалясь къ себѣ въ комнату.

Тон-са продолжалъ стоять на верандѣ и внимательно наблюдать за мною. Я заподозрѣлъ по его виду какую-то новую „восточную“ игру и, сдерживая огорченіе, проговорилъ совершенно спокойно:

— Ну, что жъ; поѣду безъ переводчика... Гдѣ же ма-пху?

Присутствующіе, въ томъ числѣ и тон-са, побѣжали отыскивать ма-пху. Но вскорѣ тон-са вернулся въ сообществѣ красиваго, стройнаго корейца.

— Sir! — сказалъ тон-са мнѣ учтиво по-англійски. — Путь вашъ трудный и далекій, нехорошо вамъ будетъ безъ тон-са. Этотъ человѣкъ говоритъ по-англійски лучше, чѣмъ я...

— И требуетъ большаго вознагражденія, — окончилъ я.

— Ничуть. Онъ согласенъ пойти за ту же плату.

Я быстро и подозрительно взглянулъ на незнакомца; мой хозяинъ тоже вышелъ опять на крыльцо. Лѣвый усъ новаго переводчика чуть-чуть дрогнулъ подъ нашими испытующими взглядами, хотя вообще онъ держалъ себя весьма прилично. Его открытое, смѣлое лицо и ловкія солдатскія движенія понравились мнѣ.

— Я былъ раньше лодочникомъ у англійскаго агента. Теперь, послѣ его отъѣзда, я остался безъ работы, — сказалъ онъ намъ довольно внятно по-англійски.

— Какъ ваша фамилія? Есть ли у васъ жена, дѣти,

домъ и гдѣ они находятся?—быстро допрашивалъ его мой хозяинъ.

— Фамилія моя—Им-чаагири. Я женатъ, и есть у меня трое дѣтей. Живутъ они здѣсь, въ Гензанѣ.

Онъ называлъ улицу и домъ. Все это было немедленно записано въ составленное наскоро по-корейски условіе. Не понравилось мнѣ, что Им-чаагири отвертѣлся отъ подписи этого условія. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ его взять, такъ какъ сообразилъ, что разъ японцы или корейцы захотятъ устроить мнѣ западню, то они ее во всякомъ случаѣ устроятъ, и что тогда лучше, если будетъ извѣстенъ европейцамъ въ лицо хоть одинъ изъ ихъ соучастниковъ.

Новый тон-са держалъ себя все время спокойно и солидно. Спустя только нѣкоторое время онъ попросилъ у меня три доллара задатка.

— Столько отступного мнѣ необходимо уплатить прежнему тон-сѣ!—оправдывался онъ.

— Отступного?! Кто кому долженъ платить отступное? Что же его больной отецъ?

— Онъ уже поправился, — отвѣтилъ съ легкой усмѣшкой кореецъ.

Немного спустя мы замѣтили, что нашъ ма-пху стоитъ опять прехладнокровно, навалившись на садовую рѣшетку, и ничего не дѣлаетъ. Конечно, онъ не нашелъ сѣдла; впрочемъ, онъ не выказывалъ ни малѣйшаго смущенія по этому поводу. Дѣло въ томъ, что онъ тоже былъ въ траурѣ по родителямъ, носилъ небѣленное рубище и бамбуковую шляпу,—огромную, низко на спину и лицо опускающуюся корзину. Въ сердцѣ его, видимо, царила одна печаль и полное равнодушіе ко всѣмъ нашимъ требованіямъ. Въ Ко-

реѣ положительно можно возненавидѣть родственныя чувства!

Я осмотрѣлъ предложенное имъ мнѣ для верховой ѣзды *выючное* сѣдло. Это было топорное сооруженіе изъ двухъ толстыхъ досокъ, соединенныхъ двумя крѣпкими дугами. Выбора не предстояло, и я приказалъ наскоро подвязать къ нимъ ивовыя стремяна и покрыть спинку войлокомъ. Когда я затѣмъ взобрался на лошадь, мнѣ показалось, что я сижу верхомъ на крутомъ гребнѣ большой горы. Согласно своимъ обычаямъ, корейцы только въ самый послѣдній моментъ сказали мнѣ, что я долженъ запасться, между прочимъ, латунною мелкою монетой.

— Въ Гензанскомъ округѣ не берутъ никкелей... Никкель пойдетъ за переваломъ,—поучалъ насъ Имчаагири.

Ма-пху тоже потребовалъ уплаты половины заработка мѣдью. У него былъ въ этомъ какой-то свой расчетъ.

Корейскіе денежныя знаки всегда ярко отражали господствующія на полуостровѣ политическія теченія.

Корейцы хвастаются очень древнимъ и самостоятельнымъ изобрѣтеніемъ металлической монеты, но китайцы, которые не выносятъ, чтобы что-либо было изобрѣтено помимо нихъ, утверждаютъ, что металлическія деньги появились въ Корее только въ XIII столѣтіи нашей эры и что деньги эти, конечно, были китайскія ¹⁾. До того обращались въ Корее деньги бумажныя, вѣрнѣе картинныя, въ видѣ стрѣлы.

¹⁾Gardner, „Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society“. V. XXII № 2, p. 71, цитир. по изданію мин. фин. „Описаніе Кореи“, т. II, стр. 469.

Понятно, что рѣшить этотъ споръ въ настоящее время нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что китайскіе денежные знаки всегда вращались въ Корей. Въ XVII столѣтіи алчная манчжурская династія запретила даже корейцамъ выпускать собственную монету. Но корейскій король Сюкъ-цзонъ-цень въ XVIII столѣтіи пытался введеніемъ реформъ поднять погибавшую родину и, между прочимъ, ввелъ опять корейскую монету. Хаосъ, царствовавшій тогда во внутреннемъ управленіи Кореи, отразился и на денежной ея системѣ. Не только отдѣльныя провинціи, но даже разныя министерства и управленія, даже отдѣльныя лица (между прочимъ—начальникъ пяти кварталовъ г. Сеула) получили право на выпускъ собственныхъ денежныхъ знаковъ. Этотъ хаосъ продержался съ небольшими измѣненіями до половины прошлаго (XIX) столѣтія. Выпускъ денегъ часто отдавался въ откупъ барышникамъ, которые, конечно, злоупотребляли этимъ. Наконецъ, подъ вліяніемъ Японіи корейское правительство рѣшило переобразовать свою монетную систему на европейскій ладъ. Выпускъ денегъ былъ объявленъ монополіей государства. Въ 1884 г. въ Сеулѣ возникъ первый монетный дворъ, который, впрочемъ, по неизвѣстнымъ причинамъ бездѣйствовалъ съ самаго своего основанія. Только въ 1892 году стали корейцы чеканить свою монету подъ руководствомъ опять же японскихъ мастеровъ и при помощи выписанныхъ изъ Японіи матрицъ ¹⁾.

Корейская монета хуже японской, но подражаетъ

¹⁾ „Trade of Corea for the Year 1899“ (Diplomatic and Consular Reports) № 2511.; „The Independent“ August № 3, г. 1899, цитир. по „Описанію Кореи“, часть II, стр. 473.

ей до мелочей. Корейскій серебряный долларъ въ пять старинныхъ *янъ* (*лянъ* то же самое) равняется японскому *іенъ*; одинъ серебряный *янъ* отвѣчаетъ такой же японской монетѣ въ 20 *сенъ* (0,20 іена); никкелевая монета въ 25 (прежнихъ) *пхунъ* соотвѣтствуетъ никкелевой же японской монетѣ въ 5 *сенъ*, а мѣдные 5 *пхунъ* отвѣчаютъ одному мѣдному *сену*. Старинная монета китайскаго типа удержалась, однако, во многихъ мѣстностяхъ Кореи, а въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ въ Гензанѣ, даже преобладаетъ. Благодаря паденію ихъ курса ниже стоимости заключеннаго въ нихъ металла онѣ являются выгоднымъ товаромъ, охотно скупаются японскими торговцами и переплавляются въ слитки. Въ 1899 году вывезено черезъ одинъ Фузанъ этихъ денегъ на 450.000 іенъ.

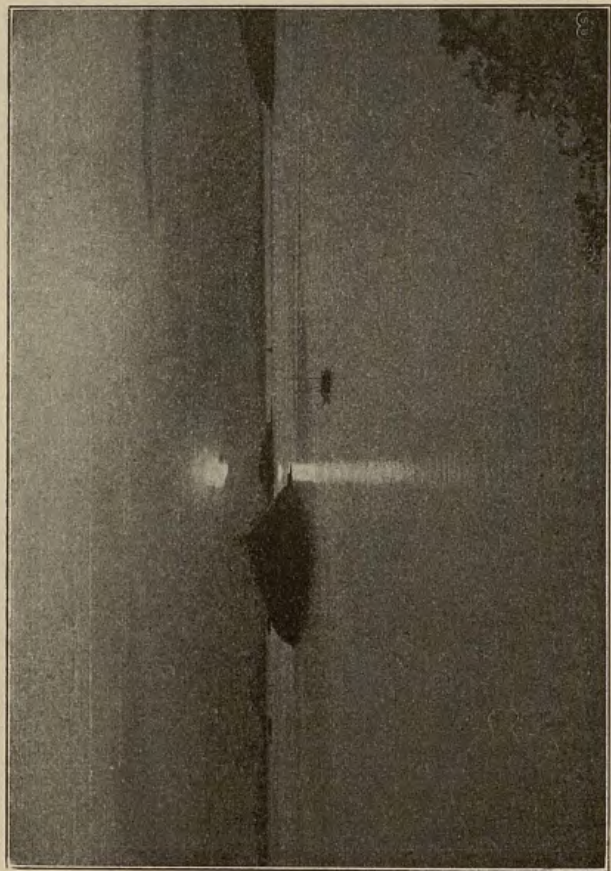
По обязательному курсу (номинально) одинъ іенъ (98 коп.) стоитъ 500 *пхунъ* (*чохъ*), каждый *пхунъ* вѣситъ 3,4 грамма. Нанизываютъ эти деньги корейцы по 100 шт. на веревочки; такая связка называется *янъ* (*лянъ*) и представляетъ излюбленную платежную единицу у корейцевъ. Десять *пхунъ* зовется *чжіонъ*.

На 20 рублей тон-са принесъ мнѣ цѣлую охапку этихъ *янъ*овъ и *чжіонъ*овъ. Тамъ оказалось болѣе 10.000 похожихъ на пуговицы латунныхъ монетъ, въ сложности вѣсомъ почти до 1½ пуда. Половину предстояло намъ взять съ собою въ дорогу, половину я съ удовольствіемъ отдалъ нашему ма-пху. И онъ остался этимъ тоже очень доволенъ, такъ какъ при перепродажѣ денегъ надѣялся выгадать по нѣскольку копѣекъ на рубль. Онъ немедленно нагрузилъ свою мощну себѣ на спину, и мы, наконецъ, двинулись въ путь. Мнѣ повезло: во время переѣзда черезъ корейскій Гензанъ

мы встрѣтили купца, отправляющагося съ расчетомъ къ своему патрону. Впереди него двигался цѣлый рядъ охающихъ носильщиковъ съ грузомъ *пхунъ* въ *тридцать рублей* каждый. *Сто* рублей этой монеты представляютъ кладъ на одну лошадь.

Таково китайское изобрѣтеніе! Оно очень неудобно для воровъ и путешественниковъ. Воры избѣгаютъ его, похищая исключительно цѣнные предметы и серебро; для удобства же путешественниковъ корейскіе трактирщики и содержатели постоянныхъ дворовъ придумали исходъ даже болѣе остроумный, чѣмъ знаменитыя куковскія чековые книжки. Всякій путникъ, уплатившій *въ началѣ* пути трактирщику, гдѣ онъ остановился, известную сумму денегъ, получаетъ отъ него квитанцію, которая вполнѣ замѣняетъ ему деньги. Послѣдующіе трактирщики только отмѣчаютъ на ней слѣдующее имъ съ путешественника вознагражденіе за квартиру, столъ или выданную на руки мелочь. Послѣдній трактирщикъ выплачиваетъ путнику лишекъ и удерживаетъ у себя квитанцію. Понятно, что все это возможно только благодаря великолѣпной и однородной во всей странѣ организаціи цеха трактирщиковъ.

Я не воспользовался этимъ облегченіемъ, такъ какъ я не зналъ еще, куда заброситъ меня судьба и не желалъ стѣснять себя въ выборѣ остановокъ и мѣста ночлега; я не вѣрилъ, къ тому же, чтобы дѣйствительно во всякой деревушкѣ существовали такіе трактирщики-банкиры. Впослѣдствіи я убѣдился, что это дѣйствительно такъ, но для сношеній съ ними нуженъ или очень испытанный переводчикъ, или знаніе корейской грамоты. Я, впрочемъ, жалѣлъ, что не довѣрился моему тон-са, такъ какъ это спасло бы меня отъ поддѣльной

Портъ въ Чемульпо нощю. Островокъ „Роза“, вдали мѣсто боя и гибели
„Варяга“ и „Корейца“.

монеты со много меньшимъ рискомъ на потери отъ его недобросовѣстности.

Фальшивая монета—бичъ Кореи. Въ Гензанѣ при размѣнѣ денегъ мнѣ всучили *половину* поддѣльныхъ. Въ одномъ Чемульпо въ 1902 году конфисковано, по Гамильтону, 3.573.138 фальшивыхъ монетъ на сумму 180.191 іень. Корейцы обвиняютъ въ поддѣлкѣ китайцевъ и японцевъ. Конечно, туземцы не способны такъ хорошо поддѣлать денежный штемпель, какъ это водится теперь. Зато корейское правительство чеканить монету все хуже и хуже и не сообразуется въ выпускѣ ея ни съ чѣмъ, кромѣ отсутствія наличности въ казначействѣ и, конечно, въ карманахъ прикосновенныхъ ему чиновниковъ.

Въ настоящее время вращается, напримѣръ, въ Корей никкелевой размѣнной монеты на 14.000.000 іень, хотя въ государственномъ казначействѣ нѣтъ совсѣмъ ни серебрянаго, ни золотого займа въ ихъ обезпеченіе, и номинальная стоимость монетъ много выше дѣйствительной.

III. Монастырь Сѡкъ-оанъ-са.

Официально существуетъ въ Корей три сорта дорогъ: 1) *большія*, окопанныя канавами, съ полотномъ въ 20—30 фут. шириною; 2) *среднія*, безъ канавъ, въ 8—10 ф. шириною; 3) пѣшеходныя *тропинки* ¹⁾.

Право, не знаю, къ какимъ слѣдовало причислить ту дорогу, по которой мы двинулись изъ Гензана. Вначалѣ это былъ дѣйствительно широкій, ровный трактъ, полный толпы движущихся, одѣтыхъ въ бѣлое, людей. Многіе ѣхали на ослахъ, мулахъ, лошадяхъ, быкахъ, даже коровахъ. Тяжело катились неуклюжіе двухколесные корейскіе возы, нагруженные снопами, дровами, овощами и всякимъ домашнимъ скарбомъ. На бурыхъ рисовыхъ, свѣже-сжатыхъ поляхъ по сторонамъ дороги сновали кучки бѣлыхъ жнецовъ и жницъ. Яркія красныя, голубыя или зеленыя „чангъ-отъ“ дѣвушекъ горѣли, точно макъ среди хлѣбовъ. А кругомъ далеко виднѣлись высокія изсѣра-синія горы.

Мы именно къ нимъ держали путь, къ блѣдному перевалу, изъ-за котораго поднималась далекая цѣпь болѣе темныхъ и высокихъ горъ. Лучи солнца, проры-

¹⁾ „Описаніе Кореи“, т. I, стр. 285.

ваясь сквозь склубившіяся на небѣ облака и минуя вершины утесовъ, пестрили долину причудливыми подвижными пятнами. Толпы бѣлыхъ путниковъ, серебристая нить рѣчки среди обнаженныхъ, бѣлесоватыхъ полей то ярко горѣли въ блескѣ свѣта, то меркли, покрытые тѣнями. Серединой долины бѣжалъ убогій однопроволочный корейскій телеграфъ.

Черезъ рѣчку, которую тон-са называлъ Тень-гуль, велъ горбатый мостикъ изъ жердей. Сбоку виднѣлся невысокій холмъ, поросшій соснякомъ. Наконецъ-то встрѣчаю нѣчто, предвѣщающее знаменитые корейскіе лѣса! У дороги стоитъ деревянный столбъ съ верхушкой въ видѣ уродливой маски. У нея длинный носъ, вытаращенные глаза и большіе оскаленные клыки. Нѣкогда столбъ былъ выкрашенъ въ красный цвѣтъ, но вѣтры и ливни смыли краску. Это—„цзанъ-сіонъ“, поверстный столбъ и въ то же время „стражъ дороги“, пугающій злыхъ демоновъ. Во времена оны, когда гензанская дорога была окопана канавой и ширина ея достигала предписанныхъ закономъ 30-ти футовъ, такіе столбы стояли вдоль нея черезъ каждые 10 ли ¹⁾ (пять верстъ). Нынѣ канавы сгладились, столбы исчезли, а мѣстами затерялась куда-то и самая дорога. Размыли ее дожди и наводненія, распахали жадные на землю корейцы. У одного размыва мы долго блуждали среди рисовыхъ полей, пробираясь по высокимъ межамъ, пока опять не наткнулись на дорогу, неожиданно вынырнувшую изъ быстрого потока. Оказывается, что послѣ какой-то грозы каналъ для орошенія полей избралъ себѣ лож-

¹⁾ Нѣкоторые говорятъ „и“ или „ни“; мѣра и названіе ея китайскаго происхожденія.

биной полотно дороги. Благодаря этому намъ пришлось свернуть много въ сторону, пробираться по задворкамъ какой-то деревушки, мимо клекчущей надъ водой мельнички и рощицы великолѣпныхъ сладкихъ каштановъ.

Начался подъемъ. Долина суживается. Опять виденъ впереди рядъ сѣрыхъ лачугъ, построенныхъ кое-какъ изъ соломы и ила. Немного дальше на косогорѣ такая же деревушка. Зовется она Пхабальба, что значитъ „почтовая станція“.

— Старинная почтовая станція, — толковалъ мнѣ тон-са. — Теперь другія. Раньше вся почтовая служба получала въ вознагражденіе землю. Въ такой почтовой деревнѣ проживали одни ямщики да курьеры-пѣшеходы. Они обязаны были содержать почтовыхъ лошадей. Возили они только чиновниковъ да правительственныя бумаги. Никто безъ особаго мѣднаго знака съ печатью не могъ получить подводъ. Восемь лѣтъ тому назадъ все это отмѣнено. Теперь всякій можетъ брать лошадей, но никто не беретъ, потому что плата большая. Зато письма дешево стоятъ, и та же марка полагается безразлично, далеко ли идетъ письмо, или близко...

Въ Пхабальба мы остановились, чтобы накормить лошадей и самимъ подкрѣпиться. До Сѣкъ-оанъ-са осталось еще пройти 50 ли (25 верстъ). Не попадемъ туда раньше ночи. Бывшая станція имѣла очень жалкій видъ; ея строенія похожи были на развалины сараевъ и конюшенъ; жители показались мнѣ крайне грязными и оборванными. Среди толпы окружившихъ насъ немедленно дѣтей я замѣтилъ даже дѣвочекъ-подростковъ, одѣтыхъ исключительно... въ серыи. О мальчикахъ не говорю. Большинство ихъ гуляло нагишемъ.

Между тѣмъ холодный, пронизывающій вѣтеръ дулъ съ горь...

Я потребовалъ яицъ.

— Обса (нѣтъ)!

Тогда я потребовалъ риса.

— Тоже: обса.

— Чтѣ же вы ѣдите?

— Сейчасъ будетъ,—успокаивалъ меня тон-са.

Черная, какъ нечищенный сапогъ, неумытая хозяйка, съ голыми обвисшими грудями, побѣжала къ сосѣдямъ спасать честь своего заведенія. Спустя нѣкоторое время мнѣ были преподнесены на маленькомъ блюдечкѣ три варенныхъ яйца. Но каждое изъ нихъ отъ самаго легкаго прикосновенія ложечкой лопнуло съ такимъ взрывомъ, точно они были начинены японской „шимозе“. Я немедленно отдалъ ихъ ма-пху, удивленному моимъ отказомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованному неожиданному подарку. Принесли чайникъ съ кипяткомъ; онъ оказался хуже, чѣмъ бываетъ даже знаменитый „даровой“ на Сибирской желѣзной дорогѣ. Предполагаю, что именно въ немъ-то и были сварены тѣ три яйца, отъ которыхъ я отказался. Такъ какъ чай былъ моимъ единственнымъ пищевымъ ресурсомъ, то я выказалъ большое огорченіе, но отъ кипятка отказался. Тогда самъ великолѣпный тон-са пошелъ кипятить воду.

Кучка бородатыхъ, серьезныхъ корейцевъ подошла къ намъ, усѣлась на корточкахъ среди улицы, стала внимательно наблюдать за нами. Они высказывали безцеремонно вслухъ свои замѣчанія, сплевывая аккуратно и покуривая свои маленькія латунныя трубочки. То обстоятельство, что я далъ дѣтямъ немного сахара, расположило ихъ, видимо, въ мою пользу и придало

имъ смѣлости. Они подсѣли поближе и принялись трогать пальцами наши дорожные вещи, оцупывать мое пальто, спрашивая у тон-са, что это такое,—кожа или войлокъ.

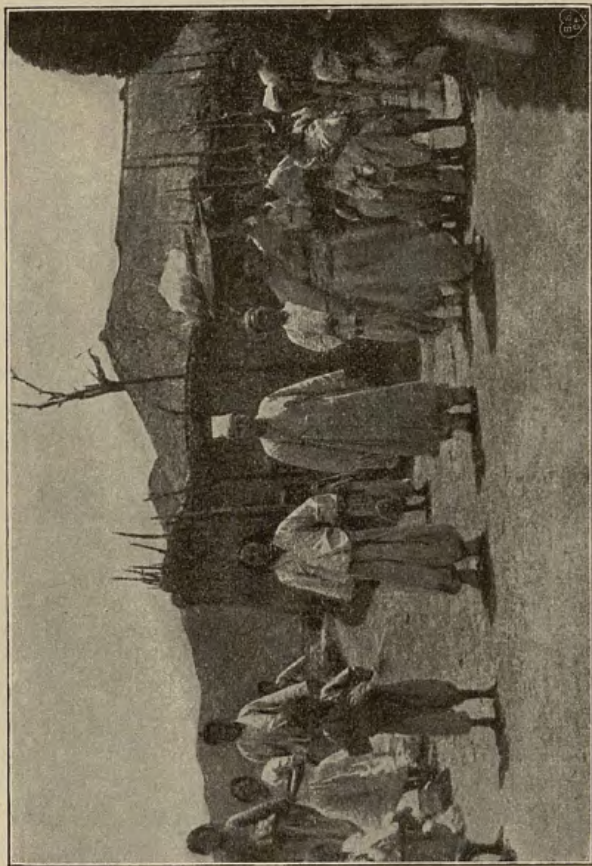
Сознаюсь, что это первое посѣщеніе корейской деревни меня немного обезпокоило. Дѣло въ томъ, что ради легкости передвиженія я совсѣмъ не запасся провизіей, рассчитывая на туземный рисъ.

— Здѣсь никто не останавливается. Всѣ проѣзжаютъ прямо въ Ань-бюнъ. И мы бы тоже не остановились, если бы выѣхали пораньше изъ Гензана,—утѣшаль меня тон-са.

Переваль Тан-са-коге ¹⁾ невысокъ и отлогъ со стороны Гензана. Кругомъ сѣдловины поднимаются округлыя вершины горъ, поросшія дубнякомъ и кустовидной сосной. На высшей точкѣ перевала стоитъ каменный алтарь.—груда булыжника, напоминающая монгольскія „обо“. На суковатомъ деревѣ висятъ приношенія прохожихъ—полоски цвѣтной матеріи, нитки, веревочки, волоса, бумажки, старые изношенные лапти и т. п. Тон-са назвалъ его *джида*. Алтарь вмѣстѣ съ деревомъ посвященъ духу мѣста, въ настоящемъ случаѣ—духу перевала.

Несомнѣнно, шаманизмъ былъ и остался одной изъ самыхъ распространенныхъ и основныхъ религіозныхъ системъ Азіи. На полный его расцвѣтъ, или его остатки я натыкался вездѣ, начиная отъ Каспія до Сахалина и отъ береговъ Ледовитаго океана до Японскаго архипелага включительно. Поражаетъ его тождество всюду, даже въ мелочахъ. Вездѣ онъ является результатомъ

¹⁾ Коге—переваль.

Деревня въ окрестностяхъ Гензана.

той же логики первобытнаго ума, готовящагося къ борьбѣ съ судьбой и природой, вездѣ въ основѣ его лежитъ понятіе о жертвѣ и искупленіи.

Южный склонъ перевала Тан-са-коге крутъ, но съ вершины его нѣтъ вида, такъ какъ горы окружаютъ со всѣхъ сторонъ лощину. Только когда мы спустились пониже, передъ нами развернулся просторный воздушный ландшафтъ. Блестящая струя рѣки пересѣкала обширную, волнистую, изсѣра-рыжую долину, испещренную темными рощами, усѣянную дымящимися деревнями. Небо-склонъ закрывала мощная, высокая стѣна темно-синихъ горъ, съ красноватыми прожилками и пятнами. Это и были Алмазныя горы (Кымъ-ганъ-санъ),—первая цѣль нашего путешествія. Въ ихъ складкѣ высоко у гребня пріютился буддійскій монастырь Сѡкъ-оанъ-са.

Меня пугали въ Гензанѣ, что на пути въ этотъ монастырь находится трудный переходъ по узкому, скалистому карнизу высоко надъ рѣкою, по которому можетъ пробраться только... праведникъ. Но я нигдѣ не встрѣтилъ такихъ скалистыхъ утесовъ. Вездѣ видѣлись округлыя, копновидныя сопки, напоминающія горы Забайкалья.

Телеграфныя столбы и большая дорога свернули вправо, а мы повернули налѣво, на западъ. Артель гензанскихъ крестьянъ, отправлявшаяся въ Сеулъ на заработки и взбиравшаяся вмѣстѣ съ нами на перевалъ, вѣжливо распрощалась съ нами, прижимая руки къ груди. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „Good bay“, а другой: „Прощай“; оба, оказалось, бывали во Владивостокѣ.

Отъ перевала мы поѣхали узкой тропинкой вдоль крутого берега рѣчки Намъ-санъ вверхъ по теченію.

Быстрая, извилистая рѣчушка съ шумомъ бѣжала среди песчаныхъ мелей и каменистыхъ стрѣлокъ. Правый, противоположный берегъ ея былъ отлогъ, лѣвый, по которому ѣхали мы,—крутъ. Мѣстами наша тропинка исчезала въ провалахъ подмытой водою глинистой почвы. Тогда мы въ обходъ ихъ взбирались на сосѣднія горы, каменистые склоны которыхъ чуть были покрыты тонкими слоями песку, глины и растительнаго перегноя. Тамъ и сямъ росли въ разбросъ кусты и травы. На бугрѣ у дороги стояла маленькая открытая часовенка съ рогатой крышей и съ боковыми, вѣровидными навѣсами, похожими на нащечники древняго японскаго шлема. Внутри деревянной рѣшетки подъ кровлей стоялъ каменный столбъ, исцѣренный китайскими „дзырями“. По всей вѣроятности, родня и сторонники какого-нибудь администратора увѣковѣчили такимъ образомъ его сомнительныя заслуги.

Опять мы оставляемъ торную дорогу, которая поворачиваетъ на рѣку, на червеобразный, горбатый мостикъ на тоненькихъ ножкахъ. Мы пробираемся дальше, влѣво, уже по чуть замѣтной тропинкѣ. Изъ-за горныхъ складокъ появляются неожиданно черные утесы. Красныя и желтыя выюціяся лозы спускаются тамъ и сямъ по скалистымъ изломамъ. За утесами синѣетъ солнечное, прояснившееся небо. Внизу бурлитъ Намъ-санъ. Въ руслѣ ея исчезли мели, ихъ замѣнили огромныя глыбы покрытыхъ мохомъ валуновъ. Тропинка поднимается вверхъ и вдругъ превращается въ узкій скалистый карнизъ. А!.. Вотъ она дорога праведниковъ! Маленькія корейскія лошадки карабкаются вверхъ по уступамъ точно по лѣстницѣ. Онѣ все нюхаютъ камни впереди, раньше чѣмъ поставятъ на нихъ свои малень-

кія, крѣпкія копыта. Я то и дѣло задѣваю колѣнями или шляпой за нависшіе сбоку выступы скалы. Чувствую, что слѣдовало бы слѣзть съ лошади, но сдѣлать этого невозможно по недостатку мѣста. Сижу смиреннѣе, отпустивши поводья и всецѣло довѣрившись инстинкту и навыку лошади. Внизу бурлитъ рѣка. Косые лучи солнца горятъ радугой на взлетающихъ вверхъ брызгахъ водяной пыли и пѣны. Наконецъ, мы взобрались на высшую точку, на маленькій уступъ утеса, откуда начинается спускъ. Я невольно начинаю кричать во всю мочь на ма-пху, идущаго впереди съ вьючною лошадыю. Онъ не слышитъ меня отъ грохота волнъ и оглядывается черезчуръ поздно. Лошадь моя уже сползаетъ на животъ по грудамъ безпорядочно набросанныхъ обваловъ, она вьется подо мною, точно ящерица, и точно кошка все пробуетъ впереди себя утесы ногою. Мои ступни болтаются гдѣ-то около ея ушей. Малѣйшая неловкость въ движеніяхъ,—и мы оба покатимся внизъ, въ водоворотъ.

— Твердый вы, sir, человекъ. Здѣсь никто верхомъ не ѣздитъ!..—похвалилъ меня тон-са, когда мы, наконецъ, очутились у подошвы утеса.

— О, да! Надѣюсь, что всевидящій Будда проситъ мнѣ всѣ мои прегрѣшенія. Почему это вы не предупредили меня, чтобы я сошелъ съ лошади?

Тон-са задумчиво пощупалъ подбородокъ, затѣмъ принялся въ чемъ-то сердито упрекать ма-пху. Тотъ защищался. Оказалось, что существуетъ другой путь, много удобнѣе. На мгновеніе охватываетъ меня непріятное сознаніе, что для этихъ совершенно чуждыхъ мнѣ людей мое паденіе въ пропасть явилось бы вы-

годнымъ дѣломъ: у нихъ осталось бы другая лошадь съ моими вещами и деньгами.

— Тѣмъ путемъ много дальше. Мы едва въ полночь попали бы въ монастырь,—оправдывался спокойно ма-пху.

Впереди насъ опять широкая долина. Посрединѣ ея дремлетъ въ блѣдныхъ лучахъ солнца сѣрая корейская деревня. Позади нея полумѣсяцемъ развернулась невысокая гряда холмовъ съ рядомъ одинокихъ сосенъ на гребнѣ. Въ Японіи я бы подумалъ, что деревья эти посажены тамъ нарочно, ради красоты. Впрочемъ, и здѣсь въ расположеніи рощъ, въ заботливости о деревьяхъ замѣтно было вліяніе буддійскихъ садовниковъ. Сѣрыя соломенные крыши деревенскихъ хижинъ утопали вездѣ въ зелени. Впереди вся деревня исчезла за густой ровной стѣной кустовъ и деревьевъ. Ильмы, дубы, ивы, сосны, японскій кипарисъ сплетались въ чудный узоръ черныхъ вѣтвей, золотыхъ и красныхъ осеннихъ листьевъ, пронизанныхъ воздухомъ и свѣтомъ. Шпалеры поворачивали вдоль дороги и круто обрывались у рѣки, надъ которой постукивали и брызгали пѣной многочисленныя, накрытыя тростниковыми колпаками, рисодерки. Это были большія корыта, качавшіяся на оси на краю обрыва, какъ коромысло. Струя воды, льющаяся непрерывно по деревянному лотку, наполняла корыто, и оно перевѣшивало своей тяжестью длинный деревянный рычагъ. Затѣмъ вода выливалась, рычагъ въ свою очередь перевѣшивалъ корыто и съ силой ударялъ своимъ клювомъ въ ступу полную зерна. И такъ разъ за разомъ, и день и ночь напролетъ, все летятъ брызги пѣны у рыжихъ, вихрастыхъ навѣсовъ, пока не соскочитъ крѣпкая шелуха съ жемчужныхъ

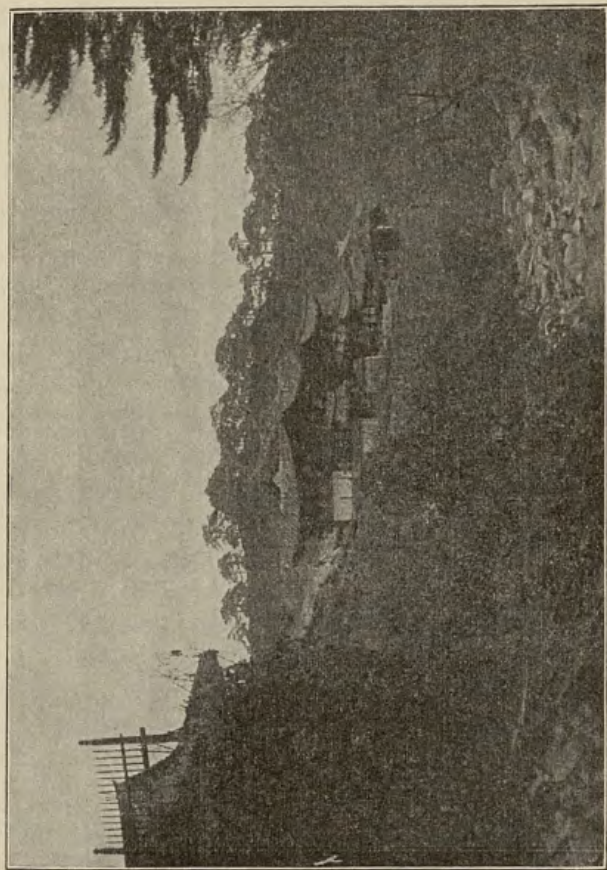
зеренъ драгоцѣннаго риса. По горбатому, тщедушному мостику изъ хвороста и земли мы переѣзжаемъ рѣчку и вступаемъ въ рощу гигантскихъ сладкихъ каштановъ. Толпа дѣтей, которыя бѣжали наискось къ намъ изъ деревни, останавливается у воды и о чемъ-то совѣщается. Минуемъ рощу и по откосу спускаемся къ болотистымъ рисовымъ полямъ, раздѣленнымъ на квадраты узкими межами. Прорѣзываетъ ихъ хорошая торная дорога, въ видѣ высокой гати. Вездѣ видны порядокъ и зажиточность. Недалеко въ перелѣскѣ спрячутся хорошенькіе домики съ вздернутыми китайскими крышами изъ трубчатой черепицы.

Мы находимся теперь у подножія круто поднимающагося мощнаго хребта. Подъемъ стерегутъ два столба, вышиною сажень въ десять, украшенные рѣзными изображеніями все тѣхъ же ужасныхъ лицъ съ вытаращенными глазами и оскаленными зубами. Ъдемъ довольно рѣдкимъ лѣсомъ, огибаемъ корявыя скалы и поворачиваемъ къ вершинѣ горы, виднѣющейся сквозь рѣдкія вѣтви деревьевъ. Широкая, ровная дорога плавно поднимается въ гору. Опять минуемъ ворота въ видѣ большой китайской четырехугольной бесѣдки на восьми столбахъ. Недалеко оттуда въ маленькой лощинкѣ расположилось кладбище, съ поставленными отвѣсно, по-японски, камнями съ надписями. У дороги скалы мѣстами гладко стесаны и покрыты глубоко-мысленными изреченіями, красиво высѣченными въ камнѣ. Опять ворота. Дорога спускается внизъ въ небольшой логъ. Вечерѣтъ. Туманъ спускается клубами внизъ и наполняетъ своимъ сырымъ дыханьемъ прелестный полулиственный, полухвойный лѣсъ. Есть тутъ и черныя громадныя сосны, и величественный япон-

скій кипарисъ (хиноки), и золотистыя ивы, липы, ясени, и оголенные уже листопадомъ нѣжныя ильмы... Громадные, коренастые сладкіе каштаны съ чуть покраснѣвшими листьями утопаютъ во мглѣ и мракѣ; мощные дубы простираютъ далеко свои крѣпкія, узловатыя вѣтви съ мѣдно-красной листвою. Все это вырастаетъ изъ тьмы и вьется высоко въ туманно-цвѣтныхъ просвѣтахъ зари, точно нѣжный дымчатый рисунокъ. Японскій хмѣль причудливо обволакиваетъ пни деревьевъ и кусты; черныя ліаны лимоннаго дерева перебрасываютъ свои висячіе мосты отъ вершины къ вершинѣ. Длинные колючки и рогатые листья „чертова дерева“ пронизываютъ мягкую ткань мелколистыхъ кленовъ, дикой вишни, сливъ, шиповника и малины... Все тихо горитъ свѣтлыми осенними красками въ сумеркахъ, точно пламя, пробивающееся сквозь дымъ.

О да, красивы корейскіе лѣса! Жаль только, что ихъ мало!..

Сумерки густѣютъ. Свѣтъ зари озаряетъ алыми полосами только вершины деревьевъ и горъ. Долина суживается, дорога круто взбирается въ гору краемъ яра, гдѣ въ непроницаемой тьмѣ звучно бурлитъ ручей. Проѣзжаемъ на ту сторону пропасти по прекрасному каменному сводчатому мосту, покрытому красивою китайскою кровлей. Въ блѣдномъ пролетѣ длинной улицы, надъ которой повисъ темный сводъ древесныхъ вѣтвей, искрится крошечный огонекъ. Немного спустя мы останавливаемся передъ черною высокою стѣной, запертою большими стрѣльчатыми воротами. На стукъ копытъ нашихъ лошадей и зовъ проводника изъ какого-то отверстія высовывается бритая голова монаха. Происходитъ обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ, послѣ чего за-

Монастырь Сёктё-сангъ-са, въ Алмазныхъ горахъ.

творы раздвигаются съ рѣзкимъ скрипомъ. Мы вступаемъ подъ высокій просторный сводъ, гдѣ стоитъ непроглядный мракъ. Въ глубинѣ двора мелькаетъ свѣтъ, красныя его вспышки пробѣгаютъ по сѣрымъ стѣнамъ и каменной мостовой. Тамъ движутся бѣлыя фигуры корейцевъ. Ворота съ ржавымъ визгомъ опять закрываются за нами. Въ то же время въ углубленіяхъ большихъ гранитныхъ глыбъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ широкой каменной лѣстницы, вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ небольшіе костры смолистыхъ щепокъ. Клубы рыжаго дыма вьются надъ кострами и разстилаются по двору, окруженному высокой стѣной. Мы поднимаемся вверхъ по ступенямъ на крыльцо, надъ которымъ на толстыхъ многочисленныхъ колоннахъ покоится тяжелая китайская кровля. Тамъ на обширной площадкѣ ночуютъ лѣтомъ богомольцы. Для меня, впрочемъ, бритый монахъ въ сѣромъ балахонѣ раздвигаетъ любезно створки маленькой комнатки, оклеенной желтоватой, какъ пергаментъ, бумагой. Комнатка чистенькая, но очень скромно обставленная и напоминаетъ дешевыя корейскія коробки. Монахъ зажигаетъ свѣчку въ высокомъ желѣзномъ подсвѣчникѣ. Другой монахъ приноситъ маленькій, лаковый столикъ. Между тѣмъ ма-пху при помощи монастырскихъ рабочихъ развьючиваетъ лошадей. Тон-са вынимаетъ старательно изъ дорожныхъ мѣшковъ посуду, платье, постель и раскладываетъ ихъ въ порядкѣ. Во дворѣ шепчутся люди, и блѣдныя фигуры людей движутся тамъ въ блескѣ мерцающаго свѣта. Является, наконецъ, на широкой лѣстницѣ цѣлая группа лицъ. Впереди, посрединѣ, выступаетъ почтенный жрецъ въ желтой шелковой хламидѣ, похожей на рясу; въ рукахъ у него

четки, а на головѣ желтый рогатый колпакъ; сопровождаютъ его два монаха въ бѣлыхъ рясахъ, съ бритыми непокрытыми головами. У каждаго въ рукахъ по большой серебряной чашѣ. Войдя, они поставили чаши передо мной на низенькомъ столикѣ, поклонились и попятились къ дверямъ, гдѣ присѣли за порогомъ на корточкахъ. Рядомъ со мною усѣлся только почтенный жрецъ и поздоровался со мною низкимъ поклономъ, съ руками, прижатыми ко лбу.

— Здравствуй, иностранецъ! Но раньше, чѣмъ станемъ разговаривать, прошу тебя, подкрѣпи свои силы нашимъ напиткомъ.

— Вы попробуйте... Это вкусно... Здѣсь всегда такъ,— добавилъ отъ себя тон-са, окончивши переводъ поздравленія. Я отвѣтилъ не менѣе длинной любезностью и понесъ чашу ко рту. Тамъ оказалась теплая вода съ съ великолѣпнымъ душистымъ медомъ, родъ сбитня, который я послѣ восьмичасового непрерывнаго пути выпилъ, сознаюсь, залпомъ и съ большимъ удовольствіемъ. Окружающіе отнеслись очень одобрительно къ моему поведенію. Затѣмъ настоятель сталъ спрашивать меня, кто я, откуда, куда ѣду и зачѣмъ. Появилась большая книга въ кожаномъ переплетѣ, въ которую заносились фамиліи гостей. Среди безчисленнаго количества корейскихъ, китайскихъ и японскихъ подписей нашелъ я и нѣсколько страницъ съ европейскими именами. Преобладали англійскія, затѣмъ было нѣсколько итальянскихъ, нѣсколько нѣмецкихъ и русскихъ фамилій. Среди англійскихъ я нашелъ безъ труда „Georg N. Curzon“ M. P. London, 9 oktob. 1892 y. *Seul spring rice*,—подпись нынѣшняго вице-короля Индіи, автора книги „Problems of the Far East“, гдѣ онъ между

прочимъ, описываетъ свою поѣздку по Корей и въ Сѣкъ-оанъ-са.

Нѣкоторое время мы разговаривали съ монахами о далекихъ странахъ Запада, о правителяхъ и народахъ, объ ихъ различныхъ нравахъ и вѣрованіяхъ, затѣмъ мои собесѣдники низко мнѣ поклонились и старшій монахъ сказалъ по-японски: Комбава! (спокойной ночи).

И всѣ они удалились, важно ступая по каменной лѣстницѣ, съ четками, надѣтыми на кисти рукъ. Немедленно затѣмъ былъ поданъ мнѣ ужинъ, состоявшій изъ бѣлаго отборнаго риса, соленой рѣдьки, брюквы, капусты, подправленныхъ жгучимъ соусомъ изъ турецкаго перца. Конечно, ничего мяснаго; не было даже рыбы и яицъ, какъ подобаетъ у правовѣрныхъ буддистовъ. Изъ всѣхъ блюдъ больше всего понравились мнѣ сладкія лепешечки изъ меда съ лѣсными орѣхами.

Костры во дворѣ потухали. При ихъ вспышкахъ я замѣтилъ, какъ ма-пху повелъ лошадей въ конюшню, какъ оттуда прошелъ въ обществѣ монастырскихъ рабочихъ и послушниковъ въ людскую. Тон-са пожелалъ мнѣ спокойной ночи и тоже исчезъ въ сосѣдней комнатѣ.

Я dokonчилъ свои замѣтки и вытянулся съ удовольствіемъ на своей дорожной кошмѣ, на чистомъ полу, подогрѣтомъ снизу дымовыми ходами. Сквозь бумажныя раздвижныя двери доносился со двора шумъ гуляющаго по лѣсу вѣтра, рокотъ вздущагося потока и дробь осенняго ливня на каменной мостовой,—вещь обычная въ это время года въ горахъ.

IV. Нѣсколько словъ о религіи корейцевъ.

Корейскій полуостровъ съ незапамятныхъ временъ служилъ убѣжищемъ для островитянъ Индійскаго океана, вытѣсненныхъ изъ своихъ южныхъ осѣдлостей. Съ другой стороны, по этому полуострову двигались азіатскіе кочевники, стремившіеся искони изъ холоднаго сѣвера въ сказочныя страны, гдѣ нѣтъ зимы и гдѣ на деревьяхъ зрѣютъ золотые плоды Земного Рая. Хэльбертъ ¹⁾ доказываетъ, что въ историческія уже времена въ южной Корей жили малайцы, въ то время какъ сѣверную заселяли племена тунгузскаго и монгольскаго происхожденія. Китайскіе источники описываютъ эти народы, какъ варваровъ, стоявшихъ на очень низкой ступени развитія, жившихъ въ пещерахъ, не знавшихъ ни огня (?!), ни земледѣлія, поклонявшихся небу, утренней звѣздѣ, тигру, духамъ воздуха, воды, горъ, земли, почитавшихъ души покойниковъ и подносившихъ имъ пищу для поддержанія ихъ загробнаго существованія ²⁾.

По этимъ признакамъ слѣдуетъ заключить, что пле-

¹⁾ The Korean Repository, 1895, p. 219—225.

²⁾ Griffis. „Corea, the Hermit Nation“, p. 326.

мена эти исповѣдывали анимизмъ; по тому же обстоятельству, что они были организованы въ родовыя группы, надо полагать, что культъ ихъ выражался въ шаманствѣ,—преимущественно культъ родового строя. Оставшееся послѣ нихъ и существующее до настоящаго времени наслѣдіе вполне подтверждаетъ это предположеніе.

Несмотря на вліяніе буддизма и конфуціанства, уже съ V столѣтія нынѣшней эры провозглашенныхъ послѣдовательно государственными вѣроисповѣданіями Кореи, простой корейскій народъ и посейчасъ придерживается шаманства. Шаманизмъ проникнулъ даже въ священныя книги, храмы и церемоніи оффиціальныхъ религій, явившихся изъ Китая въ полномъ ихъ расцвѣтѣ. Онъ не повліялъ на нихъ настолько сильно, какъ въ Монголіи и Тибетѣ, гдѣ глубокая философія Сакія-Муни превратилась въ грубо-языческій ламаизмъ, тѣмъ не менѣе позаимствованія у шаманскихъ камланій были включены во многіе обряды буддизма, признаны даже конфуціанствомъ и оставили явные слѣды въ священныхъ картинахъ, изображеніяхъ боговъ и героевъ и жертвахъ имъ.

Дороги Кореи устѣяны жертвенниками, истуканами и священными деревьями. Чаще всего попадаются „Сонъ-хоанъ-данъ“—алтари святому верховному владыкѣ ¹⁾).

¹⁾ „Хоанъ“ относится къ китайскому императору и несомнѣнно китайскаго происхожденія: „Хуанъ-де“ то же самое „Хоанъ-ди“—государь (китайскій императоръ); „нимгыми“ или „нараи“—корейскій король. Мой тон-са называлъ эти алтари „сонъ-хоанъ-тангъ“, но я вездѣ въ этой книгѣ буду придерживаться по возможности правописанія, предложеннаго въ изданіи министерства финансовъ „Описаніе Кореи“, часть III, стр. 160.

Это—кучи камней, сложенные подъ старыми деревьями или въ рощицѣ и очень похожія на монгольскія „обо“. На нихъ нѣтъ обыкновенно ни истукана, ни картинъ. Бумажки, тряпочки, веревочки, мѣшечки съ рисомъ, старыя шляпы, истоптанные лапти висятъ вблизи на вѣтвяхъ въ большомъ количествѣ, свидѣтельствуя о набожности прохожихъ. Иногда рядомъ помѣщаются крошечныя, убогія часовеньки, воздвигнутыя въ честь полезныхъ животныхъ и птицъ, уничтожающихъ вредныхъ земледѣлю насѣкомыхъ. Внутри такихъ грубо сложенныхъ изъ камней или изъ обмазаннаго глиной хвороста часовенокъ находятся изображенія или чучела почитаемыхъ животныхъ. ¹⁾

На многихъ перевалахъ стоятъ также алтари подъ деревьями, снабженные углубленіемъ, въ которомъ помѣщается изображеніе человѣка съ дико вытаращенными глазами, вѣдущаго на тигрѣ. Это—„Санъ силіонъ“ ²⁾. Духъ горъ, покровитель охотниковъ и искателей жэнь-шэня. Тигрѣ считается слугою и посланникомъ этого грознаго бога, которому ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отказывать въ жертвоприношеніяхъ. Отсюда опять безчисленное количество тряпочекъ, бумажекъ и мѣшечковъ съ рисомъ, висящихъ вблизи такихъ алтарей.

¹⁾ Почитаютъ также корейцы божество дерева, которому приносятъ жертвы и поклоняются около Нового года. Послѣ жертвоприношенія они входятъ въ рощу и кличутъ божество. Птицъ, пойманныхъ тамъ, они душатъ и разрываютъ, дабы по внутренностямъ ихъ предугадать будущее. Если тамъ много зеренъ,—тогда предсказываютъ хорошій годъ, если много камней—плохой („The China Review“, Vol. XIV, p. 224).

²⁾ Санъ—гора; силіонъ—духъ. невидимое, могучее существо.

Жертвенникъ въ священной рощицѣ.

Около деревень я очень часто встрѣчалъ небольшіе алтари духовъ Синь-цзанъ, которые легко отличить по изображенію грознаго воина съ надписью: „Я духъ, здѣсь живущій“. Этихъ духовъ существуетъ, по мнѣнію корейцевъ, до 80.000, и каждый изъ нихъ начальствуетъ надъ полчищемъ подвластныхъ имъ низшихъ духовъ.

Въ честь духовъ мѣсть (то-ди-чжи-синь) и духовъ провинціи (цзонъ-синь) строятъ корейцы небольшія клѣтушки подъ деревьями на склонахъ горъ. Часто внутри такихъ шалашей нѣтъ ничего, и только у входа виситъ веревочка съ бумажками и тряпочками, напоминающая японскія „таи-таки“. Иногда тамъ находится большой камень, или глиняный истуканчикъ или грубо раскрашенное изображеніе божества на бумагѣ, древесной корѣ или доскѣ. У этихъ шалашей каждыя три года происходятъ празднества и моленія на деньги, собранныя съ окрестныхъ жителей. Попадались мнѣ также не разъ у вѣзда въ деревни столбы въ сажень высотой съ концами, обдѣланными въ видѣ человѣческихъ головъ, раскрашенныхъ красной, черной и бѣлой красками, иногда въ корейской широкополой шляпѣ на макушкѣ. Мой тон-са неохотно давалъ мнѣ объясненія въ вопросахъ религіознаго характера. Онъ все доказывалъ, что такіе столбы просто „дорожные знаки“; когда я сталъ ему указывать, что „дорожные знаки“ всегда ниже, снабжены надписями и стоятъ, по его же собственнымъ словамъ, только черезъ 10 ли (5 верстъ), то онъ неохотно заявилъ, что это „ghost“ (духъ), но какой это „ghost“, сказать не пожелалъ. Отказался онъ тоже объяснить, что значать высокія въ 2—3 саж. жерди на краю селеній, съ воткнутыми

на концахъ изображеніями птицъ, украшенныхъ длинными, соломенными веревками.

Кромѣ духовъ и боговъ, которымъ корейцы строятъ часовни и алтари подѣ открытымъ небомъ, существуютъ цѣлыя полчища домашнихъ и хозяйственныхъ боговъ.

„Цзоэ-сокъ“, прадѣдъ „Санъ-чжинъ-цзоэ-сокъ“ — божества рождаемости, считается главою этихъ духовъ. Его фетишъ передается отъ отца къ сыну. Оба названные духа покровительствуютъ беременнымъ женщинамъ и ненавидятъ трауръ и смерть; поэтому въ домахъ, гдѣ есть роженицы, вывѣшиваютъ особый знакъ, чтобы одѣтые въ трауръ не входили туда. Праздникъ этого духа справляется черезъ три года съ участіемъ шаманокъ.

„Сѣнь-чжю“—богъ домашней кровли, главный изъ многочисленныхъ домовыхъ. У каждой полки, угла, столба, балки, очага и дверей есть свои „хозяева“, которые живутъ въ нихъ или около нихъ. За фетишей служатъ имъ полоски бумаги или мѣшечки съ рисомъ, помѣщаемые въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

„Ти-чжю“—богъ семьи и мѣста, на которомъ стоитъ домъ. Фетишъ его пучекъ соломы или горшокъ съ рисомъ, накрытый плоскимъ камнемъ.

Вблизи многихъ домовъ можно замѣтить сухую тыкву, полную тряпья: это—фетишъ Большой Медвѣдицы—„Цзо-оанъ“.

Этимъ далеко не исчерпывается списокъ болѣе важныхъ боговъ. Бишопъ приводитъ, со словъ д-ра Лендиса, названіе и опредѣленіе 36-ти духовъ съ подраздѣленіемъ ихъ на три группы.

а) Къ первой принадлежать:

- 1) Духи неба.
- 2) Духи земли.
- 3) Духи горъ и холмовъ.
- 4) Духи драконовъ.
- 5) Стражи провинціи.
- 6) Духи буддійской религіи (?).
- 6) Ко второй принадлежать домашніе духи:
- 7) Духъ кровельнаго конька.
- 8) Духъ утвари и мебели.
- 9) Демонъ семейства „И“.
- 10) Духъ кухни.
- 11) Слуга демона семейства „И“.
- 12) Духи служители предковъ.
- 13) Стражи и служители демона семейства „И“.
- 14) Духи, помощники кудесниковъ.
- 15) Духи утвари и мебели, похожіе на № 8, но ниже ихъ.
- 16) Духи оспы.
- 17) Духи оборотни, принимающіе образъ животныхъ.
- 18) Духи, вселяющіеся въ молодыхъ дѣвушекъ и превращающіе ихъ въ колдуній.
- 19) Духи семи звѣздъ, образующихъ нырка (Diprer).
- 20) Духъ домашняго мѣста.
- в) Къ третьей группѣ принадлежать разные духи:
- 21) Духи, дѣлающіе человѣка смѣлымъ.
- 22) Духи деревьевъ; (во всякомъ суковатомъ, вѣтвистомъ, или уродливомъ деревѣ живутъ эти духи, встрѣча съ которыми грозитъ насильственной или преждевременной смертію. Каждая человѣческая кончина, случившаяся раньше цикла (60 лѣтъ), приписывается этимъ духамъ; всѣ они, конечно, злые духи).

23) Духи, способствующие пожранію человѣка тигромъ.

24) Духи, ниспосылающіе смерть въ пути.

25) Духи, блуждающіе кругомъ дома и причиняющіе разнообразныя несчастія.

26) Духи, вызывающіе смерть внѣ дома.

27) Духи, убивающіе одного человѣка вмѣсто другого.

28) Духи, давящіе людей.

29) Духи, потопляющіе людей.

30) Духи, убивающіе родильницъ.

31) Духи, вызывающіе самоубійство.

32) Духи, убивающіе людей огнемъ.

33) Духи, убивающіе людей побоями.

34) Духи, убивающіе людей паденіемъ.

35) Духи чумы.

36) Духи холеры.

Кромѣ того вездѣ постоянно блуждаютъ сонмы вѣчно голодныхъ, злыхъ, метительныхъ духовъ (сагенъ), души людей бѣдныхъ, умершихъ скоропостижно или замученныхъ людьми, вѣчно голодные и оборванные, постоянно злобно наблюдающіе за живыми, старающіеся повредить имъ или сорвать съ нихъ лишнюю жертву риса, платья, водки... ¹⁾.

Шаманы (пань-су) и шаманки (му-данъ или сы-сынъ) непрерывно воюютъ съ ними и выручаютъ людей изъ всякихъ причиняемыхъ ими бѣдъ.

Въ корейскомъ шаманствѣ бросается въ глаза огромное значеніе женщинъ; шаманъ второго разряда (пакъ-су-му или ся-данъ) для болѣе важныхъ камланій долженъ переодѣваться въ женское платье,—обычай

¹⁾ Точь въ точь какъ у якутовъ іоръ.

замѣченный мною и у сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ. Правда, что женщинамъ нельзя сдѣлаться первостепенными шаманами (пань-су), но организація послѣднихъ, повидимому, иноземнаго буддійскаго происхожденія, что они сами признаютъ, утверждая, не безъ основанія, что ихъ заклинанія позаимствованы изъ буддійскихъ книгъ. Пляски, оркестръ, гаданія „пань-су“ сильно напоминаютъ ламайскіе обряды. Впрочемъ, они занимаются главнымъ образомъ ворожбой, указаніемъ счастливыхъ дней, отысканіемъ счастливыхъ мѣстъ для могилъ да выдѣлкой амулетовъ, доставляющихъ имъ большіе доходы. „Пань-су“ должны быть слѣпы отъ рожденія, они проходятъ извѣстный срокъ обученія и испытанія, знакомятся съ буддизмомъ и конфуціанствомъ, выучиваются многочисленнымъ спеціальнымъ заклинаніямъ и магическимъ приѣмамъ. Въ Сеулѣ они организованы въ довольно значительное и вліятельное общество, признанное правительствомъ и вносящее опредѣленную подать. Въ силу этого слѣпые „пань-су“ заняли среди корейскихъ шамановъ привилегированное положеніе и считаются за кудесниковъ и волхвовъ, способныхъ повелѣвать демонами и духами. Шаманки (му-данъ) могутъ единственно умолять ихъ и задабривать жертвоприношеніями (кауть).

Несмотря на то, дѣятельность и вліяніе „му-данъ“ во всѣхъ слояхъ корейскаго общества несравненно больше, чѣмъ шамановъ. У му-данъ тоже есть въ городахъ своя организація; въ деревняхъ онѣ дѣйствуютъ въ одиночку. Имъ запрещено жить внутри городской стѣны въ большихъ городахъ и особенно въ столицѣ, и онѣ заселяютъ особые пригородные

квартиры. Объясненіе происхожденія ихъ чудодѣйственной силы, затѣмъ ихъ приемы, пляски, заклинанія, инструменты въ подробностяхъ едва отличаются отъ тѣхъ же вещей у другихъ шаманистовъ Азіи. По толкованію корейцевъ, источникомъ ихъ волшебнаго дара служитъ вселившійся въ нихъ или навѣщающій ихъ духъ покровитель. „Му-данъ“ живутъ одиноко, отказавшись отъ семьи и дѣтей, отъ друзей и общества. Бывали примѣры, когда женщины изъ высшихъ сословій, повинувшись „зову“ духа и неодолимой потребности, оставляли свое положеніе и становились „му-данъ“.

Нѣкогда вліяніе „пань-су“ и „му-данъ“ было много сильнѣе. Благодаря буддизму и конфуціанству положеніе шаманства сильно ухудшилось, хотя не исчезло даже въ высшихъ кругахъ. Въ „Пунь-міо“, конфуціанскомъ храмѣ Генія Войны (Коань-уёнъ-цзанъ) въ Сеулѣ, у сѣверо-восточныхъ воротъ, я видѣлъ въ боковомъ алтарѣ интересную старинную картину на шелку, изображавшую древняго шамана, опредѣляющаго при помощи гаданія благоприятное для сраженія мѣсто. Мнѣ сказалъ жрецъ, что картинѣ этой—300 лѣтъ. И въ настоящее время шаманы и шаманки не разъ совершаютъ моленія по требованію властей во время засухи, эпидемій, наводненій и другихъ общенародныхъ бѣдствій. Шаманки тоже приносятъ жертвы домашнимъ богамъ царствующаго дома.

Мелкія повседневныя жертвы состоятъ обыкновенно изъ риса, овощей, лепешекъ, сластей и водки; но крупныя жертвоприношенія не обходятся безъ убіенія животныхъ, рогатаго скота, свиней и барановъ. Существуетъ пять большихъ жертвоприношеній обя-

Намъ-Хань. Крепость-монастырь.

зательныхъ ежегодно въ каждой провинціи: 1) зимнее; 2) весеннее; 3) лѣтнее и 4) осеннее да пятое жертвоприношеніе—конца года. Всякій разъ закалываютъ въ каждой провинціи до 100 штукъ крупнаго скота и кромѣ того много мелкаго изъ добровольныхъ приношеній! Душамъ предковъ приносятъ нѣсколько штукъ скота каждыя двѣ недѣли; на императорскомъ дворѣ убиваютъ ихъ съ этой цѣлью по крайней мѣрѣ штукъ *десять*, кромѣ того нѣсколько штукъ ежемѣсячно гибнетъ въ честь дворцовыхъ домовыхъ божествъ. Ежемѣсячно приносятъ жертвы въ храмахъ войны китайскому военачальнику Коанъ-Конгъ, который 300 лѣтъ тому назадъ превратился въ тучу и въ видѣ дождя упалъ на японцевъ, чѣмъ способствовалъ побѣдѣ корейцевъ. Наконецъ два раза въ годъ приносятъ въ жертву Конфуцію и Ханениму овецъ и барановъ, которыхъ нарочно покупаютъ у китайцевъ и привозятъ въ Сеулъ и губернскіе города, такъ какъ въ Корей совсѣмъ не водятся эти животныя. Конфуція и Ханенима просятъ туземцы главнымъ образомъ о дождѣ во время засухи или хорошую погоду въ чрезмѣрно дождливый годъ. Важнѣйшія жертвоприношенія совершаются въ присутствіи императора или его представителей; моленія же о дождѣ долженъ производить обязательно лично императоръ или въ провинціи командированный имъ спеціально съ этой цѣлью сановникъ. Вообще, кровавыя жертвы довольно распространены въ Корей и составляютъ предлогъ для всеобщаго потребленія мяса, блюда довольно рѣдкаго на столѣ корейскаго крестьянина. Въ преданіяхъ и нѣкоторыхъ обрядахъ остались слѣды человѣческихъ

жертвъ въ древней Корей и, вѣроятно, религіознаго канибализма ¹⁾.

Шаманы и шаманки, волхвы, предсказатели, искатели счастливыхъ могилъ, знахари, кудесники и сейчасъ пользуются большимъ вліяніемъ среди всѣхъ слоевъ корейскаго населенія; они проникаютъ даже въ императорскій дворецъ, ревниво оберегаютъ старинныя нравы и вѣрованія, источникъ своего дохода. Они вмѣшиваются въ политику, противодѣйствуютъ нежелательнымъ или враждебнымъ себѣ сановникамъ и разносятъ широко по странѣ, въ случаѣ нужды, пламя народныхъ волненій, темныхъ и враждебныхъ всякимъ улучшеніямъ и прогрессивнымъ реформамъ. Извѣстно, что убитая 9 лѣтъ тому назадъ королева Минъ, заклятый врагъ всякихъ реформъ, была горячей приверженкой шаманизма и охотно окружала себя ворожеями, му-данъ и панъ-су. Съ ея смертью вліяніе ихъ сильно уменьшилось, но не исчезло, и въ 1904 г. японцы, овладѣвши Сеуломъ, прежде всего потребовала удаленія изъ дворца всѣхъ этихъ проходимцевъ, признанныхъ изданнымъ по этому случаю императорскимъ указомъ за „источникъ недоразумѣній и несчастій послѣднихъ временъ“ ²⁾.

Японцы и японофилы, какъ прогрессивная корейская партія, пользовались искони особенной ненавистью волхвовъ.

Жаловался мнѣ одинъ придворный чиновникъ, что

¹⁾ „The China Review“, Vol. XIV, p. 224. „Корейскія сказки“ Н. Гарина, стр. 116 и 160 (разказы о купцахъ, бросившихъ дѣвицу въ жертву разсвирѣпѣвшему морю, и разказы о людоедахъ-тысяченоккахъ).

²⁾ „Русскія Вѣдомости“ № 119, 1904 года.

корейскій императоръ опять въ текущемъ году израсходовалъ на шаманскіе обряды 10.000 долларовъ (корейскихъ).

— Не лучше ли было пожертвовать эти деньги на школу?!—спросилъ онъ меня, видимо разсчитывая на мое одобреніе. Впрочемъ, тотъ же чиновникъ, несмотря на нѣкоторое образованіе, знакомство съ европейцами и знаніе европейскихъ языковъ, ни за что не соглашался устроить мнѣ шаманское камланіе.—Этого такъ нельзя сдѣлать. Вы должны подождать случая, когда кто-нибудь позоветъ шамана, тогда я поведу васъ...

Тщетно я предлагалъ деньги; и за деньги никто не хотѣлъ устроить мнѣ шаманскаго зрѣлища.

Корейская космогонія представляетъ смѣсь сѣверныхъ и центрально-азіатскихъ понятій съ японскими (о лисицѣ и др.) и съ китайскими. Особенно китайцы, благодаря своей письменности, сильно повліяли на умозрѣніе корейцевъ. Итакъ, корейцы прежде всего поклоняются Небу (Ханари или Шанъ-чже)—китайское Шан-ди (владыка Неба), монгольское Тенгри, якутское Тангара, какъ источнику всего, что происходитъ на землѣ ¹⁾. Далѣе встрѣчаются въ корейской мифологіи: драконъ, фениксъ, черепаха, сказочное животное—полу-олень, полу-быкъ (ки-ринъ—символъ мира, счастія, справедливости), затѣмъ попали туда тигръ, рядомъ съ долгогривымъ львомъ, птица „кинъ-са“ съ ядовитой тѣнью, сластолюбивые змѣи, соблазняющіе дѣвушекъ ²⁾, заколдованныя въ тысячено-

¹⁾ Въ обыденной рѣчи небо по-корейски „ханари“.

²⁾ Интересно, что эти змѣи (куронг-и) считаются удавами, не водящимися совсѣмъ на полуостровѣ. Не указаніе ли это на болѣе южное происхожденіе повѣрья?

жекъ женщины, крылатые герои и т. п. безчисленные преданія и миѣы, занесенные въ Корею китайскими переселенцами. Они же привили Корей два официальные вѣроисповѣданія, господствовавшія поочередно на полуостровѣ.

Во второй половинѣ IV ст. послѣ Р. Х. два буддійскіе монаха Шань-дао и А-дао прибыли изъ Китая въ государство Кэ-гу-рію въ сѣверной Корей и принесли съ собою священныя книги. Буддизмъ былъ принятъ восторженно высшими слоями общества. Онъ принесъ съ собою грамоту, словесность, науки и дотогѣ неизвѣстныя ремесла. Подъ покровительствомъ корейскихъ царей стали возникать монастыри и школы, расцвѣли искусства. Въ половинѣ V столѣтія буддизмъ уже проникнулъ въ южное государство Силла и на островъ Квельпартъ, на которомъ нынѣ нѣтъ его, и гдѣ только изрѣдка попадающіяся статуи Будды напоминаютъ о минувшемъ его господствѣ. Увлеченіе буддизмомъ достигло такого напряженія, что правительство изъ опасенія, чтобы весь народъ не обратился въ монаховъ, издало ограниченія для постриженія.

Въ X столѣтіи буддизмъ достигъ своего апогея и былъ признанъ государственной религіей. Къ этой эпохѣ будто бы относится изобрѣтеніе буддійскимъ монахомъ Сіюль-цзонъ знаковъ „и-до“, которые облегчили корейцамъ примѣненіе китайскихъ буквъ къ корейскому языку и положили начало корейской письменности. Буддійскіе монастыри пользовались большими привилегіями, владѣли недвижимостями и капиталами. Большинство государственныхъ дѣятелей, чиновниковъ, даже знаменитыхъ тогдашнихъ полководцевъ вышли изъ среды грамотныхъ и просвѣщен-

ныхъ буддійскихъ монаховъ. Къ этому времени относится возникновеніе большинства красивыхъ храмовъ и громадныхъ статуй (ми-ріо-ки или сіокъ-инь, каменные люди), въ настоящее время разрушенныхъ и скрывающихся въ лѣсныхъ тущахъ.

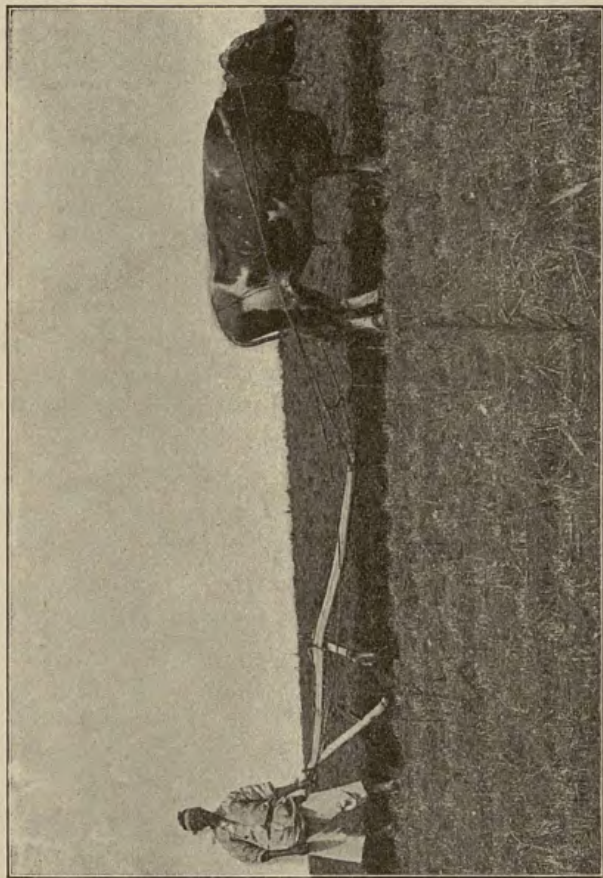
Хотя конфуціанство проникло въ Корею почти одновременно съ буддизмомъ (въ V столѣтіи), но эпоха его процвѣтанія наступила значительно позже. Только въ XVI столѣтіи, послѣ кровопролитной войны между китайцами и японцами, театромъ которой была несчастная Корея, японскіе полки уступили, и китайскій конфуціанизмъ одержалъ въ Корейскій верхъ надъ буддизмомъ. Корейскій буддизмъ всегда стоялъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ японскому буддизму, своему дѣтищу, и въ тяжелыя минуты постоянно получалъ отъ него нравственную и матеріальную поддержку.

Послѣ окончательнаго водворенія китайцевъ на полуостровѣ, все японское стало считаться неблагонадежнымъ, и буддизмъ подвергся гоненію. Конфуціанство заняло верховное положеніе. Буддійскимъ монахамъ запрещено было проживать въ столицѣ и въ укрѣпленныхъ городахъ; имъ запретили также строить и возобновлять городскіе монастыри и храмы. Эти ограниченія просуществовали до 1895 г., и въ результатъ буддійскіе храмы сохранились только въ недоступныхъ горныхъ дебряхъ, вдали отъ городовъ.

Поддерживаемое китайцами конфуціанство, послѣ упорной борьбы съ царской властью, овладѣло придворной и чиновничьей средой окончательно. Нѣкоторые моменты тогдашней корейской исторіи совершенно напоминаютъ европейскую средневѣковую борьбу церкви со свѣтской властью. Цари Іонъ-санъ и Коанъ-хе

изъ нынѣ царствующей династіи, склонявшіеся къ буддизму, пали жертвой междоусобій и были лишены престола и даже погребальныхъ почестей. На народныя повѣрія конфуціанство повліяло гораздо въ меньшей степени, чѣмъ буддизмъ. Какъ религія князей, ученыхъ и чиновниковъ, конфуціанство замкнулось въ тѣсномъ кругу господствующихъ классовъ и вмѣстѣ съ ними подверглось порчѣ и пришло въ упадокъ. Въ то же время преслѣдуемый буддизмъ наружно огрубѣлъ, обнищалъ, омужичился, но живетъ и даже проявляетъ признаки возрожденія. И опять возрожденіе это идетъ къ нему изъ Японіи. Въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія секта японскихъ буддистовъ Сіу внесла новый зародышъ жизни въ умирающіе буддійскіе монастыри Кореи. Нѣсколько молодыхъ корейцевъ поступило въ духовное училище Сіу въ Кіото и впослѣдствіи занялось распространеніемъ новой науки въ своемъ отечествѣ. Нынѣ есть у нихъ уже собственный красивый храмъ и училище въ Гензанѣ, а также прекрасная школа въ Сеулѣ. Въ 1892 г. японскій монахъ Акамацу-кейси собиралъ въ Японіи денежные пожертвованія на учрежденіе въ Корей многочисленныхъ духовныхъ училищъ. Впрочемъ, мнѣ думается, что возрожденіе буддизма въ Корей въ значительной степени вызвано общимъ реформаціоннымъ движеніемъ, возникшимъ среди буддистовъ всего міра въ послѣднее время подъ вліяніемъ ученыхъ изслѣдованій буддизма западно-европейскихъ ученыхъ.

Въ заключеніе этого краткаго очерка религіозныхъ вѣрованій корейцевъ считаю нужнымъ упомянуть и о христіанствѣ. Вліяніе его на возрѣвія народныхъ массъ Кореи ничтожно, точно такъ же, какъ и число

Корейскій пахарь (паганемъ).

его послѣдователей ¹⁾. Однако, до недавняго времени судьба христіанской церкви въ Корей представляла такую трагическую картину и была до того тѣсно связана съ исторіей несчастной страны, съ ея страхомъ иноземнаго нашествія и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла такія доказательства любви и преданности корейцевъ къ свободѣ совѣсти и отвлеченнымъ интересамъ, что разсказъ о возникновеніи и развитіи христіанства въ Корей является необходимымъ дополненіемъ даже къ краткому очерку ихъ религіозныхъ воззрѣній.

Это, вѣроятно,—единственная на Дальнемъ Востокѣ христіанская община, возникшая совершенно самостоятельно, безъ участія европейцевъ и пока не игравшая роли въ ихъ дипломатическихъ или торговыхъ расчетахъ. Христіанство занесено было въ Корей японцами, и начало его слѣдуетъ отнести къ японскимъ войнамъ 1592 г. Но съ паденіемъ японскаго вліянія на полуостровѣ исчезло и христіанство, одновременно подвергшееся гоненіямъ и въ самой Японіи. Возродилось оно снова только въ XVIII столѣтіи, благодаря корейскимъ ученымъ, которые для ознакомленія съ ученіемъ, извѣстнымъ имъ лишь по книгамъ, послали въ Пекинъ молодого изслѣдователя Сіонъ-хунъ-и, сына корейскаго посланика въ Китаѣ. Сіонъ-хунъ-и вскорѣ крестился и принялъ имя Петра. Онъ сдѣлался ревностнымъ миссіонеромъ и обратилъ въ христіанство многихъ выдающихся ученыхъ и высшихъ сановниковъ въ Корей. Первый ограничительный для христіанства указъ изданъ былъ правительствомъ въ 1784 г. по поводу отказа новообращенныхъ принять

¹⁾ 29.000, а въ томъ числѣ 28.000 католиковъ.

участіе въ празднествѣ въ честь усопшихъ предковъ. Несмотря на это, христіанскія общины продолжали возрастать и развиваться. Въ 1790 г. обратились корейскіе христіане къ католическому епископу въ Пекинѣ съ просьбой принять подъ свое покровительство ихъ общины и утвердить ихъ самозванныхъ священниковъ и епископовъ. Въ то время численность ихъ достигала 4.000 человѣкъ. Хотя чиновники были враждебно настроены противъ христіанъ, но преслѣдованій въ собственномъ смыслѣ не было. Только съ того момента, когда Востокъ заподозрилъ новое ученіе въ политическихъ стремленіяхъ, онъ обрушился на него со всей восточной неумолимостью.

Попытки европейскихъ миссіонеровъ пробраться внутрь Кореи, вопреки общему запрещенію, дали начало кровавымъ гоненіямъ. Въ 1801 г. корейскій король, оправдывая передъ китайскимъ императоромъ, своимъ сюзереномъ, поводы, побудившіе его казнить миссіонера Цію, китайца, говорить, что „христіане стремятся овладѣть его государствомъ при помощи европейцевъ и ихъ кораблей“. Возникли массовыя избіенія, и преслѣдованія почти не прекращались, напротивъ, они усилились по мѣрѣ увеличенія числа европейскихъ миссіонеровъ, тайно проникавшихъ въ предѣлы государства. Въ 1839 г., въ царствованіе царицы-регентши Кимъ, гоненія эти достигли крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Тюрьмы были переполнены и кровь лилась ручьями. Епископъ Эмберъ, а также миссіонеры Мобанъ и Частень, съ опасностью жизни укрываемые вѣрующими, добровольно отдались въ руки правительства, надѣясь такимъ образомъ смягчить или даже прекратить преслѣдованія. Хотя смерть ихъ ослабила гоненіе,

но не прекратила его. Оно продолжалось вплоть до открытія Кореи для европейцевъ, представленія же и вмѣшательства европейскихъ державъ только ухудшали положеніе христіанъ. Въ 1866 г. были умерщвлены епископы Давелюи и Бернэ со всѣми европейскими миссіонерами. Христіане-туземцы гибли тысячами; наказывались даже ихъ родственники-язычники до шестого поколѣнія включительно. Остальные разбѣжались, укрываясь въ горахъ и лѣсахъ. Только вынужденный въ 1875 г. Японіей договоръ прекратилъ беззаконія и жестокости, открывъ доступъ къ корейскимъ берегамъ миссіонерамъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Благодаря своему мученическому прошлому, корейскій католицизмъ, хотя малочисленный, пустилъ глубокіе корни въ сердца части народа, такъ какъ онъ, дѣйствительно, былъ нѣкоторое время религіей бѣдныхъ и угнетенныхъ.

V. Выѣздъ изъ монастыря. Корейскія горы.

Послѣ ранняго завтрака явился къ намъ отъ настоятеля послушникъ и проводилъ насъ изъ монастырской гостиницы во дворъ, ведущій въ храмъ. Черезъ небольшую калитку въ темной монастырской стѣнѣ блеснулъ намъ навстрѣчу свѣтлый видъ на узкую долину, поросшую золотымъ осеннимъ лѣсомъ, и утопавшую въ розовой утренней мглѣ. Долина постепенно переходила въ пологую сѣдловину и мягко сливалась съ вершиной горы, надъ которой голубое небо горѣло уже зарей поднимавшагося за горами солнца. Вблизи насъ, на склонахъ скалъ, на деревьяхъ, тропинкахъ, камняхъ, въ темныхъ простѣнкахъ домовъ бѣлѣлъ еще алмазный иней.

Впереди, на обрывистомъ, обдѣланомъ камнями краю потока стояли рядами сѣрыя китайскія постройки, высились вздернутыя китайскія кровли. Поблекшія краски ихъ рѣзныхъ карнизовъ, потускнѣвшая зеленая, желтая и голубая эмаль черепицъ, гребни крышъ, украшенные фигурами животныхъ, высокія, перевитыя рѣзбой, деревянныя колонны, мѣстами перевитыя лентами уцѣлѣвшей краски и блескомъ старинной позолоты, гармонично сливались съ осеннимъ лѣснымъ ландшафтомъ.

Красныя ворота раскрылись передъ нами въ невысокой стѣнѣ, и мы вошли въ слѣдующій внутренній дворъ. Здѣсь мы прежде всего осмотрѣли красивую бесѣдку, въ которой помѣщались большія стоячія каменные плиты, испещренные іероглифами. Это были памятники корейскихъ императоровъ. Далѣе стоялъ большой императорскій павильонъ съ красными колоннами. Отсюда корейскіе короли съ придворными наблюдали нѣкогда за играми и празднествами, не соприкасаясь съ чернью. Двигаясь дальше вдоль рѣчки, мы поднялись по каменнымъ ступенямъ къ большимъ крытымъ воротамъ, въ которыхъ направо и налево стояли большія ярко раскрашенныя фигуры геніевъ. Въ числѣ ихъ былъ „Томъ-банъ-чо-нень“ съ зелеными бровями и усами, со снастикой въ коронѣ, топчущій злыхъ духовъ; былъ „Пу-бангъ-чо-нень“ съ женскимъ лицомъ, играющій на гитарѣ „янъ-тымъ“; былъ „Сабанъ-ча-чханъ“ съ копьемъ и „Намъ-банъ-чо-нень“ съ голубыми усами и змѣемъ въ рукѣ,—все извѣстные буддійскіе геніи на фонѣ пышно раскрашенныхъ павильонныхъ хвостовъ.

За этими воротами въ глубинѣ двора виднѣлись другія ворота съ громаднымъ барабаномъ на чердакѣ. Черезъ эти ворота—входъ во дворъ, гдѣ находится главный храмъ съ девятью раззолоченными статуями Будды. Задумчиво склонившіяся головы статуй утопаютъ въ радужной мглѣ, льющейся съ расписного потолка; на нихъ падаютъ длинныя тѣни отъ могучихъ колоннъ, сдѣланныхъ изъ цѣльныхъ кедровыхъ стволовъ. Передъ алтаремъ висятъ три большихъ цвѣтныхъ фонаря и столько же длинныхъ широкихъ „хакъ“, лентъ изъ желтаго шелка.

Затѣмъ мы осмотрѣли цѣлый рядъ второстепенныхъ храмовъ, не столь красиво расписанныхъ и не такъ богато украшенныхъ. Повсюду—пыль, соръ и мерзость запустѣнія. На осыпающихся фундаментахъ храмовъ сушились съѣдобныя растенія и облатки, намазанныя на листьяхъ салата. Въ одномъ капищѣ видна была куча хвороста.

Мы вошли въ необѣзную залу, гдѣ „1.000“ изображеній Будды стояли вдоль стѣнъ на пяти ступенчатыхъ полкахъ. На крыльцѣ этого храма виситъ большой старинной работы гонгъ съ гербомъ Кореи. Мы осмотрѣли всю „1.000“ Буддъ, которыхъ, думаю, впрочемъ, здѣсь много меньше, полюбовались гонгомъ и отправились въ монастырскую типографію, гдѣ нашли большой наборъ первобытныхъ деревянныхъ клише, не смотря на то, что изобрѣтеніе металлическихъ подвижныхъ буквъ по справедливости принадлежитъ корейцамъ, такъ какъ онѣ употреблялись здѣсь уже въ 1403 г.,—стало быть, раньше, чѣмъ въ Китаѣ и Европѣ. Наконецъ, мы заглянули и въ комнаты монаховъ. Комнаты эти примыкали къ небольшому отапливаемому храму, гдѣ монахи какъ разъ въ то время молились. Они стояли рядомъ на колѣняхъ, одѣтые въ черныя японскіе „киримоны“ и въ черныхъ старинныхъ ажурныхъ японскихъ клобукахъ. У cadaго черезъ плечо перекинута была красная мантия, а въ рукахъ—четки. Они тихо бормотали свои молитвы, между тѣмъ какъ молодой послушникъ, стоя на колѣняхъ, мѣрно и однообразно ударялъ въ барабанъ. Въ воздухъ носился запахъ ладана, древеснаго воска и полевыхъ цвѣтовъ. Тѣмъ же запахомъ были полны и обширныя, чистыя кельи монаховъ, украшенныя старинными картинами,

Корейская телъга (зюре или цха).

цвѣтами и сосновыми вѣтками, воткнутыми въ изящныя вазы. Теплый, подогрѣтый снизу полъ покрывала толстая, промасленная, похожая на пергаментъ, бумага. По разбросаннымъ на полу вещамъ и книгамъ я заключилъ, что монахи живутъ по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ. Тутъ же за стѣной находилась монастырская кухня, темная и грязная, пропахнувшая горькою рѣдкой и квашенымъ салатомъ. Монастырь былъ бѣденъ и запущенъ, но въ его полуобвалившихся и выцвѣтшихъ фрескахъ, въ рѣзныхъ старинной работы дверяхъ, въ красиво очерченныхъ крышахъ, въ позолотѣ пестрыхъ потолковъ виднѣлось тонкое, своеобразное пониманіе красоты, и я безъ труда призналъ въ этихъ осыпающихся зданіяхъ захудалаго, но родного брата богатыхъ китайскихъ и изящныхъ японскихъ храмовъ.

Монастырь „Сѣкъ-оанъ-са“ принадлежитъ къ болѣе зажиточнымъ, получаетъ пособіе изъ казны, такъ какъ въ немъ, по преданію, обучался пять столѣтій тому назадъ бѣдный крестьянинъ „И-сіонъ-ге“, впоследствии основатель нынѣ царствующей династіи. За монастырскою стѣной показываютъ деревья, будто бы посаженныя имъ, а въ монастырскомъ казнохранилищѣ собирается благоговѣйно его одежда. Въ монастырь весной и лѣтомъ стекаются многочисленныя толпы паломниковъ, пріѣзжаютъ даже ученые, чтобы воспользоваться монастырскимъ уединеніемъ, тишиной, монастырскою библіотекой и бесѣдами съ благочестивыми отцами.

Впрочемъ ни богатство, ни слава монастыря „Сѣкъ-оанъ-са“ не достигаютъ той степени, какъ монастыря „Тонъ-до-са“ въ южной Кіонъ-санъ-до или монастырей „Цзанъ-анъ-са“, „Пхіонъ-ень-са“, „Ю-чжоу-са“, распо-

поженныхъ юнѣе въ тѣхъ же Алмазныхъ горахъ. Въ горахъ этихъ, говорятъ, есть до 40 мужскихъ и женскихъ монастырей, въ которыхъ живетъ до 400 монаховъ, 50 монашенокъ и около 1.000 послушниковъ. Большинство монастырей терпитъ недостатокъ; монахи занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, выдѣлкой бумаги, ремеслами.

Монахи и монашенки при вступленіи въ монастырь приносятъ обѣтъ бѣдности и цѣломудрія; имъ представлена, впрочемъ, полная свобода во всякое время оставить монастырскія стѣны. Они бръютъ головы и до окончательнаго постриженія подвергаются испытанію огнемъ: имъ кладутъ на ладони кусочекъ горящаго трута, который долженъ сгорѣть до-тла. Послѣ всякаго нарушенія обѣта очищеніе производится настоятелемъ путемъ такой же пытки.

По японскому лѣтописцу Отано-Кигоро, самые выдающіеся буддійскіе монастыри въ концѣ XVIII столѣтія были „Намъ-хань“ и „Пукъ-хань“ въ столичной провинціи Кіёнъ-гый-до, недалеко отъ Сеула. Эти монастыри были основаны монахами-воинами и содержали до 1.500 человѣкъ гарнизона. Нѣкогда такихъ монастырей было много, и когда непріятель вторгался въ страну, жители укрывались со своимъ имуществомъ подъ ихъ защиту.

Эти монахи-солдаты (сіонъ-гунъ) сыграли въ исторіи Кореи не разъ видную роль. Уже въ 670 г. послѣ Р. Х. буддійскій монахъ вызвалъ возстаніе противъ побѣдоносныхъ китайцевъ и при помощи японцевъ освободилъ отъ завоевателей часть полуострова. Въ X столѣтіи буддійскіе монахи дѣятельно и успѣшно помогали дѣлу объединенія отдѣльныхъ корейскихъ княжествъ въ одинъ союзъ подъ управленіемъ династіи Коріё (отъ

этой династїи ведетъ свое начало европейское названіе полуострова,—португальское „Cogia“ съ XVI столѣтія). Благородные короли Коріо берутъ монаховъ подъ свое особое покровительство. Во время нашествія монголовъ въ 1232 г. корейскій король съ дворомъ искалъ спасенія въ монастырѣ „Канъ-хоа“, на островѣ того же названія. Да и значительно позже, уже послѣ паденія буддизма, корейскіе государи отъ времени до времени ищутъ убѣжища въ его неприступныхъ горныхъ, укрѣпленныхъ монастыряхъ, куда по царскому повелѣнію стекаются немедленно окрестные охотники за тиграми и мѣстное дворянство.

Даже въ послѣднее время эти забытые и нѣкогда преслѣдуемые буддійскіе „меченосцы“ несли свою кровь въ жертву отечеству. Еще въ 1866 г. они побѣдоносно отразили нападеніе французовъ на тотъ же самый монастырь на островѣ Канъ-хоа, куда нѣкогда корейскіе правители сбѣжали передъ монголами.

Сердечно попрощавшись съ радушною монастырскою братіей и любезнымъ настоятелемъ, я оставилъ въ полдень гостепріимные пороги „Сѣкъ-оанъ-са“. Погода испортилась. Клубы сѣдого тумана поминутно скатывались къ намъ съ вершины горы, окутывали насъ пронизывающею сыростью и плыли дальше по почернѣвшему и промокшему лѣсу. Въ ущельѣ было тихо, но повыше вѣтеръ сильно тормозилъ деревья.

Послѣ двухчасовой ѣзды мы вышли изъ лѣсной чащи и очутились на краю обширной, волнистой долины. Это была та же самая мѣстность, которую два дня тому назадъ мы осматривали съ высоты горнаго перевала Тан-са-коге, залитую солнечными лучами. Какой некрасивой она показалась намъ теперь подъ низко на-

висшими облаками! Бурья поля да голые холмы тянулись длинными грядами отъ однихъ горъ къ другимъ. Горизонтъ замкнуть былъ кругомъ стѣной утопающихъ въ туманѣ вершинъ.

Въ этой темной, широкой, какъ степь, исполосованной дождемъ горной темницѣ только на югѣ виднѣлась узкая щель прохода между двумя конечными черными, обрывистыми утесами. Иногда въ окошко это сквозь туманъ, точно сквозь промокшій парусъ корабля, проблескивало солнце. Все плоскогорье постепенно поднималось въ этомъ направленіи; туда же вела дорога на перевалъ черезъ главный хребетъ полуострова,

Мы направлялись къ нему черезъ поля по сквернымъ узенькимъ тропинкамъ, вдоль могучей стѣны Алмазныхъ горъ, поднимающихся надъ нами по меньшей мѣрѣ на 2.000 футовъ. Онѣ огибали долину съ сѣверо-западной стороны; ихъ склоны, поросшіе теперь краснымъ дубнякомъ, казались издали объатыми пожаромъ, между тѣмъ какъ другой хребетъ, идущій къ перевалу подъ угломъ съ противоположной стороны, пестрѣлъ, точно оленья кожа, отъ бѣлесоватыхъ полосъ вывѣтривавшагося гранита.

Видъ горъ былъ крайне дикъ; безчисленные выступы, похожіе на каменные волдыри или маленькіе конусы кратеровъ, сплошь покрывали ихъ, придавая горнымъ массивамъ какую-то грозную наружность. Такой формы горы вообще свойственны Корей. Я встрѣчалъ ихъ и у береговъ, и внутри страны, и въ сѣверо-восточной ея части, и на западѣ, и на югѣ. Онѣ до такой степени причудливы, что очертанія ихъ глубоко врѣзываются въ памяти. Часто кажется, точно горы тронуты проказой, покрыты струпами и ранами, пугающими своею

дикою, непонятною неприступностью. Не столько поражают тамъ путешественника крутые обрывы, глубокія разсѣлины или беспорядочные провалы, сколько безчисленные ряды небольшихъ углубленій и вздутоостей, разбросанныхъ по склонамъ горъ въ видѣ „волчьихъ ямъ“ и безчисленныхъ возвышеній. Всѣ эти голыя скалы мозолятъ глаза своей безотраднoю сухостью и безплодіемъ.

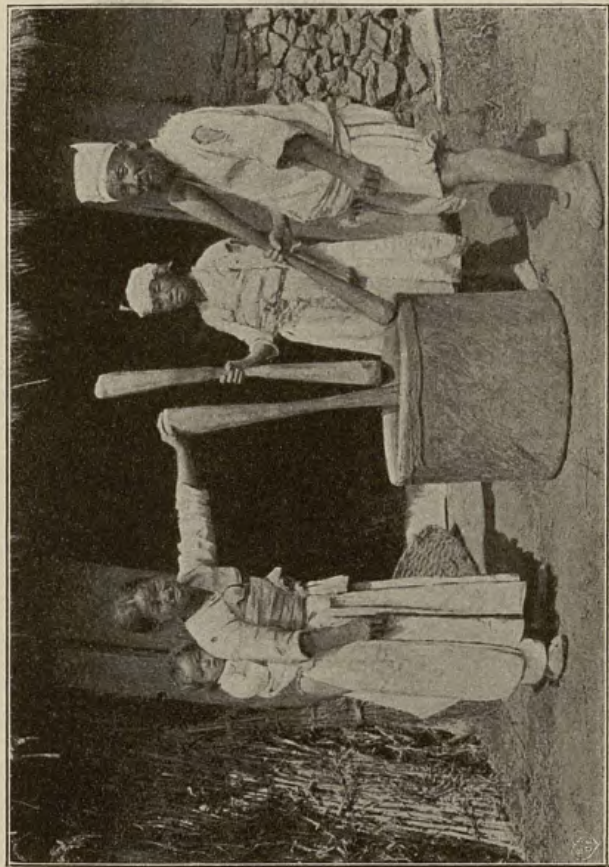
Въ Корей нѣтъ обширныхъ лѣсовъ, исключая сѣверной ея части.

Начиная съ широты Гензана, лѣса появляются только въ видѣ отдѣльныхъ рощъ, на днѣ долинъ, защищенныхъ отъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ; на склонахъ горъ въ лучшемъ случаѣ встрѣчаются развѣ кустарники, болѣе же высокія вершины всегда и вездѣ совершенно обнажены, безлѣсны. Мнѣ кажется очень сомнительнымъ, чтобы когда-нибудь была тамъ какая-либо растительность, даже въ тѣ баснословныя времена, когда, по словамъ туземцевъ, вся Корея представляла сплошной дремучій лѣсъ. Корейскія горы, думаю, для этого слишкомъ скалисты. Вдобавокъ полуостровъ лежитъ на пути вѣтровъ, какими азіатскій материкъ въ продолженіе года обмѣнивается съ Тихимъ океаномъ,—на линіи муссоновъ, дующихъ зимой съ сѣверо-запада, а лѣтомъ съ юго-востока. Вѣтры эти зимой сухіе и холодные, лѣтомъ же сырые и также холодные, — понятно, въ сравненіи съ температурой сильно нагрѣтаго материка. А, какъ извѣстно, ничто не отзывается такъ вредно на произрастаніи высокоствольныхъ лѣсовъ, какъ рѣзкія перемѣны температуры и докучливые вѣтры. Вслѣдствіе этого, лѣса, по всей вѣроятности, и прежде произрастали только въ долинахъ Кореи, да и то не во всѣхъ, такъ

какъ существуютъ здѣсь и сейчасъ безлюдныя и невоздѣланныя возвышенныя долины, въ которыхъ отсутствіе лѣсовъ нельзя объяснить ихъ истребленіемъ или пожарами. Туземное преданіе о непроходимыхъ кедровыхъ, кипарисовыхъ и дубовыхъ лѣсахъ скорѣе указываетъ на то, что дѣйствительно значительная часть народонаселенія пришла сюда изъ лѣсистыхъ странъ, — надо полагать, изъ Восточной Манчжуріи.

Корейскія горы изслѣдованы мало, но, судя по направленію и величинѣ корейскихъ рѣкъ, слѣдуетъ заключить, что безчисленные горные цѣпи, хребты и гряды, наполняющіе полуостровъ, сливаются внутри его въ одну горную зону, направляющуюся съ сѣвера къ югу. Беретъ эта зона свое начало въ Манчжуріи, среди возвышеннаго плоскогорья, увѣнчаннаго потухшимъ вулканомъ Пекъ-ту-санъ (8.000 фут. н. п. м.). Отсюда истекають три большія рѣки: Сунгари, направляющаяся къ сѣверу, Амокъ-канъ (Ялу по-китайски) — къ западу и Тумень-ганъ — къ востоку. Начиная отъ плоскогорья Пекъ-ту-санъ, корейская возвышенность постепенно понижается къ югу и принимаетъ все явственнѣе характеръ мощнаго горнаго хребта, гребень котораго проходитъ ближе къ восточному берегу полуострова и восточная покатость котораго обрывается къ морю круче, чѣмъ западная. Этотъ горный хребетъ въ своихъ центральной и южной частяхъ извѣстенъ подъ названіемъ Алмазныхъ горъ. Сѣверная ихъ часть поднимается до 5.000 фут. надъ уровнемъ моря, южная же — всего до 3.000 фут. Тамъ гребень хребта проходитъ серединой полуострова и раздѣляетъ его на двѣ области, нѣкогда два независимыя государства — Силла и Пэкъ-чѣ.

Сообразно съ характеромъ покатостей главнаго гор-

Толченіе хлѣба и риса въ деревянныхъ ступахъ.

наго хребта, отличаются другъ отъ друга и соотвѣтственные корейскіе берега и текущіе по нимъ рѣки. Восточные берега круты, скалисты, бѣдны извилинами, заливами и островами; глубина моря близъ нихъ очень значительна (10 саж.). Въ противоположность этому западные склоны очень покато спускаются къ Желтому морю и тянутся далеко подъ его волнами въ видѣ громаднхъ илистыхъ отмелей, выступающихъ наружу на сотни квадратныхъ миль во время отлива. Болѣе значительныя возвышенности образуютъ тамъ цѣлый лабиринтъ большихъ и малыхъ острововъ, окружающихъ широкимъ кружевомъ материкъ Кореи и маскирующихъ дѣйствительныя его границы.

Судоходство у западныхъ береговъ весьма опасно и нуждается въ опытныхъ лоцманахъ. Рѣки восточнаго берега коротки и скорѣе носятъ характеръ горныхъ потоковъ, исключая Накъ-тонъ-хань, направляющейся къ югу параллельно оконечности главнаго хребта. Напротивъ, рѣки западнаго побережья длиннѣе, обильнѣе водой, въ нижнемъ теченіи обыкновенно судоходны и текутъ въ болѣе открытыхъ долинахъ. Болѣе важныя изъ нихъ, это—Ханъ-гань, на которой расположенъ Сеуль, и Та-донъ-гань, на которой лежитъ Пхіонъ-янъ.

VI. Долина Анъ-біона. Земледѣліе.

Кругомъ все поля, безконечныя поля. Рыжія пашни изрѣзаны многочисленными оврагами, по дну которыхъ текутъ быстрыя рѣчки. На рѣчкахъ все тѣ же горбатые мостики на тоненькихъ ножкахъ, у рѣчекъ— все тѣ же сѣрыя села, избы, выстроенныя изъ глины да камня, крытыя соломой. Села эти дѣлаются все меньше и все глубже уходятъ въ овраги, чѣмъ выше поднимается общій уровень долины, по которой мы ѣдемъ. Мѣстами окрестность кажется совсѣмъ безлюдной, и только одинокая проволока корейскаго телеграфа бѣжить сиротливо по ней отъ мѣстечка Анъ-біонъ въ Сеуль.

Анъ-біонъ, столица уѣзда, давно остался за нами. Славится она писчебумажнымъ производствомъ и ведетъ торговлю рисомъ, горохомъ и бобами. Поистинѣ непонятно, какимъ образомъ поселяне получаютъ здѣсь излишекъ этихъ продуктовъ. Окрестности, хотя и старательно воздѣланныя, показались мнѣ чрезвычайно каменистыми. Независимо отъ несмѣтнаго числа мелкихъ камней, разсыпанныхъ по полямъ, на нихъ чернѣютъ густо, въ видѣ крупныхъ архипелаговъ, объемистыя каменные глыбы, цѣлыя ихъ кучи и гряды, среди

которыхъ узкія пахотныя поля вьются робко и капризно, словно морскія бухты и проливы у западныхъ корейскихъ береговъ.

Современемъ я убѣдился, что такое явленіе не исключительно присуще Анбюнской долины; оно составляетъ общее правило во всей почти Корей. Корея, это—страна скалъ по преимуществу, это—одна цѣльная, громадная каменная глыба, выдвинувшаяся далеко въ море и западнымъ своимъ краемъ погружившаяся глубоко въ морской пучинѣ, въ то время какъ восточный ея край поднялся на 3—5 тыс. футовъ надъ поверхностью океана. Трещины, расщелины, выпуклости и углубленія этой чудовищной глыбы отвѣчаютъ своими размѣрами ея величинѣ, образуя горныя цѣпи, овраги и долины.

Сходство Кореи съ исполинскимъ утесомъ простирается много дальше простаго литературнаго сравненія. Геологическія изслѣдованія доказали прежде всего большое однообразіе горныхъ корейскихъ породъ и ихъ постройки. Тамъ преобладаютъ древнія вулканическія породы,—гнейсы и кристаллическіе сланцы, прикрытые сверху тонкою оболочкой новѣйшихъ образованій, точно пылью или иломъ, нанесенными вѣтромъ и дождемъ на поверхность утеса.

Путешественника-неспеціалиста поражаетъ съ перваго взгляда въ Корей обиліе изверженныхъ породъ. Граниты, базальты, лавы, а также толстые слои и гнѣзда пемзы и вулканическаго песка встрѣчаются здѣсь чрезвычайно часто. Гранитъ образуетъ громадныя горныя цѣпи, базальтъ—высокія скалы, лава же видна повсюду. Мощныя глыбы ея иногда лежатъ среди полей или на склонахъ холмовъ, точно одинокія, только что упав-

шія бомбы вулкановъ; въ другихъ мѣстахъ онѣ представляютъ безпорядочно сваленныя кучи обломковъ или мелкій щебень, блестящій и острый, какъ бутылочное свѣже-разбитое стекло. Часто онѣ образуютъ длинныя гряды и валы, напоминающіе внѣшнимъ видомъ морены отступившихъ ледяныхъ полей, хотя глетчеровъ въ Корей нѣтъ и пока не найдены слѣды ихъ существованія.

Поверхность Кореи во многихъ мѣстахъ представляетъ ничто иное какъ громадныя кучи горнаго щебня или расщелистые утесы да обрывы, круто нависшіе и неустойчивые, напоминающіе фантастическія, вѣчно колеблющіяся скалы Японіи. Между тѣмъ землетрясенія въ Корей совершенно неизвѣстны. Не существуетъ даже преданій объ этомъ явленіи, исключая острова Квельпарта, гдѣ, по китайскимъ лѣтописямъ, въ началѣ XI столѣтія сильное колебаніе земли сопутствовало внезапному подъему горы Халла-санъ ¹⁾.

¹⁾ Гористый островъ Квельпартъ, — по-корейски Чже-чжью, — лежитъ въ разстояніи 100 морскихъ миль отъ самой южной оконечности Корейскаго полуострова. Среди острова поднимается на 6.500 н. п. м. гора Халла-санъ, названная европейцами Mount Auckland. На ея вершинѣ, по преданію туземцевъ, есть три кратера, нынѣ наполненные водой. Въ этихъ кратерахъ жили нѣкогда будто бы три первые человѣка, праотцы человѣческаго рода. Весь островъ усыпанъ глыбами базальта и лава, славится плодородіемъ почвы, превосходнымъ климатомъ и богатою растительностью. Жители разводятъ на немъ красивыхъ, маленькихъ, но крѣпкихъ полудикихъ пони, составляющихъ предметъ вывоза даже въ Европу. Народонаселеніе Квельпарта пользуется дурною славой за свою дикость и распутность. Большинство изъ нихъ — потомки ссыльных преступниковъ. Пространство Квельпарта — 2.000 кв. кил.; жителей — до 100.000; число женщинъ превышаетъ число мужчинъ.

О бурномъ прошломъ корейскаго материка нынѣ свидѣлствуютъ единственно его хаотическіе скалы да утесы, а также многочисленные потухшіе кратеры. Одинъ кратеръ, прекрасно сохранившійся, я видѣлъ въ Анбіонской долинѣ. Онъ походилъ на развалины изящнаго, поросшаго травой цирка, одиноко поднимавшагося среди плоскихъ полей, словно громадный редутъ. Сквозь трещину въ его скалистой окрестности я замѣтилъ землепашца, спокойно пахущаго его застывшее дно. Вверху двѣ кривыя сосны довърчиво склонялись со скалистаго обрыва.

Повторяю, что Анбіонская долина ничуть не болѣе камениста, чѣмъ другія, и безъ преувеличенія можно утверждать, что даже на западномъ, болѣе пологомъ берегу Кореи нѣтъ земель, вполне свободныхъ отъ этой каменной казни. Этимъ, по всей вѣроятности, обстоятельствомъ наряду съ бѣдностью туземцевъ объясняется повсемѣстное до сихъ поръ употребленіе въ Корей мотыки, какъ главнаго земледѣльческаго орудія. Мотыка эта, первообразъ корейскаго плуга, представляетъ желѣзный клинокъ около метра длиною и около 20-ти сантим. шириной, посаженный подъ острымъ угломъ на крѣпкую рукоятку. Она употребляется для вскапыванія почвы на всемъ Дальнемъ Востокѣ, въ Китаѣ и Японіи. Она не тяжела, но работа ея утомительна, такъ какъ требуетъ сильно наклоннаго положенія. Она является прекраснымъ орудіемъ для садовника, потому что глубоко подрѣзываетъ корни сорныхъ травъ и способствуетъ ихъ истребленію. Она не ломка. Упругость ея лезвія и кривая форма его позволяютъ инструменту проникать въ щели межъ камнями и кор-

нями. Это даетъ ей громадное преимущество при расчисткѣ нови и воздѣлываніи каменистой почвы.

Корейскій плугъ въ сущности—та же самая мотыка, только нѣсколько большихъ размѣровъ, запряженная быкомъ. Большой парный плугъ представляетъ уже болѣе усовершенствованное орудіе, и, насколько я могъ замѣтить, онъ — точная копія такого же китайскаго плуга. Для вспахиванія перелоговъ, рытья ямъ и канавъ корейцы употребляютъ уже орудіе собственнаго изобрѣтенія: большую лопату, къ которой съ боковъ прикрѣплены двѣ длинныя веревки. Землекопъ погружаетъ ее въ почву, послѣ чего стоящіе впереди него рабочіе тянутъ лопату веревками къ себѣ. Такимъ образомъ легко выворачиваются довольно крупные камни и глыбы ссохшейся глины. Приѣмъ этотъ, пожалуй, цѣлесообразенъ въ каменистой и глинистой Корее, но корейцы по привычкѣ примѣняютъ его даже на супесчаныхъ, мягкихъ почвахъ Уссурийскаго края.

Несмотря на недостатокъ хорошихъ орудій, поля въ Корее значительно лучше воздѣланы, чѣмъ въ Россіи и даже чѣмъ въ Польшѣ и Германіи. Обработка ихъ, однако, уступаетъ значительно китайскимъ и японскимъ полямъ, состояніе которыхъ доведено до возможнаго совершенства, гдѣ нивы производятъ прямо художественное впечатлѣніе своею роскошною, разумною эксплоатаціей всѣхъ условій свѣта, теплоты и влаги, гдѣ замѣтенъ изысканный уходъ за каждымъ почти стебелькомъ, гдѣ у растеній прямо видъ какихъ-то барчасть, выхоленныхъ въ удобствѣ и нѣгѣ.

Корейскія земледѣльческія растенія кажутся сравнительно съ японскими какими-то малокровными, плохо упитанными существами, о которыхъ недостаточно за-

Выделка палочекъ для стирки бѣлья (тадыми-тацъ-май).

ботятся и недостаточно оберегаютъ ихъ отъ вѣтра, воды и всякихъ напастей. Мнѣ часто попадались посѣвы, размытые и полузанесенные иломъ, или прибитыя и почернѣвшія отъ ливня рисовыя поля; я видѣлъ всходы, заросшіе сорными травами, и видѣлъ позднюю осень на жнивьяхъ неубранные суслоны.

Въ южной части полуострова поля меньше размѣрами и старательнѣе обработаны. Тамъ сильно замѣтно вліяніе японскаго земледѣлія; между тѣмъ какъ на сѣверѣ и западѣ твердо укоренились способы и привычки, позаимствованные изъ Сѣвернаго Китая и Манчжуріи. На сѣверѣ преобладаютъ поля, вспаханныя въ видѣ длинныхъ, слегка изогнутыхъ полосъ, обсаженныхъ на межахъ деревьями, а также обширныя низменные рисовыя поля, окруженныя высокими плотинами. Удобреніе у корейцевъ вообще менѣе въ ходу, чѣмъ у ихъ богатыхъ западныхъ и южныхъ сосѣдей, да и по качеству оно гораздо худшаго сорта. Главнымъ образомъ они употребляютъ скотный наземъ, человѣческіе экскременты, гумусъ, золу, известь. Для возстановленія азота въ почвѣ они пользуются посѣвами бобовыхъ растений. Въ послѣднее время въ южныхъ областяхъ Кореи, по примѣру японскихъ колонистовъ, сталъ входить въ употребленіе рыбій тукъ, какъ удобреніе рисовыхъ полей, что открываетъ новый и обширный рынокъ для сахалинскихъ рыбопромышленниковъ. Зеленыя удобрения, примѣняемыя въ Японіи повсемѣстно, корейцамъ еще совершенно неизвѣстны. Если, несмотря на это, урожаи въ Корей получаются хорошіе, даже отличные, то это слѣдуетъ приписать необыкновенному плодородію вулканической почвы, а также энергіи процессовъ, проис-

ходящихъ въ почвѣ подѣ дѣйствіемъ жгучаго южнаго солнца, и обилію влаги въ долгое и теплое лѣто.

Средній умотъ въ Сѣверной Корей даетъ: чумидзе (просо)—отъ самъ-120 до 105, плохой урожай—самъ-30, маиса — отъ самъ-80 до 60, плохой урожай — самъ-15, риса—отъ самъ-50 до 20, плохой урожай — самъ-5,6, ячменя—отъ самъ-30 до 20, плохой урожай—самъ-3,5, бобовъ—отъ самъ-60 до 30, плохой урожай—самъ 5,6. Стало быть, даже въ плохіе годы корейскіе урожаи равны среднимъ европейскимъ.

Въ основѣ корейскаго земледѣлія безусловно лежить воздѣлка риса. Достаточно бѣлаго обзора корейскихъ полей, чтобы убѣдиться, что по крайней мѣрѣ двѣ трети, если не больше, всѣхъ обработанныхъ пространствъ занято подѣ рисъ, причемъ плантаціи риса встрѣчаются въ Корей и на такихъ высотахъ, на которыя онѣ не собираются ни въ Китаѣ, ни даже въ Японіи. Мнѣ попадались рисовыя поля въ совершенно замкнутыхъ горныхъ котловинахъ, гдѣ ручьевъ не было и гдѣ, слѣдовательно, объ искусственномъ орошеніи не могло быть и рѣчи. Мой тон-са (переводчикъ) объяснилъ мнѣ, что поля эти заливаются вѣшними водами, количество и сохраненіе которыхъ регулируется цѣлою системой остроумныхъ каналовъ. Въ другихъ мѣстахъ я видѣлъ бассейны для скапливанія и сохраненія снѣговой и дождевой воды въ цѣляхъ орошенія. Впрочемъ, въ Корей произрастаетъ особая порода горнаго риса (*oryza montana*), не требующая орошенія и довольствующаяся тою влагой, которую она получаетъ изъ воздуха. Нѣкогда этотъ рисъ произрасталъ здѣсь въ дикомъ состояніи, да и нынѣ можно на вершинахъ Кореи найти дикіе его экземпляры. Его зерно мелкое,

но твердое и прочное, сравнительно съ болотнымъ рисомъ, въ виду чего онъ закупается преимущественно для военныхъ хлѣбныхъ складовъ. Болотный рисъ въ благопріятныхъ условіяхъ можетъ пролежать безъ порчи пять лѣтъ, горный же не измѣняется даже въ теченіе десяти лѣтъ. Однако главнымъ образомъ воздѣлываются другіе два сорта риса: обыкновенный посѣвный рисъ (*oryza sativa*),—по-корейски „тапъ-кокъ“,—и клейкій рисъ (*oryza glutinosa*),—по-корейски „чунъ-кокъ“. Оба они требуютъ большого количества воды и одинаковаго ухода, но первый лучше родится на низменностяхъ, второй же предпочитаетъ поля болѣе возвышенныя, на склонахъ горъ.

Для удержанія воды на нагорныхъ поляхъ въ продолженіе необходимаго времени корейцы, по примѣру своихъ западныхъ учителей, срѣзываютъ склоны горъ террасообразно и окружаютъ поля невысокимъ глинянымъ валомъ. Въ устройствѣ этихъ террасъ они много уступаютъ японцамъ, несравненнымъ гидротехникамъ. Корейскія террасы неуклюжи и непрочны. Мнѣ часто попадались поля, полузанесенныя обвалами камней, пескомъ или размытыя горными ливнями. Для посѣва корейцами употребляются лучшія сѣмена риса, отобранныя извѣстнымъ повсемѣстно на Дальнемъ Востока способомъ. Ради этого сѣмена до посѣва бросаютъ въ точно опредѣленный растворъ поваренной соли, и плавающія по поверхности откладываются для ѣды, опустившіяся же на дно употребляютъ въ дѣло. Высѣваютъ корейцы рисъ густо въ обнесенныхъ плетнемъ разсадникахъ, старательно, но неглубоко разрыхленныхъ и обильно унавоженныхъ. Сѣютъ разсаду обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ (въ началѣ четвертой ко-

рейской луны); по окончаніи посѣва разсадникъ затопляется немедленно водой на 2—3 дюйма высоты. Вода отъ времени до времени спускается, чтобы зерна пришли въ соприкосновеніе съ воздухомъ. Рисъ пускаетъ подъ водой ростки и листья. Послѣ появленія третьяго листа воду спускаютъ окончательно. Спустя мѣсяцъ или шесть недѣль послѣ посѣва разсада готова къ пересадкѣ. Въ іюнѣ поля обязательно должны быть вспаханы и подготовлены для посадки разсады. До того поля долго стояли подъ водой и превратились въ топкія болота. Разсаду садятъ въ этомъ болотѣ пучками по пяти-семи штукъ на разстояніи одного метра другъ отъ друга. Обыкновенно посадку разсады производитъ вся семья, утопая по колѣно въ грязи, такъ какъ требуется большая поспѣшность, чтобы солнце не убило нѣжныхъ молодыхъ побѣговъ раньше, чѣмъ они будутъ опять покрыты водой. Подъ водой рисъ крѣпнетъ и быстро начинаетъ подниматься вверхъ. Цвѣтетъ рисъ въ концѣ августа или въ началѣ сентября, созрѣваетъ въ октябрѣ (въ девятую корейскую луну).

Поле созрѣвшаго риса въ урожайный годъ кажется мѣдно-золотистаго цвѣта. Тяжелыя кисти злаковъ свѣшиваются книзу и напираютъ другъ на друга. Въ дождливые годы рисовая солома чернѣетъ и рисъ часто вылегаетъ, отчего сильно страдаетъ качество его зерна, уменьшается вѣсъ, вкусъ становится хуже, и мутнѣетъ его жемчужная прозрачность. Поэтому-то японцы употребляютъ обильно рыбій тукъ, который, по ихъ словамъ, придаетъ рисовой соломѣ большую крѣпость и устойчивость.

Уборка риса производится въ Корей гораздо небрежнѣе, чѣмъ въ Японіи. Этимъ объясняется, что не-

смотря на превосходныя естественныя условія и отличныя свойства мѣстныхъ сѣмянъ корейскій рисъ до сихъ поръ не можетъ соперничать съ высокими японскими сортами.

Корейцы говорятъ, что культура риса пришла къ нимъ изъ Китая, изъ области Харамъ, въ очень древнюю эпоху, приблизительно за 2.800 лѣтъ до Р. Х. Болѣе вѣроятнымъ кажется преданіе, что культура риса проникла въ Корею въ 1122 г. до Р. Х., занесенная нѣкимъ Ки-чжа (Ки-цза), начальникомъ китайскихъ выходцевъ, которые въ то время толпами бѣжали въ сѣверную часть полуострова. Въ то же время, вѣроятно, корейцы познакомились съ ячменемъ, пшеницей и другими хлѣбными злаками, такъ какъ до того извѣстна имъ была единственно порода манчжурскаго проса, „чумидзе“. Всѣ эти злаки даютъ превосходные урожаи въ Корей, тѣмъ не менѣе посѣвы ихъ въ сравненіи съ рисомъ играютъ второстепенную роль въ земледѣльческомъ хозяйствѣ страны. Ячмень цѣнится выше другихъ, благодаря спросу въ Японію, за тѣмъ еще и потому, что весной, на исходѣ пиши, онъ созрѣваетъ раньше другихъ хлѣбовъ. Пшеницу сѣютъ корейцы яровую и озимую; озимая обыкновенно засѣвается на поляхъ сейчасъ послѣ уборки риса. Тогда она созрѣваетъ уже въ маѣ слѣдующаго года и освобождаетъ поле къ слѣдующему посѣву риса, и такимъ образомъ съ одного поля получаютъ двѣ жатвы въ годъ. Во время моего путешествія въ октябрѣ всходы пшеницы уже хорошо поднялись и образовали мѣстами густое зеленое руно. Озимаго ячменя мнѣ не довелось видѣть, но я слыхалъ, что корейцы его сѣютъ. Въ сѣверныхъ областяхъ Кореи сѣютъ также овесъ, глав-

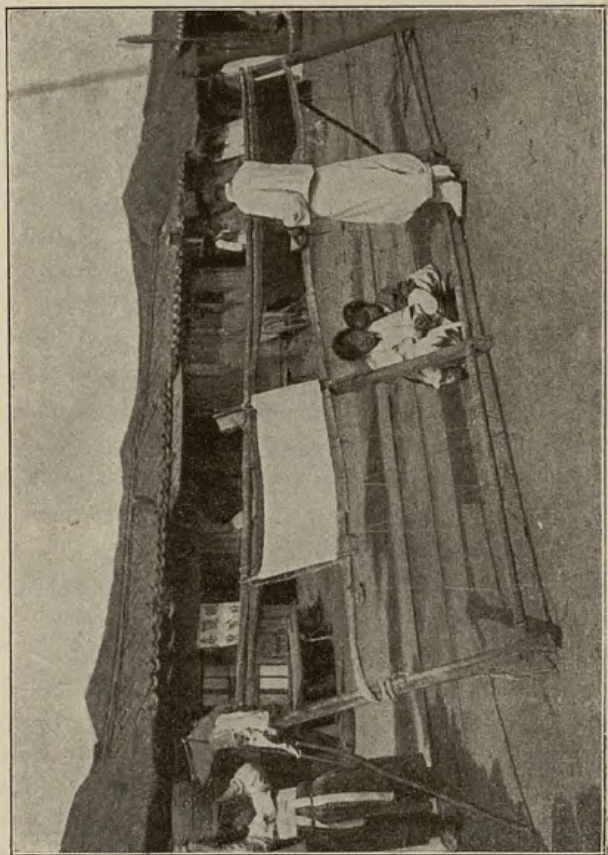
нымъ образомъ на вывозъ во Владивостокъ, куда ежегодно сплавляютъ его до 120.000 пудовъ. Изъ овсяной соломы корейцы выдѣлываютъ превосходнаго качества бумагу.

Послѣ риса просо занимаетъ самое видное мѣсто въ корейскомъ хозяйствѣ. Существуетъ нѣсколько породъ проса. Одна порода, низкорослая, дающая мелкое, нѣжное, желтое зерно, употребляется корейцами въ пищу; другая порода, съ высокими, кустообразными стеблями, дающая тоже мелкое, но красное, низкопробное зерно, служить кормомъ для скота. Стебли его употребляются также на постройку хижинъ, заборовъ и какъ топливо; изъ листьевъ его плетутъ рогожи. Сѣютъ также корейцы и „гао-льянь“; обширныя поля его я видѣлъ въ Западной Корей.

Изъ другихъ злаковъ сѣютъ корейцы маисъ (ок-сю-ки или ок-су-су), и, кажется, что имъ извѣстна рожь, хотя я не видѣлъ ея нигдѣ и не нашелъ даже на сеульскомъ хлѣбномъ рынкѣ.

Изъ овощей больше всего распространены различные виды гороха и бобовъ. Гамильтонъ насчитываетъ 13 видовъ круглыхъ бобовъ, два вида продолговатыхъ и пять смѣшанныхъ. Возможно, однако, что разновидностей бобовъ и гороха существуетъ гораздо больше, такъ какъ въ сеульскихъ лабазахъ я видѣлъ ихъ очень много всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ, оттѣнковъ и назначенія. Тамъ были бобы и горохъ, идущіе исключительно въ кормъ лошадямъ, далѣе, сорта маслособные, сорта для выдѣлки сои, муки и т. д. Были тамъ странные морщинистые „бобы-дѣды“ и „бобы-орѣхи“ изъ восточныхъ областей.

Наконецъ, немалое значеніе играетъ въ хозяйствѣ

Наведеніє крахмала на ситецъ.

корейцевъ огородничество; садятъ они рѣдку, рѣцу, морковь, лукъ, чеснокъ, корейскій перецъ, баклажаны, помидоры, огурцы, тыквы, дыни, арбузы. Одинъ только картофель мало извѣстенъ, такъ какъ разведенію его мѣшало продолжительное время правительство, считая картофель революціоннымъ растеніемъ,—вѣдь привезли его сюда католическіе миссіонеры. Затѣмъ совсѣмъ нѣтъ въ Корей капусты. вмѣсто капусты тамъ садятъ очень много крупнаго, продолговатаго китайскаго салата „пе-ццу“ (по-корейски), который солятъ и употребляютъ въ пищу, какъ кислую капусту.

Изъ всѣхъ овощей корейцы больше всего поѣдаютъ именно салата да бѣлой горькой рѣдки. Въ Сеулѣ на рынкѣ, по близости „Дзонъ-но“, я видѣлъ цѣлыя горы этихъ двухъ овощей, привезенныхъ на продажу, и ни одинъ мой обѣдъ въ корейскихъ деревняхъ не обходился безъ кислой рѣдки да салата; равнымъ образомъ я не встрѣтилъ ни одной деревушки, кругомъ которой не зеленѣли бы гряды этихъ овощей.

Во главѣ промышленныхъ растеній слѣдуетъ поставить въ Корей хлопокъ (сыо-ми, менъ-ца, сѣкъ-хаё). Въ хлопчато-бумажныя ткани одѣвается тамъ большинство народонаселенія, такъ какъ шелкъ въ значительно меньшемъ употребленіи среди корейцевъ, чѣмъ среди китайцевъ и японцевъ, а овечья шерсть совсѣмъ неизвѣстна на полуостровѣ. Реклю ¹⁾ полагаетъ, что воздѣлываніе хлопка началось въ Корей всего 80 лѣтъ тому назадъ; Гриффисъ ²⁾ и Гассе-Вертегъ ³⁾ утверждаютъ, наоборотъ, что оно корейцамъ давно извѣстно,

¹⁾ „Nouvelle Géographie Universelle“, VII, p. 674.

²⁾ „Corea, the Hermit Nation“, p. 152.

³⁾ „Korea“, p. 210.

еще со времени второго нашествія японцевъ въ XVI столѣтіи. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что культура хлопка пришла сюда изъ Китая, въ чемъ убѣждаютъ насъ и сортъ растенія, и способъ его обработки. Послѣдняя очень необременительна. Вспаханное и хорошо унавоженное золой и человѣческими экскрементами, поле засѣвается отборными сѣменами хлопчатника въ концѣ апрѣля, и затѣмъ хозяинъ является туда уже только къ сбору хлопка, развѣ что онъ посѣялъ среди кустовъ рѣпу, рѣдку или кунжутное сѣмя. Хлопковыхъ полей корейцы не полютъ и не орошаютъ даже въ засуху. Подъ хлопокъ отводятся обыкновенно худшія нивы,—дресвяныя или лежащія на крутыхъ откосахъ, неудобныхъ для посѣва хлѣбовъ. Нетребовательное растеніе уже на десятый день всходить и быстро достигаетъ 2-хъ и болѣе футовъ высоты. Цвѣтетъ хлопокъ въ августѣ. Каждый кустикъ приносить до 40 сѣмянныхъ коробочекъ, полныхъ желтоватаго пуха. Собираютъ корейцы хлопокъ въ октябрѣ, ноябрѣ, даже позже, смотря по состоянію погоды. Я видѣлъ въ половинѣ ноября поля еще необобранныя. Послѣ сбора хлопчатой бумаги кусты вырываются съ корнями и сжигаются какъ топливо, что тоже не лишено значенія въ безлѣсной Корей. Больше 300.000 десятинъ земли занято ежегодно подъ посѣвъ хлопка, но количество это изъ года въ годъ уменьшается въ виду ввоза изъ Японіи дешевой хлопчато-бумажной пряжи. Въ настоящее время Корея потребляетъ въ годъ 1.300.000 фунтовъ собственнаго хлопка-сырца.

Льна совсѣмъ не знаютъ корейцы. Въ Сѣверной Корей сѣютъ крестьяне *коноплю* (ма-са, са-ми), въ Южной—*японскую крапиву* (по-корейски сіö). Изъ нихъ они

выдѣлываютъ толстыя и рѣдкія ткани для лѣтнихъ траурныхъ платьевъ. Крапива рѣдко засѣвается на отдѣльныхъ участкахъ; чаще всего ее сѣютъ на плантаціяхъ шелковицы или среди другихъ кустовъ и деревьевъ.

Источникомъ крупнаго дохода для корейскихъ земледѣльцевъ является воздѣлываніе лѣчебнаго корня *женьшеня* (рапах ginseng, по-корейски—самъ). Ему приписываютъ всевозможныя свойства, чудодѣйственныя силы, способность продлить человѣческую силу и даже возвращать молодость старикамъ. Замѣчательно, что чудодѣйственныя его качества, по мнѣнію корейцевъ, находятся въ тѣсной связи съ человѣкообразной его формой. Въ одной изъ корейскихъ сказокъ, записанныхъ Н. Гаринымъ, разсказывается, между прочимъ, что невѣстка сохранила жизнь свекра, сваривши ему супъ изъ собственнаго сына, котораго, впрочемъ, спасъ добрый бонза, подставивши вмѣсто него корень женьшеня. Подобные разсказы въ Корей очень распространены и указываютъ, думаю, на несомнѣнную въ прошломъ связь женьшеня съ канибализмомъ. Говорятъ, что женьшень, дѣйствительно, средство сильно возбуждающее и что къ нему можно привыкнуть, точно такъ же, какъ къ опию или морфію ¹⁾. Мнѣ разсказывали врачи въ Манчжуріи, что злоупотребленіе женьшенемъ ведетъ къ сумасшествію и смерти. М. А. Поджіо утверждаетъ, что у европейцевъ женьшень вызываетъ воспалительныя заболѣванія ²⁾. Чрезвычайно цѣнятся

¹⁾ Женьшень обыкновенно настаиваютъ на спирту и настойку употребляютъ ежедневно въ небольшомъ количествѣ.

²⁾ „Korea“, нѣмецкое изданіе, стр. 110.

корень дикаго жень-шеня, который встрѣчается еще въ пустынныхъ горныхъ закоулкахъ Манчжуріи и Сѣверной Корей. За такой корень китайцы платятъ большія суммы,—до нѣсколькихъ тысячъ рублей за штуку. Въ частныя руки дикій жень-шень попадаетъ только въ видѣ контрабанды, такъ какъ онъ признанъ въ Китаѣ и Корей собственностью императорскаго двора. Корень дикаго жень-шеня много крупнѣе культурнаго; длина его достигаетъ иногда 4-хъ фут. при толщинѣ въ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ. Культурный корень не только меньше, но и въ тысячу разъ дешевле. Его воздѣлываніемъ занимаются главнымъ образомъ поселяне столичной провинціи Кіюнь-гый-до и южной Кіюнь-сань-до. Тамъ частенько попадаются небольшія, въ полдесятины, окруженныя заборомъ, плантаціи жень-шеня. На нихъ вскопаны высокія, въ нѣсколько футовъ, гряды, шириною фута въ четыре. Гряды съ южной стороны защищены низенькимъ навѣсомъ изъ циновокъ, такъ какъ жень-шень, многолѣтній корнеплодъ, не боится холодовъ, даже морозовъ, но не выноситъ свѣта. Почву для плантаціи старательно выбираютъ не слишкомъ жирную и унавоживаютъ растительнымъ перегноемъ, смѣшаннымъ съ пескомъ. Растеніе постоянно окапывается, очищается, и подкармливается удобреніями, пока оно не достигнетъ надлежащихъ возраста и величины. Обыкновенно его выдергиваютъ на четвертомъ году, хотя случается, что сберегаютъ его до десятилѣтняго возраста, такъ какъ съ годами возрастаетъ и его цѣнность. Послѣ сбора корень промывается, пропаривается въ большихъ котлахъ, затѣмъ сушится въ сушильняхъ, согрѣваемыхъ горячимъ древеснымъ углемъ, очищается отъ мелкихъ корешковъ и случай-

ныхъ придатковъ, завертывается порознь въ тонкую бумагу и упаковывается въ небольшія корзиночки, фунтовъ по 10-ти въ каждой. Корзинки, осматрѣнные надлежащими чиновниками и снабженныя правительственными пломбами, поступаютъ на рынокъ партіями по 12—14 корзинокъ, уложенныхъ въ одну большую корзину. Стоитъ такая партія отъ 12.000 до 14.000 долл. каждая, смотря по сезону и качеству жень-шеня. Обыкновенный красный жень-шень (хонъ-самъ) цѣнится ниже желтоватаго, разъ послѣдній тоже прошелъ искусъ вывариванія. Еще ниже цѣнится бѣлый, невареный жень-шень, который въ ходу исключительно въ Корей. Вывозъ двухъ первыхъ сортовъ воспрещенъ за границу, исключая Китая, куда онъ поставляется по особому договору.

Годичное производство жень-шеня въ Корей достигаетъ 50.000 фунт. Въ 1897 году его урожаи оцѣнивался въ 1.200.000 долл.

Кромѣ жень-шеня и хлопка разводятъ также корейцы въ значительномъ количествѣ табакъ (тамбе), который пришелъ сюда изъ Японіи въ XVI столѣтіи и находится въ настоящее время во всеобщемъ употребленіи: курятъ корейцы-мужчины, женщины, даже дѣти.

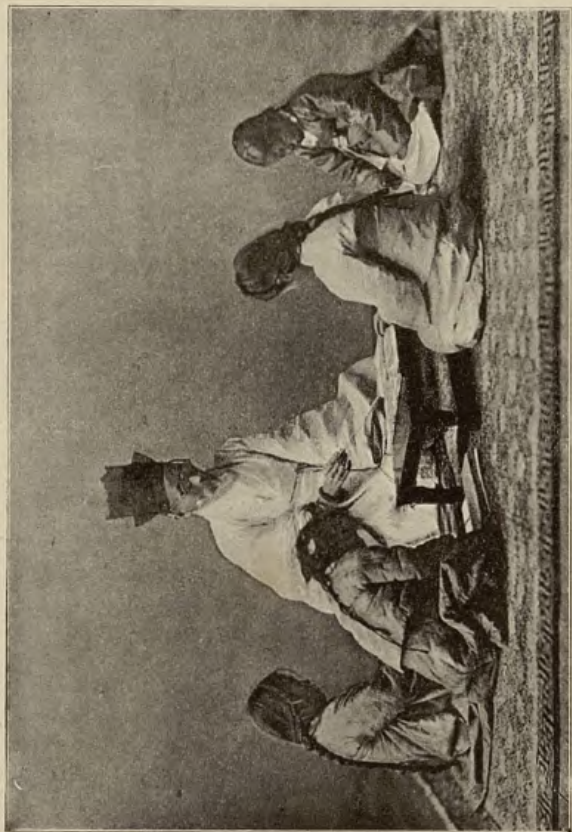
Садовъ въ Корей мало, но у каждой почти деревушки гдѣ-нибудь поблизости растетъ нѣсколько штукъ крупныхъ сладкихъ каштановъ (хуанню-ри), и у многихъ хижинъ находятся отдѣльныя плодовые деревья или ихъ группы. Преобладаетъ, конечно, *каки* (*sepagus kaку*, по-корейски—каамъ), котораго красный, яблоко видный, мягкій плодъ считается самымъ вкуснымъ и

здоровымъ плодомъ Кореи. Онъ дѣйствительно лучше японскаго и китайскаго каки.

Кромѣ каки есть у корейцевъ груши (паё, цхамъ-паё), яблоки (нынгими-кеми, уэци), абрикосы, фисташки, орѣхи и довольно вкусный виноградъ (пходо, моргуръ-и). Но вообще, исключая каки, плоды въ Кореѣ невкусны, водянисты и безъ запаха ¹⁾. То же самое слѣдуетъ сказать о кавунахъ, арбузахъ, дыняхъ, огурцахъ, которые даже изъ хорошихъ европейскихъ сѣмянъ вырастаютъ въ большія, безвкусныя, полныя сѣмянъ тыквы. Виноградъ созрѣваетъ во всей Кореѣ, даже въ сѣверной ея части. Произрастаетъ здѣсь также почти вездѣ шелковица, бумажное и восковое деревья и красильныя растенія, дающія синюю (*polygonum tinctorium*), красную (*cantharus tinctorius*) и фіолетовую (*lithospermus erythrorhizon*), но разведеніе ихъ много меньше, чѣмъ въ Китаѣ и Японіи. Чайнаго куста совсѣмъ нѣтъ въ Кореѣ, хотя климатъ ея и гористая поверхность вполне отвѣчаютъ его культурѣ. Чая (цха) корейцы употребляютъ мало, и только тамъ, гдѣ они по привыкли къ нему въ общеніи съ китайцами: обыкновенно вмѣсто чая они пьютъ сушеные листья боярки съ примѣсью имбиря и плодами дерева *torreya nucifera*, привозимыми изъ Японіи.

Въ корейскихъ садахъ растетъ одно плодовое дерево, имѣющее только свойственное, именно видъ кедра (*pinus koreensis*), орѣшки котораго, смѣшанные съ рисовою мукой и пылью сосны, служатъ для приготовленія общелюбимаго лакомства.

¹⁾ На о. Квельпартъ вызрѣваютъ небольшіе апельсины (нынгами).

Корейская школа.

Кромѣ того корейцы охотно разводятъ въ садахъ цвѣты на продажу и для себя; по качеству и количеству ихъ цвѣты много уступаютъ японскимъ, да и тѣ, о которыхъ я справлялся, привлеченный ихъ красотой, оказывались всегда почти выращенными изъ японскихъ сѣмянъ.

Въ прошломъ Кореи на каждомъ шагу замѣтно вліяніе Китая, теперь же постоянно — Японія, Японія... Японія...

Въ общемъ картина корейскаго земледѣлія отвѣчаетъ вполнѣ впечатлѣнію всего корейскаго строя: она не то что нехороша или небрежна, но она лишена энергіи и стремительности труда, желающаго и вѣрующаго въ свое самоусовершенствованіе.

Удивительная противоположность съ сосѣдней Японіей, гдѣ все дрожитъ отъ внутренняго напряженія и движенія впередъ...

VII. Деревня Сѡ-кіѡ.

Начиная съ Анъ-біона, всю дорогу съ краткими перерывами хлесталъ насъ дождь,—тотъ спеціальный корейскій дождь „кып-хан-пи“, который не сверху падаетъ, но несется въ порывахъ вѣтра параллельно землѣ въ видѣ мелкаго пронизывающаго тумана. Ради защиты отъ него я, къ великому ужасу моей лошади, раскрылъ зонтикъ и поставилъ его вбокъ, точно щитъ. Тон-са надѣлъ вмѣсто плаща свое красное одѣяло и ажурную свою шляпу покрылъ бумажнымъ промасленнымъ колпакомъ (каль-мо), до того сложеннымъ въ видѣ вѣера и заткнутымъ за его поясомъ. Одинъ ма-пху остался все въ томъ же грубомъ, траурномъ платьѣ; не знаю, скорбь ли по родителямъ воспрещала ему заботиться о себѣ, или у него, дѣйствительно, не было больше платья. Онъ только поглубже надвинулъ на лицо свою громадную корзинообразную шляпу и шагаль мрачно позади лошадей.

Мы долго пробирались по проселочнымъ узенькимъ дорогамъ, вьющимся среди холмовъ и ущелій, пока вышли опять на большую Сеульскую дорогу. По утлому корейскому мостику мы перешли красивую, довольно широкую рѣку, на берегу которой съ одной стороны

поднимались высокіе черные утесы, а съ другой—пріютилась сѣрая деревенька. Опять явились у дороги однопроволочный корейскій телеграфъ на жердяхъ и обязательныя часовенки съ навѣсами надъ каменными памятниками „добродѣтельныхъ“ чиновниковъ. Очевидно, уму непостижимыя доблести обильно процвѣтали среди мѣстной администраціи. Тутъ же зеленѣли иногда красивыя рощи старыхъ деревьевъ.

Опять миновали мы подъ рядъ нѣсколько почернѣвшихъ отъ непогоды убогихъ поселковъ. Это были самыя мелкія деревенскія единицы, такъ называемыя „тонъ“ или „донъ“—поселки; болѣе крупныя деревни зовутся „цхонъ“, села—„сый-гой-ри“ или „сый-коль“, крупные посадки—„май-ри“, города—„ыби“ или „коу-ри“, окружные города (пхаль-до)—„ка-мё-ни“ или „ёны-би“¹⁾.

На моей японской картѣ, очень подробной и толковой, многія названія заканчиваются словами „чжемъ“ (почтовая станція, тюркское и монгольское „джамъ“), „донъ“ (поселокъ), а также „ли“, „и“ или „ни“. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что все это—опредѣленія разной величины деревень. Болѣе подробныя, однако, изслѣдованія убѣдили меня, что „и“ (ли) или „ни“ есть названіе начальной единицы крестьянскаго самоуправления, что поселки (донъ) меньше 30-ти домовъ соединяются въ одно „ли“ (и, ни), хотя бы ихъ и раздѣляло нѣсколько верстъ разстоянія.

Крестьянское корейское самоуправленіе обладаетъ очень слабою самостоятельностью и въ сущности представляетъ низшую ступень полицейской и административной власти.

¹⁾ Опытъ „Русско-корейскаго словаря“ М. Пуцилло и „Русско-корейскій словарь“, составленный А. И. Тайшинымъ.

тивной организаціи. Ежегодно на новый годъ каждая „ни“ выбираетъ старосту (цзон-ый) и писаря (сіѳ-гый), затѣмъ подстаросту (ту-минь) и разсыльнаго (ха-ю-са). Последняя должность оплачивается; всѣ остальные исполняются бесплатно. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ домохозяева, достигшіе 30-ти лѣтняго возраста. Волость (міѳнь) состоитъ изъ нѣсколькихъ „ни“; во главѣ ея стоитъ старшина (чжи-ганъ) и писарь (сіѳ-гый); въ помощь имъ опредѣляются посыльный (ха-ю-са) и волостной курьеръ (міѳнь-чжю), — оба платные. Последний не можетъ быть уволенъ со службы безъ разрѣшенія начальника уѣзда и только за болѣе тяжкія провинности. Обязанность его заключается въ доставкѣ властямъ официальныхъ бумагъ изъ волости и обратно. Такимъ образомъ, онъ является до нѣкоторой степени независимымъ лицомъ въ волостномъ управленіи и служитъ правительственнымъ соглядатаемъ и контролеромъ управительскихъ дѣйствій. Собственно все крестьянское корейское самоуправленіе сводится къ роли сборщика податей. Оно обязано прежде всего доставлять ежегодно правительству списки народонаселенія съ указаніемъ доходовъ каждаго лица, затѣмъ должно собирать подати и затѣмъ уже ловить преступниковъ и нарушителей правительственныхъ распоряженій, наблюдать за путями сообщенія, мостами, каналами, хлѣбными магазинами, школами, ссудо-сберегательными кассами, наконецъ, должно заботиться о процвѣтаніи земледѣлія, общественномъ здоровіи, помогать своимъ членамъ въ несчастіѣ, наблюдать за справедливымъ распредѣленіемъ обязательныхъ работъ и т. д.

Все это звучитъ очень красиво въ разсказахъ чи-

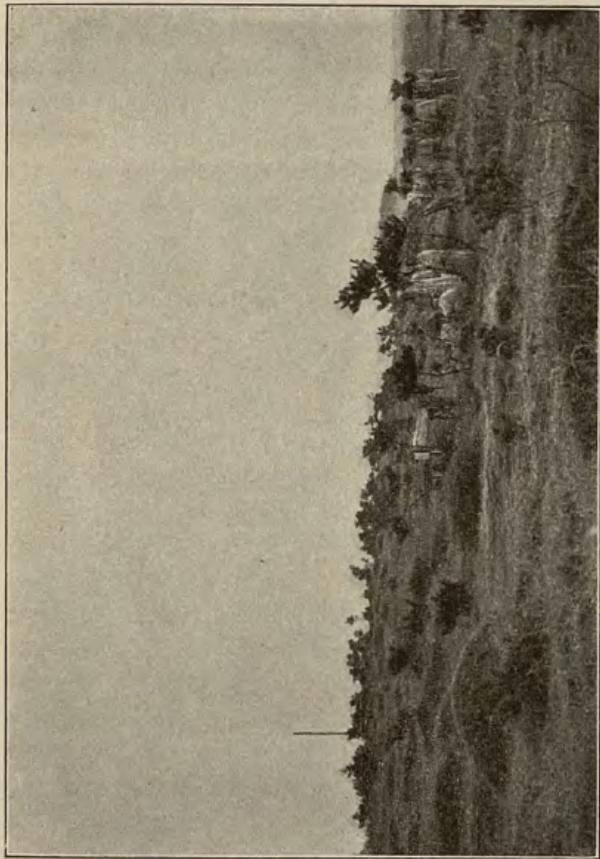
новниковъ, но въ дѣйствительности оно не существуетъ. Бюрократія давно уничтожила и превратила въ пустыя формальности всѣ эти яко бы права и обязанности, кромѣ, конечно, сбора податей. Деревенскій сходъ состоитъ по закону изъ представителей всѣхъ семействъ и рѣшаетъ свои дѣла самолично путемъ обсужденій и постановленій, но исполненіе этихъ постановленій зависитъ вполне отъ старосты, который можетъ опротестовать ихъ и передать на обсужденіе въ волостное управленіе, состоящее изъ старшины, деревенскихъ старостъ и выборныхъ,—по одному депутату отъ каждой деревни. Рѣшеніе волостного правленія можетъ быть въ свою очередь приостановлено старшиной и отправлено на разсмотрѣніе начальника уѣзда и губернатора. Дважды въ годъ эти чиновники обязаны докладывать министру внутреннихъ дѣлъ о рѣшеніяхъ и постановленіяхъ волостныхъ сходовъ. Понятно, что эти постановленія утверждаются и приобрѣтаютъ законную силу только постольку, поскольку они удобны чиновникамъ и выгодны казнѣ,—о мужикѣ въ Корей никто не заботится.

Ради примѣра корейскихъ административныхъ порядковъ расскажу исторію здѣшнихъ сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ. Устроены были они еще въ XVI столѣтіи въ видахъ военнаго продовольствія. Въ каждой волости долженъ былъ возникнуть магазинъ, откуда выдавались бы весной ссуды зерномъ подъ посѣвъ съ уплатой займа по осени зерномъ же съ добавкой 10⁰/о-наго лишка. Понятно, что магазины или совсѣмъ не возникли, или въ скоромъ времени исчезли, и весь собираемый рисъ полностью попадалъ въ карманы чиновниковъ. Только въ 1894 г.,—году попытокъ къ

оздоровленію и стремленій къ реформамъ, —нашелся достаточно смѣлый и честный губернаторъ въ провинціи Канъ-уѣнь-до, который представилъ императору докладъ объ истинномъ положеніи дѣлъ. Докладъ былъ напечатанъ въ „Правительственной Газетѣ“ ¹⁾, и затѣмъ рѣшено было преобразовать волостные магазины. Волости приобрѣли немного больше вліянія на судьбу собираемаго съ нихъ риса, но такъ какъ главный надзоръ попрежнему остался въ рукахъ чиновниковъ, то надо думать, что во многихъ мѣстностяхъ риса опять нѣтъ, а въ остальныхъ его скоро не будетъ.

И большія, и малыя корейскія деревни всегда производили на меня впечатлѣніе временныхъ жилищъ-пріютовъ народа усталого, измученнаго, торопящагося пройти сквозь жизнь, не размышляя о завтрашнемъ днѣ, народа-странника, не думающаго объ удобствахъ временнаго пристанища, народа недавно еще бродячаго, не привыкшаго основательно къ осѣдлой жизни, для котораго жилой домъ прежде всего — спальня и кухня. Копновидныя соломенныя кровли ихъ избъ, укрѣпленныя отъ вѣтровъ сѣтью соломенныхъ веревокъ, удивительно похожи на войлочные монгольскія или даурскія юрты, особенно когда онѣ окружены высокимъ хворостянымъ заборомъ, тоже удивительно похожимъ на солонскій или даурскій плетень. Такіе заборы особенно распространены въ приморскихъ деревняхъ, вообще тамъ, гдѣ вѣтрено. Но здѣсь кончается сходство, такъ какъ и избы корейскія, и корейскія деревни въ сущности представляютъ довольно вѣрную, хотя и умень-

¹⁾ Корейско-китайская „Правительственная Газета“ №№ 11-го и 21-го сентября 1894 г. См. „Описаніе Кореи“, издан. мин. фин.

Корейское кладбище и похороны (чангъ-са-ци-нео).

шенную и болѣе бѣдную копію китайскихъ фанзъ и поселеній. Такими, по всей вѣроятности, были нѣкогда деревни во всемъ Китаѣ и такими онѣ остались во всей Корей, хотя въ богатыхъ культурныхъ частяхъ Китая онѣ ушли много впередъ. Обыкновенно корейская деревня располагается по обѣимъ сторонамъ дороги, образуя прямую, довольно плотно застроенную улицу. Впрочемъ, часто попадаются даже довольно большія села, широко и беспорядочно разбросанныя, среди которыхъ вѣется прихотливо проѣздъ, то суживаясь, то опять расширяясь.

Дома всегда обращены вдоль дороги въ длину, и лицевая ихъ стѣна снабжена неширокимъ, во всю стѣнку крыльцомъ, накрытымъ выступомъ кровли. Корейцы очень любятъ проводить лѣтомъ время на этомъ крыльцѣ, — обѣдать, курить трубки и разговаривать. Съ крыльца, внутрь дома, въ лучшую его комнату, ведутъ обыкновенно двое дверей, небольшихъ, рѣшетчатыхъ и заклеенныхъ бумагой; въ противоположной стѣнѣ комнаты, насупротивъ, есть такія же двери и ведутъ во внутренній дворъ дома. Но главный входъ на этотъ дворъ идетъ съ улицы, сквозь большія ворота, сначала подъ крытый навѣсъ, гдѣ ночуетъ рабочій скотъ, волю, лошади, гдѣ стоятъ телѣги, сложены плуги и другіе земледѣльческіе инструменты. Къ этому навѣсу примыкаетъ въ видѣ буквы *П* жилой домъ, состоящій изъ двухъ флигелей, соединенныхъ въ глубинѣ двора поперечною пристройкой, гдѣ помѣщаются амбары и склады. Лицевой флигель занимаютъ домашніе и пріѣзжіе мужчины; въ заднемъ флигелѣ живутъ женщины и дѣти.

Подъ навѣсомъ, тутъ же у входа, находится обыкновенно большой очагъ съ вмазаннымъ въ него чу-

гуннымъ котломъ или большимъ, крѣпкимъ глинянымъ чаномъ. Въ немъ готовится кормъ для скота,— завариха изъ бобовъ, соломы, сорныхъ травъ, смѣшанныхъ со жмыхами и отрубями. Въ концѣ женскаго флигеля, на его наружной сторонѣ, по большей части устроена кухня, всегда довольно просторная и огражденная досчатой стѣной. Иногда размѣщеніе скотской и людской кухонь измѣнено, и людская кухня прилегаетъ къ улицѣ. На постоянныхъ дворахъ она всегда обращена къ улицѣ, и въ стѣнѣ ея прорублено откидное окно, замѣняющее харчевой прилавокъ. Дымовые ходы обоихъ очаговъ проведены подъ поломъ соответствующихъ жилыхъ помѣщеній и служатъ для ихъ отопленія. Дымовыхъ трубъ совсѣмъ не знаютъ въ Корей; дымъ даже въ императорскихъ зданіяхъ и домахъ министровъ струится прямо на улицу изъ отверстій въ ихъ фундаментахъ или чуть поднимается вверхъ по каналамъ, примыкающимъ къ стѣнѣ и грубо сложеннымъ изъ камней. Иногда трубу замѣняетъ большой горшокъ или ихъ нѣсколько, поставленныхъ другъ на друга не выше, чѣмъ на сажень. Несмотря на то, говорятъ, что пожары здѣсь не чаще, чѣмъ въ Россіи, такъ какъ крупныя искры тухнуть и осѣдаютъ въ поворотахъ дымовыхъ каналовъ, а мелкія падаютъ внизъ, отраженные внѣшнимъ навѣсомъ. Зато во время топки все основаніе дома сверкаетъ отъ прожилковъ пламени, просвѣчивающаго сквозь щели и отверстія стѣнокъ, и дымъ нерѣдко наполняетъ избы. Злополучный путешественникъ сидитъ на каменномъ полу комнаты, точно на большой жаровнѣ.

Постройку дома начинаютъ корейцы по-китайски— съ кровли; сначала ставятъ столбы, на нихъ укрѣпляютъ

стропила, кроютъ ихъ соломой и затѣмъ уже выводятъ глинобитныя, каменные или просто хворостяныя стѣнки изъ стеблей гаоляна, смотря по мѣстности, дешевизнѣ матеріала или состоянію владѣльца.

Видѣлъ я въ Корей дома, построенные также изъ необожженного кирпича, но не видѣлъ домовъ деревянныхъ. Изъ дерева корейцы строятъ преимущественно ворота храмовъ, дворцовъ и небольшія часовни въ честь добродѣтельныхъ чиновниковъ. Снаружи стѣны зданія очень рѣдко оштукатурены и покрашены известкой, внутри же, наоборотъ, онѣ выбѣлены довольно часто и даже обклеены дешевыми обоями. У зажиточныхъ корейцевъ глиняный полъ почти всегда выложенъ толстою промасленною бумагой и застланъ циновками (дзари), которыя есть даже у бѣдняѣйшихъ. У входа въ комнату корейцы сбрасываютъ обувь, чѣмъ напоминаютъ японцевъ, но жилища японцевъ свѣтлѣе и обширнѣе корейскихъ и никогда не согрѣваются снизу.

Корейскія деревенскія избы (нѣоми) всегда темныя. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ единственно сквозь узкія бумажныя двери; маленькія, тоже бумажныя, окошечки встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Оконныя стекла я видѣлъ только въ городахъ; вообще, стекло принадлежитъ въ Корей къ предметамъ роскоши.

Избы узки: пролетъ отъ стѣнки къ стѣнкѣ не больше 2—2½ метровъ при втрое большей длинѣ. Потолокъ низокъ, такъ что высокорослые корейцы ходятъ подъ нимъ согнувшись. Въ избахъ нѣтъ никакой мебели, — ни стульевъ, ни столовъ; въ одномъ только углу помещается обыкновенно одинъ или нѣсколько шкафовъ и ящиковъ, окованныхъ желѣзомъ, гдѣ корейцы пря-

чуть свое платье, утварь и драгоценности. Кроватей корейцы не знают; даже самые богатые спят на полу на циновкахъ и подстилкахъ. Иногда въ избахъ на стѣнкахъ висятъ картины въ родѣ японскихъ какемоно очень грубой работы или красуется продолговатая надпись китайскихъ „дзырь“, — общеизвѣстное изреченіе знаменитаго мудреца съ добавленіемъ самодѣльнаго стиха менѣе извѣстнаго поэта-переписчика.

Всѣ крестьянскія избы крайне похожи другъ на друга. Такою оказалась и та изба въ деревнѣ Сѣ-кіѡдонъ, у которой мы остановились подъ вечеръ 26-го октября, проѣхавъ всего 60 ли (30 верстъ). Избранная нашимъ ма-пху для ночлега усадьба стояла на краю каменистаго обрыва, немного въ сторонѣ отъ другихъ домовъ селенія. На днѣ ущелья, среди громадныхъ обваловъ, бурно рокотала рѣка. Съ той стороны ея высоко поднимались отвѣсныя черныя базальтовые скалы, украшенныя кое-гдѣ ржавымъ отъ осени плющемъ.

Деревушка Сѣ-кіѡ вытянулась вдоль оврага и дороги по каменистому откосу, уходящему вверхъ, высоко въ освѣщенія на горахъ тучи.

— Тамъ переваль. Тамъ будемъ завтра, — сказали тон-са.

Ма-пху развьючилъ лошадей и повелъ ихъ въ слѣдующую хижину черезъ дорогу. Я принялся стаскивать мои длинные ботфорты, и сейчасъ же кругомъ меня собралась толпа старыхъ и малыхъ, жадныхъ до зрѣлищъ, поселянъ. Они съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за моими движеніями и дѣлали шепотомъ замѣчанія; повидимому, они были разочарованы, когда я снялъ сапоги, но ноги оставилъ на мѣстѣ; по

ихъ взглядамъ я заключилъ, что они ожидали отъ „заморскаго чорта“ чего-то болѣе необыкновеннаго. Впрочемъ, всѣ эти грубые на видъ поселяне держали себя весьма сдержанно и учтиво, много лучше, чѣмъ ведетъ себя европейская толпа въ отношеніи къ цвѣтнымъ. Было еще свѣтло, и дождь пересталъ падать, поэтому я рѣшилъ отправиться за жуками и пригласилъ дѣтей помогать мнѣ. Я имъ далъ баночки и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Они мигомъ поняли и пустились, смѣясь, отыскивать добычу, я же сошелъ внизъ къ потоку, обогнувъ предварительно обязательныя гряды зеленаго салата. Рѣчка представляла рядъ бурныхъ, пѣнистыхъ водопадовъ, несущихся съ оглушительнымъ ревомъ. На ближайшихъ утесахъ виднѣлись слѣды половодья на десятки футовъ надъ осеннимъ уровнемъ воды. Вечеромъ здѣсь было такъ холодно и сыро, что о собираніи насѣкомыхъ и думать оказалось нечего. Дѣти принесли мнѣ нѣсколько особей жесткокрылыхъ и ушли, неимоверно обрадованныя полученными „чохами“. Присутствовавшій при расчетѣ тон-са сообщилъ, что завтра конецъ „чохамъ“, такъ какъ мы покинемъ провинцію Хам-гіон-до (сѣверо-восточную).

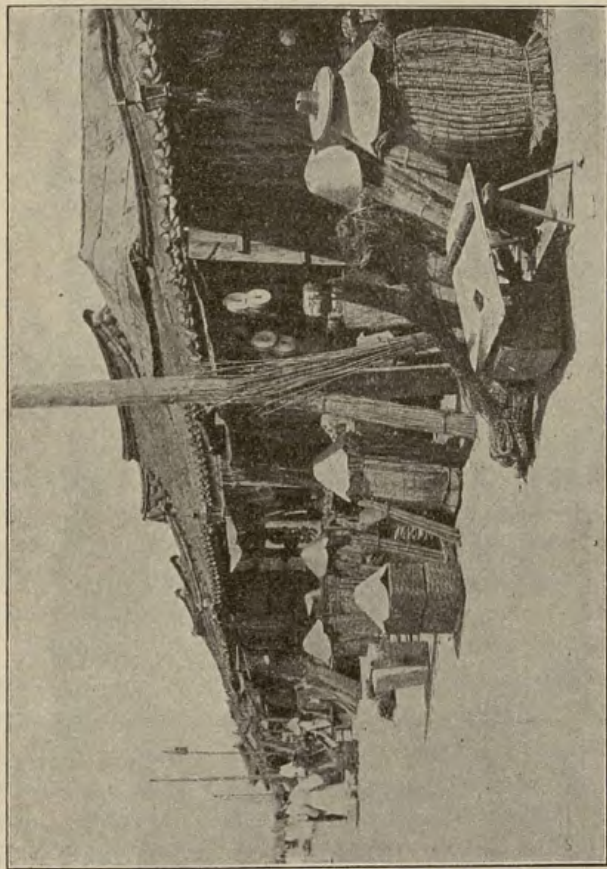
— Въ Канъ-уёнъ-до пойдутъ никкели... Эта деревушка считается пограничною... Рѣчка тоже зовется Сѣ-кіо и течетъ еще на востокъ къ морю, — отвѣчалъ онъ на мои разспросы.

Я не особенно довѣрялъ его рассказамъ, такъ какъ замѣтилъ, что онъ часто путаетъ названія мѣстностей, совѣтуется съ ма-пху, вообще нетвердо ихъ знаетъ. Затѣмъ я подозрѣвалъ, что часто умышленно онъ отвѣчаетъ неточно на мои вопросы, повинаясь, можетъ быть, тайнымъ велѣніямъ изъ Гензана. Наконецъ, я уже успѣлъ

замѣтить, что названія многихъ горъ, долинъ, рѣчекъ не достаточно прочно установлены въ Корей, что разныя лица называли ихъ разнo. Это вселило въ меня недовѣріе къ собственнымъ корейскимъ именамъ. Изъ записанныхъ мною буду приводить только тѣ, которыя попадаютъ въ то же время у другихъ путешественниковъ или которыя удалось мнѣ провѣрить многократными разспросами.

На прекрасной японской картѣ, имѣющейсѧ у меня, я въ числѣ другихъ деревень нашелъ и Шѳ-кѳ-донъ, — думаю, испорченное на японскій ладъ Сѳ-кѳ-донъ. У второстепенныхъ рѣкъ Кореи рѣдко одно имя; обыкновенно разныя ихъ части называются разнo отъ ближайшихъ горъ, деревень или другихъ достопримѣчательныхъ мѣстностей; такъ что называлась ли рѣчка дѣйствительно Сѳ-кѳ, какъ говорилъ мой переводчикъ, утверждать не стану.

Возобновившійся опять дождь загналъ меня вскорѣ въ избу. Въ кухнѣ рядомъ гудѣли голоса, и громко стучала посуда. Это женщины приготавлиали намъ ужинъ. Я заглянулъ туда съ крыльца сквозь маленькое отверстіе, нѣчто въ родѣ отдушины. Я увидѣлъ просторную избу, полъ которой находился много ниже нашего, такъ что лица двигавшихся тамъ людей приходились въ уровень съ нашими ногами. Точно въ машинной топкѣ, тамъ ярко пылалъ рядъ очаговъ въ длинной, во всю стѣнку, невысокой печкѣ. На поверхности печки чернѣлъ рядъ котельныхъ крышекъ; изъ котловъ поднимался густой, бѣлый паръ. Въ этомъ пару, пронизанномъ алымъ заревомъ очаговъ, двигались крупныя фигуры рослыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлыя шаровары и бѣлыя широкія юбки. Темныя, обвисшія груди,

Лавка съ траурными и похоронными принадлежностями (шанъ-джюнь).

бока и спины ихъ то и дѣло обнажались изъ-подъ несоразмѣрно коротенькихъ корейскихъ кофточекъ съ длинными рукавами. Эти грязныя груди да темныя, какъ сажа, лица и руки не возбуждали, сознаюсь, особаго довѣрія къ чистотѣ приготовляемыхъ блюдъ.

Когда я прошелъ кухню, чтобы лучше осмотрѣть ея устройство, голоса мгновенно стихли, и я замѣтилъ неудовольствіе и озабоченность на лицахъ работавшихъ тамъ женщинъ. Онѣ старались спрятать отъ меня, сообразно съ корейскимъ этикетомъ, не столько свои голыя груди, сколько свои закопѣлыя лица. Совершенно голая дѣвочка, смуглая и гладкая, точно бронзовая игрушка, сидѣла на корточкахъ у одного изъ очаговъ и подбрасывала, не торопясь, горсти соломы въ огонь. Мой заботливой тон-са немедленно явился около меня и, нехотя называя и объясняя мнѣ устройство кухни, старался незамѣтно выманить меня изъ этого неблагопристойнаго мѣста. Кухонная посуда была по большей части деревянная и глиняная, огромные ушаты да горшки, величиной въ человѣка. Металлическихъ предметовъ я нашелъ мало.

Женщины стряпали все по-китайски—на пару подъ крышками котловъ на большихъ рѣшетахъ; были тамъ рисъ, лапша и какія-то маленькія пшеничныя булочки, и какія-то травы, и еще что-то мнѣ неизвѣстное. Такъ какъ изба, куда я вскорѣ вернулся, полна была ѣдкаго дыма, просачивающагося изъ дымовыхъ ходовъ, то я опять отправился на улицу. Въ этотъ разъ я пошелъ къ хижинѣ черезъ дорогу, гдѣ пріютился нашъ мапу съ лошадьми и откуда сквозь дождевой туманъ тоже просвѣчивали красныя пятна огней. Оказалось, что нашъ ящикъ вмѣстѣ съ другимъ корейцемъ ва-

рили пищу для лошадей. Это была обычная смѣсь мелкаго гороха, соломы и сорныхъ травъ, которую они старательно кипятили, помѣшивая непрерывно большими лопатами. Подъ навѣсомъ разсѣдланныя, но покрытыя еще потниками лошади сонно дожидались своего ужина. Когда я подошелъ къ нимъ, онѣ мгновенно проснулись, стали стричь ушами, подобрали зады и принялись грозно помахивать мордами въ моемъ направленіи, какъ бы стараясь поддержать установившееся мнѣніе, что лошади корейскія очень злы и драчливы.

Вскорѣ тон-са позвалъ меня обѣдать. Трапеза состояла изъ риса съ красными бобами, изъ проквашенной рѣдьки, облитой перцовымъ соусомъ, изъ какихъ-то приторныхъ сушеныхъ листочковъ, изъ куска сухой соленой рыбы и чашки вареныхъ коровьихъ рубцовъ съ требухой, плохо промытыхъ, крѣпко вонявшихъ навозомъ и темныхъ, какъ навозъ. Они-то и оказались „гвоздемъ“ всего пира, и я сильно удивилъ и огорчилъ хозяина, и хозяйку, и моего переводчика, отказавшись отъ нихъ,

— Ёшь, будешь голоденъ!.. Вкусно!— уговаривали они меня.

Я, дѣйствительно, сильно проголодался и досадовалъ, что не захватилъ съ собою съѣстнаго, даже сухарей. Я въ концѣ концовъ поѣлъ, зажмурившись, всѣ растительныя блюда, какъ болѣе чистыя. О, Господи! Какая горечь! Сои и соусы корейскіе—живой огонь. Они мгновенно обожгли мнѣ ротъ, языкъ и нѣбо, а избѣжать ихъ не было возможности, такъ какъ всѣ блюда буквально купались въ нихъ. Послѣ ужина я переживалъ ощущенія самовара, полного горящихъ углей.

Въ довершеніе всего полъ, подогрѣвавшій меня снизу

сквозь постельную кошму, мѣшалъ мнѣ остыть хоть немного и прійти въ себя. Кирпичи накалились, точно прачечный утюгъ, и спрятаться отъ нихъ было некуда. Я подослалъ подъ себя всѣ имѣющіяся подъ рукой цыновки, но все тщетно. Мои расчеты на общее охлажденіе хижины съ прекращеніемъ топки на кухнѣ тоже не оправдались,—температура все возрастала.

Тон-са потушилъ маленькую керосиновую горѣлку и свалился на постель; чахоточный хозяинъ пересталъ кашлять и захрапѣлъ; перестала покашливать и чахоточная его жена въ сосѣдней комнатѣ, въ пристройкѣ, а я все не смыкалъ глазъ, ожидая напрасно пониженія температуры. Наконецъ, терпѣніе мое истощилось, и я растолкалъ спящаго сладко тон-су.

— Пусть откроютъ дымовые каналы, иначе я задохнусь...

Кореецъ зажегъ керосинку и долго сидѣлъ въ сонномъ оцѣпенѣніи, видимо, не понимая, въ чемъ дѣло.

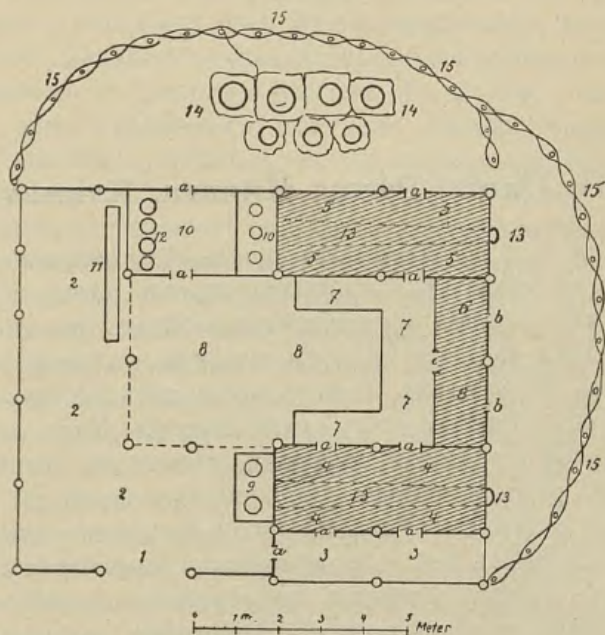
— Пусть откроютъ каналы...

— Не поможетъ... Нѣтъ никакихъ каналовъ... Мы, корейцы, сэръ, любимъ тепло. Пусть сэръ ляжетъ на мое мѣсто, оно прохладнѣе, такъ какъ лучшее въ избѣ мѣсто мы уступили вамъ, сэръ.

Я торопливо передвинулъ мою постель на указанное худшее мѣсто, поверхъ кошмы и цыновокъ положилъ еще мое толстое одѣяло и легъ, укрывшись пальто. Несмотря на это, жаръ снизу пробирался еще ко мнѣ чувствительно, зато снаружи гулялъ свободно сырой, холодный, горный вѣтеръ, такъ какъ мои ноги упирались въ однѣ бумажныя двери, а голова въ другія. Въ то время какъ одинъ мой бокъ жарился, другой леденѣлъ. Пожалуй, что это мѣсто дѣйствительно было худ-

шее въ избѣ. Отъ сквозняка кое-какъ защищенъ былъ только мой прежній, „лучшій“ уголъ. Спало насъ рядомъ въ избѣ четыре человѣка, и всѣ мы пятками касались одной стѣны, а головой— другой. Наконецъ, послѣ продолжительной и мучительной борьбы со сквозняками, горячимъ поломъ и бессонницей я забылся.

Полутру, когда стало прохладнѣе и подошелъ лучший сонъ, вдругъ разбудилъ меня странный шумъ. На дворѣ еще не свѣтало; я лежалъ нѣкоторое время смирно, вслушиваясь въ удивительные звуки, напоминающіе не то шорохъ громаднаго ужа, вьющагося въ одномъ изъ угловъ, не то шуршаніе нашихъ дорожныхъ мѣшковъ, развязываемыхъ или вспарываемыхъ неумѣлою рукой. Опять мнѣ пришлось растолкать несчастнаго тон-су. Тотъ немедленно зажегъ лампочку, и тогда мы увидѣли молодаго корейца-путника, ночевавшаго вмѣстѣ съ нами, плетущаго въ совершенной темнотѣ ощупью лапти. Долго толковалъ ему тон-са, что онъ мѣшаетъ спать „заморскому господину“; кореецъ сначала, видимо, не понималъ разговоровъ о вліяніи шума на сонъ человѣка, затѣмъ сталъ доказывать, что ему необходимы новые лапти, такъ какъ онъ съ разсвѣтомъ долженъ тронуться въ путь, а погода прескверная, и на дорогѣ грязно. Только послѣ долгихъ упрашиваній онъ согласился взять лампочку и уйти на кухню. Онъ даже казался доволенъ исходомъ переговоровъ, такъ какъ мы обязались заплатить за сожженный имъ керосинъ.

Планъ крестьянской усадьбы.

- 1) Ворота, 2) сарай, 3) крыльцо-завалинка, 4) мужская половина дома, 5) дамская половина дома, 6) кладовая, 7) внутреннее крыльцо и завалинка, 8) дворъ, 9) кухня скотская, 10) кухня людская, 11) корыто для скота, 12) кухонная посуда, горшки, 13) дымовые ходы, 14) горшки и чаны съ квашеной рѣдькой, салатомъ, соей и т. п., 15) ивовый плетень; а) двери, в) окна.

VIII. Пища. Рѣчка Киннга. Климать.

Всю ночь и все утро лилъ дождь. Въ ожиданіи перерыва въ ненастьѣ я принялся чертить планъ дома и попросилъ хозяина о разрѣшеніи посѣтить его амбары и кладовки. Подростокъ, сынъ хозяина, съ косою, какъ дѣвушка, на затылкѣ, повелъ меня прежде всего на маленькій прилегающій къ кухнѣ дворикъ. Тамъ, вдоль окружающей его ивовой изгороди, стоялъ на плоскихъ камняхъ рядъ большихъ горшковъ (ханнари) съ квашеными салатомъ, рѣдкой, рѣпой и крѣпко прокисшимъ мѣсивомъ изъ муки извѣстнаго сорта бобовъ, изъ которыхъ такимъ образомъ готовятъ корейцы *сою* (камъ-цзанъ или тхо-цзанъ-и). Нѣкоторые горшки были величиною съ мальчика. Въ каждомъ жилищѣ обязательно есть такой дворикъ съ большими горшками, издающими противный сѣрно-водородистый запахъ разлагающихся корнеплодовъ и сои. Представляю себѣ, какой запахъ царитъ зимой въ жилищахъ, когда морозъ заставляетъ внести туда посуду съ бродиломъ! Въ амбарахъ и кухнѣ я нашелъ точно такіе же большіе горшки и глиняные чаны (ан-бакъ), полные очищеннаго сухого риса, проса, гороха, плотно накрытые глиняными крышками. Это — великолѣпный способъ

сохранять зерно и вообще пищу отъ плѣсени и порчи въ здѣшнемъ влажномъ и жаркомъ климатѣ. Онъ удобенъ еще тѣмъ, что защищаетъ припасы отъ мышей и крысъ, очень смѣлыхъ и многочисленныхъ въ Корей. Вообще кладовки-горшки общеупотребительны на всемъ Ближнемъ и Дальнемъ Востока. Въ Персіи и на Кавказѣ даже плѣнниковъ, гдѣ нѣтъ тюремъ, содержатъ съ большимъ успѣхомъ въ огромныхъ врытыхъ въ землю горшкахъ изъ-подъ винограднаго сусла.

Зерно потребляютъ корейцы въ видѣ всевозможныхъ кашъ,—муки дѣлаютъ мало; печенаго хлѣба въ деревняхъ совсѣмъ не знаютъ, хотя у нихъ есть его названіе, именно: ттоги. Свои противные, клейкіе и приторные пирожки они готовятъ изъ крахмала. Во все путешествіе я видѣлъ только одинъ разъ небольшіе ручные жернова; муку корейцы получаютъ толченіемъ зерна въ тѣхъ же деревянныхъ ступахъ, въ какихъ они обиваютъ крупу. Только въ Фузанѣ я нашелъ мельницу съ бычьимъ приводомъ, кажется японскую, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ Китаѣ такихъ мельницъ множество. Изъ муки, кромѣ маленькихъ пышекъ, вареныхъ въ пару, готовятъ еще корейцы лапшу нѣсколькихъ сортовъ (куксюи или мѣни); оба упомянутыхъ блюда позаимствованы ими у китайцевъ.

Слабое примѣненіе муки, а также необыкновенная горечь и острота приправъ сильно сближаютъ корейскую стряпню съ японской, хотя въ то же время большинство корейскихъ блюдъ, несомнѣнно, перенято у китайцевъ. Корейцы, такъ же какъ и китайцы, ѣдятъ почти все удобоваримое, исключая развѣ молока и молочныхъ скоповъ, къ которымъ питаютъ неодолимое отвращеніе. Не ѣдятъ они также кошекъ, лисицъ и лебедей,

чѣмъ отличаются отъ китайцевъ, но собачье мясо, такъ же какъ у послѣднихъ, пользуется среди корейцевъ большою популярностію. Разводятъ также корейцы много свиней, куръ, утокъ. Говядина по своей дороговизнѣ доступна только богатымъ. Въ общемъ корейцы ѣдятъ много больше мяса, чѣмъ японцы, зато менѣе рыбы, которая къ тому же у нихъ и сортомъ, и приготовленіемъ хуже японской. Корейцы, такъ же какъ японцы, любятъ ѣсть сырую рыбу, политую острымъ, ѣдкимъ соусомъ. Они ѣдятъ не менѣе охотно сырое мясо, жиръ и внутренности, которыхъ японцы даже вареныхъ не выносятъ; они охотно грызутъ и поѣдаютъ мелкіе кости и хрящи. Нужно думать, что послѣдніе вкусы остались у нихъ отъ тѣхъ охотничьихъ амурскихъ племенъ, которые вошли въ составъ корейской народности. Но главнымъ образомъ считать слѣдуетъ корейцевъ „потребителями риса“. Они поѣдаютъ его больше, чѣмъ китайцы, и неурожай риса вызываетъ въ Корей голодъ. Ёдятъ корейцы ежедневно до трехъ разъ и всякій разъ поѣдаютъ до $\frac{2}{3}$ фунта риса да въ половину того количества бобовъ, рѣдьки, рѣпы, салата, кукурузы, ячменя, проса и другихъ овощей и хлѣбовъ. Ради наглядности опишу одинъ изъ обѣдовъ, какими насъ угощали неизмѣнно на постоянныхъ дворахъ. Послѣ не менѣе получасоваго ожиданія, сопровождаемаго усиленною возней въ кухнѣ, намъ, наконецъ, подавалъ подростокъ или самъ хозяинъ (отнюдь не женщина) маленькій столикъ-подносъ, по величинѣ и формѣ совсѣмъ похожій на японскій. На подносѣ тѣсно помѣщались фарфоровыя и деревянные чашки и блюда, полныя квашеныхъ огородныхъ овощей,—каждый сортъ порознь,—обильно политыхъ ѣдкимъ соусомъ изъ стручковаго перца; среди нихъ на

особыхъ блюдахъ находились тоже квашенный салатъ, кусочекъ соленой рыбы, кучка мелкихъ соленыхъ рачковъ, похожихъ на креветокъ, да какіе-то ракушки и грибочки. Но гвоздемъ каждыаго обѣда являлся всегда рисъ, — крупный, бѣлый отличный рисъ, почти сухой, варенный въ пару безъ соли и изрѣдка только окрашенный въ бурый цвѣтъ подмѣсю мелкихъ вкусныхъ бобовъ. На постоянныхъ дворахъ у большой проѣзжей дороги насъ кормили лучше, въ глухихъ деревушкахъ — хуже; тамъ подмѣсь бобовъ къ рису увеличивалась, исчезали креветки и рыба. Въмѣсто ложекъ и вилокъ, которыя я забылъ при укладкѣ вещей, намъ приходилось пускать въ дѣло костяныя или деревянныя палочки. Тон-са очень ловко схватывалъ ими кусочки ѣды, покле-вывая поочереды во всѣхъ блюдахъ, обязательно начиная всегда съ квашеной рѣдьки. Все онъ заѣдалъ обильно рисомъ, такъ что въ сущности другія блюда представляли только къ нему приправу. Когда не стало овощей, онъ наливалъ въ оставшійся рисъ горячей воды, которой всегда подавали большую чашку, и жадно хлебаль этотъ полужидкій супъ прямо изъ чашки черезъ край. Ёль онъ быстро, торопливо, съ громкимъ причмокиваньемъ; если риса было мало, онъ безъ стѣсненія приказывалъ его себѣ добавить, что производилось безпрекословно и безвозмездно. Нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ съ протяжнымъ иканіемъ заканчивали трапезу и увѣдомляли хозяевъ, что подчумый сытъ и доволенъ. Тогда только слуга собиралъ посуду и уносилъ столикъ-подносъ. Такіе обѣды стоили намъ отъ 10-ти до 15-ти коп. съ человѣка, смотря по мѣстности. За ночлегъ и остановки мы ничего не платили; вознагражденіе за нихъ, очевидно, включалось въ плату за „рисъ“, какъ

зовуть въ Кореѣ всякій обѣдъ. То же самое приблизительно ѣлъ и весь рабочій людъ: мужики, носильщики, конюха, мелкіе торговцы, которыхъ случалось мнѣ видѣть въ пути за ѣдой. Они предпочитаютъ обыкновенно ѣсть на дворѣ, подъ открытомъ навѣсомъ дома, или на столахъ, окруженныхъ скамейками, у дверей постоянныхъ дворовъ.

Сравненіе китайской, корейской и японской пищи еще разъ подтверждаетъ высказанное уже мною мнѣніе, что Корея служила какъ бы передаточною станціей на пути китайскаго вліянія въ Японію. Изъ проникающихъ къ нимъ обычаевъ и издѣлій японцы усвоили подходящіе, которые затѣмъ, передѣлавъ, нерѣдко возвращали обратно въ Корею. Отсюда произошло здѣсь во всѣхъ областяхъ жизни такое смѣшеніе, скрещиваніе и наслоеніе всевозможныхъ остатковъ, вліяній, слѣдовъ, переживаній, что оригинальныя корейскія черты утопаютъ въ нихъ совершенно. Разъ въ Сеулѣ я пошелъ въ лучшую корейскую кухмистерскую и потребовалъ „настоящаго, природнаго корейскаго ужина“. Кромѣ неизбѣжнаго риса, кислой рѣдьки, сырой и соленой рѣпы да разныхъ жгуче-горькихъ маринадовъ изъ огородныхъ овощей, грибовъ, рачковъ, морскихъ и лѣсныхъ водорослей, лишайниковъ и насѣкомыхъ, которыхъ я уже успѣлъ отвѣдать въ разныхъ уголкахъ Востока, мнѣ было предложено, наконецъ, „древне-корейское національное блюдо“,—такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ меня сопутствовавшій мнѣ корейскій, не менѣе „древній“ дворянинъ. Блюдо представляло нѣчто вродѣ сложной окрошки изъ бобовъ, сельеръ, рѣпы, кусочковъ мяса и птицы, ломтиковъ груши, грецкихъ орѣховъ, изюма, фисташекъ и мелкихъ блѣдно-зеленыхъ зеренъ дерева

„ынъ-хеу“, съ котораго „плодовъ нельзя рвать лицамъ, посадившимъ его дичекъ“. Блюдо было подано намъ въ оригинальной посудѣ, похожей на маленькій самоварчикъ, съ наложенною обратно вогнутостью внизъ крышкой, въ которой и варились въ пару кипящей постоянно воды вышеупомянутыя лакомства. Слуга неустанно подбавлялъ жару въ крошечную трубу прибора. Блюдо оказалось очень недурнымъ на вкусъ, и я отмѣтилъ было себѣ въ умѣ соображеніе по поводу „истинно-корейскаго“ вкуса, испорченнаго китайскимъ и японскимъ вліяніемъ. Къ сожалѣнію, нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Шанхаѣ китаецъ, родомъ изъ Кантона, предложилъ угостить меня „истинно - кантонскимъ“ кушаньемъ и заказалъ точъ въ точъ такую же окрошку, которую подали намъ точъ въ точъ въ такомъ же самоварчикѣ.

Изысканный корейскій обѣдъ очень похожъ на китайскій, но менѣе вкусно приготовленъ и менѣе разнообразенъ. Въ подачѣ блюдъ замѣтно уже вліяніе Японіи, такъ какъ начинается онъ не сластями, а пикантными острыми маринадами и оканчивается десертомъ изъ плодовъ, орѣховъ, винограда. Во время обѣда корейцы, такъ же какъ японцы и китайцы, пьютъ много рисовой водки—„сули“ (сури) холодной или подогрѣтой. Горожане потребляютъ въ большомъ количествѣ пиво японскаго издѣлія, европейскія и японскія водки, ликеры и вина. Среди богатыхъ въ большомъ употребленіи шампанское. Чая корейцы не любятъ, пьютъ его мало и рѣдко; сахара въ деревняхъ совсѣмъ не знаютъ; зато очень любятъ корейцы медъ чистый въ сотахъ или въ смѣсяхъ, пряникахъ изъ орѣховъ съ пшеничною мукой, лепеш-

кахъ изъ поджареннаго риса, изъ сладкихъ каштановъ, арбузныхъ сѣмянъ и т. п.

До полудня мы просидѣли въ деревушкѣ Сѣ-кѣ, посматривая съ уныніемъ сквозь открытыя двери избы на клубящіяся на предгорьяхъ тучи и ненастье. Трудно было ожидать скорого ихъ прекращенія; поэтому я воспользовался краткимъ перерывомъ ливня и приказалъ сѣдлать лошадей. Ма-пху и тон-са ворчали про себя протестующе, но послушались. Вскорѣ мы двигались среди холодной, метущейся мглы. Не безъ труда мы взобрались на невысокій, но крутой перевалъ, представлявшій первую горную складку главнаго хребта. Затѣмъ мы опять спустились внизъ въ чрезвычайно живописную, обрывистую долину, по дну которой мчалась рѣчка, взбаламученная отъ безчисленныхъ пороговъ. Кругомъ поднимались крутые, скалистые утесы, поросшіе на болѣе пологихъ покатостяхъ жесткою горною травой и кустарникомъ. Долину пересѣкали во многихъ мѣстахъ каменистые кряжи, черезъ которые мы перебирались съ большимъ трудомъ; обойти ихъ стороною не было никакой возможности: они упирались круто въ русло рѣки. Узенькая тропочка карнизомъ вилась высоко надъ водой. Замѣтно было по всему, что это—проселочный, рѣдко посѣщаемый путь; поэтому я немного удивился, столкнувшись на одномъ изъ уваловъ съ двумя японцами въ національныхъ киримонахъ, но съ европейскими зонтиками въ рукахъ. Они, видимо, смутились и на мое привѣтствіе „о-хайѣ“! отвѣтили пространными, непонятными мнѣ объясненіями. Тон-са передалъ мнѣ, что они просятъ сказать мнѣ, что они не болѣе какъ простые туристы-архитекторы, возвращающіеся въ Гензанъ изъ Сеула, гдѣ они производили постройки. Прекрасно!

Очень хорошо! Немного странными показались мнѣ только офицерскіе кавалерійскіе сапоги одного изъ этихъ мирныхъ зодчихъ; ихъ не носятъ обыкновенные японцы; къ тому же у него было смѣлое, открытое лицо, онъ говорилъ мало, и черные глаза его глядѣли на меня внимательно и чуть-чуть надменно. Мы вѣжливо раскланялись и развѣхались.

Дождь и туманъ гуляли по долинѣ въ порывахъ вѣтра. Лошади осторожно ступали по скользкимъ отъ влаги обваламъ, подбирая высоко ноги, точно приплясывая. Ложбина все суживалась и превращалась въ узкое ущелье. Вдругъ высокая отвѣсная стѣна чернаго утеса поднялась передъ нами и закрыла выходъ долины. По утлымъ мосткамъ мы перебрались на лѣвый берегъ рѣчушки. Хворостяная настилка, дрожащая отъ ударовъ теченія, гнулась подъ тяжестью нашихъ лошадей и грозила расползтись подъ ихъ копытами. Видимо, это были временные мостки, уносимые всякимъ наводненіемъ и воздвигаемые вновь послѣ паденія водъ. Въ Корей внутри страны нѣтъ другихъ мостовъ, кромѣ развѣ еще менѣе устойчивыхъ висячихъ бревенъ отъ скалы къ скалѣ ¹⁾. Рѣчка Киннга, родная сестра другихъ корейскихъ рѣчекъ, совершенно была лишена береговыхъ уступовъ, неслась въ молодомъ, плохо промытомъ руслѣ съ грохотомъ, ревомъ и пѣной, образуя сплошной рядъ водопадовъ. Деревушекъ въ долинѣ не было замѣтно, несмотря на то, что малѣйшій кло-

¹⁾ Мостъ по-корейски—„тари“, каменный мостъ—„тори-тари“. Интересно, что выраженіе „тори-тари“ означаетъ въ то же время сталкивать камни въ рѣку для образованія брода. Такихъ первобытныхъ мостовъ-бродовъ, состоящихъ изъ ряда большихъ камней, до сихъ поръ очень много въ Корей.

чекъ годной къ обработкѣ земли былъ воздѣланъ. Впрочемъ, рисовыя поля давно уже исчезли; мѣсто ихъ заняли желтая и красная «чумидзе», гаолянъ, салатъ, рѣдька, горохъ и табакъ, хотя высота этихъ пашень надъ уровнемъ моря превосходила, думаю, тысячи двѣ футовъ. Я замѣтилъ воздѣланныя поля и въ боковыхъ долинахъ; мѣстами они взбирались на самыя вершины горъ. Покатость многихъ была до того крута, что даже ручная обработка казалась чрезвычайно трудной; Впрочемъ, въ послѣдствіи я видѣлъ не разъ корейскихъ мужиковъ, пашущихъ такіе откосы, что копыта одного изъ работающихъ воловъ приходились въ уровень со спиной другого. Правда, что случалось это на западныхъ покатостяхъ полуострова, теплыхъ и густо заселенныхъ; здѣсь же поля были относительно разбросаны и рѣдки, преобладали кустарники и пустыри, а тѣмъ не менѣе крутые откосы были часто воздѣланы. Я объяснилъ себѣ это большею нагрѣваемостью обращенныхъ къ югу плоскостей и лучшимъ ихъ дренажемъ. Мнѣ рассказывали туземцы, что это христіане во время гоненія, скрываясь въ горахъ, занесли такъ высоко земледѣліе. Медленнымъ и умѣлымъ подборомъ сѣмянъ они воспитали особые сорта горнаго риса, создали новыя породы кукурузы, гороха, огородныхъ овощей и распространили вездѣ малоизвѣстную до того времени культуру сѣверныхъ злаковъ,—ячменя, овса, пшеницы. И случилось такъ, что общая вертикальная граница земледѣлія и даже граница произрастанія риса поднялась въ суровой Корей много выше, чѣмъ въ благодатной Японіи, доказывая лишній разъ, что нѣтъ для человѣка препятствій непоборимыхъ. Странно одно, что этотъ терпѣливый, мужественный и непреклонный ко-

Преступникъ, приговоренный къ казни (чо-инъ); на табличкѣ написано: „чо-инъ си-ха“ (преступный учитель съ Востока).

реецъ, побѣдившій вѣтры, морозы и снѣга родныхъ, непривѣтливыхъ вершинъ, не въ состояніи бороться съ злоупотребленіями отечественныхъ чиновниковъ.

Климатъ Кореи совершенно не отвѣчаетъ ея географическому положенію. Сѣверная граница полуострова, отвѣчающая широтѣ Рима, обладаетъ климатомъ Южной Россіи; даже въ южныхъ оконечностяхъ Кореи, отвѣчающихъ широтамъ Алжира, выпадаютъ глубокіе снѣга, и морозы достигаютъ 15° С. Выходитъ такъ, какъ будто даже корейское ненастье и ведро лишены самобытности. Тѣ же теченія съ сѣвера на югъ и обратно, которыя искони, быстро и неожиданно проплывая изъ Манчжуріи въ Японію, лишили корейское населеніе самостоятельной культуры, производятъ въ ея воздухѣ ежегодно такія рѣзкія измѣненія, которыя превращаютъ климатъ этого узкаго полуострова въ климатъ почти *континентальный*, съ сухою китайскою зимой и сырымъ японскимъ лѣтомъ, съ тихими, теплыми долинами, рядомъ со страшно вѣтренными и холодными вершинами горъ, гдѣ толстые снѣга лежатъ сплошною пеленой четыре мѣсяца въ году. Въ довершеніе странностей замѣчу, что море замерзаетъ здѣсь именно у теплыхъ, западныхъ береговъ, между тѣмъ какъ холодные, восточные берега круглый годъ свободны отъ льда.

Все это происходитъ оттого, что исполинскій продолговатый утесъ, какимъ въ сущности является Корейскій полуостровъ, стоитъ точно мостъ на юру, на перецутьѣ народовъ и вѣтровъ. Зимой, когда давленіе воздуха достигаетъ своего максимума въ Восточной Сибири, а затѣмъ въ Монголіи и Манчжуріи, дуетъ оттуда въ Китай, Корею и Японію сухой и холодный сѣверо-западный вѣтеръ, уничтожающій зимнюю сы-

рость и сильно понижающій температуру земли и воздуха. Лѣтомъ—наоборотъ: воздухъ, нагрѣваемый въ обширныхъ пустыняхъ Средней Азіи, поднимается вверхъ и, точно большой насосъ, тянетъ къ себѣ влажный и относительно болѣе холодный воздухъ океановъ. Надъ Кореей въ то время пролетаютъ южные и юго-западные вѣтры, температура которыхъ возможно что увеличилась отъ перелета надъ теплымъ Японскимъ архипелагомъ и Корейскимъ проливомъ, но котораго влажность вслѣдствіе этого ничуть не уменьшилась. Горячее влажное его дыханіе превращаетъ всю страну въ жаркую, душную баню, обильно орошаемую дождями отъ мая до сентября. За это время количество атмосферныхъ осадковъ достигаетъ: въ Гензанѣ—910 мм., въ Фузанѣ—859 мм., въ Сеулѣ—667 мм., въ Чемульпо—562 мм., между тѣмъ какъ за круглый годъ бываетъ: въ Гензанѣ—1.231 мм., въ Фузанѣ—1.355 мм., въ Сеулѣ—933 мм., въ Чемульпо—885 мм. Такимъ образомъ на лѣто приходится 70% годовыхъ осадковъ, — отношеніе, совсѣмъ обратное европейскому. Дожди бываютъ болѣе проливные, чѣмъ продолжительные. Веберъ описываетъ ливень въ Сеулѣ, который длился двое сутокъ и далъ въ дождемѣръ 266 мм. ¹⁾ Неудивительно, что послѣ такихъ дождевыхъ обваловъ русла рѣкъ мгновенно наполняются и уровень воды поднимается на десятки футовъ, сноситъ мосты и размываетъ предохранительныя насыпи.

Августъ въ Корей справедливо считается самымъ жаркимъ временемъ года, январь же—самымъ холоднымъ. Къ характернымъ чертамъ корейскаго климата

¹⁾ „Описаніе Корей“, изд. мин. фин., часть I, стр. 175.

нужно причислить холодную, влажную, продолжительную сравнительно съ осенью морскую весну, наступающую послѣ сухой, морозной континентальной зимы, а также то обстоятельство, что на восточныхъ склонахъ полуострова, омываемыхъ глубоководнымъ моремъ, зима мягче, лѣто холоднѣе, чѣмъ на западныхъ, прилежащихъ къ мелководному, заливообразному Желтому морю. По тѣмъ же причинамъ болѣе быстрого нагрѣванія и излученія лѣтней теплоты мелкое море у западныхъ береговъ замерзаетъ, а восточное море—нѣтъ. Впрочемъ, совершенно свободными отъ льда и ледяной шуги являются только самые южные заливы полуострова. Заслуженно прославленные снѣжныя бури и ледяные корейскіе штормы не щадятъ, однако, и ихъ: они свирѣпствуютъ здѣсь нерѣдко до мая мѣсяца.

Такъ какъ большинство южныхъ растений легче переносить болѣе суровую зиму, чѣмъ холодное лѣто, то отсюда на западной покатости полуострова флора много богаче, и тамъ вызрѣваютъ болѣе рѣдкіе и нѣжные плоды, чѣмъ на восточной.

Климатъ Южной Кореи, понятно, ближе къ морскому, чѣмъ климатъ сѣверной и центральной ея частей. Въ Фузанѣ колебанія температуры много меньше, и влажность и теплота воздуха равномернѣе располагаются въ году и суткахъ, чѣмъ на сѣверѣ. Термометръ тамъ проходитъ за годъ всего 33,2° С.; тамъ нѣтъ мѣсяца со среднею температурой ниже нуля, и средняя января равняется +5,2° С. Въ Чемульпо разница между крайними точками состоянія термометра равняется въ году 48,6° С., а въ Гензанѣ—48,3° С.

	Ген- занъ.	Фузанъ.	Сеуль.	Чемуль- по.
Средняя годичная (Celcius). . .	+11,7	+15,2	+11,5	+11,6
Средняя лѣта (іюнь, іюль, авг., сентябрь).	+22,4	+23,7	+23,1	+22,5
Средняя зимы (дек., янв., февр., мартъ).	+ 0,3	+ 6,9	— 0,7	+ 0,3
Средняя минимума.	—13,1	— 4,3	—15,9	—12,9
Средняя максимума.	+34,6	+31,6	+35,2	+33,8

Корейская зима отличается ясностью и тишиной, и благодаря ей-то, по всей вѣроятности, страна снискала себѣ прозвище „Страны Утренняго Спокойствія“. Думаю, впрочемъ, что прозвище это нужно принимать съ большими оговорками. Конечно, есть въ горахъ укромныя долины, гдѣ бываетъ кое-когда тихо, но повыше да на морскихъ берегахъ вѣрнѣе было бы назвать Корею „Страной Воющихъ Вѣтровъ“.

Интересныя климатическія свѣдѣнія даетъ старинный корейскій календарь; онъ весь годъ дѣлитъ на пятнадцатидневные періоды, расположенные въ слѣдующемъ порядкѣ.

Корейское на- званіе.	Значеніе.	Начало по новому стилю.
1) Тонъ-чжи	Зимнее солнцестояніе	22 декабря.
2) Сю-хонъ	Небольшой морозъ	6 января.
3) Тѣ-хонъ	Большой морозъ	21 января.
4) Нѣп-чюнь	Начало весны	5 февраля.
5) У-сю	Изобиліе дождя	19 февраля.
6) Кіонъ-чипъ	Прекращеніе зимней спячки животныхъ	5 марта.
7) Чюнь-бунъ	Весеннее равноденствіе	20 марта.
8) Чіонъ-міонъ	Ясная погода	6 апрѣля.
9) Кокъ-у	Дождь для сѣмянъ	20 апрѣля.
10) Нѣпъ-ха	Начало лѣта	5 мая.

Корейское на- званіе.	Значеніе.	Начало по новому стилю.
11) Сіо-мань	Зерно разбухаетъ	20 мая.
12) Мань-чжюнь	Пересадка риса	6 іюня.
13) Ха-чжи	Лѣтнее солнцестояніе	21 іюня.
14) Со-сіѳ	Умѣренная жара	7 іюля.
15) Тѧ-сіѳ	Сильная жара	23 іюля.
16) Нѳп-чю	Начало осени	7 августа.
17) Чіѳ-сіѳ	Жара спадетъ	28 августа.
18) Пѧкъ-но	Обиліе росы	8 сентября.
19) Чю-бунъ	Осеннее равноденствіе	23 сентября.
20) Хань-но	Холодная роса	8 октября.
21) Санъ-ганъ	Иней падаетъ	23 октября.
22) Нѳпъ-тонъ	Начало зимы	7 ноября.
23) Сіо-сіѳль	Небольшой снѣгъ	22 ноября.
24) Тѧ-сіѳль	Большой снѣгъ	7 декабря.

IX. Ущелья. Преданіе. Переваль. Цхо-сей.

Солнце выглянуло изъ тучъ и озарило яркимъ свѣтомъ черное ущелье съ пѣнящейся на днѣ рѣкой, со скалистыми откосами, одѣтыми въ блѣдную зелень и ржаво-золотистые осенніе кусты. Видъ былъ недуренъ, и возможно, что показался бы мнѣ восхитительнымъ, если бы я не былъ уже избалованъ великолѣпными видами нагорной Японіи. Корея—жалкая страна, обиженная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Послушайте, тон-са, бывали ли вы за-границей и знаете ли другія земли?

— Нѣтъ, sir, въ другихъ земляхъ я не бывалъ, и я знаю только свою... Корею. А ваша земля, sir, далеко ли отсюда? Вы вѣдь немного русскій?.. Pole... Pole...—повторилъ онъ нѣсколько разъ мой отвѣтъ. Я не знаю такого народа, я никогда о немъ не слыхалъ... Гдѣ это?

Я преподавалъ ему маленькій урокъ географіи. Онъ прилежно слушалъ и поддакивалъ по-корейски и англійски:

— Орсо!.. Орцха!.. Yes!..

Въ заключеніе онъ высказалъ неожиданно со свойственной ему серьезностью:

Корейскія дѣти.

— Англичане богатый и могущественный народъ. Но и въ Корей хорошо, когда зацвѣтутъ цвѣты и зазеленѣютъ поля!..

Я, конечно, умолкъ, озадаченный этимъ отвѣтомъ. Очевидно, для него всѣ не-русскіе и не-японцы были англичане. По узкой тропинкѣ, вьющейся краемъ обрыва, мы обогнули большой горбъ горы, вдающійся далеко въ ущелье и рѣку. По ту сторону ея поднимались высоко зубчатые утесы, мшистые обвалы нависали тамъ надъ крутящимися у ихъ подножія водоворотами. Я понялъ, почему мы перебрались на другой берегъ рѣки: на томъ не было совсѣмъ прохода.

Отсутствіе у насъ багажа позволяло нашему ма-пху сворачивать ради сокращенія пути на второ-и третьестепенныя тропинки,—благо, онъ былъ подраженъ не съ версты, а за весь путь. Да и я не пенялъ на него, пользуясь случаемъ заглянуть въ глухіе, невѣдомые еще уголки Кореи.

Мы опять спустились въ русло рѣчки и прошли ее по цѣлому ряду жалкихъ мостиковъ, переброшенныхъ съ отмели на отмель. Въ сторонѣ на лѣвомъ берегу мы оставили деревню Самбанъ съ красивой кумирней на горѣ, у подошвы которой вилась рѣчушка Самбэ, притокъ Кинге. Эту деревню я [нашелъ на русской картѣ, довольно правильно обозначенной на западѣ отъ большой гензаносеульской дороги, на восточномъ склонѣ главной цѣпи горъ, недалеко отъ ея гребня. Но на той же картѣ не было и слѣда рѣчекъ Кинге и Самбэ и нашей дороги. О селеніи Самбанъ я въ послѣдствіи въ Сеулѣ записалъ слѣдующій рассказъ:

„Давно, больше 150 лѣтъ тому назадъ, управлялъ

Кореей императоръ Іюнъ-міонъ-Цзо ¹⁾. Онъ не былъ собственно императоромъ, но отцомъ императора (та-уёнъ-гунъ), малолѣтняго Тха-чжію. Іюнъ-міонъ-Цзо былъ жестокій правитель (нараи). Когда онъ захворалъ и одинъ изъ знахарей сказалъ ему, что вылѣчиться онъ можетъ только, поѣдая ежедневно груди молодой дѣвушки и половые органы (ца-ци) мальчика, то онъ немедленно приказалъ поставлять къ себѣ во дворецъ ежедневно молодую дѣвушку и парня. Этого не могъ уже стерпѣть народъ, возсталъ, прогналъ та-уёнъ-гуня, и когда тотъ сбѣжалъ, мятежники настигли его въ мѣстности Хау-булянъ въ 200 (? 280) „і“ отъ Сеула, тамъ, гдѣ ущелья, войско его разбили и самого лишили жизни. Погибъ та-уёнъ-гунъ собственно дальше, „за горами“, въ 50 і отъ Хау-булянъ, въ деревнѣ Самбѣ, гдѣ и похороненъ подъ кучей камней. Тамъ и находится та-уёнъ-гунскій храмъ“ (Сеуль 1903 г.).

Я попробовалъ отыскать историческія основы этого преданія и заключаю по сопоставленіямъ чиселъ и именъ, что она создана на фонѣ слѣдующаго дѣйствительнаго происшествія.

...Послѣ смерти Кіонъ-Цзон'а, который не оставилъ прямыхъ наслѣдниковъ, вступилъ на корейскій престолъ въ 1723 г. братъ покойнаго Іюнъ-Цзо, вопреки желанію большинства корейскаго дворянства. Отсюда возникли жестокія преслѣдованія королевскихъ противниковъ, интриги и смуты. Преждевременная кончина старшаго сына заставила Іюнъ-Цзо назначить наслѣдникомъ младшаго сына Цзанъ-Хёнъ. Принцъ отличался замѣчательной даровитостью, благородствомъ и воз-

¹⁾ Вѣроятно, Іюнъ-Цзо, такъ какъ частичка „міон“ прибавляется часто въ значеніи „по прозвищу“.

вышенностью характера. Онъ по многимъ вопросамъ не раздѣлялъ мнѣнія отца, противился ему и былъ убитъ по его порученію. Но чтобы, согласно старинному завѣту, не была пролита священная кровь корейскихъ правителей, принцъ былъ запертъ отцомъ въ деревянномъ ящикѣ, гдѣ и умеръ съ голода. Останется навсегда тайной драма, разыгравшаяся между коронованнымъ отцомъ и сыномъ. Ёнъ-Цзо объяснялъ въ послѣдствіи свой поступокъ необходимою устранить отъ власти челоуѣка, мечтавшаго безумно о завоеваніи Китая и изгнаніи изъ Пекина манчжуръ. Но возможно, что причина эта была указана имъ только ради оправданія себя передъ пекинскимъ дворомъ, возмущеннымъ преступленіемъ и потребовавшимъ отъ вассальнаго корейскаго правительства объясненій. Король-дѣтоубійца превратился современемъ въ правителя-людоѣда. Оба преданія чрезвычайно характерны для корейскихъ государственныхъ порядковъ. Впрочемъ, ошибается первое преданіе, заканчивая царствованіе жестокаго Ёнъ-Цзо народнымъ возстаніемъ, побѣгомъ и убійствомъ послѣдняго. Ёнъ-Цзо прожилъ, умеръ на престолѣ и похороненъ не въ Самбанѣ, а въ Янъ-чжю, въ 25 верстахъ (50 „і“) отъ Сеула, который лежитъ у той же сеуло-гензанской дороги и мимо котораго мы въ послѣдствіи проѣзжали.

Я, конечно, не удивляюсь ничуть этимъ неточностямъ, такъ какъ преданіе рассказывалъ мнѣ корейскій янъ-банъ (дворянинъ), членъ сословія, которому Ёнъ-Цзо нанесъ чувствительные удары. Ища поддержки у простаго народа въ своей борьбѣ съ дворянствомъ, онъ облегчилъ его долю, уничтожилъ многія наказанія, отмѣнилъ нѣкоторыя попытки, запретилъ

клеить раскаленнымъ желѣзомъ и поддерживать обреченныхъ на казнь, освободилъ отъ отвѣтственности семьи государственныхъ преступниковъ, которыя раньше подлежали изгнанію изъ предѣловъ государства, а самое главное—уменьшилъ дань, взимаемую дворянами съ невольниковъ до одного куска ткани ежегодно и совершенно освободилъ отъ этой дани невольницъ ¹⁾. Этого было бы, думаю, совершенно достаточно не въ одной Корей, чтобы обвинить правителя въ... людоедствѣ.

Когда я проѣзжалъ мимо деревни Самбанъ, я еще не зналъ о существованіи связаннаго съ ней преданія, поэтому я не старался посѣтить ее.

Мы остановились отдохнуть верстахъ въ 7-ми дальше въ живописной, окруженной скалами, долинь. Отсюда осталось 10 верстъ до главнаго перевала, скрытаго за складками многочисленныхъ уваловъ. Дорога туда шла сначала берегомъ ручья, затѣмъ крутымъ и извилистымъ яромъ, промытымъ глубоко въ желтой глинь. Подъемъ былъ невысокъ, но крайне неудобенъ, благодаря большимъ глыбамъ гранита и густому, нависающему надъ тропинкою, кустарнику. Думаю, что самъ перевалъ поднимался не выше 800 футовъ надъ уровнемъ рѣчки. Въ яру было тепло, но на вершинѣ гудѣлъ крѣпкій, порывистый вѣтеръ. Было очень холодно; къ счастью, дождь прекратился, и сквозь тучи выглянуло солнце. Стаи гусей неслись высоко подъ сѣдыми облаками, направляясь на югъ; ма-пху покрикивалъ ввизу на лошадей, тихо поднимаясь вверхъ вслѣдъ за нами. Мы много опередили его и, пользуясь временемъ, сѣли

1) Дмитровскій. „Записки Кигоро“. Стр. 250—252.

отдыхать на кучу камней подь большимъ жертвеннымъ деревомъ, обвѣшаннымъ тряпками и пучками волосъ. Оно стояло на самой развилинѣ дорогъ, гдѣ наша тропинка соединялась съ большой, широкой дорогой, выползшей неожиданно на уваль съ востока изъ глубокой пропасти. Тон-са не захотѣлъ объяснить, откуда пришла эта дорога, отговариваясь незнаніемъ. Не думая, чтобы это былъ главный сеульскій трактъ, такъ какъ вдоль него я не замѣтилъ слѣдовъ телеграфа. Мы встрѣтились съ послѣднимъ только у самаго Сеула.

Сѣдловина перевала представляла широкій, округлый горбъ, одинаково круто спускавшійся въ обѣ стороны. Глинистую его почву обильно покрывала крѣпкая, высокая и жесткая горная трава. Она уныло шумѣла и колыбалась въ порывахъ вѣтра. Находились мы, полагаю, на высотѣ 5.000 фут. надъ уровнемъ моря, и холодъ сильно давалъ себя чувствовать. Кругомъ поднимались голыя, бесплодныя вершины. Онѣ закрывали горизонтъ некрасивымъ, тяжелымъ кольцомъ, лишеннымъ всякой живописности. Спускъ нашъ происходилъ въ значительно болѣе удобныхъ условіяхъ, чѣмъ подъемъ, такъ какъ мы воспользовались для него торной, гладкой дорогой. Впрочемъ, здѣсь не было другого спуска. Сейчасъ за хребтомъ дорога проходила сквозь проломъ въ толстой, древней стѣнѣ, бѣгущей по откосу и гребнямъ горъ поперекъ долины. Вдали бѣлѣли строенія, цѣлый рядъ домовъ, раскрашенныхъ и накрытыхъ рогатыми кровлями.

— Что это?

— Это... Пель-чангъ.

— Храмъ?

— Нѣтъ!

— Крѣпость?

— Нѣтъ.

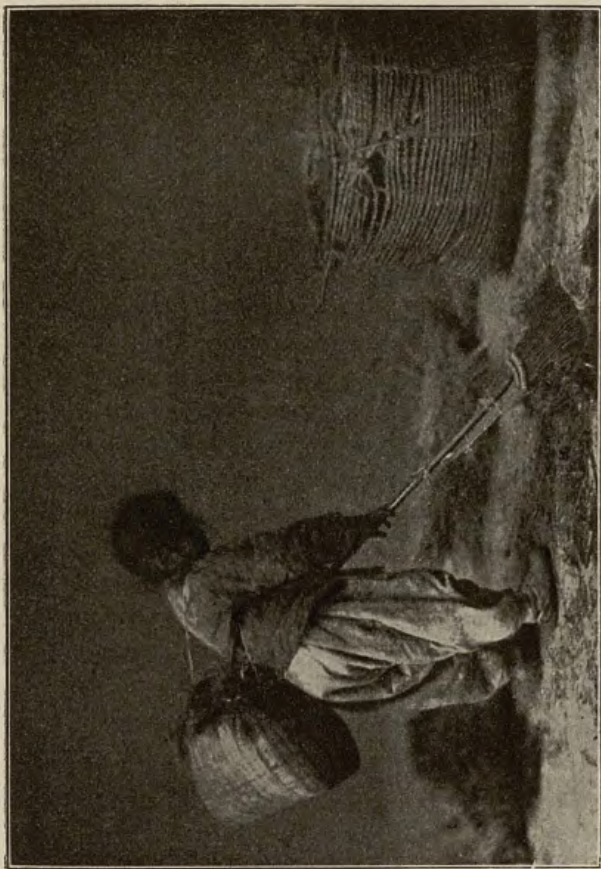
— Такъ что же это такое?

— Тутъ жили чиновники...—отвѣтилъ послѣ нѣкотораго раздумья тон-са. Но его англійскихъ познаній уже не хватило для разъясненій, какіе это были чиновники и что они здѣсь дѣлали. Отъ Пель-чанга, двигаясь все внизъ, мы достигли маленькаго ручейка, струящагося уже въ западный бассейнъ. Мы миновали убогую, маленькую деревушку безъ полей, безъ хлѣбныхъ скирдъ, окруженную исключительно грядами салата и рѣдьки. Затѣмъ мы вступили въ обширную долину, сплошь поросшую высокой травой.

Вечерѣло. Солнце на мигъ до заката появилось въ выходѣ долины и осѣнило мрачнымъ мѣднымъ заревомъ волнующіяся, безконечныя желтыя травы да сѣрый полукругъ горъ, окружавшихъ долину. Самъ выходъ утопалъ въ то время въ синей мглѣ и сіяніи вечерней зари.

Мы остановились на ночевку въ плохенькой горной деревушкѣ, окруженной облаками сѣдого дыма, такъ какъ жители уже стряпали свой ужинъ, и всѣ дома поэтому изображали угольные кучи въ разгаръ обжиганія.

Розовый разсвѣтъ озарилъ своимъ нѣжнымъ сіяньемъ дымчатыя горы и залегающую среди нихъ желтую травянистую долину. Утро было очень холодное, но, къ счастью, въ этотъ разъ тихое, согласно прозвищу Кореи. Прижатый къ землѣ тяжелымъ воздухомъ, дымъ стлался низко по улицамъ и огородамъ деревни, превратившейся опять, благодаря варкѣ завтрака, въ городъ углеобжигательныхъ кучъ. Дорожныя лужи и вода въ ка-

Нишій мальчикъ, собирающій солому и сѣно (намъ-хао).

навахъ покрылись толстой корой льда; влажная отъ недавнихъ дождей дорога крѣпко застыла и звенѣла какъ сталь подъ копытами нашихъ лошадей. Я долго шелъ пѣшкомъ, чтобы согрѣться, такъ какъ ни мое тѣло, ни мое платье не были подготовлены къ такому быстрому и сильному паденію температуры. Вдоль дороги по обѣимъ ея сторонамъ поднималась плотная стѣна желтыхъ, высокихъ, твердыхъ, какъ тростникъ, осоки съ бѣлыми кистями колосьевъ. Даже рослый тон-са исчезалъ среди нихъ съ головой. Я съ трудомъ могъ осмотрѣть окрестности только съ сѣдла лошади.

Начиная отъ перевала, гдѣ горы образовали мощный узелъ, двѣ гряды зубчатыхъ и корявыхъ вершинъ направлялись къ югу, отклоняясь подъ очень малымъ угломъ. Между ними тянулася узкая лощина въ 10 верстъ, не больше, шириною. Выходъ ея исчезалъ въ дали, затканной сѣдыми облаками и зигзагами блѣдныхъ отъ разстоянія утесовъ. Дно долины отъ высотъ до высотъ все было выстлано густою, кудрявой, осенней травой. Бѣлая нить нашей дороги вилась среди нихъ непримѣтно. Мѣстами на плоскихъ увалахъ чернѣли большія, одинокія, узловатыя и кривыя деревья — питомцы вѣтренныхъ, безлѣсныхъ степей. Подъ ними бѣлѣли кучи жертвенныхъ камней. Если бы не странная форма горъ, мѣстность походила бы на одну изъ безчисленныхъ долинъ Монголіи, — та же пустынность, тотъ же мѣрный шумъ колеблемыхъ вѣтромъ травъ, похожій на тихій шопотъ морской зыби, и гряды горъ по бокамъ.

— Цхо-сей... The grassy field (травянистое поле), — объяснилъ тон-са, замѣтивъ, съ какимъ любопытствомъ я осматриваюсь кругомъ.

— Я не вижу нигдѣ деревень.

— Есть... внизу, но немного...

— Гдѣ это внизу?

— Да, sir, внизу... Вы увидите сейчасъ у рѣчки...

— Почему же ихъ мало? Земля, кажется, хорошая...

Кореецъ покачалъ головою.

— Болота, вѣтры, снѣгъ и... тигры—добавилъ онъ потише. — Здѣсь лѣтомъ иногда по дорогѣ пройти нельзя, если *они* гдѣ-либо заведутся... Приходится далеко кружить горами. Крестьяне изъ деревень не смѣютъ отлучиться даже на пашни, и никто тогда сюда не ходитъ...

Достаточно было бѣглаго взгляда на огромныя заросли шумящихъ осокъ, чтобы понять безпомощность человѣка въ борьбѣ съ укрывающимися среди нихъ хищниками. Тигры чрезвычайно легко могутъ пробираться низомъ по узенькимъ коридорчикамъ, пробитымъ ими же среди спутанныхъ травъ, людямъ же почти нѣтъ возможности проникнуть въ эту безконечную и спутанную сѣть злаковъ. Только пожаръ или наводненіе въ состояніи выгнать оттуда звѣрей. Уберечься отъ ихъ неожиданнаго нападенія трудно даже опытному и вооруженно му путешественнику, такъ какъ ихъ желтый полосатый мѣхъ почти неотличимъ отъ желтыхъ стеблей и бурыхъ тѣней заросли. Тигръ умѣло пользуется этимъ обстоятельствомъ, любитъ устраивать засады и нападать невзначай.

Х. Тигры. Корейская фауна и корейское звѣроловство.

Тигры водятся во всей Корей, по гнѣздомъ ихъ и убѣжищемъ справедливо считаются сѣверные, пограничные съ Манчжуріей лѣса. Тамъ они множатся и достигаютъ небывалой величины и силы; оттуда они расходятся затѣмъ по всему полуострову гребнями горъ. А такъ какъ въ этой удивительной странѣ многолюдныя, воздѣланныя и цвѣтуція долины лежатъ нерѣдко бокъ-о-бокъ съ дикими, неприступными и совершенно пустынными горными отрогами, то жестокимъ хищникамъ всевозможныхъ родовъ есть гдѣ укрываться. Частенько тигры устраиваютъ свои логовища всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ человѣческихъ жилищъ. І. Б. Бишопъ рассказываетъ о леопардѣ, убитомъ въ стѣнахъ Сеула, а также о взросломъ парнѣ и ребенкѣ, похищенныхъ на окраинѣ Гензана въ день ея приѣзда туда ¹⁾.

Корейскіе тигры не уступаютъ величиною бенгальскимъ, а превышаютъ ихъ дикостью и дерзостью. Нерѣдки экземпляры, имѣющіе отъ 5-ти до 7-ми фут.

¹⁾ „Korea and her Neighbours“ p. 73.

длины (безъ хвоста ¹⁾). Ночью они часто врываются въ деревни, уносятъ скотъ, собакъ, свиней, набрасываются на спящихъ на крыльцахъ людей, если тѣ забыли развести по сосѣдству огонь или онъ потухъ. М. Поджіо рассказываетъ случаи, когда тигры забирались въ корейскія хижины, взломавши соломенные ихъ кровли ²⁾. Путешественникъ П. Делоткевичъ описываетъ деревни, гдѣ половину населенія *поѣли* тигры ³⁾. Туземцы страшно боятся тигровъ (по-ми, хо-раи) и поклоняются имъ какъ воплощенію ужасныхъ стихійныхъ силъ; они считаютъ ихъ слугами и конями горныхъ духовъ (Санъ-силліонъ ⁴⁾) и избѣгаютъ даже громко называть ихъ. Если путь нашъ пролегалъ по пустырямъ, то ма-пху ни за что не соглашался путешествовать подъ вечеръ и останавливался на ночевку за нѣсколько часовъ до заката солнца; между тѣмъ какъ въ мѣстностяхъ населенныхъ онъ затягивалъ движеніе поздно въ ночь. Онъ приводилъ въ свое оправданіе тысячу неосновательныхъ причинъ, умалчивая о самой главной и неопровержимой — о *тиграхъ*. Впослѣдствіи только я понялъ значеніе всѣхъ этихъ возмущавшихъ меня, въ то время непонятныхъ мнѣ, хитростей.

По корейскимъ повѣрьямъ, тигры щадятъ исключительно *пьяныхъ*, которыми они брезгаютъ. Такимъ образомъ, они являются единственными въ Корей анти-

¹⁾ Попадаются кожи длиною въ 3 метра 66 сантим. (безъ хвоста) (Поджіо); кожи въ *три метра* вовсе не диковинка.

²⁾ М. Поджіо. „Корея“, нѣмецкій переводъ, стр. 174.

³⁾ „Описаніе Корей“, изданіе министерства финансовъ, ч. II, стр. 163.

⁴⁾ Гималайскіе горцы тоже считаютъ тигра лошадыю генія горъ.

алкоголиками. Для борьбы съ особенно зловредными звѣрями правительство организуетъ обязательныя облавы, которыя, впрочемъ, никогда не удаются, такъ какъ устроителей ихъ туземцы не меньше ненавидятъ и боятся, чѣмъ самихъ тигровъ. Облавы эти являются только источникомъ поборовъ и прижимокъ со стороны корейскихъ чиновниковъ. Крестьяне предпочитаютъ сами бороться со звѣрями, устраиваютъ на ихъ тропахъ ловушки, роютъ ямы и ставятъ капканы, предпочитаютъ даже драться самолично съ ними, вооружившись копьями и кремневыми ружьями. Существуетъ даже общество тигровыхъ охотниковъ, многочисленное и пользующееся большимъ въ странѣ уваженіемъ. Это что-то вродѣ древней полунаслѣдственной касты, объединенной общей организаціей, съ особыми управителями во главѣ, съ собственною казной, съ особыми богами и обычаями. Къ нимъ обращается населеніе въ трудныхъ случаяхъ за помощью, вѣритъ имъ и любить ихъ. Эти смѣлые охотники пользуются даже нѣкоторымъ политическимъ вліяніемъ, отличаются храбростью и преданностью родинѣ. Правительство во время войны набираетъ среди нихъ вольныя дружины, и послѣднія не разъ отражали непріятелей. Во время французскаго нашествія въ 1866 году и въ американскую экспедицію въ 1871 году поражали европейцевъ своимъ беззавѣтнымъ мужествомъ полчища этихъ одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры стрѣлковъ.

Зима — излюбленное корейцами время для тигровой охоты. Ради этого небольшая артель охотниковъ выбираетъ день, когда на глубокихъ снѣгахъ образовался настъ, достаточно крѣпкій, чтобы удержатъ человѣка на лыжахъ, но сквозь который проваливается тяжелый

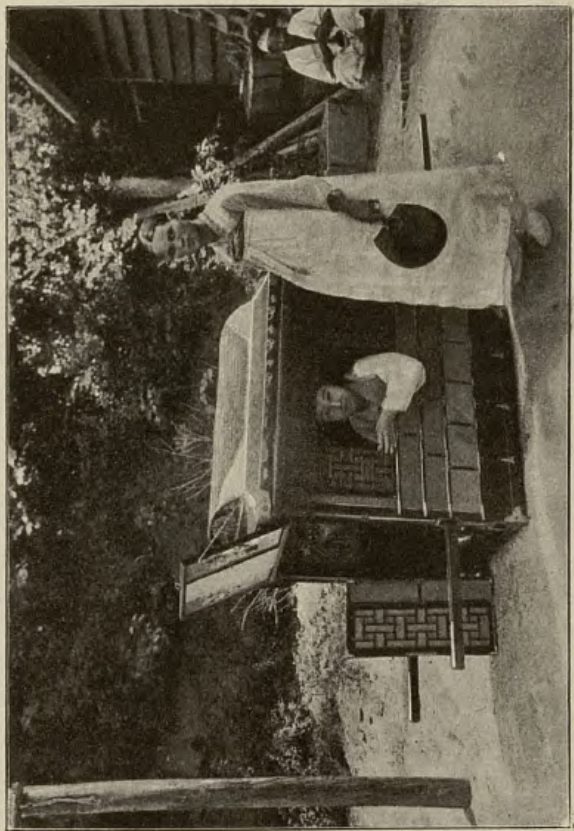
хищникъ. Розыскавши тигра, охотники гонятся за нимъ, то заманиваютъ его на глубокіе сугробы, то нападаютъ на него, то уходятъ, пока выбившійся изъ силъ звѣрь не застрянетъ окончательно въ рыхлыхъ снѣгахъ. Тогда подходятъ къ нему вплотъ и закалываютъ копьями. Бѣда, однако, если тигръ во время преслѣдованія попадетъ на закрѣпшій уже настъ или сугробъ, тогда онъ мгновенно превращается изъ преслѣдуемаго въ нападающаго, и... плачутъ тогда осиротѣлыя корейскія женщины и дѣти. Недаромъ охотники, отправляясь на тигра, ѣдятъ его сердце, кости и мясо, чтобы приобрѣсти равную съ врагомъ храбрость.

Болѣе распространены въ Корей всякаго рода тигровыя ловушки, хотя лукавый звѣрь туго идетъ въ нихъ. Общеизвѣстна здѣсь китайская ловушка, состоящая изъ высокой городьбы, расположенной двумя замкнутыми кругами концентрически, такъ что образуется узкій коридорчикъ. Въ центрѣ внутренняго круга помѣщаются поросенокъ или собака, которые своимъ крикомъ должны заманить голоднаго звѣря. Внѣшняя ограда снабжена дверями, открывающимися внутрь. Тигръ, забравшись въ коридорчикъ, бѣгаетъ кругомъ, разыскивая добычу, и всякій разъ своимъ тѣломъ закрываетъ дверцу. Такъ онъ кружится, пока не придутъ охотники и не заколютъ его сквозь щели въ оградѣ.

— Полгода мы охотимся на тигровъ, а другое полугодіе они охотятся на насъ,—повторяютъ наивно корейцы насмѣшливую китайскую про нихъ поговорку ¹⁾.

Я же думаю, что охота корейцевъ продолжается не такъ долго и что вообще въ Корей приволье для вся-

¹⁾ I. B. Bishop, *ibid.*, pag. 127.

Корейская дворянка въ носилкахъ,

каго рода хищниковъ. Безопасно путешествовать можно вездѣ въ этой странѣ только въ декабрѣ да январѣ, во время случки тигровъ, когда самцы, совсѣмъ опалѣлые, ищутъ только самокъ да дерутся между собою, а романически настроенныя самки забываютъ объ ѣдѣ. За то вслѣдъ затѣмъ весной и особенно въ апрѣлѣ и маѣ, когда тигрицы приносятъ пометъ, начинаются для жителей полуострова тяжелыя времена, особенно въ годы холодныя или бѣдныя почему-либо дичью. Свои берлоги устраиваютъ тигры по большей части въ расщелинахъ скалъ или пещерахъ на южныхъ склонахъ горъ, въ укромныхъ мѣстахъ. гдѣ на солнцѣ, въ теплѣ и тиши, могутъ привольно играть ихъ котята. Мѣха корейскихъ и манчжурскихъ тигровъ много пушистѣе и красивѣе бенгальскихъ и цѣнятся выше. Тигровые когти, зубы, кости, сердце и желчь считаются магическими средствами и покупаются въ большомъ количествѣ китайскими, корейскими и японскими знахарями. Поэтому охота за тиграми хорошо оплачивается и производится туземцами съ все возрастающей успѣшностью, благодаря усовершенствованному оружію, доставляемому имъ теперь китайскими и японскими купцами въ открытыхъ для иностранной торговли городахъ. Эти купцы къ тому же доставляютъ охотникамъ заряды, припасы и все нужное для охоты, получая, конечно, за все хорошія цѣны. Лавки въ этихъ городахъ, дѣйствительно, полны тигровыхъ шкуръ, и цѣна на нихъ не особенно высока: можно хорошую купить за 25 долл. (корейск.) и недурную—за 15 долл.

Есть тамъ и другіе мѣха,—шкуры леопардовъ, медвѣдей, рысей, лисицъ, соболей, куницъ, антилопъ, козуль, оленей, зайцевъ, по большей части невыдѣланные

или плохой корейской выдѣлки. Можно въ этихъ лавкахъ купить за хорошія деньги великолѣпныя „панты“ (молодые, засушенные вмѣстѣ съ кровью, рога оленя), можно купить кабаньи клыки, орлиныя крылья, живыхъ соколовъ, приученныхъ къ охотѣ на фазановъ и перепелокъ; наконецъ, можно тамъ купить или заказать самую дичь,—утокъ, гусей, фазановъ, рябчиковъ, дикихъ голубей или ихъ цыплятъ или яйца, смотря по времени года и сезону.

Особенно обильный выборъ мѣховъ и дичи я видѣлъ въ лавкахъ Гензана, что объясняется близостью этого города къ сѣвернымъ лѣснымъ звѣринымъ гнѣздовищамъ и сосѣдствомъ малонаселенной юго-восточной Манчжуріи.

Оттуда, какъ я говорилъ уже, гребнями недоступныхъ горныхъ цѣпей дичь разбредается по всему полуострову, такъ что даже на южныхъ его оконечностяхъ можно встрѣтить среди утесовъ и ущелій не только тигра, леопарда, медвѣдя (коми), кабана, но и слабыхъ, боязливыхъ, животныхъ,—козероговъ, оленей, козуль, кабаргу и другихъ, помельче, преслѣдуемыхъ человѣкомъ и четвероногими хищниками ради мѣха и мяса. Безъ сѣверныхъ убѣжищъ и заводовъ всѣ эти виды давно бы погибли; проживаніе ихъ по всему полуострову обезпечено теперь расположеніемъ дикихъ, пустынныхъ горныхъ грядъ, расползающихся по Корей, точно сѣтъ кровеносныхъ сосудовъ. На югѣ страны близость человѣка, неустанно воюющаго съ тигромъ, спасаетъ отчасти мирныхъ животныхъ отъ этого главнаго и самаго опаснаго для нихъ врага. По этой же причинѣ маленькія южно-корейскія обезьянки гнѣздятся почти исключительно въблизи человѣческихъ жилищъ.

Несмотря на очень тѣсное сожительство животныхъ Кореи и Манчжуріи, у первой есть свои особенности и характерныя черты, отсутствующія въ послѣдней. Въ Кореѣ, напримѣръ, нѣтъ и, нужно думать, никогда не было *волковъ*, очень обыкновенныхъ въ Восточной Манчжуріи. Затѣмъ, водится въ Кореѣ видъ черныхъ орловъ, которыхъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ развѣ острова Ессо ¹⁾, водится разновидность дрохвы (*otis Dybowski*), есть желтоногая и желтоклювая корейская кукушка съ хриплымъ кукованіемъ „кри! кри! кри!“, есть темно-бурый соловей съ сѣрыми ножками, поющій и на лету ²⁾. Среди лисицъ попадаются и глубоко-сѣверныя, темно-бурыя породы, а въ старинныхъ путешествіяхъ остались указанія на аллигаторовъ, хотя въ настоящее время не осталось отъ нихъ ни слѣда, ни воспоминанія. Къ корейскимъ особенностямъ принадлежитъ также небольшое количество и мѣстами совершенное отсутствіе овода, мошкары, комаровъ, слѣпней, отравляющихъ жизнь въ сосѣднихъ лѣсахъ Манчжуріи и даже мѣстами Японіи. Затѣмъ есть въ Кореѣ пчелы, которыхъ нѣтъ въ Японіи; я видѣлъ тамъ всего два улья въ агрономическомъ институтѣ въ Саппоро, между тѣмъ какъ въ каждой почти корейской деревушкѣ я видывалъ хотя нѣсколько пчелиныхъ колодъ, а у нѣкоторыхъ домовъ даже маленькія пасѣки. Слывуть красотой своихъ красокъ и рѣдкостью видовъ корейскія бабочки и жуки. Водится ихъ здѣсь большое множество. Хотя время

¹⁾ Упомянутыхъ птицъ я видывалъ только на лету; въ музеяхъ, я знаю, пока есть экземпляры ихъ въ Токио да въ Львовѣ у проф. Дыбовскаго.

²⁾ Оба эти вида были открыты польскимъ орнитологомъ-коллекціонеромъ А. Янковскимъ.

моего путешествія было позднее, но въ окрестностях Сеула попадались мнѣ еще во множествѣ перелетающіе черезъ дорогу большіе жуки, которые, ударившись объ меня или мою лошадь, падали тутъ же на землю. Глубоко подъ камнями здѣсь прячутся большіе крагегусы съ блестящей, золотистой окраской. Странно, что замѣчено большее сходство корейскихъ насѣкомыхъ съ японскими, чѣмъ съ манчжурскими. Изъ 301 извѣстныхъ видовъ корейскихъ птицъ 279 общихъ съ Японіей и Китаемъ, а 249—съ Манчжуріей; изъ 352-хъ видовъ жуковъ 147 общихъ съ Японіей, а только 82 съ Манчжуріей. Такъ какъ жесткокрылые въ видовомъ развитіи представляютъ самый чуткій ко всякимъ измѣненіямъ во внѣшней средѣ біологическій матеріалъ и явственнѣе другихъ эти измѣненія фиксируютъ, то слѣдуетъ предполагать о большомъ сходствѣ біологическихъ условій Кореи и Японіи, а также о вѣрности продолжительнаго и тѣснаго соединенія обѣихъ странъ въ прошломъ.

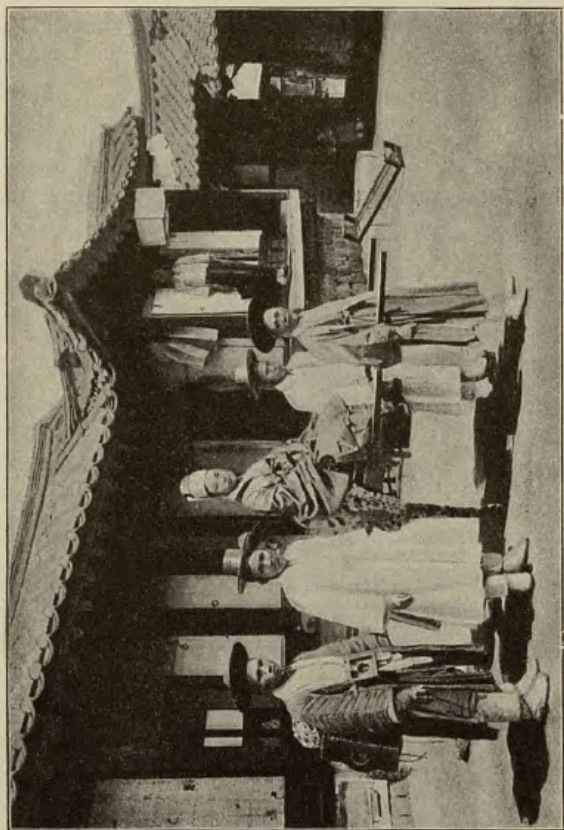
Корейскія моря изобилуютъ рыбой; особенно много здѣсь сельдей и лососей. У восточныхъ, глубокихъ береговъ пасутся многочисленныя стада китовъ (кораё). Корейцы не пользуются въ достаточной мѣрѣ своими рыбными богатствами по причинѣ исконнаго упадка ихъ мореходства и рыболовства, вызваннаго запрещеніемъ селиться у береговъ. Ихъ рыболовство теперь только начинается возрождаться. Конечно, они не въ состояніи конкурировать съ такими отличными рыболовами, какъ японцы, издавна пріѣзжающими къ корейскимъ берегамъ лѣтомъ для ловли рыбъ, трепанговъ и морской капусты. До войны два рыболовныхъ общества,—одно русское, другое японское,—занимались

круглый годъ ловлей китовъ у восточныхъ береговъ Кореи, подвигаясь зимою съ сѣвера на югъ, лѣтомъ—обратно за стаями этихъ млекопитающихъ. Корейскіе киты принадлежать къ мелкой породѣ, называемой промышленниками „полосаткой“ отъ мелкихъ сборокъ, въ которыя складывается ихъ атласно-бѣлый животъ. Болѣе крупные и болѣе рѣдкіе „синіе“ киты, лишенные складокъ на животѣ, представляютъ болѣе цѣнную и рѣдкую добычу и по величинѣ, и по длинѣ своего уса. Большой полярный китъ никогда не является въ корейскихъ водахъ.

Плаваютъ также здѣсь немало акулъ разной величины, скатовъ, касатокъ и другихъ хищниковъ, часто не уступающихъ величиною китамъ; громадныя ихъ стаи производятъ формальныя набѣги, послѣ которыхъ исчезаютъ на долгое время въ данной мѣстности испуганныя рыбы и киты.

Несомнѣнно, что Корею за обиліе, разнообразіе и общераспространенность ея дичи слѣдуетъ считать охотничьей страной, но, конечно, она въ этомъ отношеніи много хуже и бѣднѣе не только Цейлона, но и Манчжуріи. Крупнаго звѣря трудно отыскать тамъ благодаря обилію щелей, пещеръ, тайниковъ, среди неприступныхъ нерѣдко утесовъ; тигръ, напримѣръ, обязательно исчезаетъ, когда его ищутъ; зато здѣсь много фазановъ, держащихся преимущественно у засѣянныхъ полей, много утокъ и гусей, особенно во время весенняго и осенняго перелетовъ, когда они охотно садятся на только что вспаханныхъ или уже обобранныхъ болотистыхъ рисовыхъ поляхъ. По близости селеній много летають дикихъ голубей, а въ хлѣбахъ прячутся милліоны перепелокъ.

Птицъ корейцы ловятъ въ большомъ количествѣ петлями, ловушками, сѣтями, а также охотятся за ними съ соколами. Ихъ плохо обученные сокола рвутъ обыкновенно добычу, такъ что охотнику приходится постоянно бѣгать за птицей, что очень утомительно. Крупныхъ звѣрей, включая и тигра, ловятъ корейцы преимущественно ямами, покрытыми сверху тонкимъ слоемъ земли и листьевъ.

Янъ-банъ (корейскій дворянинъ).

XI. Хау-булянгъ. Школа въ деревнѣ. Пхенаму-сей. Народное образованіе.

На десятой „и“ (5 верстъ) отъ ночлега мы миновали маленькую горную деревушку, окруженную жалкими полями несобранной еще „чумидзе“ и грядами побитого морозомъ салата. Подъ навѣсомъ я замѣтилъ „папуши“ подсыхающаго на жердяхъ табаку, а въ сторонѣ отъ дороги крестьяне свозили скошенный и завялый горохъ, который они нагружали связками въ большіе сѣтчатые „переметы“, переброшенные черезъ спины воловъ. Изъ-подъ копенъ своеобразнаго груза едва виднѣлись рогатая головы и толстыя ноги животныхъ. Холодное утро мало-по-малу превратилось въ знойный, сухой день. Тучи исчезли, и голубой, чистый небосклонъ охватилъ сіяющимъ покровомъ долину и горы; синія вершины таяли въ жаркихъ синихъ туманахъ, а внизу, какъ хваталъ глазъ, въ рамцѣ корявыхъ скалъ колыхались безконечныя волны желтыхъ осеннихъ травъ. Дорога бѣжала среди нихъ то прямо какъ стрѣла, то исчезала за крутымъ поворотомъ или пряталась въ невидимомъ издали оврагѣ; затѣмъ, дальше опять появлялась въ видѣ тоненькой бѣлой ленты, перехватывающей мягкими изгибами плоскіе бурые бугры.

Окрестности казались совершенно пустынными; только вѣтеръ гулялъ съ шумомъ по морю осоки, да стучали копыта нашихъ лошадей. Вдругъ неожиданно земля разступилась впереди насъ, и мы увидѣли рѣчку, плывущую въ глубокомъ яру, густо заросшемъ кудрявыми деревьями,—точь въ точь какъ въ Малороссіи. Мы стали медленно спускаться туда по узенькой тропинкѣ, вьющейся карнизомъ вдоль крутого обрыва. Было скользко, и мѣстами въ тѣни бѣлѣлъ еще иней. Рѣчку мы прошли вбродъ, затѣмъ мы опять поднялись на высоты по такому же карнизу-тропинкѣ.

Нѣсколько часовъ спустя, мы опять очутились на краю глубокаго провала, еще болѣе обширнаго и живописнаго, чѣмъ первый. Въ немъ въ прелестной сосновой рощѣ, на берегу рѣчки Тень-гань, расположилось большое и, видимо, зажиточное село Хау-булянгъ, гдѣ, по преданію, потерпѣлъ пораженіе король-людоѣдъ. Яръ представлялъ здѣсь нѣчто вродѣ обширной котловины, сплошь занятой воздѣланными полями и огородами; вдали виднѣлись многочисленныя деревушки, окруженныя полосами ярко-зеленаго салата и серебрястой лентой вьющейся прихотливо рѣки.

Отъ Хау-булянга мы двигались нѣкоторое время по западнымъ откосамъ горнаго отрога, лѣвымъ краемъ ущелья рѣки Тень-гань, по сильно волнистой мѣстности, поросшей мелкими кустарниками и все тою же высокой горной осокой. Кое-гдѣ я замѣтилъ большія жнтинныя, которыя я принялъ сначала за убранныя поля, но которыя оказались просто покосами. Немного дальше артель мужиковъ собирала на такихъ покосахъ сжатую на топливо траву и грузила ее на упомянутые выше

сѣтчатые вьюки, позволяющіе свозить сѣно и хлѣбъ по какимъ угодно дорогамъ, съ какихъ угодно высотъ.

Все время дулъ стремительный сѣверо-западный вѣтеръ. Окрестности мало-по-малу оживлялись. Опять появились деревушки. Въ 40 „и“ отъ ночлега мы остановились пообѣдать въ большой деревнѣ, окруженной воздѣланными полями. На нѣкоторыхъ стояли еще не-сжатые хлѣба, на многихъ виднѣлись суслоны сноповъ. Рисовыхъ полей все еще не было; преобладали просо худшихъ сортовъ, овесъ, ячмень, горохъ, табакъ, салатъ да рѣдка. Снѣга здѣсь ждали на-дняхъ; зимой лежить онъ долго толстымъ покровомъ на сосѣднихъ вершинахъ и днѣ долины. На деревенской улицѣ я нашелъ даже нѣчто вродѣ простыхъ дровень съ бычьимъ ярмомъ. Ма-пху назвалъ мнѣ это село страннымъ именемъ Пхе-на му-сей. Я узналъ, что въ немъ существуетъ народное училище (сѣ-да-ни), и отправился туда съ переводчикомъ. Школа помѣщалась въ глубинѣ грязнаго двора, во внутреннемъ крыльцѣ просторнаго корейскаго дома. Мы безъ труда разыскали ее, такъ какъ шумъ многочисленныхъ дѣтскихъ голосовъ указывалъ намъ дорогу. Когда я открылъ маленькія двери училища, прежде всего поразилъ меня удушливый, зловонный его воздухъ. Голоса сразу умолкли. Сначала я ничего не различалъ, ослѣпленный переходомъ съ солнечнаго свѣта въ полумракъ, царящій въ избѣ. Маленькое, четырехугольное окошечко, заклеенное бумагой, еле-еле пропускало свѣтъ ¹⁾. Спустя немного, когда глаза мои привыкли, я замѣтилъ ряды бѣдно и грязно одѣ-

¹⁾ Другія корейскія народныя школы, которыя мнѣ приходилось осматривать, ничѣмъ не отличались отъ этой.

тыхъ мальчиковъ, сидѣвшихъ на цыновкахъ вдоль стѣнъ. На нихъ были обычныя корейскія бѣлыя курточки и штанишки, и волосы у всѣхъ были заплетены въ косу. Насупротивъ дверей, на низенькой платформѣ, сидѣлъ съ поджатыми ногами учитель (сы-сынъ-и или сенъ-саенъ-и, — съ китайскаго) въ рогатомъ, волосяномъ, ажурномъ беретѣ; передъ нимъ на низенькомъ столикѣ лежала бумага и стояла китайская чернильница съ кисточками и палочкой туши. Наше появленіе удивило и заинтересовало учителя не менѣе, чѣмъ его учениковъ. Онъ поправилъ свой беретъ и надѣлъ большія очки въ черепаховой оправѣ. Какъ ни какъ, а видъ у человѣка въ очкахъ куда солиднѣе!.. Такъ вооружившись, педагогъ принялся степенно разспрашивать моего тон-су, кто мы такіе и откуда. Я подсѣлъ къ дѣтямъ и попробовалъ заглянуть имъ въ книги и тетрадки. Они не противились, но упрямо не соглашались читать дальше свои уроки, несмотря на приказаніе учителя. Наконецъ, одинъ мальчикъ голосомъ, прерывающимся отъ волненія, сталъ бормотать что-то, указывая указкой на крупные іероглифы въ своей книжкѣ. Это была знаменитая книга „тысячи знаковъ“—основа всей китайской мудрости. Съ боку каждаго іероглифа направо стояло по-корейски его корейское произношеніе, а налѣво—его корейское значеніе. Дѣти сперва учатся читать по-корейски, что не представляетъ особой трудности, такъ какъ корейскій алфавитъ „ѳнь-мунъ“ состоитъ всего изъ 44-хъ знаковъ (25 гласныхъ и 19 согласныхъ). Обученіе производится по особому методу: дѣти читаютъ не отдѣльныя буквы, а сразу слоги. Корейскія буквы представляютъ соединеніе черточекъ, точекъ и кружковъ, похожихъ въ общемъ на звуковой

японскій алфавитъ („хирогана“ и „катагана“). Пишутъ корейцы по-китайски—сверху внизъ и страницу начинаютъ съ правой стороны, а книгу—съ конца.

Корейская грамота считается, впрочемъ, только средствомъ къ познанію тайнъ китайской письменности. Сначала ребенокъ выучивается „тысячѣ знаковъ“, изъ которыхъ каждый представляетъ самостоятельный іероглифъ и знаніе которыхъ необходимо для дальнѣйшаго изученія китайскихъ писателей. Дѣти, даже взрослые корейцы, читаютъ всегда громко, на-распѣвъ, точь въ точь какъ и большинство японцевъ. Я часто видѣлъ въ садахъ и за городомъ одинокихъ читателей, бормочущихъ про себя читаемыя слова.

Въ настоящее время, съ паденіемъ китайскаго вліянія, слѣдомъ за европейскими купцами и солдатами робко стала проникать и европейская наука; корейская школа начала измѣняться, и корейская грамотность пріобрѣла большій вѣсъ и вліяніе.

Съ 1894 года даже правительственная китайская газета „Цзо-бо“¹⁾ стала издаваться на смѣшанномъ китайско-корейскомъ языкѣ. Рушилась прежняя система обученія, основанная на безконечно долгомъ зазубриваніи китайскихъ письменъ, изученіи китайской философіи и литературы. Потеряли свое значеніе торжественные придворные экзамены, дающіе право на научную степень и связанную съ ней чиновничью должность²⁾. Впро-

¹⁾ До 1894 года газета эта собственно не издавалась, а это была, по образцу пекинской газеты, простая копія правительственного оригинала *Цзо-бо*, изготовляемого департаментомъ посредничества для императора и министровъ. Въ ней печатались указы, движеніе по службѣ, награды и наказанія чиновниковъ и т. п.

²⁾ Конфуціанство, низлагавшее нѣкогда корейскихъ императоровъ съ престола, пало до того, что въ официальныхъ отчетахъ мы

чемъ, они потеряли свое значеніе много раньше, пораженные общимъ недугомъ корейской жизни, — своевольемъ чиновниковъ, продажною и непотизмомъ. Первый ущербъ нанесло имъ вскорѣ послѣ введенія ихъ провозглашеніе закона „ымъ“, допускающаго безъ экзаменовъ къ высшимъ и почетнымъ должностямъ потомковъ лицъ, „заслуженныхъ отечеству“. Чрезъ эту форточку проникли затѣмъ подкупъ и протекція, устраняя мало-по-малу отъ доходныхъ мѣстъ лицъ убогихъ и неродовитыхъ.

Король Хіонъ-цзонъ (1834 г.) прямо продавалъ ученыя степени и дипломы; его министры, конечно, поддерживали этотъ очень выгодный для нихъ обычай. Все это оттолкнуло лучшихъ людей отъ официальныхъ школъ и отъ официального соревнованія въ наукахъ. Безкорыстная любовь къ знанію опять спряталась въ буддійскихъ монастыряхъ и частныхъ домахъ. Только переворотъ въ Японіи, необыкновенные успѣхи этой страны, необходимость открыть свои границы для иностранцевъ, вынужденная этой же Японіей, наконецъ, успѣшная война послѣдней съ всесильнымъ въ продолженіе многихъ вѣковъ Китаемъ встряхнули Корею и разбудили среди лучшей части ея интеллигенціи сознаніе своего упадка и жажду исправленія. Подъ влія-

находимъ о немъ слѣдующее замѣчаніе: „Министръ просвѣщенія обратился въ разные департаменты съ просьбой о назначеніи на лучшія мѣста студентовъ конфуціанскаго высшаго училища. Военный министръ отвѣтилъ, что его министерство не нуждается въ услугахъ этихъ лицъ, такъ какъ конфуціево ученіе въ немъ непримѣнимо. Поэтому министерство съ грустью сообщаетъ, что предлагаемыхъ лицъ принять не можетъ („The Korean Repository“, F., p. 79).

ніемъ Японіи опять проснулась въ Корей прежняя любовь и почитаніе наукъ.

„Настоящее и благоприятное для образованія настроеніе явилось въ Корей какъ слѣдствіе японо-китайской войны“, откровенно признаетъ Горасъ Н. Алленъ, генеральный консулъ Соединенныхъ Штатовъ ¹⁾. Въ 1894 г. было основано въ Сеулѣ нѣсколько школъ по образцу англійскихъ и американскихъ съ учителями европейцами и японцами. Открытая еще въ 1886 г. школа американскихъ методистовъ, подъ названіемъ „Паи-Чай“ (Зала воспитанія полезныхъ людей), преобразована въ 1895 г. въ императорское училище съ государственнымъ пособіемъ въ размѣрѣ *одного* доллара въ мѣсяцъ на cadaго воспитанника. Кромѣ языковъ англійскаго, корейскаго и китайской письменности, въ этой школѣ преподають географію, ариметику, исторію, алгебру, рисованіе и черченіе, фізику, Новый Завѣтъ, а также обучаютъ разнымъ ремесламъ и военнымъ приѣмамъ. Обученіе продолжается три года; ученикамъ присвоена форма; отъ времени до времени устраиваютъ въ школѣ публичныя пренія для учениковъ, чтобы приучить ихъ къ общественной жизни и политической дѣятельности. Число учениковъ съ 50-ти (въ 1895 г.) возросло до 176-ти (въ 1897 г.).

Въ то же приблизительно время были основаны въ Сеулѣ правительствомъ нормальная учительская семинарія (сѣбѹмъ-хакъ-кіѹ) и девять начальныхъ школъ (сіѹ-хакъ-кіѹ). Считаю лишнимъ говорить о большомъ ихъ значеніи. Первымъ директоромъ семинаріи былъ назначенъ американецъ Г. Б. Хельбертъ.

Все возрастающія торговыя сношенія съ Европой, а

¹⁾ „The Korean Repository“. Octob. 1898 y. p. 388.

также злосчастная судьба Кореи, дѣлающая ее ареной міровыхъ интригъ, создали большую потребность въ хорошихъ корейскихъ переводчикахъ для посольствъ, а также въ интеллигентныхъ корейскихъ конторщикахъ для строящихся желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и рудниковъ. Иностранныя державы стали основывать собственные школы для удовлетворенія этихъ потребностей. Появилась вначалѣ школа англійская (существ. съ 1883 г., расшир. въ 1894 г.), затѣмъ—японская въ 1891 г.), русская (въ 1896 г.), французская (въ 1896 г.) и, наконецъ, нѣмецкая (въ 1898 г.). Во всѣхъ этихъ школахъ преподають общіе предметы—географію, исторію, ариметику, физику, но главнымъ образомъ стараются въ нихъ подготовить хорошихъ, толковыхъ переводчиковъ. Общій ихъ недостатокъ заключается въ томъ обстоятельстве, что стоятъ они корейскому правительству сравнительно дорого и сильно нарушаютъ крайне скромный и безъ того бюджетъ корейскаго министерства просвѣщенія. Бюджетъ его въ 1897 г. равнялся 47.000 долл. (кор.), въ 1900 году—120.000 долл., т. е. представлялъ едва 2⁰/₁₀ общихъ издержекъ государства. Изъ этой суммы на содержаніе министерства идетъ 23.000 долл., на студентовъ, обучающихся за границей,—около 13.000 долл. (прежде 40.000 долл.), дальше около 6.000 долл. поглощаютъ астрономическая обсерваторія и составленіе государственнаго календаря (по китайскому образцу), 6.000 — сеульская медицинская школа (открыта въ 1899 г.) и нѣсколько тысячъ—коллегія Конфуція,—уцѣлѣвшая съ прежнихъ временъ духовная семинарія ¹⁾).

¹⁾ Бюджетъ, приведенный Гамильтономъ на 1903 годъ, даетъ слѣдующія цифры: содержаніе министерства—24.822 долл., кален-

Подробный бюджет народного образованія, составленный на 1900 годъ, заключалъ слѣдующія статьи:

Содерж.	корейск. школѣ въ Сеулѣ	25.511	дол.
"	русской школы	1.224	"
"	французск. "	1.224	"
"	англійской "	2.348	"
"	нѣмецкой "	1.224	"
"	японской "	1.179	"
"	китайской "	1.179	"
Жалован.	туземнымъ учителямъ	23.410	"
"	иностранн. "	30.770	"
Пособія	правительств. училищ.	22.260	"
"	частнымъ "	7.240	"
"	японскимъ "	2.640	"

Женское училище и медицинскія школы не включены въ бюджетъ этого года, о нихъ упоминается только разъ въ 1899 году, когда первая получила 3.750 долл., а вторая—6.030 долл. пособія, затѣмъ онѣ исчезаютъ. Отмѣчу, что ни одна изъ приведенныхъ выше суммъ не достигаетъ полностью своего назначенія; только иностранныя школы получаютъ назначенныя имъ ассигновки, благодаря, конечно, внѣшнему давленію.

Изъ нихъ англійская школа—самая дорогая и лучше устроенная; съ 1894 года она получаетъ около 10.000 долл. пособія ежегодно. Самая дешевая японская школа, тѣмъ не менѣе великолѣпно организована и хорошо обставлена; она получаетъ всего 3.000 долл. правительственного пособія ежегодно; изъ этихъ денегъ она выдаетъ

даръ—6.000 долл., сеульскія школы—89.969 долл., провинціальныя школы—22.580 долл., пособія частнымъ школамъ—5.430 долл., содержаніе студентовъ за-границей—15.920 долл., вмѣстѣ—164.943 долл. („Korea“, p. 100).

лучшимъ ученикамъ стипендіи по 10 долл. ежемѣсячно и отборныхъ изъ нихъ высылаеть на свой счетъ въ Японію ¹⁾).

Обучались въ 1898 году въ высшихъ школахъ Сеула всего 800 молодыхъ людей ²⁾; сомнѣваюсь, чтобы число ихъ съ того времени сильно возросло, такъ какъ 1898 годъ былъ временемъ самаго большаго подъема реформаторской и образовательной волны, сильно упавшей впослѣдствіи подвѣліяніемъ дипломатическихъ интригъ и внутреннихъ бѣдствій. Медицинская школа и женское училище совсѣмъ даже закрылись. Въ 1903 году я осматривалъ русскую и французскую школы вблизи Министерской улицы. Это были маленькіе, довольно опрятные домики, помѣщавшіеся въ разныхъ концахъ обширнаго, окруженнаго стѣной, двора. Обставлены онѣ были по-европейски, но очень просто и бѣдно; классы освѣщались большими европейскими окнами. Учениковъ я не нашелъ, такъ какъ по незнацію я пришелъ туда въ царскій праздникъ—въ день рожденія семилѣтняго принца Янгъ-чю-нау. По этому случаю въ полдень передъ главными дворцовыми воротами собрались толпы учащихся (хато) съ флагами и знаменами подъ руководствомъ учителей (камдокъ), гдѣ они пѣли патріотическіе гимны. Собралось тамъ

¹⁾ J. B. Bishop говорить о 77-ми молодыхъ корейцахъ, обучавшихся въ 1897 г. въ Японіи; это были исключительно „правительственные стипендіаты“; общее же число корейскихъ студентовъ въ Японіи было много выше.

²⁾ Въ Пай-чаи—176, въ нормальной школѣ—65, въ русской—88, во французской—100, въ англійской—120, въ японской—180, въ нѣмецкой—66 („The Korean Repository“. October, 1898, pp. 388—932: „Our schools“).

школьниковъ около 1.500, немного мало для 220.000 города. Студентовъ я не замѣтилъ; большинство состояло изъ учениковъ начальныхъ школъ. По officialнымъ даннымъ, въ Сеулѣ — девять начальныхъ училищъ съ *тысячей* учениковъ. Въ провинціи такихъ школъ всего 21; каждая получаетъ будто бы (по правительственнымъ отчетамъ) 30 дол. ежемѣсячнаго пособія. Сверхъ того существуютъ начальныя миссіонерскія школы всевозможныхъ вѣроисповѣданій. Самыми многочисленными и лучшими изъ нихъ считаются школы методистовъ; въ ихъ воскресныхъ школахъ въ 1897 году обучалось до 900 учениковъ. Единственное въ Корей высшее женское училище „Ewa Gaktang“ тоже основано методистами. Кромѣ миссіонерскихъ, нѣтъ въ Корей другихъ женскихъ училищъ, такъ какъ публичное обученіе дѣвочекъ противорѣчитъ общему взгляду корейцевъ на женщинъ, требующему, чтобы тѣ проводили жизнь въ затворничествѣ и получали исключительно домашнее образованіе ¹⁾.

Характерной чертой корейскихъ среднеобразовательныхъ школъ является совмѣстительство преподаванія учителей. Штаты очень малочисленны, и учителя подраздѣляются не по предметамъ, а по классамъ учениковъ. Каждый изъ нихъ долженъ учить *всему* во ввѣренномъ ему классѣ. Такъ называемая „нормальная школа“ (учительская семинарія) состоитъ, напр., изъ директора (хакъ-кіо-цзанъ), двухъ старшихъ учителей

¹⁾ Въ сентябрьской книжкѣ „Korean Repository“ за 1899 г. (стр. 355) я нашелъ замѣтку, что группа корейскихъ дамъ рѣшила устроить „Общество поощренія женскаго образованія“. Состоялось ли это предпріятіе, не знаю, но о женскихъ школахъ въ Корей пока совсѣмъ не слышно.

(кіо-гоань), одного младшаго учителя (пу-гіо-гоань), трехъ начальныхъ преподавателей (кіо-уонь) и секретаря (сію-гый). Европейскіе учителя объясняются со всѣми учениками при помощи переводчиковъ. Ихъ вознагражденіе—тоже не особенно высокое, не выше 2.000—3.000 долл.; японцы довольствуются 100 дол. въ мѣсяць, учителя-туземцы получаютъ около 50 дол. ежемѣсячно, а преподаватели начальныхъ школъ получаютъ не больше 15—20-ти дол. ежемѣсячно.

Отсюда видно, насколько скромны затраты корейскаго правительства на образованіе; изъ нихъ львиную долю забираютъ высшія и иностранныя училища. Школьная реформа совсѣмъ не коснулась народныхъ училищъ внутри страны ¹⁾.

Народъ тамъ предоставленъ самому себѣ, и онъ учится самъ. Въ каждомъ почти болѣе крупномъ селѣ существуетъ небольшая темная конура, вродѣ описанной мною, гдѣ собираются крестьянскія ребята, уплативъ предварительно бѣдному, какъ они сами, учителю 50 пхунъ (10 коп.) съ головы въ мѣсяць. Крестьяне обязаны къ тому же позаботиться объ „обзаведеніи“ школы, выстилаютъ ее цыновками, оклеиваютъ обоями, покупаютъ нужныя книги, бумагу, тушь, кисточки; кромѣ того они поочереди кормятъ невзыскательнаго, какъ они сами, учителя, ихъ же брата-мужика. За все платятъ они охотно и вполне добро-

¹⁾ Авторъ статьи „He is a farmer“ говоритъ, что среди корейскихъ крестьянъ 60%—безграмотныхъ, а включая женщинъ—85%; тамъ же сказано, что количество безграмотныхъ мѣняется по провинціямъ, что самая грамотная провинція, это—Кіюнь-гый-до и сосѣдняя ей Хоань-хй-до, а самыя безграмотныя, это—сѣверныя провинціи („The Korean Repository“, 1898 у., р. 230).

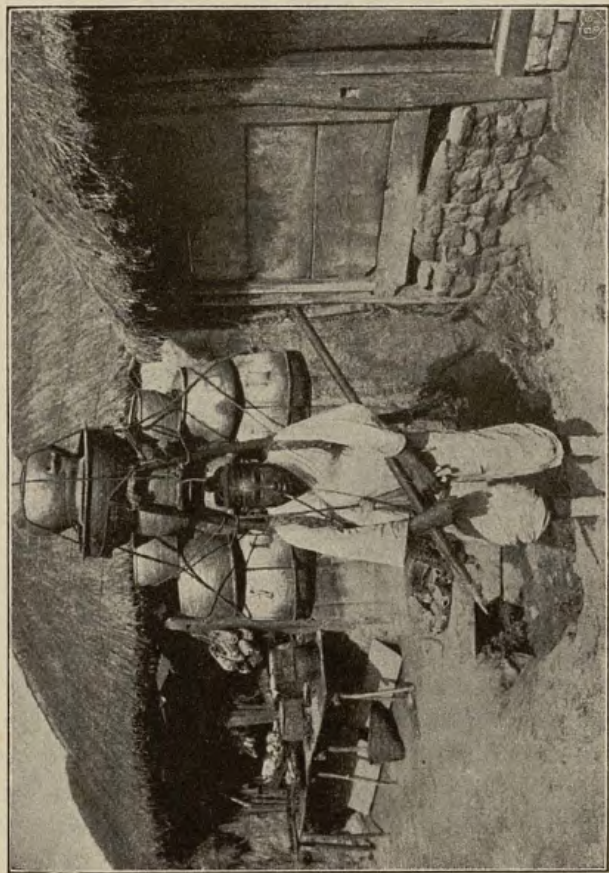
вольно, лишь бы выучиться „тысячѣ“ трудныхъ зна-
ковъ, открывающихъ доступъ въ предѣлы знанія, куда
они стремятся совершенно безкорыстно, даже безъ ви-
димой пользы и надежды на улучшеніе своего поло-
женія въ ближайшемъ будущемъ. Знаніе даетъ имъ
пока исключительно умственное удовольствіе и не-
много лоска. И ничего больше! Безусловно, что этотъ
робкій, безнаказанно обижаемый всѣми народъ въ
своей преданности наукѣ представляетъ исключитель-
ный въ мірѣ примѣръ неискривимаго идеализма.

ХП. Пхѡнъ-ганъ. Панъ-су. Конецъ жатвы. Крестьяне и ихъ домашнія животныя.

На десятой „и“ (5 верстъ) отъ Пхе-наму-сей опять появились рисовыя поля, и окрестности сразу ожили, повеселѣли. Въ яру у дороги плыветъ на югъ рѣ-чушка, сторонами темнѣютъ ряды деревень, сверкаютъ темныя зеркала наводненныя полей въ рамкахъ высокихъ насыпей. Высокая вертикальная турбина клетчатъ на каменистомъ берегу потока, двигая рисопродуктуру. Это—несомнѣнно шагъ впередъ отъ встрѣчаемыхъ до сихъ поръ грубыхъ „муль-банъ-а“.

Проходитъ по дорогѣ нѣсколько корейскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ темныя пѣхотныя мундиры, очень напоминающіе японскую форму; полные зарядовъ патронташи болтаются у нихъ черезъ грудь, а въ рукахъ они держатъ современныя дальнобойныя и скорострѣльныя ружья; въ нѣкоторомъ разстояніи ѣдетъ верхомъ офицеръ, и носильщики несутъ какой-то багажъ. Военные очень внимательно осматриваютъ насъ.

Поля усѣяны валунами, тропинка мѣстами теряется среди камней, и лошади робко пробираются по неровнымъ глыбамъ. Исподволь рисовыя поля вытѣсняють другіе хлѣба, тѣ уходятъ со дна долины на откосы

Странствующий горшечникъ (тхо-ги-чянг-са).

прилежащихъ горъ; тамъ виднѣются еще пшеница, просо, бобы, ячмень... Въѣзжаемъ въ уѣздный городокъ Пхёнъ-гань ¹⁾, отличающійся отъ сосѣднихъ деревень только размѣрами. На улицахъ—толпы народа, досужаго, празднично одѣтаго; есть и женщины съ накидками (чангъ-отъ) на головахъ. Оказывается, что въ городишкѣ—праздникъ. У просторнаго зажиточнаго дома стоитъ сходбище мужчинъ въ бѣлыхъ халатахъ и черныхъ, прозрачныхъ, волосяныхъ шляпахъ. У входа замѣчаю обширный шатеръ изъ сѣраго холста, подъ которымъ совершается какая-то церемонія. Соскакиваю съ лошади вопреки предостерегающимъ восклицаніямъ тон-сы, зовущаго въ путь. Толпа разступается передо мной, и вижу впереди, подъ шатромъ, „панъ су“ (колдуна) въ желтоватомъ траурномъ платьѣ, наклонившагося съ тростью въ рукахъ надъ снопомъ риса и бормочущаго отрывистыя восклицанія. Помогаютъ ему два молодыхъ крестьянина, тоже съ длинными палками въ рукахъ. Множество стариковъ, молодежи, дѣтей,—исключительно мужского пола,—заполняетъ шатеръ, выглядываетъ изъ открытыхъ дверей дома, стоитъ на ступенькахъ сѣней и заваленкахъ. Панъ-су по платью и движеніямъ чуть похожъ на буддійскаго монаха; за его волосянымъ колпакомъ, напоминающимъ фригійскую шапку, торчитъ какая-то исписанная китайскими знаками бумага. Колдунъ не обращаетъ на меня вниманія и продолжаетъ колдовать даже въ то время,

¹⁾ Городокъ этотъ обозначенъ довольно правильно на картѣ изданія министерства финансовъ и названъ тамъ *Пхёнъ-гань*, но я удерживаю записанное мною названіе (Пхёнъ-гань), такъ какъ оно согласуется съ названіемъ, обозначеннымъ вѣрнѣе на японской картѣ.

когда я снимаю его. Крестьяне немедленно приглашают меня въ избу, гдѣ на высокихъ китайскихъ столикахъ лежатъ груды пряниковъ, пирожковъ, орѣховъ, сластей... Насъ, впрочемъ, повели въ слѣдующую затѣмъ комнату, гдѣ на цыновкахъ вдоль стѣнъ сидѣли важные бородачи съ трубками въ зубахъ. Сейчасъ же два парня поставили передъ нами низенькій подносъ съ чашками теплой „сули“ (рисовая водка), очевидно, домашняго приготовленія, мутной, бѣлесой и слабой, поставили блюдечки съ лакомствами и сластями. Тамъ были главнымъ образомъ пирожки изъ крахмала, разнообразно окрашенные и подправленные, до того противнаго вкуса, что я съ трудомъ заставилъ себя проглотить одинъ. Комната наполнилась любопытными, но всѣ держали себя очень вѣжливо и солидно. Я ушелъ послѣ обмѣна необходимыми привѣтствіями, чтобы прослѣдить дальше колдовскіе приемы пань-су, но тотъ уже оставилъ свой снопъ риса и устоялся на меня незрячими глазами. Пань-су извѣстны своею враждебностью къ иностранцамъ и ихъ „новшествами“. Тон-са дергалъ меня неустанно за рукавъ и шепталъ:

— Пойдемъ.—Онъ былъ, видимо, встревоженъ моимъ поведеніемъ и, когда я подошелъ къ какимъ-то ярко расписаннымъ носилкамъ съ куклами, игравшимъ, очевидно, извѣстную роль въ происходившихъ обрядахъ, не выдержалъ и заговорилъ:

— Пойдемъ... Пусть сіг сядетъ на лошадь... Люди пьяны... Можетъ выйти „ошибка“... Ночевка далеко... Дорога идетъ пустыми полями... Ма-пху не захочетъ ѣхать дальше, а здѣсь намъ остаться нельзя...

Правду сказать, мнѣ очень хотѣлось остаться, но, взглянувъ внимательно на сосредоточенныя, суровыя

лица мужиковъ, я понялъ, что мѣшаю имъ и что даже если и останусь, то они не допустятъ, чтобы я что-нибудь увидѣлъ; въ виду этого я сѣлъ на лошадь, которую мнѣ предупредительно подвели присутствующіе, и двинулся дальше. Тон-са объяснилъ мнѣ уже въ пути, что здѣсь подготовлялась жестокая попойка, тамъ какъ это былъ праздникъ уборки риса, а годъ былъ урожайный.

Дорога, дѣйствительно, шла пустыми полями, хорошо воздѣланными, но испещренными большими грядами валуновъ да одинокихъ скалъ. Онѣ вступали изъ почвы тамъ и сямъ точно уродливые „быки“ или развалины. Мы съ трудомъ пробирались черезъ нихъ или скучно двигались извилинами въ обходъ. Широкая дорога опять превратилась въ узкую тропу. Солнце быстро закатывалось; потемнѣли стерегущія долину вершины; волнистыя поля внизу подернулись мѣдно-краснымъ отливомъ. Земля замѣтно остывала; вѣтеръ совсѣмъ затихъ. Замерли безъ движенія въ заревѣ заката бѣлыя кисти осокъ, которыхъ крупныя заросли опять появились въ долинѣ лоскутьями. Далеко на бугрѣ зачернѣлъ силуэтъ нашей вьючной лошади, которую ма-пху отпустилъ впередъ; ближе къ намъ бѣлѣли фигуры запоздалыхъ, какъ мы, путешественниковъ. Дороги корейскія, днемъ оживленныя, быстро пустѣютъ къ вечеру, когда на нихъ начинаютъ хозяйничать всякаго рода хищники, разбойники, жестокіе демоны и еще болѣе жестокіе тигры...

Солнце уже спряталось за утесами, когда мы достигли, наконецъ, широкой, полной шума и движенія улицы богатаго села Хуонъ, гдѣ мы рѣшили заночевать. Мужики возвращались съ полей, таща въ поводу

рослыхъ воловъ, навьюченныхъ плугами и орудіями. У нѣкоторыхъ домовъ отвѣвали свѣже-обмолоченный хлѣбъ, сбрасывая зерно съ мякиной на остроумно устроенную грань двупокатой площадки, по одну сторону которой скатывалось зерно, а по другую — шелуха и соръ. Такъ какъ вѣтеръ затихъ, то молодежь поддувала на хлѣбъ большими вѣерами изъ орлиныхъ перьевъ и кожъ. Въ другомъ мѣстѣ парни и дѣвушки весело вращали мельничку-вѣялку, рабочіе кидали лопатами горохъ на косыя сортировочныя рѣшета. Вездѣ раздавались веселыя восклицанія, говоръ и смѣхъ. Низко изъ отверстій въ каменныхъ основаніяхъ домовъ струились буйно облака сѣдого дыма, мелькали тамъ въ щеляхъ огненные языки пламени и искры; въ красномъ заревѣ широко раскрытыхъ кухонъ сновали бѣлыя полуодѣтыя корейки. Изъ конца въ конецъ неслись по деревнѣ рѣзкіе возгласы, торопливый зовъ дѣтей, оповѣщающихъ товарищей о появленіи „янгъ-инъ“ (европейца), котораго потише называли также „янгъ-акнуй“ — заморскимъ дьяволомъ. Утки и гуси важно направлялись рядами къ птичьимъ дворамъ на покой; куры уже спали на шестахъ; собаки, возбужденныя общимъ движеніемъ, бѣгали суетливо по улицѣ. Великолѣпные корейскіе быки солидно шагали за своими жоками или отдыхали у воротъ домовъ въ ожиданіи корма, между тѣмъ какъ ихъ хозяева собирались кучками у воротъ или на крытыхъ подсѣняхъ домовъ съ трубками въ зубахъ и глядѣли съ нескрываемымъ любопытствомъ на нашъ караванъ.

Корейцы — вообще любопытный народъ, а корейскій мужикъ особенно жаденъ до всякихъ зрѣлищъ и „новинокъ“. Круглый годъ онъ прикованъ къ землѣ, ко-

тору тщательно и любовно воздѣлываетъ: ему некогда отлучаться дальше сосѣдняго городишка, и онъ узнаетъ о міровыхъ происшествіяхъ, почерпаетъ свое знаніе и взгляды о возможныхъ вещахъ изъ рассказовъ странствующихъ колдуновъ (покъ-са) и странствующихъ торговцевъ (пу-санъ). Вотъ что говоритъ о трудахъ и досугѣ корейскаго крестьянина авторъ любопытной статьи „He is a farmer“ ¹⁾.

„Первою чертой корейскаго крестьянина, бросающейся въ глаза иностранцу, является его прилежаніе. У него почти нѣтъ орудій, облегчающихъ трудъ; онъ можетъ рассчитывать только на свои силы и силы своего сотрудника — быка. Настоящее время (половина іюня)—пора пересадки риса; ради нея онъ оставляетъ свою хижину до восхода солнца и трудится тяжело и безъ перерыва до сумерекъ, работаетъ все время босой и нагой, стая въ водѣ, неудобно наклонившись къ землѣ, гдѣ онъ обкладываетъ иломъ пучки разсады, воткнутые въ болотную почву. Въ продолженіе дня ему помогаютъ въ этомъ занятіи жена и невѣстка, одинаково ловкія въ посадкѣ зеренъ и полкѣ грядъ, какъ и сами мужчины. Главнымъ образомъ они воздѣлываютъ рисъ, ячмень, пшеницу, бобы и обыкновенные огородные овощи; на это уходитъ весь годъ. Зимой кореецъ превращается въ ремесленника, плететъ циновки, выдѣлываетъ сандалии, ширмы или собираетъ на откосахъ горъ дрова и сушнякъ, излишекъ которыхъ онъ высылаетъ въ большомъ количествѣ на продажу въ сосѣдніе города. Два мѣсяца въ году считаются корейцами „лѣнными мѣсяцами“,—это—первый и шестой мѣсяцы

¹⁾ „The Korean Repository“, June 1898, p. 230.

въ году. Въ это время корейскій крестьянинъ—самый свободный отъ трудовъ, и онъ тогда охотно принимаетъ домъ гостей и готовъ слушать всякаго, кто къ нему зайдетъ. Корейцы не соблюдаютъ ни еженедѣльнаго, ни какого-либо другого, правильно повторяющагося отдыха. Перерывъ въ его трудъ составляютъ только новогоднія празднества, дальше—дни жертвоприношеній умершимъ предкамъ (своимъ и царствующаго дома), праздники мѣстныхъ и окружныхъ боговъ, семейные праздники—свадьбы, похороны, дни рожденія, нареченіе имени или его перемѣна сыновьямъ или близкимъ родственникамъ. Въ общемъ корейцы празднуютъ много меньше дней, чѣмъ европейскіе крестьяне, даже если включить въ отдыхъ часы, проводимые ими на мѣстныхъ ярмаркахъ“.

Ярмарки введены были въ Корею лѣтъ тому 600 и прочно привились. Въ каждомъ городишкѣ, даже во многихъ большихъ селахъ, каждые пять дней происходятъ ярмарки, обязательно посѣщаемыя окрестными поселянами. Собранія эти имѣютъ крупное хозяйственное значеніе, такъ какъ до сихъ поръ большинство предметовъ крестьянскаго потребленія производятъ сами же крестьяне въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Спѣшатъ поэтому на ярмарки толпы бѣло-одѣтыхъ мужиковъ и мужичекъ съ узлами своихъ издѣлій на спинахъ или головахъ, смотря по полу (женщины носятъ тяжести преимущественно на головахъ), везутъ въ тяжелыхъ двуколкахъ, запряженныхъ волами, клѣбъ, сѣно, рыбу, хворостъ, плоды, огородные овощи, паклю, пеньку, цыновки и т. д. Одни гонятъ на продажу лошадей, рогатый скотъ, свиней; другіе несутъ въ клѣткахъ и корзинахъ на коромыслахъ до-

Видъ корейскихъ горъ по дорогѣ въ Сеулъ.

машною птицу: куръ, гусей, утокъ; третьи тащатъ въ мѣшкахъ пойманную или убитую дичь. Корейцы заслуженно гордятся своимъ рогатымъ скотомъ, который принадлежитъ къ лучшей породѣ на Дальнемъ Востока. Великолѣнные его экземпляры, рослые, крѣпкостые, съ короткими голеньями и обвисшимъ зобомъ, очень похожи на англійскую породу „Durham“. Корейскіе быки достигаютъ 1 метра 46—50 сант. высоты и вѣсятъ до 20 пудовъ. Они отличаются крѣпостью и рѣзвостью, легко везутъ на двуколкѣ 40 пудовъ груза и незамѣнимы при переходахъ по горамъ, трясинамъ и здѣшнимъ быстрымъ рѣкамъ. Гдѣ легко спотыкаются и падаютъ лошади, тамъ проходятъ безпрепятственно выючные волю. Рысистые корейскіе волю подъ верхомъ не уступаютъ лошадямъ въ быстротѣ движенія и въ состояніи итти многіе часы крупною переступью, какою здѣсь вообще ѣздятъ верховые. Встрѣчаются среди нихъ особи съ прямыми, короткими рогами, съ широкимъ мохнатымъ лбомъ, съ дикимъ взглядомъ и съ довольно длинною, чуть выщущающею шерстью, очень напоминающею своимъ видомъ буйволовыхъ ублюдковъ якутскаго скота, называемыхъ тамъ „китайскимъ скотомъ“ (кытай сюёсю). Несомнѣнно, что и у корейскаго скота замѣтны признаки его многократнаго скрещиванія съ буйволами; отсюда, думаю, ихъ большой ростъ, крѣпость и рѣзвость. На ростъ особей вліяетъ къ тому же обычай, устраняющій совершенно изъ потребленія молоко и молочные скопы; корейцы не выдѣлываютъ и не ѣдятъ ни масла, ни сыра; ихъ телята поѣдаютъ полностью молоко своихъ матерей, сосутъ долго и въ волю. Обращаются туземцы съ рогатымъ скотомъ хорошо, ночью пасутъ его на подножномъ корму, днемъ

во время работъ даютъ „завариху“ изъ крошеной со-
ломы, сорныхъ травъ и бобовъ, которыхъ быкъ полу-
чаетъ ежедневно около пяти фунтовъ (сухого вѣса).
Много корейскаго скота вывозится ежегодно въ Японію
и въ Уссурійскій край, гдѣ его охотно покупаютъ въ
виду его слабой воспріимчивости къ чумѣ и къ дру-
гимъ эпизоотіямъ, свирѣпствующимъ непрерывно среди
русскаго рогатаго скота. Въ Корей нѣтъ стадъ скота,
спеціально откармливаемаго для торговли: каждый за-
житочный крестьянинъ вскармливаетъ своихъ телятъ
отдѣльно. Отсутствіе пастбищъ и стадъ создало, по
всей вѣроятности, среди путешественниковъ невѣрное
мнѣніе о небольшомъ количествѣ скота въ Корей, съ
чѣмъ никакъ не могу согласиться, равно какъ съ та-
кимъ же мнѣніемъ относительно Китая. И тутъ, и
тамъ его ничуть не меньше, а мѣстами больше, чѣмъ
въ Россіи, только онъ распределенъ равномернѣе и
иначе воспитывается.

Кожи, мясо и сало говяжье идутъ въ большомъ
количествѣ въ Японію, гдѣ скота меньше и гдѣ по-
воротъ отъ исключительно растительной пищи къ смѣ-
шанной вызвалъ большой запросъ на говядину. Воз-
растаетъ тамъ также потребность въ салѣ на приго-
товленіе быстро вошедшаго въ общее употребленіе
мыла, на мази для машинъ и на приготовленіе маслъ;
кожи же требуются на выдѣлку сапоговъ, чемодановъ,
приводовъ и множества другихъ вещей, до недавняго
времени неизвѣстныхъ въ „Странѣ Восходящаго Солнца“.

Корейцы рѣдко употребляютъ для полевыхъ работъ
своихъ малорослыхъ, но крѣпкихъ лошадокъ; за то
много ихъ видно на дорогахъ подъ вьюками или ѣз-
доками, рѣже—въ упряжи. Лошадки эти ловки, вы-

посливы, малотребовательны, но злы и дики. Корейцы, перенявшіе отъ китайцевъ почитаніе рогатаго скота, къ лошадямъ относятся небрежно, иногда жестоко, сохраняя по отношенію къ нимъ всѣ дурныя привычки кочевниковъ Амура и Забайкалья. Они не позволяютъ имъ ложиться на отдыхъ, въ пути рѣдко поятъ и совершенно не стараются защищать ихъ отъ холода и ненастья. Славятся въ Корей государственные конные заводы въ мѣстности Уль-санъ, на юго-восточномъ берегу провинці Кіёнъ-санъ-до, а также на островѣ Квельпартъ и островѣ Гринто, у западныхъ береговъ полуострова, недалеко гор. Онъ-чинъ въ провинці Хоанъ-хэ-до. Жители этого небольшого острова всѣ поголовно занимаются пастушествомъ. Лошадей держатъ въ цѣляхъ извоза преимущественно многочисленные ма-пху; до реформъ много лошадей содержали почтовые станціи, обязанныя возить бесплатно чиновниковъ. Въ настоящее время часть почтовыхъ лошадей перешла къ ма-пху; часть переведена въ армію.

Ословъ я видѣлъ мало въ Корей, а того меньше встрѣчалъ муловъ, такихъ красивыхъ и любимыхъ въ сосѣднихъ Манчжуріи и Китаѣ.

Корейскія свиньи небольшія, рѣдко вѣсятъ больше одного пуда; онѣ всегда чернаго цвѣта, обросшія твердою щетиной, неловкія, но очень подвижныя. Mr. Malcolm C. Fenwick рассказываетъ, что онъ съ большимъ недовѣріемъ сталъ разводить этихъ „черныхъ корейскихъ животныхъ“, но результаты получилъ неожиданно хорошіе. Онъ находитъ справедливымъ мнѣніе корейцевъ, считающихъ европейскую свинину невкусной. Mr. Malcolm доказываетъ, что корейская свинина лучшая въ мірѣ, что корейскій крестьянинъ даже при

теперешней своей бѣдности можетъ выкормить въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ до 300 фунт. свинины ¹⁾. Мы въ каждой деревнѣ встрѣчали много этихъ домашнихъ животныхъ, которыя служатъ предметомъ обширной внутренней торговли и даже вывоза.

Вообще въ корейскихъ деревняхъ замѣтно больше, чѣмъ въ Японіи, и домашней птицы, и четвероногихъ домашнихъ животныхъ, но ихъ меньше, чѣмъ въ Китаѣ. Не видѣлъ я совсѣмъ въ Корей козъ, овецъ, индюшекъ; за то здѣсь вездѣ шляется много жалкихъ, паршивыхъ собакъ, великолѣпныхъ домашнихъ сторожей, чующихъ издали запахъ европейца. Корейцы охотно ѣдятъ собачину, и ободранныя собачьи туши частенько висятъ въ лавкахъ мясниковъ рядомъ со свининой и говядиной. Послѣдняя считается особенно почетною ѣдой, по своей дороговизнѣ доступной только зажиточнымъ людямъ и высшимъ чиновникамъ. Дороговизна ея вызвана главнымъ образомъ разными стѣснительными правилами и привилегіями чиновниковъ на убой рогатаго скота, который вслѣдствіе этого много выгоднѣе продавать живьемъ на вывозъ.

Изъ домашнихъ птицъ особенно почитаются корейцами утка и гусь, какъ символы супружеской вѣрности,—взглядъ, повидимому, позаимствованный у китайцевъ. Гусь или утка обязательно должны находиться въ числѣ свадебныхъ подарковъ, бѣдняки же дарятъ изображенія этихъ птицъ изъ бумаги.

Очень вкусны и носки корейскія куры, особенно откармливаемые по-корейски гречихой. Послѣдній кормъ не только увеличиваетъ количество яицъ, но и улуч-

¹⁾ „The Korean Repository“, 1898, p. 291.

шаетъ ихъ качество и вкусъ. Вездѣ въ Корей много дикихъ и полудикихъ голубей сизаго цвѣта. Кошки рѣдки въ Корей, зато много крысъ и мышей.

Кромѣ того есть у корейцевъ пчелы, доставляющія прекрасный медъ и воскъ, но туземцы не умѣютъ обращаться съ ними. Ульи, которые я видѣлъ, были или простыми дупластыми пнями, накрытыми плоскими камнями, или просто большими горшками, поставленными вверхъ дномъ. Каждый улей даетъ ежегодно хозяину отъ 3-хъ до 8-ми чашекъ меда, стоимостью отъ 3-хъ до 8-ми к. (30 - 80 пхунъ) каждая. Воспитываютъ также корейцы шелкопряда на листьяхъ шелковицы или манчжурскаго дуба; впрочемъ, шелководство развито въ странѣ крайне слабо. Шелковая нить крѣпка, груба, похожа на манчжурскую; ткани простыя, не обращаются почти въ торговлѣ и употребляются исключительно самими производителями въ окрестностяхъ Сеула и южныхъ провинціяхъ полуострова.

ХII. Кладбища и похоронные обряды.

Отъ деревни Хуонъ въ Сеулъ осталось 250 „и“; значить, мы проѣхали половину пути. Дикія ущелья, узенькія горныя тропинки, безлюдныя долины, осаждаемыя тиграми деревни остались позади. Съ каждымъ шагомъ мы подвигались въ глубь мѣстностей населенныхъ, богатыхъ, все лучше воздѣланныхъ. Если бы не многочисленныя на поляхъ каменныя розсыпи да гряды неприступныхъ, сѣдыхъ горъ по сторонамъ, казалось бы, что проѣзжаемъ по лучшимъ уголкамъ Сѣвернаго Китая. Тѣ же пашни съ полосами длинныхъ крутыхъ бороздъ, тѣ же деревушки въ рощахъ деревьевъ. Только количество рисовыхъ полей несомѣнно въ Корей больше, и оно все возрастаетъ по мѣрѣ движенія на западъ и югъ.

Погода стояла прекрасная; ночью, правда, было холодно, но днемъ тепло, солнечно, временами даже жарко, хотя уже подходило 28-е октября. Въ десяти „и“ отъ ночлега мы перебрались черезъ низенькій перевалъ и вышли къ рѣчкѣ, обросшей красивыми старыми деревьями. По обѣимъ сторонамъ долины, на склонахъ горъ, среди сосновыхъ перелѣсковъ видѣлись велико-

лѣпныя могильныя насыпи, ряды могильныхъ кургановъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были заботливо окружены съ сѣверной стороны серповидными земляными валами, стояли одиноко или группами по нѣсколько штукъ. Сквозь рѣзныя деревянныя ворота въ видѣ буквы П вела къ нимъ обыкновенно широкая дорога. Впереди кургановъ виднѣлись низенькіе камни (ту-ди) боговъ-хранителей могилъ да каменные столбы и каменные фигуры людей и животныхъ.

Я осмотрѣлъ одну такую могилу болѣе подробно. Она стояла направо отъ дороги въ красивой сосновой рощѣ, уцѣлѣвшей несомнѣнно благодаря этому сосѣдству. Кладбище занимало довольно обширную площадь. Передъ курганомъ находилась невысокая каменная плита, впереди нея небольшой гранитный кубъ, по сторонамъ каменные столбы въ сажень вышиной, украшенные грибообразными главами.

Кладбищъ въ Западной Корей много. Есть они особые не только у жителей всякой деревни, но каждый родъ, нерѣдко каждая отдѣльная семья старается обзавестись своими могилками. Большинство такихъ могилъ находится далеко въ горахъ, и только богачи хоронятъ своихъ покойниковъ, какъ китайцы, среди воздѣланныхъ полей родного участка по указаніямъ вѣщаго „пань-су“.

У простонародія нѣтъ для этого ни достаточно времени, ни денегъ. Они обращаются съ умершими проще, но и они стремятся по силѣ возможности задобрить своихъ покойниковъ внимательнымъ за ними уходомъ и стараются содержать свои кладбища въ возможномъ порядкѣ и чистотѣ.

Какъ хоронили древніе корейцы своихъ покойниковъ, неизвѣстно. Слабый намекъ на это я нашелъ единственно въ коротенькой замѣткѣ неизвѣстнаго автора въ „The China Review“.

„Нѣкоторые писатели упоминаютъ объ обычаяхъ нѣкоторыхъ тунгузскихъ племенъ морить голодомъ, поѣдать или сжигать живыми стариковъ“. Во французско-корейскомъ словарѣ есть указаніе, что подобный обычай относительно недавно существовалъ и въ Корей¹⁾. Гриффисъ тоже говоритъ объ этомъ обычаяхъ слѣдующее:

„Весьма вѣроятно, что корейцы произошли отъ сліянія южныхъ племенъ съ племенами, пришедшими съ сѣвера отъ Амура, поэтому убійство стариковъ, обычное тамъ, равно какъ и среди тибетцевъ, не представляетъ ничего невозможнаго среди самихъ корейцевъ“ (стр. 83)²⁾.

Къ такимъ пережиткамъ древнихъ погребальныхъ обычаевъ принадлежитъ несомнѣнно выбрасываніе мертвецовъ прямо на дворъ, подъ легкій соломенный навѣсъ, что до сихъ поръ дѣлается въ окрестностяхъ города Кюнь-санъ (въ Сѣверной Чіолла)³⁾.

Сожиганіе покойниковъ, обще-распространенное въ царствованіе династіи Силла и Коріё, прекратилось съ паденіемъ буддизма и примѣняется только буддійскими монахами; другимъ оно воспрещено закономъ.

¹⁾ „The China Review“, vol. XIV, стр. 224: „Human Sacrifices in Corea“.

²⁾ Обычай этотъ существовалъ до недавняго времени среди чукчей; среди якутовъ сохранились очень живыя о немъ воспоминанія, но самый обычай давно исчезъ. (В. Сѣрошевскій. „Якуты“, стр. 512).

³⁾ Форма погребенія, до сихъ поръ практикующаяся въ сѣверной Манчжуріи.

Господствующіе въ настоящее время вездѣ въ Корей погребальныя обычаи позаимствованы изъ Китая; они считаются обязательными подѣ страхомъ уголовной отвѣтственности и строго всеми соблюдаются. Они основаны на двухъ главныхъ принципахъ корейской морали и на общераспространенныхъ вѣрованіяхъ: на почитаніи предковъ и на вѣрѣ въ безсмертіе души.

По корейскимъ понятіямъ, у человѣка—три души ¹⁾. Послѣ смерти одна изъ этихъ душъ поселяется въ остающейся дома „поминальной дощечкѣ“ (уй-пха), другая остается въ могилѣ на попеченіи духа горѣ, воплощеннаго въ надгробномъ камнѣ „ту-ди“, третья отправляется въ неизвѣстную страну „десяти судей“, гдѣ согласно съ ея жизнью на землѣ она приговаривается къ пребыванію въ обители вѣчнаго счастія или вѣчныхъ мученій. Ведутъ душу къ этимъ „десяти судьямъ“ (са-цза) демоны подземнаго царства.

Согласно воззрѣнію, что душа покойника обладаетъ всеми человѣческими свойствами, погребальныя обряды корейцевъ стремятся доставить умершему все нужное ему въ длинномъ пути на тотъ свѣтъ и въ будущей тамъ жизни; почитаніе умершихъ и сыновняя къ нимъ любовь выражаются въ причитаніяхъ, громкомъ, все-народномъ плачѣ, постѣ и глубокомъ траурѣ живыхъ, главнымъ образомъ, дѣтей и ближайшихъ родственниковъ по мужской линіи.

Чтобы задержать отходящую душу возможно долго на землѣ, корейцы стараются въ моментъ кончины

¹⁾ Смотри у якутовъ вѣрованіе въ „три человѣческія души“ и связь ихъ съ „тремя частями человѣческой тѣни“ („Якуты“, стр. 667).

производить въ домѣ умирающаго возможно меньше шума. У изголовья больного собираются тогда и ухаживаютъ за нимъ исключительно мужчины. Прежде всего укладываютъ его на широкой доскѣ, покрытой цыновками, а подъ голову подкладываютъ ему подушку. Лицо умирающаго поворачиваютъ на югъ. Лишь только онъ скончается, затыкаютъ ему ротъ ватой, чтобы задержать „остатокъ дыханія“, обладающій свойствомъ убивать все живое. Но раньше того присутствующіе пробуютъ раскрыть особыми палочками челюсти покойнаго ради провѣрки его смерти. Принято, что глаза умершему отцу закрываетъ старшій сынъ; онъ же, если любилъ покойника, долженъ былъ заранѣе позаботиться для него о прекрасномъ, прочномъ гробѣ и погребальномъ платьѣ. Къ болѣе рѣдкимъ обрядамъ принадлежитъ „танъ-чжи“.

Когда смерть отъ болѣзни или старости угрожаетъ любимому человѣку, кореецъ въ отчаяніи прокусываетъ или прорѣзаетъ себѣ палецъ руки и кормитъ своей кровью умирающаго. Очень часто палецъ бываетъ откушенъ или отрѣзанъ цѣликомъ, что считается выраженіемъ высочайшей скорби. О происхожденіи этого обычая ничего сказать не могу, кромѣ легенды, сообщенной мнѣ по этому поводу: „Много лѣтъ тому назадъ малое, непонятливое дитя играло въ открытыхъ дверяхъ въ моментъ кончины его матери. Сильный порывъ вѣтра захлопнулъ неожиданно двери и раздавилъ до крови пальцы мальчика. Ребенокъ подползъ искать утѣшенія къ умирающей и всунулъ ей въ ротъ окровавленную руку. Дѣтская кровь вернула покойницу къ жизни. Она пришла въ себя и затѣмъ выздоровѣла. Такимъ образомъ Небо при помощи вѣтра научило корейцевъ

проявлять высшую степень печали!..“ — оканчивает авторъ-европеецъ свою замѣтку объ этомъ обычаѣ ¹⁾. Скорѣ всего въ этомъ повѣрьи слѣдуетъ искать отраженія *китайскаго* предразсудка о способности человѣческой крови исцѣлять и даже воскрешать изъ мертвыхъ людей. Это—не больше какъ поучительный пересказъ китайской же легенды о добродѣтельной дочери, спасшей умиравшихъ родителей собственною кровью—остатокъ антропофагіи.

Немедленно послѣ кончины корейца въ комнату, гдѣ лежитъ на доскѣ покойникъ, вносятъ домашніе маленькій столикъ съ *тремя* блюдами риса и *тремя* чарками рисовой водки (сули); рядомъ кладутъ *три* пары соломенныхъ сандалій, *три* куска бумажной ткани, *три* листа бумаги и плащъ. Все это предназначено для *трехъ* душъ покойника. Затѣмъ троекратно произносится громко его имя, и ѣда выбрасывается за двери, а вещи сожигаются на дворѣ. Всѣ эти предметы забираютъ души покойника совместно съ „са-цза“, подземными провожатыми, къ „десяти судьямъ праведнымъ“. Въ то же время слуга входитъ на крышу дома и, взявъ платье покойника за воротъ и приподнявъ его одинъ рукавъ, а другою рукой развѣвая его фалды, поворачиваетъ все къ сѣверу, куда уходятъ души умершихъ. Онъ троекратно вызываетъ покойника по имени въ ожиданіи, что тотъ, пожалуй, вернется. Послѣ того этимъ же платьемъ покрываютъ усопшаго. Въ первый же день во дворѣ устраивается поспѣшно по китайскому обычаю и образцу бѣлая траурная бесѣдка, обшитая цыновками, выложенная тканями, гдѣ

¹⁾ „The Korean Repository“, jun. 1897, p. 228.

ставятъ столъ съ пищей „для душъ“ покойнаго. Къ руководству похоронами члены семейства выбираютъ среди ближайшихъ родственниковъ „похороннаго старосту“,—мужчину, если покойникъ мужчина, женщину, если онъ женщина. Тогда только назначенныя къ тому лица приступаютъ къ омовенію и одѣванію тѣла. Присутствующіе, исключая похороннаго старосты, всѣ уходятъ на дворъ, становятся съ южной стороны похоронной бесѣдки и, повернувшись лицомъ на сѣверъ, громко и горько рыдаютъ.

Одѣвальщики выбираютъ изъ числа родственниковъ или старыхъ, вѣрныхъ слугъ. Они раздѣваютъ покойника, причесываютъ ему волосы вверхъ по-корейски и завязываютъ ихъ тамъ въ обязательный пучекъ; затѣмъ обмываютъ тѣло душистою водою и вытираютъ полотенцами. Они обрѣзаютъ покойнику ногти у рукъ и ногъ, старательно сохраняя обрѣзки въ особыхъ для каждаго пальца шелковыхъ мѣшечкахъ. Въ такіе же мѣшечки прячутся ими обрѣзки волосъ, и всѣ они укладываются въ гробъ на дно ради избѣжанія впоследствии всякихъ недоразумѣній съ покойникомъ, который ничего изъ своей особы не можетъ оставить безнаказанно на землѣ. Даже воду послѣ омовенія, гребешки и утиральники покойнаго всѣ выбрасываются на дворъ въ особую яму.

Для одѣванія тѣло переносится на другую доску, покрытую цыновками и одѣялами. Одѣвальщики надѣваютъ ему на голое туловище ватное платье, а на ноги ватные чулки и черныя китайскіе башмаки на толстой бумажной подошвѣ; затѣмъ они обматываютъ его шелковыми и холщевыми кушаками, а сверху надѣваютъ ситцевый или шелковый халатъ, стянутый

поясомъ въ талии. Этотъ поясокъ у женщинъ и чиновниковъ всегда краснаго цвѣта.

Затѣмъ одѣвальщики, умывши руки, ставятъ у тѣла на столикѣ кусокъ мяса, немного супа, бумажку съ трогательнымъ и похвальнымъ жизнеописаніемъ покойнаго, дѣлаютъ возліянія водкой на восточной сторонѣ и приступаютъ къ кормленію покойнаго просяною кашей. Богатые корейцы къ кашѣ прибавляютъ немного мелкаго жемчуга и куски нефрита, предохраняющіе будто бы тѣло отъ скорой порчи. „Похоронный староста“ сбрасываетъ платье съ лѣваго плеча, моетъ руки и приближается къ усопшему съ восточной стороны, затѣмъ съ западной, наконецъ, становится прямо передъ нимъ и наполняетъ ему кашей насильно раздвинутый ротъ; послѣ того кладетъ на ротъ бѣлую повязку, чтобы удержать тамъ драгоценную кашу, а глаза завязываетъ черною лентой, въ уши вкладываетъ вату и на все лицо набрасываетъ черный шелковый платочекъ, концы котораго туго стягиваются назади головы. Руки тоже связаны чернымъ платкомъ, и все тѣло покрыто одѣяломъ.

Всю ночь горятъ у тѣла свѣчи, стоитъ стулъ со сложенными на немъ обычными вещами покойнаго, на столѣ лежатъ гребенки, утиральники, стоитъ подсвѣчникъ, кадильница и кадило, рукомойникъ, полный воды, которую перемѣняютъ слуги два раза ежедневно. Все это въ ожиданіи души покойника, изображеніе которой лежитъ тутъ же поверхъ платья въ видѣ бѣлой шелковой ленты въ 3—4 фута длиной. На землѣ стоитъ ящикъ съ бумажками, сжигаемыми обильно во время церемоніи. Съ правой стороны усопшаго водруженъ высокій шестъ съ краснымъ флагомъ, на которомъ бѣ-

лыми буквами начертано его имя, фамилія, мѣсто рожденія и общественное положеніе. На концѣ шеста воткнуто вилообразное остріе для устрашенія злыхъ духовъ.

На слѣдующій день одѣваютъ покойника еще въ одно платье, которое бываетъ и цвѣтнымъ,—остальные платья всѣ обязательно бѣлыя. Женщинъ одѣваютъ въ юбку и длинный халатъ, повязанный поперехъ поясомъ. Одѣвальщики еще разъ переносятъ покойника на особую доску, подъ голову кладутъ вмѣсто подушки его собственное платье, затѣмъ распускаютъ временно всѣ его повязки и пояса, въ ожиданіи, авось, не вернется ли жизнь къ нему. Являются четыре рассказчика, которые жалобнымъ голосомъ рассказываютъ о жизни и заслугахъ покойнаго. Въ это время домашніе сжигаютъ большое количество облитой спиртомъ бумаги.

На третій день тѣло укладываютъ въ гробъ, сбитый изъ толстыхъ досокъ; у богатыхъ онъ красиво лакированъ снаружи и выстланъ шелкомъ внутри. Бѣдняки просто красятъ его въ черный цвѣтъ и выклеиваютъ бумагой. На днѣ гроба корейцы насыпаютъ толстый слой угольного порошка, покрываютъ его листомъ бумаги и поперхъ всего кладутъ доску съ семью отверстиями, изображающими созвѣздіе Большой Медвѣдицы—единственный остатокъ древне-корейскихъ вѣрованій въ ихъ современныхъ похоронныхъ обрядахъ. Затѣмъ гробъ выстилается тщательно одѣяломъ, въ изголовьяхъ его кладется подушка, и только тогда сыновья покойнаго вмѣстѣ со слугами, обмывъ предварительно руки, опускаютъ туда тѣло умершаго. Мѣшечки съ обрѣзками ногтей и волосъ, а также выпавшіе у покойника еще при жизни зубы размѣщаются

Спящій корейскій носильщикъ.

по угламъ гроба. Пустое пространство между тѣломъ и стѣнками гроба корейцы заполняютъ оставшейся одеждой покойнаго и ватой, послѣ чего все накрывается двумя покрывалами, называемыми „небесами“, и крышка гроба заколачивается.

Наглухо заколоченный, обмазанный смолой и воскомъ, покрытый лакомъ, гробъ стоитъ обыкновенно нѣкоторое время во дворѣ, повернутый головой къ югу. Погребеніе происходитъ у крестьянъ спустя три дня, у болѣе зажиточныхъ людей—спустя девять дней; члены царствующаго дома хоронятся только черезъ девять мѣсяцевъ съ момента кончины. Впрочемъ, приличіе требуетъ, что родные не торопились съ погребеніемъ, и даже бѣдняки держатъ покойниковъ дома нерѣдко недѣлю и больше; богатые же корейцы рѣдко хоронятъ своихъ мертвецовъ раньше трехъ мѣсяцевъ. Все это время гробъ стоитъ во дворѣ въ изготовленной для него бесѣдкѣ за ширмами; въ соотвѣтственное время у него ставятъ ужинъ, завтракъ, обѣдъ, блюда, любимыя покойникомъ, цвѣты и плоды. Прислуга неизмѣнно по утрамъ ставитъ тамъ умывальникъ съ чистой водой и вѣшаетъ утиральники.

Наконецъ, предсказатель (пань-су) опредѣлилъ мѣсто, благопріятное для могилы, и назначилъ счастливый день для похоронъ. Яма роется тамъ съ соблюденіемъ разнообразныхъ церемоній. Прежде всего съ сѣверной стороны означеннаго мѣста ставятъ невысокій, всего на одинъ футъ вышиной, камень „ту-ди“, изображающій духа хранителя могилы. Затѣмъ, утромъ, въ день, предназначенный для рытья ямы, „похоронный староста“ послѣ жалобныхъ причитаній у тѣла усопшаго отправляется вмѣстѣ съ предсказателями и родствен-

никами покойника на могилки и обозначает мѣсто ямы воткнутыми въ землю вѣтками сливы. Ихъ обыкновенно семь, что соотвѣтствуетъ числу звѣздъ Большой Медвѣдицы, и размѣщены онѣ такимъ образомъ, что одна вѣтка изображаетъ голову, другая приходится посрединѣ, третья—въ ногахъ. Остальныя четыре вѣтки втыкаютъ по угламъ. У центральной вѣтки служители ставятъ посуду съ ѣдой и чашки съ рисовой водкой (сули).

Тогда присутствующіе отправляются къ столу, поставленному у „ту-ди“, преклоняютъ колѣни, жгутъ тимьянъ (траву), льютъ на землю воду, сжигаютъ въ большой мѣдной жаровнѣ бумажки и бьютъ несчетное число поклоновъ. Наконецъ, „похоронный староста“ становится на колѣни у самой обозначенной имъ могилы, заливается горькими слезами и двукратно бьетъ земные поклоны, а прислуга принимается за рытье ямы, обыкновенно очень неглубокой. Дно ямы засыпается пескомъ и известкой. Выносъ тѣла на могилки совершается тоже въ счастливый день, указанный предсказателями. Громкія рыданія и дикіе вопли сопровождаютъ выносъ тѣла на кладбище. Гробъ покрывается покрываломъ черного, синяго или краснаго цвѣта. На крышку гроба кладутъ служители шляпу покойника и флагъ со знаками его имени и положенія. Во время приготовленія къ выносу присутствующіе жгутъ непрерывно свѣчи, благоуханія, приносятъ жертвы изъ пищи и водки и кладутъ земные поклоны. Наконецъ, кортежъ двигается въ путь, гробъ несетъ толпа носильщиковъ, достигающая иногда 30-ти чело-вѣкъ. Впереди гроба идутъ люди съ сосновыми вѣтками въ рукахъ, съ лопатами, со значками и съ фо-

нарями, снабженными траурными надписями. Во главѣ шагаютъ скоморохи, одѣтые въ звѣриныя шкуры, съ ужасными масками на лицахъ: они предназначены устрашать и прогонять злыхъ духовъ на пути кортежа. Вслѣдъ за ними служители несутъ ящикъ съ вещами покойника. По обѣимъ сторонамъ все время движутся факельщики съ зажженными факелами; во время хода родственники и знакомые жгутъ бумажки, изображающія китайскія деньги. За чиновниками слѣдуетъ бумажная лошадь, которую сжигаютъ на могилѣ, а золу ссыпаютъ въ яму. За гробомъ въ самомъ концѣ кортежа идутъ въ глубокомъ траурѣ сыновья и близкіе родственники покойника; знакомые и болѣе отдаленные родственники ѣдутъ верхомъ или слѣдуютъ въ носилкахъ.

На кладбищѣ носильщики ставятъ гробъ на цыновки съ южной стороны ямы, такимъ образомъ, чтобы лицо покойника было направлено къ сѣверу. Происходятъ обычныя жертвы изъ пищи и водки, послѣ чего „похоронный староста“ бросается на землю съ громкими рыданіями. Плачь и причитанія прекращаются на нѣкоторое время только послѣ спуска гроба въ яму, но они возобновляются съ удвоенной силой, когда туда же спускается флагъ съ именемъ покойника и кусокъ черного шелка. Затѣмъ присутствующіе преклоняются передъ могильнымъ камнемъ (ту-ди), у котораго стоятъ блюда съ яствами, плодами и водкой. Могильщики насыпаютъ на гробъ сначала смѣсь известки, угольного порошка и бѣлаго камня, а затѣмъ землю; все это время трезвонъ гонговъ и трескотня барабановъ не прекращаются. Надъ могилой насыпается обыкновенно круглый, довольно высокій курганчикъ. Похороны за-

вершаются обильными жертвоприношеніями водкой, которую льютъ на землю, и сушеной рыбой, которую раздаютъ прислугѣ и могильщикамъ. Похоронный кортежъ уноситъ обратно домой ящикъ съ платьемъ покойнаго и ставитъ его въ комнатѣ предковъ, гдѣ онъ находится все время траура и гдѣ передъ нимъ домашніе часто молятся и сжигаютъ жертвоприношенія. Возвращающихся родственниковъ встрѣчаетъ съ рыданіями на порогѣ дома похоронный староста. Всѣ молятся, сжигаютъ много бумажекъ, затѣмъ входятъ и принимаются за скромную трапезу. Являются двѣ-три шаманки (му-дань) съ музыкой; онѣ переодѣты покойникомъ, говорятъ отъ его имени, рассказывая въ первомъ лицѣ извѣстныя происшествія изъ его жизни.

Такимъ образомъ *два* души покойника пристроены: одна ушла въ невѣдомую страну, другая поселилась въ могилѣ подъ защитой надгробнаго камня „ту-ди“. Для третьей души приготовлена продолговатая дощечка въ одинъ футъ длиной, въ два дюйма шириной и въ палецъ толщиной; у богатыхъ она сдѣлана изъ каштановаго дерева, выросшаго въ такомъ мѣстѣ, куда не залетаетъ „лай собакъ и пѣніе пѣтуха“. Бѣдняки довольствуются картономъ такого же размѣра и формы. Дощечка красится въ черный цвѣтъ, и на ней бѣлыми китайскими буквами пишется имя покойнаго. Въ бокахъ дощечки продѣланы отверстія, облегчающія доступъ въ нее душѣ усопшаго. Передъ дощечкой справляютъ домашніе по покойномъ поминки, приносятъ въ жертву пищу, плоды, цвѣты и водку. Такъ ее чествуютъ до четвертаго колѣна, послѣ чего ее зарываютъ въ могилу собственника. Первые поминки совершаютъ дѣти на другой день послѣ похоронъ роди-

телей, дальше каждые десять дней и на ново и полнолуіе въ продолженіе двухъ—трехъ лѣтъ со дня смерти покойника.

Всѣ эти сложные, длинные, дорого стоящіе и утомительные обряды цѣликомъ позаимствованы у китайцевъ. Очевидно, они вполне отвѣчали понятіямъ и потребностямъ шаманистовъ-корейцевъ, такъ какъ тщательно соблюдаются ими и ревниво охраняются отъ малѣйшихъ измѣненій. Корейцы нерушимо вѣрятъ, что душа покойника совершенно похожа на него самого, раздѣляетъ его пристрастія и заблужденія, ѣсть, пьетъ, сердится, смѣется, ѣздитъ верхомъ, употребляетъ оружіе и платье... По ихъ глубокому убѣжденію, она слышитъ и раздѣляетъ всѣ жалобы, ссоры и радости живыхъ своихъ родственниковъ. Вѣра въ эти свойства человѣческой души простирается такъ далеко, что раньше въ могилы корейскихъ королей зарывали живыхъ рабынь-наложницъ, которыхъ современемъ только замѣнили каменными женскими изображеніями. Души покойниковъ, по корейскимъ понятіямъ, постоянно носятъ кругомъ живыхъ своихъ родственниковъ, образуя какъ бы невидимую часть рода и семьи, требующую большаго вниманія и заботъ, чѣмъ мірская, такъ какъ она способна мстить и вредить, а сама недоступна возмездію. Отсюда происходитъ тщательное соблюденіе всякаго рода поминокъ по родственникамъ и ревностный дорого стоящій уходъ за могилами предковъ. Отсюда постоянный страхъ корейца, чтобы кто-нибудь не обидѣлъ его покойниковъ, не потревожилъ ихъ сна. Нарушеніе кладбищенскихъ границъ, погребеніе чужого человѣка вблизи родственныхъ могилъ вызываетъ среди туземцевъ кровавыя и ожесточенныя распри, въ

которыхъ принимаютъ участіе нерѣдко цѣлыя деревни и роды и которыя составляютъ 50% всѣхъ судебныхъ дѣлъ въ провинціальныхъ управленіяхъ полуострова. Всякое несчастье, злключеніе, житейская неудача приписываются корейцами гнѣву, мести или неудовольствію покойниковъ. Незадачливый туземецъ или безплодная его жена ищутъ прежде всего причины своихъ невзгодъ въ могилахъ своихъ предковъ, предпринимаютъ къ нимъ затруднительныя далекія поѣздки, сжигаютъ передъ ними богатыя жертвы или даже рѣшаются на переносъ тѣла въ другое болѣе удобное мѣсто, по указанію предсказателя (пань-су). Рѣшившись на послѣднее, они прежде всего раскапываютъ могилу и вскрываютъ гробъ, если тѣло измѣнило свое тамъ положеніе или почернѣло, то это считается неопровержимымъ признакомъ, что покойника постигла обида и что вслѣдствіе этого всему семейству, даже роду угрожаетъ несчастье. Родные и родичи немедленно обращаются за совѣтомъ къ ворожею (пань-су) и по его совѣту переносятъ обыкновенно тѣло въ другое мѣсто, соблюдая въ сокращеніи всѣ похоронные обряды.

По убѣжденію корейцевъ, удачный выборъ мѣста погребенія родителей или вообще предковъ можетъ доставить потомству неисчислимыя блага, богатство, почести, побѣду надъ врагами, даже... королевскій престолъ! Въ Корей существуетъ особый сортъ людей, „искателей счастливыхъ могилъ“ которые всю жизнь, точно азартные игроки, заняты отысканіемъ „удачной комбинаціи цифръ“ или „примѣтъ“ для счастливыхъ могилъ. Они ревниво оберегаютъ свои открытія и разоряются на постоянныя перенесенія тѣла своихъ усопшихъ предковъ. Продолжительный и тягостный корей-

Старинный корейскій генераль.

скій трауръ является, думаю, выраженіемъ родственной солидарности. Всякая обида, а тѣмъ болѣе смерть родственника подлежитъ отмщенію. Пока это не случилось, ближайшіе родственники (нѣкогда весь родъ) налагаютъ на себя тягостныя ограниченія, побуждающія ихъ къ скорѣйшему исполненію обязанности. До сихъ поръ въ Корей челоуѣкъ въ траурѣ и преступникъ носятъ то же названіе и обозначаются тѣмъ же гіероглифомъ.

— Не могу сказать вамъ, кто онъ: преступникъ, приговоренный къ смерти, или челоуѣкъ въ траурѣ. Оба они пишутся одинаково, тѣмъ же гіероглифомъ и одинаково одѣваются, — говорилъ мнѣ переводчикъ, когда я попросилъ его прочесть надпись на одной купленной мною фотографіи. Впослѣдствіи я многократно видѣлъ корейскихъ заключенныхъ и осужденныхъ и замѣтилъ, что они дѣйствительно носятъ грубую, траурную корейскую одежду и большія покаянныя, туземныя шляпы, закрывающія лица и головы, и что они, подобно тому какъ потерявшіе родителей, прячутся при встрѣчахъ съ посторонними за небольшіе вѣера. Нельзя также преступникамъ и траурникамъ никакъ разговаривать и смѣяться. Вообще люди, потерявшіе родителей, держатъ себя до сихъ поръ въ Корей такъ, какъ нѣкогда держали себя въ Японіи люди, скрывавшіеся отъ родовой мести въ предназначенныхъ къ тому храмахъ и убѣжищахъ. Во время самаго глубокаго трехлѣтняго траура по родителямъ, изъ которыхъ два года считается тяжелымъ трауромъ, а годъ — полутрауромъ, дѣтямъ нельзя заниматься какимъ-либо трудомъ, нельзя ходить въ гости и принимать посѣтителей, не слѣдуетъ вообще проявлять какого-либо интереса къ житейскимъ

дѣламъ, воспрещено убивать живыхъ существъ, даже вредныхъ, даже гадовъ и паразитовъ, кипямя кишачиныхъ въ грязныхъ траурныхъ одеждахъ туземцевъ. Они носятъ грубую одежду, не стригутъ волосъ и бородъ, не ѣдятъ мяса, рыбы, чеснока. Они считаются временно умершими для мірскихъ суетъ и удовольствій. Жены на время траура покидаютъ мужей и закрываютъ имъ доступъ въ свое ложе. Дѣвушки не выходятъ замужъ, мужчины не женятся. Дѣти, родившіяся во время родительскаго траура, считаются незаконными, происхождение ихъ позорно, и они могутъ быть проданы родственниками или отцомъ въ рабство. Въ день смерти главы семьи всѣ домашніе не ѣдятъ пищи, а дѣти послѣ смерти родителей три дня строго постятся. Вообще всѣ родственники покойнаго подлежатъ трауру, котораго продолжительность и сила убываютъ соответственно степени родства. Родство разсматривается у корейцевъ исключительно въ мужской линіи. Мужъ послѣ супруги и жена послѣ мужа соблюдаютъ тоже глубокой трехлѣтній трауръ.

Въ настоящее время общая бѣдность населенія и нѣкоторое паденіе древне-родовыхъ связей значительно ослабили соблюденіе траура среди простого народа. Раньше расходы по содержанію траурщиковъ распределялись на весь родъ; теперь этого нѣтъ, и только зажиточные корейцы въ состояніи нести всѣ траты, постигающія туземца въ случаѣ смерти близкихъ родственниковъ. Чиновники оставляютъ даже службу на время траура; впрочемъ, имъ зачисляется трауръ въ годы службы, хотя они и не получаютъ за нихъ жалованья.

Въ какой мѣрѣ отвѣчаетъ родственное горе корей-

цевъ въ настоящее время его внѣшнему у нихъ проявленію, судить трудно. Повидимому, въ повседневной жизни они не отличаются въ своихъ чувствахъ отъ европейцевъ. Я склоненъ думать, что тягостные похоронные обряды и глубокій корейскій трауръ являются нынѣ лишь формальнымъ выраженіемъ минувшихъ родовыхъ чувствъ и обычаевъ. Высоко развитыя китайскія родовыя понятія, нашедшія себѣ выраженіе въ почитаніи предковъ и траурѣ, пересаженныя въ малокультурную молодую среду корейскихъ родовыхъ союзовъ, подѣйствовали на нихъ, какъ дрожжи, и спеленали корейское мышленіе прочно и надолго.

ХІІІ. Родовые союзы.—Бракъ. Положеніе женщины.

О корейскихъ родовыхъ союзахъ извѣстно чрезвычайно мало; несомнѣнно только, что они существуютъ, что называются „иль-цѣ-ги“¹⁾ и что считаются по мужской линіи. У каждаго рода есть свое „сїонъ“—родовое имя; всѣ называющіеся этимъ именемъ считаются за кровныхъ родственниковъ, и браки между ними запрещены. Большинство корейскихъ деревень заселено сородичами, и женъ берутъ они изъ другихъ деревень. Извѣстно пока всего 50 корейскихъ родовыхъ именъ; треть ихъ—китайскаго происхожденія, остальные—манчжурскаго, исключая нѣсколькихъ многосложныхъ, которыя Хельбертъ причисляетъ къ малайскимъ. Громадное большинство „сїонъ“ односложно. Приведу нѣсколько родовыхъ названій, болѣе извѣстныхъ и знаменитныхъ; родъ И (Ли, Ни), ко которому принадле-

¹⁾ Родственники по-корейски—цхин-хао или хинг-ханда; родители—опони или пуму; отецъ—абаё (абунимъ, пуцхи-ни, сае-аби, тайё-цхини); мать—амаё (омо-ними, цео-ми, тоц-хини, мони-ми); родить (глагол.)—нан-та; начало—ныны, оттыми (начинать—пиросо), дитя—оринахый, ахый, аый; сынъ—атыри, пасиги; дочь—насиги-стари.

жить нынѣ царствующая въ Корей династія, роды Кимъ, Цхо, Анъ, Со, Чжюнь, Минъ, Юнь, Цзо и т. д. Нѣкоторые роды очень многочисленны. Родъ Минъ, выдвинувшійся въ послѣднее время, благодаря принадлежности къ нему покойной королевы, убитой въ 1895 году, пользовался большимъ вліяніемъ благодаря 1.000 чиновниковъ своихъ сородичей; онъ сохранилъ свой вѣсъ даже послѣ смерти своей патронессы. Родъ Кимъ управлялъ государствомъ при трехъ короляхъ минувшей династіи. Борьба могущественныхъ родовыхъ союзовъ часто погружала Корею въ неисчислимые бѣдствія. Сородичи, по корейскимъ понятіямъ, должны помогать другъ другу, заботиться о себѣ, несмотря на разницу въ общественномъ положеніи, въ стремленіяхъ и нуждахъ, такъ какъ къ одному и тому же роду могутъ принадлежать и дворяне, и мѣщане, и мужики. Обычай приказываетъ защищать сородича, даже если онъ неправъ; на него нельзя жаловаться въ судъ, и сородичи сами судятъ и наказываютъ своего члена на основаніи обычнаго права по приговору родоначальника. Члены рода отвѣчаютъ другъ за друга имущественно, чѣмъ пользуется правительство, взыскивая съ богатыхъ родичей недоимки бѣдняковъ. Такіе плательщики часто въ лицо не знаютъ своихъ несостоятельныхъ „родственниковъ“ (иль-цѣ-ги). Частные долги тоже могутъ быть взысканы такимъ же образомъ. Зато нѣтъ почти возможности получить долгъ или украденную вещь съ сородичей.

Родоначальники, принадлежащіе обыкновенно къ высшимъ класамъ общества, ведутъ родовыя таблицы (цокъ-по), гдѣ вносятся всѣ вновь нарождающіеся члены рода и гдѣ записываются всѣ отличія, заслуги, по-

двиги замѣчательныхъ родичей, а также мѣсто ихъ рожденія. Тамъ же указано происхожденіе и начало рода, слой общества, къ которому принадлежалъ первый родоначальникъ, и мѣстность, гдѣ родился, его заслуги и ближайшее его потомство. Существуютъ роды весьма древніе; изъ рода Оанъ, что значитъ „король“, происходили цари династіи Коріё. Родъ Кимъ (золото) ведетъ свое происхожденіе отъ „золотого яйца“, найденнаго на берегу рѣчки королевской четой въ одномъ изъ южныхъ древнихъ государствъ полуострова.

Женщина, вышедшая замужъ (въ другой, конечно, по обычаю родъ), не теряетъ родовыхъ связей, но родство по женской линіи изсякаетъ уже во второмъ колѣнѣ, не является препятствіемъ къ браку и не обязываетъ къ трауру. Выше его считается даже своячество, которое воспрещаетъ бракъ до четвертаго колѣна, и молочное родство, которое не дозволяетъ семействамъ молочныхъ братьевъ жениться между собою до третьяго колѣна; по кормилицѣ обязателенъ двухлѣтній строгій трауръ, точно по *младшей матери*.

Родоначальниками являются по большей части самыя богатые и вліятельные изъ членовъ рода. Въ семьѣ главенство принадлежитъ отцу, матери, а въ случаѣ ихъ смерти—старшему брату или дядямъ, назначаемымъ обыкновенно опекунами семейнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ старѣйшихъ родственниковъ.

Рѣшенія главы семьи обязательны и окончательны для всѣхъ ея членовъ. Родители въ правѣ не только прогнать, но и наказывать тѣлесно своихъ малыхъ и взрослыхъ дѣтей. Впрочемъ корейцы слывутъ какъ мягкіе, добрые деспоты, а корейскія дѣти—какъ послушные и прилежные подданные. Они нуждаются

Сеулъ. Водовозы (буль-джанг-са).

другъ въ другѣ: дѣти нужны старикамъ, какъ рабочая сила, родители молодежи—какъ собственники земли и орудій труда. Обращеніе рабовъ со своимъ потомствомъ много хуже въ Корей, чѣмъ самаго бѣднаго крестьянина, такъ какъ дѣти рабовъ, лишь только они становятся способными къ труду, забираются господами и часто продаются на сторону ¹⁾. Раньше родители могли продать даже законныхъ своихъ дѣтей, но въ настоящее время такая продажа запрещена, и если она совершается, то маскируется „усыновленіемъ“. Единственно дѣвочекъ продаютъ корейскіе простолюдины до сихъ поръ открыто въ наложницы или въ услуженіе,—всегда, впрочемъ, въ раннемъ возрастѣ.

Такъ какъ по господствующимъ въ Корей понятіямъ конфуціанства, всякій уважающій себя туземецъ обязанъ воспитать мужского потомка, который заботился бы о загробномъ его почитаніи, то люди бездѣтные стремятся усыновить кого-нибудь изъ младшихъ своихъ родственниковъ. Законъ разрѣшаетъ усыновленіе только родныхъ степенью ниже (въ мужской линіи), рѣдко очень лицъ постороннихъ. Нельзя усыновить родныхъ братьевъ, братьевъ двоюродныхъ и ихъ внуковъ, послѣднихъ потому, что всякій кореецъ обязанъ усыновить, вмѣсто умершаго преждевременно женатаго сына, отъ имени покойнаго какого-либо ребенка и что кандидатами на его мѣсто являются прежде всего сыновья его братьевъ, т. е. внуки усыновителя. Словомъ, говоря проще, потому что родные *братья считаютъ*

¹⁾ W. E. Griffis. „Corea without and within“, II изданіе, 1885 г., стр. 143.—Рабство существуетъ до сихъ поръ, хотя официально оно уничтожено десять лѣтъ тому назадъ.

дѣтей своихъ взаимно какъ бы за родныхъ. Усыновленіе происходило съ согласія всѣхъ мужскихъ членовъ семейства, иногда вопреки даже желанію родителей. Совѣтъ составлялъ постановленіе, которое вносилось въ списки министерства обрядовъ и церемоній и рѣшалось окончательно; теперь достаточно простого постановленія семейнаго совѣта. Усыновленный считается роднымъ ребенкомъ усыновляющаго, наследуетъ послѣ него имущество, права и привилегіи. Отмѣна усыновленія чрезвычайно затруднена закономъ и раньше допускалась только на основаніи особыхъ правительственныхныхъ указовъ. Корейцы по понятнымъ побужденіямъ стремились всегда усыновлять возможно маленькихъ дѣтей. Если у нихъ были дочери, то они обыкновенно женили на нихъ усыновленныхъ юношей. Существуетъ, впрочемъ, болѣе простой способъ усыновленія, безъ законныхъ дорого стоящихъ формальностей, но тогда усыновленный не пріобрѣтаетъ ни правъ имущественныхъ, ни фамиліи усыновителей; послѣдняя форма скорѣе отвѣчаетъ европейской отдачѣ ребенка *на воспитаніе.*

Начитавшись рассказовъ о курьезныхъ отношеніяхъ корейскихъ родителей къ дѣтямъ, о необыкновенной почтительности послѣднихъ и строгости первыхъ, о колѣнопреклонныхъ сыновнихъ встрѣчахъ отцовъ на пыльных, грязныхъ улицахъ, среди многочисленной посторонней толпы, я, сознаюсь, былъ пріятно пораженъ простотой и сердечностью обращенія корейцевъ со своими кровными, которыя мнѣ удалось наблюдать и которыя ничуть не отличаются отъ европейскихъ. Маленькихъ дѣтей корейцы прямо балуютъ, взрослыхъ, видимо, любятъ и берегутъ. Одинъ богатый кореецъ въ

Сеулѣ познакомилъ меня со своимъ подрастающимъ сыномъ - студентомъ, красивымъ, изящнымъ юношей, который проявлялъ въ отношеніяхъ къ отцу много задушевной близости безъ малѣйшей тѣни раболѣпства. Объ обращеніи съ взрослыми дочерьми ничего сказать не могу, такъ какъ дѣвушекъ старше 10-ти лѣтъ вмѣстѣ съ родителями видывалъ мелькомъ, въ полѣ или на улицѣ. Дома онѣ куда-то исчезаютъ; застигнутыя врасплохъ, онѣ бѣгутъ внутрь жилищъ или прячутъ немедленно лица подъ складки покрывалъ „чангъ-отъ“. Однажды во время осмотра корейскаго зажиточнаго дома хозяинъ, раньше чѣмъ повести насъ во внутренній дворъ, послалъ туда слугу, чтобы предостеречь женщинъ и дать имъ время уйти. На женской половинѣ мы нашли на землѣ разбросанныя рукодѣлія, стулья и мелочи, свидѣтельствующіе о быстромъ ихъ бѣгствѣ. Чиновникъ, который показывалъ мнѣ достопримѣчательности столицы и который, казалось, порядочно хлебнулъ европейской цивилизаціи, жилъ долго во Владивостокѣ, гдѣ обучался строительному искусству у европейскихъ инженеровъ, не согласился тѣмъ не менѣе познакомить меня со своею женой. Онъ прямо не отказалъ, такъ какъ это считается у корейцевъ неприличнымъ, но очень смутился и хотя двукратно возилъ меня къ ней, оба раза оказались неожиданныя помѣхи: въ первый разъ она ушла къ матери, такъ какъ это былъ *день ея ангела*, второй разъ мнѣ объяснили, что „ея нѣтъ, такъ какъ только-что прислала за ней носилки больная родственница и она уѣхала къ ней“. Все это случилось именно въ часы, назначенные для моего посѣщенія; я безъ труда догадался по выраженію лица моего пріятели, что все это — выдумки,

что онъ просто не въ силахъ побороть внѣдрившійся въ его плоть и кровь предразсудокъ, нарушеніе котораго вело, кстати сказать, къ большимъ непріятностямъ и насмѣшкамъ для него и жены со стороны сосѣдей. Я этого въ то время не зналъ, а то, конечно, и не рѣшился бы просить объ этомъ почтеннаго янь-баня. Даже власти не въ правѣ входить въ помѣщенія корейскихъ женщинъ, и преступникъ, укрывшійся на женской половинѣ дома, можетъ тамъ проживать безопасно, разъ онъ не обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Разъ изъ-за этого чуть не постигли насъ крупныя непріятности; отыскивая школу въ деревнѣ Шимпо, въ Сѣверо-восточной Корей, мы по незнанію вошли въ какой-то дворъ, гдѣ находились однѣ женщины. Толпа провожавшихъ насъ корейцевъ заволновалась, а одинъ изъ нихъ, болѣе смѣлый, потому что выпившій, преградилъ намъ съ руганью путь; мы съ трудомъ разузнали, въ чемъ дѣло. На дорогахъ и улицахъ, правда, попадаетъ не мало женщинъ, но все это—некрасивыя, изможденные старухи. На поляхъ встрѣчалъ я и молодыхъ крестьянокъ, но тѣ быстро отворачивали отъ меня лица и даже уходили немедленно прочь.

Возможно, что все это происходитъ оттого, что дѣвушка или вдова,—вообще незамужняя женщина,—подвергается большой въ Корей опасности. По закону и древнему обычаю, разъ она, даже по принужденію, провела одну ночь въ спальнѣ мужчины, она становится его наложницей, и даже родители не въ правѣ требовать ея возвращенія. Эготъ обычай вызываетъ частыя злоупотребленія, ссоры и нападенія на женщинъ, оканчивающіяся не разъ кровавыми драками, особенно въ болѣе захолустныхъ уголкахъ полуострова. Древній

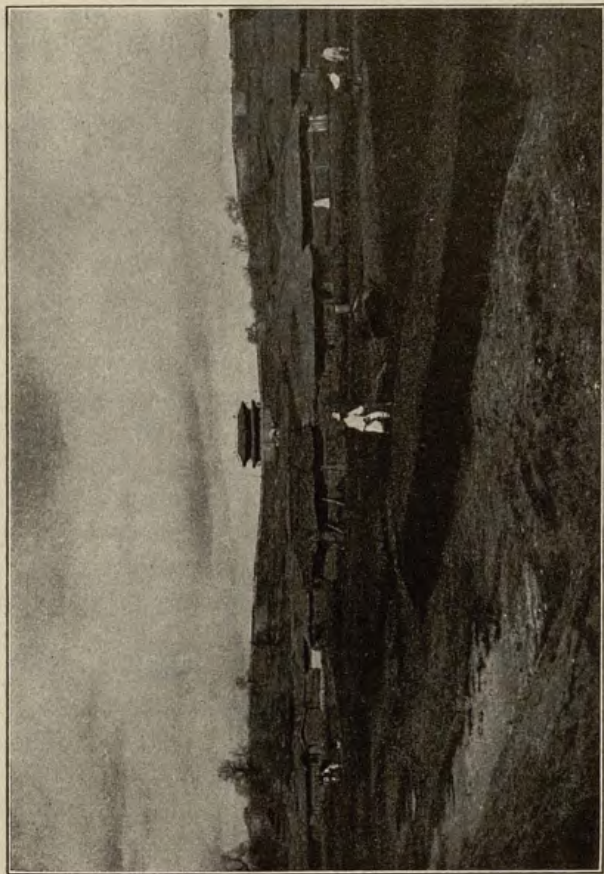
законъ, воспрещающій бракъ вдовамъ дворянъ (янъ-банъ), и обстоятельство, что вдовы эти, въ случаѣ отсутствія мужского потомства, сами наслѣдовали имущество покойныхъ мужей, вызывало тоже нерѣдко умышленныя похищенія вдовъ, подстраиваемыя родственниками покойниковъ. Изнасилованная во время сна или похищенная негодяемъ женщина дѣлалась его собственностью, и изъ этого рабства могли освободить ее только смерть или вынужденный бракъ. Это являлось источникомъ многочисленныхъ самоубійствъ молодыхъ вдовъ, живущихъ въ вѣчномъ страхѣ за свою честь и свободу ¹⁾. Законъ, воспрещающій вторичный бракъ дворянкамъ, былъ уничтоженъ въ 1894 году по настоянію японцевъ; простой народъ никогда не подлежалъ этимъ ограниченіямъ, и браки вдовъ между крестьянами довольно обычны.

Корейки отличаются мягкостью нрава и скромностью обращенія; онѣ—отличныя, трудолюбивыя хозяйки, заботливыя матери и вѣрныя жены. Жизнь ихъ проходить въ вѣчномъ трудѣ. Крестьянки, кромѣ полевыхъ работъ, еще ткуть холстъ и бумажныя ткани, шьютъ платья, плетутъ циновки, стираютъ бѣлье, ухаживаютъ за домашними животными, солятъ, сушатъ, квасятъ, заготавливаютъ въ прокъ на зиму огородные и полевые продукты, толкутъ рисъ и просо на крупу, мелютъ муку, къ тому же исполняютъ рядъ мелкихъ домашнихъ работъ, иногда крайне непріятныхъ, тягостныхъ

¹⁾ Женщины убиваютъ себя въ Корей тонкимъ, острымъ кинжаломъ, которымъ онѣ прокалываютъ себѣ горло, точь-въ-точь какъ въ Японіи; также точно корейцы-мужчины распарываютъ себѣ по-японски животъ (харакири).

и унижительныхъ услугъ по отношенію къ мужчинамъ. Корейскія понятія не признаютъ независимости женщинъ,—онѣ непременно должны находиться подъ началомъ и попеченіемъ мужчины—отца, мужа, брата, наконецъ... сына. Воспитанныя съ пеленокъ въ этихъ понятіяхъ, корейки и не мечтаютъ объ измѣненіи своего положенія, считая тягость его естественнымъ послѣдствіемъ своего пола; онѣ проходятъ сквозь жизнь робко, стараясь возможно мало быть на виду, прячутся на задворки семьи и рода, безправныя и загнанныя. Однообразное тяжелое, скучное существованіе корейской дѣвушки со смертію родителей превращается прямо въ нестерпимое рабство въ чуждой ей семьѣ старшаго брата или дяди. Бракъ какъ ни какъ чуть-чуть улучшаетъ ея положеніе, предоставляетъ ей нѣкоторыя права надъ дѣтьми и домашнимъ хозяйствомъ.

Хотя законъ 1894 г. запрещаетъ ранніе браки и опредѣляетъ брачный возрастъ для дѣвушекъ въ 16 лѣтъ, а для юношей—въ 20 лѣтъ, тѣмъ не менѣе я встрѣчалъ не мало мальчиковъ не старше 12-ти лѣтъ съ волосами, причесанными вверхъ и завязанными въ пучекъ на макушкѣ головы,—отличительный признакъ совершеннолѣтія и супружества. Попадались мнѣ даже маленькіе ученики первоначальныхъ школъ, не успѣвшіе изучить тайнъ главныхъ „тысячи знаковъ“, но уже женатые нѣсколько лѣтъ. Обыкновенно возрастъ мужей-мальчиковъ превышаетъ возрастъ маленькихъ ихъ женъ, но случаются и обратныя явленія, когда взрослыхъ дѣвушекъ выдаютъ родители замужъ за малолѣтнихъ мальчиковъ, что обыкновенно ведетъ къ нарушенію супружеской вѣрности, жалобамъ, ссорамъ и цѣлому ряду всевозможныхъ недоразумѣній... Говорятъ, что

Южное предместье Сеула.

ранніе браки не существовали у древнихъ корейцевъ, что они возникли только при нынѣ царствующей династїи. Тѣмъ не менѣе они такъ прочно засѣли въ нравахъ корейцевъ, что современное законодательство полуострова тщетно борется съ ними. Вообще много легче привить скверные обычаи, чѣмъ ихъ искоренить.

Съ момента обвѣнчанія мальчикъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, теряетъ право участія въ играхъ сверстниковъ. Съ тѣхъ поръ онъ долженъ водиться только со взрослыми и держать себя солидно. Понятно, что выборъ супруги для такого малыша зависитъ совершенно отъ воли родителей, которые пользуются своею властью и въ отношеніи къ болѣе взрослымъ дѣтямъ. Женихъ и невѣста обыкновенно видятъ другъ друга въ первый моментъ свадьбы. Бракъ устраивается помимо ихъ, непосредственно между родителями или при помощи профессиональныхъ сватовъ. Послѣ того какъ мать жениха или его свать осмотрѣли невѣсту и имущественныя условія показались имъ подходящими, — что въ корейскомъ бракѣ играетъ первостепенную роль, — отецъ жениха пишетъ письмо на красной бумагѣ (знакъ радости) къ отцу избранной дѣвушки; это посланіе полно самыхъ дружескихъ изліяній: вопросовъ о здоровьѣ, тонкихъ комплиментовъ, въ немъ точно обозначена фамилія, имя, родъ и мѣсто жительства пишущаго, а также сообщается въ концѣ, что, дескать, есть у него столько-то сыновей, изъ которыхъ одинъ холостъ, хотя и въ брачномъ возрастѣ. Дальше слѣдуетъ объясненіе, что, молъ, онъ слышалъ о невѣстѣ, имѣющейся въ высокочтимой имъ семьѣ. Отъ отвѣта родителей невѣсты зависитъ все; разъ они выразятъ согласіе, бракъ считается заключеннымъ, хотя бы женихъ и умеръ до

фактическаго сожителства съ молодой. Тогда дѣвушка считается *вдовой* и въ прежнее время лишалась права выхода замужъ.

За одно изъ чрезвычайно важныхъ условій благополучнаго брака считаютъ корейцы удачный выборъ дня для обряда. Ради этого складываютъ годы молодыхъ и разыскиваютъ звѣзду, отвѣчающую данному числу. День звѣзды считается днемъ благополучнымъ для брака. Понятно, что ворожеи (пань-су) принимаютъ дѣятельное участіе въ розыскахъ дня свадьбы, равно какъ дня обмѣна брачными подарками. Въ сущности вѣнчаніе сводится къ обмѣну подарками; молодой шлетъ своей избранной платье и кусокъ матеріи, изъ которой она обязана собственноручно сшить ему брачный костюмъ ¹⁾. Подарки доставляютъ на домъ къ невѣстѣ друзья жениха; на дорогѣ поджидаютъ уже ихъ родственники невѣсты, возникаетъ между обѣими сторонами драка, иногда довольно жестокая, исходъ которой служить указаніемъ, кому повезетъ въ супружествѣ ²⁾. Послѣ отправленія подарковъ женихъ, который заплеталъ до сихъ поръ волосы въ одну косу на затылкѣ, зачесываетъ ихъ вверхъ, какъ взрослый. Только супружество даетъ корейцамъ права совершеннолѣтія. Взрослый мужчина, даже старый холостякъ или старая дѣва не считаются по закону и обычаю за совершеннолѣтнихъ, и похороны ихъ совершаются безъ особыхъ обрядовъ, тѣло хоронится безъ гроба, завернутое въ цыновку,

¹⁾ Обычай этотъ общераспространенъ среди японцевъ, айновъ, на Ессо и Сахалинѣ, а также среди гиляковъ, гольдовъ, дауровъ...

²⁾ Подобное повѣріе существуетъ у якутовъ (В. Сѣрошевскій. „Якуты“, стр. 554).

траура нѣтъ, точь-въ-точь какъ по маленькимъ дѣтямъ. Въ день „причесыванія волосъ“ (совершеннолѣтія) женихъ дѣлаетъ визиты родственникамъ и знакомымъ, а вечеромъ принимаетъ ихъ у себя и задаетъ пиръ.

Наканунѣ брака молодая посылаетъ жениху сшитое ею брачное платье, а затѣмъ проситъ одну изъ подругъ, обладающую „легкой рукой“, причесать и ее для вѣнчанія. Въ благопріятный для свадьбы день, заблаговременно опредѣленный предсказателемъ (пань-су), женихъ отправляется въ домъ невесты въ сопровожденіи знакомыхъ. Онъ ѣдетъ верхомъ или въ крытой двуколкѣ, впереди него два человѣка несутъ бѣлый зонть и живую дикую утку,—символь супружеской вѣрности,—обернутую краснымъ платкомъ. Эта утка или картонное ея изображеніе, доставленная свадебными курьерами въ домъ невесты, помѣщается на блюдѣ съ рисомъ, послѣ чего курьеры удаляются.

Между тѣмъ къ дому подходитъ свадебный кортежъ, у главныхъ воротъ всѣ слѣзаютъ съ лошадей. Послѣднимъ покидаетъ сѣдло женихъ. Поѣзжане снимаютъ свои нарядныя платья и великолѣпныя шляпы и входятъ въ домъ въ обычныхъ одѣяніяхъ. Встрѣчаетъ ихъ отецъ молодой. Первымъ входитъ женихъ и находитъ въ главной комнатѣ или въ нарочно разбитой ради торжества палаткѣ свою будущую супругу. Когда соберутся всѣ свадебщики, молодыхъ усаживаютъ рядомъ на богато украшенномъ возвышеніи. Тамъ они приносятъ въ жертву утку или ястреба и почтительно, двукратно кланяются другъ-другу, затѣмъ молодая отдаетъ четыре земные поклона свекру, и всѣ присутствующіе кланяются другъ-другу. Передъ женихомъ ставятъ блюдо жужуба, а передъ невестой—сушенного

фазана; подружки молодой наполняют рисовою водкой маленькую тыквяную чашку, обвитую красными и синими нитками, называемую „чашей радости“; невѣста отпиваетъ изъ нея немного и передаетъ ее жениху. Когда тотъ выпьетъ оставшееся вино, бракъ считается заключеннымъ ¹⁾. Новобрачные подписываютъ протоколъ на красной бумагѣ. Въ случаѣ если новобрачная неграмотна, она прикладываетъ къ документу руку, которую обводятъ кругомъ тушью. Протоколъ, разрѣзанный на двѣ равныя части, вручается новобрачнымъ каждому по половинѣ. Мужъ и жена заботливо сохраняютъ свои части, такъ какъ мужъ даже въ случаѣ развода можетъ только тогда жениться вновь, когда обладаетъ обѣими половинками документа. Иногда женихъ сверхъ того даетъ тестю письменное обязательство, что онъ будетъ вѣренъ его дочери. Молодая послѣ того немедленно удаляется на женскую половину дома, а молодой пируетъ съ гостями. Иногда послѣдніе во время игръ бросаются на него и пробуютъ увести обратно домой: тогда выручаютъ его тесть, предлагая за него выкупъ. Гости уходятъ. Молодой отсылаетъ свою прислугу, щедро одаривши ее, и отправляется, наконецъ, въ свою комнату, куда вскорѣ мать или старшая родственница приводятъ и молодую. Супруги остаются одни. Только тогда они могутъ внимательно разглядѣть другъ друга и обмѣняться нѣсколькими словами, такъ какъ во время самой свадьбы имъ воспрещено разговаривать, и вообще приличіе требуетъ, чтобы жена въ эту первую ночь избѣгала разговоровъ съ мужемъ.

¹⁾ Подобный обрядъ съ небольшими измѣненіями представляетъ главный моментъ японской свадьбы.

По корейскимъ понятіямъ, жена и впослѣдствіи не должна быть многорѣчива, должна избѣгать объясненія съ мужемъ, еще рѣже должна обращаться къ свекру и свекрови и дѣлать это должна всегда съ глубочайшемъ почтеніемъ. Ранній и принудительный бракъ исключаетъ, повидимому, сердечное влеченіе изъ корейскихъ брачныхъ союзовъ и дѣлаетъ совершенно понятнымъ и естественнымъ отвѣтъ, полученный И. В. Бишопъ отъ спрошеннаго ею по этому вопросу корейца: „Мы женимся на нашихъ женахъ, но любимъ только нашихъ наложницъ“ ¹⁾.

Послѣ свадьбы молодая заплетаетъ свои волосы не въ одну, а въ двѣ косы, и эта прическа остается за нею уже на всю жизнь. Она теряетъ свое дѣвичье имя: даже собственные родители съ тѣхъ поръ опредѣляютъ ее названіемъ уѣзда или мѣстности, куда она вышла замужъ. Родственники мужа зовутъ ее, наоборотъ, именемъ уѣзда или мѣстности, гдѣ она жила дѣвушкой и откуда вышла замужъ. Посторонніе называютъ ее просто „хозяйкой“ или „женщиной“ такого-то или „домомъ“ такого-то; съ появленіемъ у нея сына она получаетъ прозвище „матери“ такого-то. Если же въ судебныхъ или другихъ дѣлахъ понадобится болѣе точное обозначеніе ея личности, то чиновники даютъ временное условное имя. Формально она пріобрѣтаетъ всѣ права мужа, дѣлается дворянкой, разъ она вышла за дворянина, богатоѣ—если онъ богатъ. Мужъ обязанъ содержать ее прилично, сообразно своимъ средствамъ, и т. д.; но въ дѣйствительности она находится въ полной зависимости отъ своего супруга, его любви и рас-

¹⁾ „Korea and her Neighbours“, pag. 343.

положенія къ ней. Онъ является единственнымъ источникомъ ея счастья, удобствъ, радости и горя; даже ея годы зависятъ отъ него, такъ какъ она считается за младшую отъ самыхъ младшихъ годами сестеръ мужа ¹⁾. За ней остается только главенство надъ женскими членами своей семьи да рабынями, да еще право на дѣтей наложницъ, разъ мужу вздумается завести таковыхъ. Супружеская вѣрность обязательна у корейцевъ только для женщинъ.

— Мнѣ ничего не смѣетъ сказать жена за мои развлеченія съ ки-санями (пѣвицами и танцовщицами). Она должна еще радоваться, что мнѣ весело...—говорилъ мнѣ знакомый кореецъ.

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ съ большимъ негодованіемъ и волненіемъ случай, котораго свидѣтелемъ онъ былъ въ Европѣ. Жена поймала мужа на любовныхъ похожденіяхъ съ продажными дѣвушками, ударила его публично въ лицо и пристрѣлила изъ револьвера.

— И что же?.. Ничего хорошаго изъ этого не вышло. Убила его, а затѣмъ себя... Кому отъ этого польза?.. У насъ никогда это не случается... Мы можемъ содержать женщинъ, сколько пожелаемъ, сколько хватить средствъ...

— А женщины?

— Женщины — другое. На мужчинъ не остается слѣда, а у женщины есть послѣ того ребенокъ.

Весьма еще недавно всякій кореецъ былъ въ правѣ повести свою невѣрную жену къ чиновнику, который наказывалъ ее за измѣну розгами или съ согласія мужа

¹⁾ Несомнѣнный слѣдъ групповаго брака.

продавалъ временно или навсегда въ рабство, или же отдавалъ въ наложницы стражѣ и прислугѣ въ присутственныхъ мѣстахъ. Еще раньше онѣ наказывались смертию. Если жена въ отчаяніи отъ сквернаго обращенія и жестокости мужа рѣшалась оставить его и сбѣжать, то мужъ могъ ее наказать публично розгами и заставить вернуться къ себѣ.

„Добродушные“, по общимъ отзывамъ, корейцы бьютъ жестоко своихъ женъ, и извѣстное восточное ученіе о любовныхъ свойствахъ плетки прочно засѣло въ умахъ корейскихъ мужей. Высшія сословія, конечно, избѣгаютъ насилій, широко пользуясь взаимнѣ правомъ развода. За поводъ къ разводу служатъ: супружеская измѣна, ревность, безплѣдіе, сварливость, болѣзни. Развода въ правѣ требовать только мужчина, но безъ согласія жены онъ не можетъ жениться вторично: это представляетъ нѣкоторую, слабую, впрочемъ, гарантію въ пользу женщины. Много дѣйствительнѣе защищаютъ ее дѣти и благосклонность мужа. Поэтому корейки стараются во что бы то ни стало задобрить и привязать къ себѣ мужей, что имъ нерѣдко удается, благодаря замѣчательной женственности, мягкости характера и сдержанности туземокъ, не уступающихъ въ этомъ отношеніи даже японкамъ.

Корейки нѣжно любятъ своихъ дѣтей, — единственный источникъ своихъ радостей ¹⁾. Появленіе ребенка

¹⁾ Преданіе о постройкѣ знаменитаго моста Хіо-буль-хіо въ Кіон-чжю, древней столицѣ государство Силла, даетъ свидѣтельство тонкихъ и трогательныхъ отношеній сыновей къ матерямъ. Мостъ этотъ получилъ свое названіе потому, что въ этомъ мѣстѣ переходила ночью въ бродъ къ своимъ любовникамъ рѣчку одна межищина, ать семи взрослыхъ сыновей. Последніе, посовѣтовав-

обставлено многочисленными обрядами и суевѣрными предосторожностями. Беременная женщина должна избѣгать множества вещей, особенно людей въ траурѣ; поэтому она рѣдко отлучается изъ дома; у входа въ ея жилище вывѣшивается особый знакъ. Когда корейка почувствуетъ приближеніе родовъ, она немедленно перебирается въ особую избушку, высланную мягкою рисовою соломой. При родахъ присутствуютъ и ухаживаютъ за родильницей одна или двѣ ея родственницы, которыя обмываютъ тоже младенца теплою водой и выбрасываютъ за двери послѣ благополучнаго разрѣшенія отъ бремени жертвенную пищу для обезпеченія за новорожденнымъ благосклонности духовъ. Моментъ и день рожденія младенца точно записываются и отсылаются къ ворожею для предсказанія будущности. Роженица питается вначалѣ теплою водой съ медомъ да какими-то крайне горькими снадобьями, приготовленными изъ медвѣжьей желчи. На третій день солома прибирается, и вмѣсто нея застилается циновка. Роженица во время слабости кушаетъ рисовый наваръ да супъ изъ морской капусты. Въ первые 7—10 дней никто изъ знакомыхъ, да и вообще никто изъ людей, кромѣ упомянутыхъ повивальныхъ бабокъ, не смѣетъ войти въ домъ роженицы. Младенца первые три дня кормятъ рисомъ, а затѣмъ уже даютъ ему сосать грудь. Корейки долго кормятъ грудью дѣтей; если у нихъ одинъ ребе-

шись, построили тамъ удобный мостъ. Мать поняла намекъ, устыдилась и исправилась. Мостъ получилъ названіе „должный и недолжный“, такъ какъ сыновья исполнили свой долгъ по отношенію къ матери, но забыли о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ покойному отцу („*ло-чжи. Сонгъ-намъ*“, Korean Repository. 1897, Nov., p. 414).

нокъ, то онъ нерѣдко сосетъ до 12-ти лѣтъ, т. е. почти до брачнаго возраста.

Нѣкоторое время спустя послѣ родовъ знакомые и родственники посѣщаютъ роженицу съ младенцемъ и приносятъ имъ мелкіе подарки. Вскорѣ мальчику даютъ первое имя; дѣвочка ждетъ этого много дольше.

У корейцевъ есть до шести личныхъ, постоянно мѣняющихся именъ: 1) *А-міонъ* — первое имя, дѣтское ласкательное, вродѣ: жемчужина, красotka, добротка, тигръ, поросенокъ, лягушка, королевскій глазъ, накопецъ... драконъ съ опредѣленіями: добрый, тихій, золотой... 2) *Пиоль-міонъ* — прозвище, даваемое въ старшемъ возрастѣ сообразно характеру ребенка, его наружности или вызванное какимъ-либо приключеніемъ дитяти, — напримѣръ, кротомъ зовутъ коротконогаго, бойкаго — орломъ и т. д. 3) *Коанъ-міонъ* — собственное, родовое имя, которое мальчикъ получаетъ въ день совершеннолѣтія, т. е. въ день свадьбы. Подъ этимъ именемъ мальчика заносятъ въ списки населенія. Главною составною частью коанъ-міонъ есть звукъ „ханъ-іоль-цза“, родовой знакъ. Каждое родовое имя должно заключать его, такъ какъ онъ указываетъ на принадлежность къ опредѣленному роду. Глава рода заблаговременно составляетъ списки такихъ родовыхъ именъ. Присвоенію коанъ-міонъ сопутствуютъ игры и обряды съ участіемъ родственниковъ и друзей. 4) *Цза-хо* — имя интимное, семейное, употребляемое только близкими, старшими возрастомъ друзьями и родственниками въ обращеніи къ младшимъ. 5) *Пиоль-хо* — имя отличительное, почти-тельное, какимъ называютъ младшіе старшихъ, если имъ нельзя употребить родоваго или интимнаго прозвища. И такъ они зовутъ старшаго брата или дядю

„отцомъ такого-то“, если у него есть сыновья, или тому подобнымъ оборотомъ. Пиоль-хо бездѣтныхъ опредѣляется семейнымъ совѣтомъ. 6) *Чинъ-хо*—похвальное имя, даваемое послѣ смерти за общественныя заслуги ¹⁾. Дѣвочки и мальчики до 8-ми, самое большее—10-ти лѣтъ воспитываются вмѣстѣ и часто нагіе бѣгаютъ толпами по улицамъ; съ того возраста ихъ раздѣляютъ и начинаютъ обращаться съ ними различно. Дѣвочекъ запираютъ на женской половинѣ дома, откуда онѣ свободно отлучаются только долго спустя, какъ старыя, отцвѣтшія женщины; тамъ онѣ обучаются домашнимъ работамъ, шитью, рукодѣльямъ, рѣже—началамъ грамоты. Имъ толкуютъ, что для нихъ позорно играть и разговаривать съ мальчиками, даже братьями, что онѣ должны избѣгать мужчинъ, прятаться при встрѣчахъ съ ними, такъ какъ взглядъ посторонняго безчестить женщину, а прикосновеніе его налагаетъ на нее несмыслимый позоръ. Мальчики поселяются на мужской половинѣ дома, посѣщаютъ школу, водятся исключительно со сверстниками и взрослыми мужчинами; ихъ не пускаютъ больше на женскую половину дома и учатъ, что мужчинѣ не слѣдуетъ „якшаться съ бабами“, что ему стыдно оказывать имъ вниманіе, обнаруживать какое-либо чувство по отношенію къ нимъ, кромѣ чувства пренебреженія и высокоумія,

Отсюда истекаетъ, что въ Корей мужчина никогда не посвящаетъ женѣ въ свои дѣла, что онѣ избѣгаютъ обстоятельныхъ разговоровъ съ женой, смотритъ сверху внизъ на собственную мать, считаетъ недостойнымъ сознаться въ любви къ женщинѣ и признаетъ смѣшнымъ и унижительнымъ плакать на могилѣ жены.

¹⁾ „Korean Repository“, 1895, p. 496.

XVI. Далѣе на юго-западъ. — Корейское платъе.

Медленно переваливая невысокіе гребни, мы перебираемся изъ долины въ долину. Нѣкоторые изъ нихъ воздѣланы, точно сады и обрамлены красивыми тѣнистыми рощами старыхъ деревьевъ. Деревень—гибель. На поляхъ и дорогахъ—многолюдно. Приближаемся къ самой населенной, столичной провинціи Кіёнъ-гый-до.

Узкая, каменистая долина, кругомъ нея нагіе холмы съ остатками сосновыхъ и лиственныхъ лѣсовъ на склонахъ. Рѣчушка течетъ по восточному краю ложбины, вдали виднѣются на бугрѣ развалины брошенныхъ усадебъ,—дома оскудѣлаго корейскаго дворянства. Остались только крыши да столбы, стѣны рухнули, и вѣтеръ гуляетъ свободно среди деревянныхъ рѣшетокъ.

— Гдѣ же собственники?

— Они въ Сеулѣ. Они служатъ. Землю арендуютъ крестьяне.

На бурыхъ жнивьяхъ бѣлѣютъ фигуры рабочихъ, таскающихъ снопы на спинахъ. Сильно согбенные подъ ихъ тяжестью, они движутся тихо и часто отдыхаютъ, присѣдая на корточки съ трубкой въ зубахъ въ тѣни

своихъ ношъ величиной въ добрую копну. Снопы аккуратно сложены и подвязаны на обычныхъ корейскихъ носилкахъ „чжи-га“, представляющихъ высокій мольберто-образный треножникъ.

Солнце жжетъ какъ у насъ лѣтомъ. Опять видна деревня у дороги. Она теряется въ облакахъ густой пыли и безчисленныхъ желтыхъ, полуразобранныхъ скирдъ хлѣба. На деревенской улицѣ производится оживленно молотьба риса и пшеницы. Вездѣ кучи зерна, мякины, измятой соломы; на разостланныхъ цыновкахъ и холстѣ сушится отвѣяная и отбитая старательно „головка“. Съ трудомъ можно проѣхать краемъ дороги. Весело и мѣрно стучать цѣны, шуршитъ сыпаемое зерно, плавно отлетаетъ въ сторону мякина, сбрасываемая женщинами тонкой струей изъ высоко приподнятыхъ надъ головами лотковъ. Наши лошади, раззадоренныя, помахиваютъ головами, выбираютъ у насъ изъ рукъ поводья и упорно норовятъ приблизиться къ заманчивымъ золотистымъ сыпучимъ кучамъ. Но мужики зорко наблюдаютъ за ними, и ма-пху, зная, что его ожидаетъ, забылъ о своемъ глубокомъ траурѣ и грозно, бойко пскрикиваетъ на своихъ животныхъ. Деревню онъ называлъ мнѣ Подель-коге. Кругомъ много рисовыхъ полей. За деревней на холмѣ стоятъ гуськомъ десять рослыхъ дубовъ и вязовъ. Они образуютъ полукругъ около двухъ часовенокъ. Невысокій перевалъ. За переваломъ замкнутая со всѣхъ сторонъ котловина, полная рисовыхъ полей, сверкающихъ отъ воды. Кругомъ горы, сизыя отъ зноя. На блѣдныхъ ихъ косогорахъ темнѣютъ кое-гдѣ сосновыя рощи. Высоко, въ воздушномъ, сіяющемъ отъ солнца просторѣ кружится черный корейскій орелъ. Онъ простеръ безъ движенія огромныя крылья, описывая правильную пологую

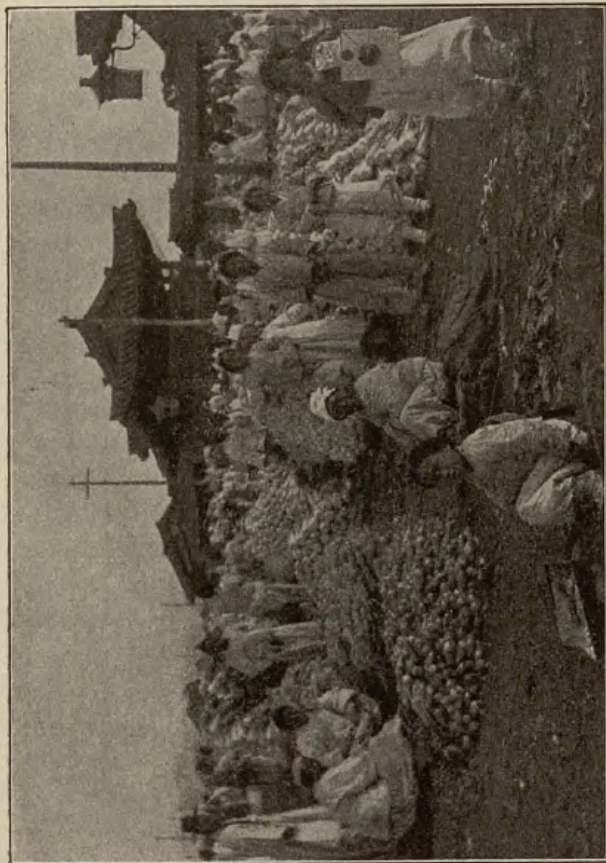
спираль. Теперь стоитъ прямо лѣтняя жара, но ночью было, очевидно, холодно, такъ какъ на заросшемъ тростникомъ прудѣ блестить мѣстами ледъ. Долина прорѣзана безчисленными каналами, въ которыхъ журчитъ вода. Маленькіе каменные мостики переброшены черезъ рвы на пути. Встрѣчаемъ цѣлый караванъ не то богатыхъ купцовъ, не то знатныхъ гражданъ, ѣдущихъ поклониться могиламъ предковъ. Сидятъ они важно на доскахъ, положенныхъ поверхъ вьюковъ и сѣделъ, и сонно покачиваются на ходу лошадей; сопутствуетъ имъ мальчикъ въ розовой шелковой курткѣ верхомъ на великолѣпномъ мулѣ.

Бойкимъ шагомъ проходятъ носильщики съ чернымъ ящикомъ наглухо закрытаго паланкина. Сквозь маленькое окошечко передней стѣнки я разглядѣлъ мелькомъ юное и миловидное женское лицо. Рослый кореецъ, провожавшій паланкинъ, осмотрѣлъ насъ пристально и недружелюбно.

Опять невысокій каменистый перевалъ: за нимъ огромный дубъ, въ тѣни котораго стоитъ небольшой, крытый соломой шалашъ, въ немъ фетишъ и пучки хлѣбныхъ колосьевъ. Проѣхавъ 45 „и“ отъ ночлега, мы останавливаемся на отдыхъ въ большомъ зажиточномъ селеніи Нянгъ-дамъ. Замѣчаю на улицѣ сборище и отправляюсь туда. Среди толпы стоитъ на землѣ обыкновенный черный паланкинъ; двѣ женщины на колѣняхъ укладываютъ въ немъ узелки и подушки; носильщики прилаживаютъ къ нему дрючки, дѣти ждутъ терпѣливо предстоящаго зрѣлища. Немного спустя изъ сосѣдней избы выходитъ толпа женщинъ съ молодой туземкой во-главѣ. На ней желтая шелковая кофточка и красно-бурая шелковая юбка: она замужня, такъ

какъ волосы ея заплетены въ двѣ косы; она держитъ себя просто и смѣло и принадлежитъ, по всей вѣроятности, къ партіи реформъ, потому что видъ иностранца ничуть не смущаетъ ея. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что это—молодая новобрачная, которая послѣ краткаго пребыванія у родителей возвращается къ мужу. На мою просьбу о разрѣшеніи снять ее, она отвѣчаетъ привѣтливой улыбкой!.. О, да! Она несомнѣнно... радикалка! У нея зубы пломбированы золотомъ, что никакъ не могло обойтись безъ прикосновенія къ ней японца,—другихъ зубныхъ врачей нѣтъ въ Корей. Правовѣрная корейка лучше предпочтетъ умереть, чѣмъ опозорить себя такимъ образомъ; даже въ случаѣ тяжелой болѣзни врачъ не смѣетъ осматривать ее и ограничивается изслѣдованіемъ пульсовъ ногъ и рукъ, высунутыхъ въ мѣру изъ-за шелковыхъ занавѣсей.

Когда молодая женщина усѣлась въ паланкинъ, долго склонялись къ ней деревенскія подружки и старухи, что-то нашептывая ей и подавая разныя мелочи, пока, наконецъ, носильщики не захлопнули дверецъ паланкина. Молодая еще разъ раздвинула занавѣски и выглянула порывисто оттуда. Носильщики подхватили дрючки, подняли ящикъ и тронулись въ путь крупными шагами. Въ черной, похожей на гробъ коробкѣ раздались сдавленные рыданія. Но никто, повидимому, не обратилъ на нихъ вниманія; любопытство присутствующихъ сосредоточилось исключительно на мнѣ. Молодой, щегольски одѣтый братъ отъѣзжающей попросилъ меня показать ему мой фотографическій аппаратъ и „все, что у меня есть интереснаго“. Я показалъ ему компасъ, бинокль, самопишущее перо... Онъ все внимательно осматривалъ и возвращалъ обратно съ вѣж-

Сеутъ. Торговая площадь. Продажа салата „пең-цу“.

ливымъ поклономъ. Тогда я въ свою очередь попросилъ его показать мнѣ содержимое его маленькаго, красиво расшитаго мѣшечка изъ зеленаго шелка, что висѣлъ у его пояса. Онъ не безъ самодовольства вынулъ оттуда маленькое зеркальце, черепаховый гребешекъ, костяной ножикъ для приглаживанія бровей и другія туалетныя мелочи. Въ другомъ мѣшечкѣ у него были: табакъ, трубочка и спички... Онъ былъ женатъ, принадлежалъ къ „янъ-банямъ“ (дворянамъ), и волосы его были зачесаны вверхъ, подвязаны на макушкѣ въ пучекъ, продѣтый сквозь ажурный, черный колпачекъ (манъ-гонъ).

Долгое время головной уборъ былъ однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ различныхъ классовъ корейскаго общества. До реформъ 1894 г. волосяныя шляпы, вродѣ цилиндра съ прямыми полями (катъ), считались привилегіей дворянства. Въ настоящее время онѣ въ общемъ употребленіи. Но еще въ 1895 году сеульскіе мясники подавали прошеніе о распространеніи и на нихъ права носить волосяную головную повязку (манъ-гонъ) и шляпы-цилиндры (куа-ни или катъ) ¹⁾.

Ограниченія касались и другихъ частей костюма. Только привилегированные классы могли носить ши-

¹⁾ „The Korean Repository“, 1898 у., р. 127. „Манъ-гонъ“, или головная повязка, представляетъ нѣчто вродѣ ажурной ермолки съ отверстіемъ въ верхушкѣ для пучка волосъ мужской прически. Корейцы не снимаютъ „манъ-гонъ“ даже въ комнатахъ. На улицѣ они поверхъ „манъ-гонъ“ надѣваютъ шляпу, которую подвязываютъ лентами подъ подбородкомъ. Бѣдняки, у которыхъ нѣтъ „манъ-гонъ“, подвязываютъ голову платкомъ или надѣваютъ просто вѣнокъ изъ травы.

рокіе рукава, а также верхній халать съ разрѣзомъ. Только привилегированнымъ разрѣшалось одѣваться въ цвѣтной, узорчатый шелкъ и носить черные суконные сапоги съ острыми носками. Студенты и учителя, вообще педагогическій и ученый міръ, несли волосяные, рогатые береты, которые и сейчасъ часто попадаются на улицахъ Сеула. Интеллигентный кореецъ, спрошенный мною по этому поводу, отрицалъ принадлежность всѣхъ украшенныхъ ими къ ученому кругу:

— Такъ было нѣкогда! Теперь многіе изъ этихъ господъ, можетъ быть, едва читать умѣютъ. Они надѣваютъ береты и очки только для виду, для большей важности, чтобы о нихъ хорошо думали другіе...

Очки—большія, круглыя, въ толстой черепаховой оправѣ—въ большой модѣ. Чиновникъ, который водилъ меня къ могилѣ убитой императрицы, хотя самъ раньше и трунилъ надъ очками, надѣлъ ихъ до разговора съ офицерами стражи, по всей вѣроятности, чтобы придать себѣ больше важности. Конечно, очки эти представляли простыя, чуть окрашенные стекла, такъ какъ мой провожатый обладалъ прекраснымъ зрѣніемъ. Говорятъ, что употребленіе очковъ въ Корей стало общимъ едва съ половины минувшаго столѣтія.

Въ настоящее время покрой корейскаго платья (оси), какъ мужского, такъ и женскаго, одинаковъ во всей странѣ и для всѣхъ слоевъ населенія. Оно состоитъ изъ шальваръ (ко-ыи, лѣтнихъ—па-ди, зимнихъ—посокъ-ой), широкихъ и сборчатыхъ у бедеръ и суживающихся сильно въ ступнѣ. Женскія шальвары (не-сокъ-ой), немного уже мужскихъ и плотно охватываютъ ногу пониже колѣнъ. Въ тальѣ шальвары стягиваются продѣтой въ поясокъ тесемкой. Мужчины даже лѣтомъ

носятъ ватные набрюшники. Во время работъ они обыкновенно сбрасываютъ все, исключая набрюшниковъ да коротенькихъ нижнихъ штановъ, напоминающихъ „поясъ стыдливости“. На плечи надѣваютъ корейцы небольшую кофточку съ рукавами (шянгъ-сокъ-кои), застегнутую, или, вѣрнѣе, завязанную подъ подбородкомъ. Полы ея у мужчинъ не достигаютъ даже пояса. У женщинъ (ча-го-ри) эта кофточка до того коротка, что груди выступаютъ изъ-подъ нея. Рубашекъ корейцы не носятъ. Штаны и кофточку (ча-го-ри) они надѣваютъ прямо на голое тѣло. Верхнее платье, употребляемое корейцами при выходѣ на улицу или въ гости, представляетъ длинный ниже колѣнъ халатъ съ отложнымъ воротникомъ и широкими рукавами ¹⁾. Женщины надѣваютъ еще юбки (чхума), стянутыя въ тальѣ тесемками, но начинающіяся собственно подъ пахами. Крестьянки довольствуются юбками до колѣнъ, но женщины привилегированныхъ сословій предпочитаютъ длинныя до земли. Юбки эти очень неуклюжи, особенно благодаря твердости матеріаловъ, такъ какъ ту-

¹⁾ Есть у корейцевъ 14 сортовъ верхняго платья: 1) обыкновенный, бѣлый, мужской халатъ—чемачи, 2) обыкновенный женскій—чамочи, 3) верхній халатъ съ рукавами мѣшкомъ и разрѣзами ниже пояса съ боковъ—тюн-гъ-чумачи, 4) съ узкими рукавами—ту-рао-си, 5) съ узкими рукавами и разрѣзомъ съ боковъ отъ пояса—чаон-си, 6) халатъ, одѣваемый при входѣ въ комнату съ покойникомъ—чеун-си, 7) обыкновенный, повседневный—цемочи, 8) праздничный, нарядный—куан-боги или пюн-чумачи, 9) женскій, дворянскій съ узкими рукавами—шян-г-о-ши, 10) халатъ верхній съ мѣшкообразными рукавами, но безъ разрѣзовъ съ боковъ—тури-мачи, 11) верхній съ мѣшкообразными рукавами, надѣваемый на чамочи—та-бочи, 12) траурный—сам-бочи, 13) женскій, дворянскій, цвѣтной—тюн-г-о-ши, 14) червый—то-мочи.

земцы очень сильно крахмалят свои ситцы и коленкоры, изъ которыхъ главнымъ образомъ они шьютъ свое платье. Простой народъ, даже средній классъ, почти что не употребляютъ другихъ тканей. Только знать, придворные и сановники надѣваютъ поверхъ брюкъ и кофточекъ, замѣняющихъ бѣлье, верхніе халаты изъ шелка. Есть такіе, которые носятъ все шелковое, но такихъ мало. Шелковая одежда всегда цвѣтная: свѣтло-желтая, розовая, красная, свѣтло-зеленая, бронзовая, синяя или фіолетовая. Дѣти, дѣвушки и молодыя женщины, даже изъ простонародія, носятъ кофты розовыя, темно-желтыя или оливковаго цвѣта; женщины старше тридцати лѣтъ въ правѣ одѣвать фіолетовыя цвѣта, старухи одѣваютъ только бѣлое. При выходѣ на улицу женщины зажиточныхъ классовъ, особенно молодыя, набрасываютъ поверхъ головъ длинныя покрывала (чангъ-отъ), снабженныя рукавами, такъ что ихъ можно, въ случаѣ необходимости, надѣть какъ кафтанъ, но служить они преимущественно для скрыванія лица и фигуры гуляющей, какъ восточная чадра. На ноги надѣваютъ мужчины прежде всего полотняныя гамаши, затѣмъ тиковыя чулки (по-сень) и лапти или туфли, плетеные изъ бичевокъ (шекъ-хри, также меки-ри); иногда это—просто соломенные или изъ лыка подошвы въ родѣ японскихъ (цхо-чими), прикрѣпленныя къ ступнѣмъ подвязками. Зажиточные туземцы носятъ китайскіе остроносыя сапоги (шуй-эхи) на толстой подошвѣ. Крестьянки ходятъ или босикомъ, или надѣваютъ коротенькіе чулки и туфли.

Современное корейское платье создано по китайскимъ образцамъ со времени династіи Минь (по-корейски Мюнъ, 1368—1644 гг.). Какъ раньше одѣвались ко-

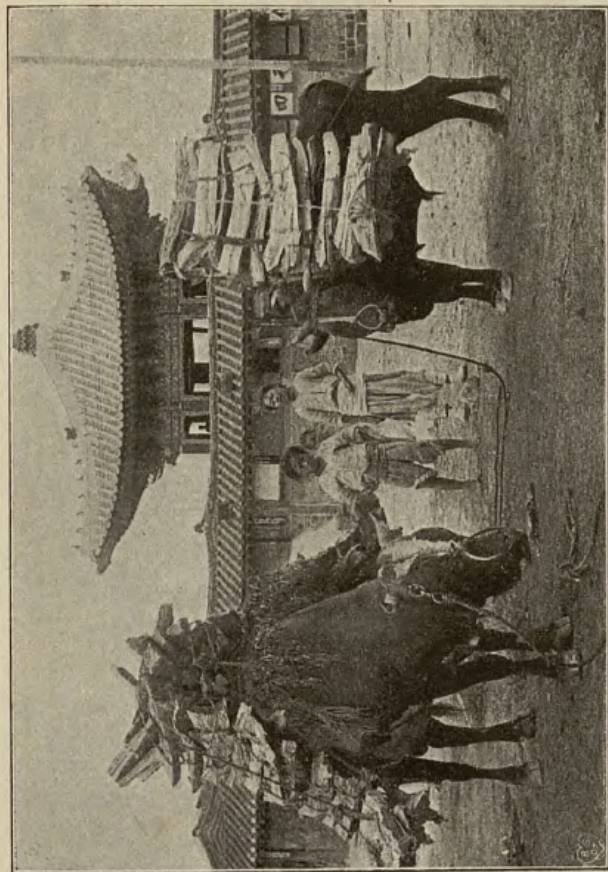
рейцы, неизвѣстно. Нѣкоторые племена пользовались для одеждъ шкурами животныхъ, остатки чего сохранились на сѣверѣ и на нѣкоторыхъ островахъ, другіе одѣвались въ ярко-расшитыя и украшенныя серебромъ и бусами платья, повидимому, сходныя съ тунгузскимъ костюмомъ.

Корейцы въ путешествіи спятъ въ штанахъ и кофтахъ, но снимаютъ верхнее платье, котораго зимой надеваютъ иногда по нѣскольку паръ одно на другое. Дома они, мужчины, равно какъ женщины, спятъ голыми по обычаю китайцевъ и манчжуръ. Зимой ихъ халаты и штаны всѣ на ватѣ. Одѣяла (ни-бу-ри) въ общемъ употребленіи. Въмѣсто подушекъ подъ голову кладутъ туземцы деревянные валики, подставки или бамбуковыя плетушки. Подстилкой служатъ имъ тонкіе матрасы-цыновки или просто толстая бумага. Туземцы совсѣмъ не знаютъ драгоценныхъ, металлическихъ или какихъ-либо другихъ украшеній,—результатъ запрещенія, изданнаго 400 лѣтъ тому назадъ.

Бѣлый цвѣтъ платья заставляетъ часто стирать его. Для этого все платье корейцы распариваютъ и, свернувши, колотятъ вальками въ проточной водѣ, затѣмъ сушатъ, крѣпко вытянувши на доскахъ или рамахъ, и обильно крахмалятъ. Самые жесткіе европейскіе ситцы не удовлетворяютъ корейскій вкусъ; они считаются здѣсь недостаточно твердыми и блестящими, и ихъ подкрахмаливаютъ.

При шитьѣ помогаютъ себѣ корейцы особымъ клеемъ, который соединяетъ края тканей не менѣе прочно, чѣмъ нитка. Извѣстную роль въ корейскомъ костюмѣ играетъ вѣеръ (пущехе); существуетъ его 7 сортовъ: 1) бѣлый—пак-сенъ; 2) красный—хон-сенъ; 3) синій—

цхен-сенъ; 4) черный—хык-сенъ; 5) стукующій—стек-сенъ; 6) о 50 деревяшкахъ—сюинтай-пущехъ; 7) круглый—ми-сенъ. Въ ненастье туземцы употребляютъ дождевые плащи изъ немятой соломы, общеизвѣстные на всемъ Дальнемъ Востокѣ. Зажиточные надѣваютъ плащи изъ промасленной, крѣпкой какъ клеенка, бумаги; она много лучше, пріятнѣе на-ощупь и прочнѣе въ носкѣ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ непромокаемыхъ тканей. Эту бумагу выдѣлываютъ корейцы изъ лыка, шелковицы и бумажнаго дерева (*brussonetia papyrifera*).

Сеуль. Корейскіе быки, навьюченные дровами, на Министерской улицѣ
(юб-джо-абъ).

XV. Страничка изъ дневника.

28-го октября.

...На томъ концѣ деревни Нянгъ-дамъ стоялъ великолѣпный дорожный столбъ (10 „и“), фигура человѣка съ оскаленными зубами, въ дворянскомъ колпакѣ (тапъ-гонь) на макушкѣ. У столба лежала куча камней, накрытыхъ цыновкой точно кровлей. Возможно, что это были развалины придорожной часовенки. На мои разспросы тон-са покачивается таинственно головой; онъ положительно отказывается рассказывать мнѣ что-либо „о скверныхъ предметахъ во избѣжаніе несчастія“. Далѣе по другую сторону дороги на косогорѣ стоитъ рядъ плоскихъ камней, какіе въ Японіи ставятъ на могилахъ. Тон-са объясняетъ, что это — памятники „добродѣтельныхъ волостныхъ старшинъ“.

Впереди насъ узенькая, прекрасно воздѣланная долина, орошаетъ ее рѣчка Цхоронгъ. На дорогѣ много носильщиковъ и длинные караваны вьючныхъ лошадей. Среди полей — рощицы деревьевъ. Не далѣе какъ въ 6-ти „и“ (3 версты) отъ Нянгъ-дамъ видно деревушку подъ утесомъ. У дороги два большіе, могильные кургана. Два „и“ (1 верста) далѣе — деревня, окруженная полями

табаку и салата. Отъ табаку остались только обобран-
 ные оземки, но салатъ все еще держится, и утренники
 не особенно повредили ему. Глаза съ удовольствіемъ
 отдыхаютъ мгновенно на живой его зелени, затѣмъ пере-
 ходятъ на рыжій осенній ландшафтъ и поднимаются
 вверхъ къ сіяющему золотомъ солнца небосклону. Мы
 опережаемъ тяжелую корейскую телѣгу, до верха на-
 груженную хворостомъ. Горы такого хвороста виднѣ-
 ются въ деревнѣ, куда мы въѣзжаемъ. Въ началѣ
 встрѣчаетъ насъ обязательный знакъ 10 „и“, весело
 улыбающійся, въ шляпѣ „катъ“, надвинутой заодно
 на бекрень. Долина суживается до 200 сажень. Встрѣ-
 чаемъ отрядъ бѣло-одѣтыхъ корейцевъ и три па-
 ланкина. Одинъ, пустой, стоитъ среди дороги; въ
 немъ лежатъ пуховая, изящно расшитая подушка
 и красное одѣяло съ тигрообразными полосами; у
 другого стоитъ мужчина въ зеленомъ шелковомъ ха-
 латѣ; третій паланкинъ быстро удаляется, уносимый
 четырьмя рослыми носильщиками. Въ немъ сидитъ
 женщина, она внимательно разглядываетъ насъ сквозь
 недодвинутыя желтыя занавѣски. На поляхъ вездѣ
 чернѣютъ кучи подобранныхъ камней. Дорога все улуч-
 шается и вдругъ превращается въ широкій, колесный,
 твердый путь. Много людей работаетъ среди пашень,
 вдали дымятся селенія. Съ запада прошла большая
 рѣчка, которую ма-пху называлъ По-мо-ги. Въ попут-
 ной деревенькѣ разгаръ молотбы риса, молотильщики
 опять заняли всю улицу, негдѣ проѣхать. Очевидно,
 въ Корей это—обычай. Отсюда мы вышли къ какому-
 то тихому водоему, живописно обрамленному у бере-
 говъ тростникомъ да ивами. Я думалъ, что это—ши-
 рокая рѣчка, но оказалось, что это большая запруда

ручья, оросительный бассейнъ. Вдали пахари поднимаютъ пажитья. Пашутъ всѣ парными плугами, кладутъ полосы круто, высоко, борозды рѣжутъ глубоко, по колѣно. За каждымъ пахаремъ идетъ мужикъ съ копорулей, разбиваетъ затвердѣвшія глыбы и равняетъ пашню. Село. Много постоянныхъ дворовъ. На отброшенныхъ прилавкахъ-ставняхъ кухонныхъ оконъ бѣлѣтъ посуда, горять кучи золотистыхъ „каки“, манять прохожаго папуши бураго табаку. Поселяне столпились у домовъ и глядять на насъ; два сѣдобородые старика съ длинными посохами въ рукахъ вышли на середину улицы, чтобы лучше разглядѣть насъ. Перебираемся черезъ низенькій перевалъ и вступаемъ въ небольшую котловину, окруженную кольцомъ нагихъ горъ; косогоры нѣкоторыхъ воздѣланы до самыхъ верхушекъ, почва не особенная, супесчаная. Долина сузилась до 50-ти сажень, почти всю ее занимаетъ русло быстрого потока. Проходимъ узенькую, горную перемычку и вступаемъ въ обширную долину, гдѣ тутъ же у дороги расположились двѣ деревни. Надъ рѣчкой клекчетъ небольшая турбина. Пробираясь по деревенской улицѣ, мы натываемся на толстенькаго мальчугана съ громадной рѣдькой въ рукахъ. На немъ—только красная кофточка, едва покрывающая часть круглаго, загорѣлаго животика; ребенокъ беззаботно смѣется, уставившись выпуклыми глазами на нашего ма-пху, сгоняющаго его съ дороги; вдругъ онъ замѣчаетъ меня, и лицо его удлиняется, улыбка мертвѣетъ и превращается въ плачь, полный безпредѣльнаго отчаянія. Господинъ въ фіолетовой курмѣ и громадныхъ, точно совыи глаза, очкахъ глядять на насъ неодобрительно. Солнце скрылось за край горы, длинныя тѣни

побѣжали по долинѣ, но на небѣ все еще сіяетъ день. Въ заросляхъ желтой „чумизы“, выросшей выше челоуѣка, въ чащѣ крѣпкаго, рослаго какъ кустарникъ, „гаоляна“ съ темнымъ зерномъ, позвякиваютъ косы да серпы, и слышны голоса жнецовъ; но людей не видно, только хлѣба колышутся, шумятъ и склоняются долу. По дорогѣ плетется по направленію къ дымящейся деревнѣ рядъ бѣлыхъ путниковъ. Ѣдетъ караванъ купцовъ, которыхъ мы опередили поутру. Они настигли насъ, такъ какъ мои непрерывные разспросы и уклоненія въ сторону задерживаютъ сильно наше движеніе. Мы минуемъ двоихъ пахарей, возвращающихся домой; одинъ гонитъ впереди себя пару крупныхъ сивыхъ воловъ съ прямыми, короткими рогами, другой несетъ на спинѣ собранный и подвязанный плугъ. Вечернія тѣни густѣютъ, въ воздухѣ повѣяло прохладой, надъ рисовыми полями зарѣялъ легкій туманъ. Онъ перемѣшивается съ дымами многочисленныхъ селъ и сизой дымкой заволакиваетъ окрестности. Скоро солнце совсѣмъ потухнетъ, но вотъ оно нашло гдѣ-то въ горахъ щель и еще разъ наводнило всю долину потоками алаго свѣта. Щелистые утесы насупротивъ вдругъ загорѣлись, точно кучи пламенѣющихъ углей; пониже колышутся розовые туманы, среди нихъ неясно мелькаютъ рощи несжатаго гаоляна, сѣрая, плоскія деревеньки и бѣлыя фигуры путниковъ. Крестьяне разомъ бросили работы и двинулись домой. Только одинъ какой-то усердный чрезмѣрно сѣятель все продолжаетъ бросать въ глубокія борозды проросшее зерно пшеницы, смѣшанное съ землей и тукомъ. За нимъ идетъ его помощникъ, загребаетъ посѣвъ граблями и плотно утаптываетъ его босыми ступнями.

Я усталъ; мы сдѣлали сегодня 95 „и“ ($47\frac{1}{2}$ верстъ), и я съ удовольствіемъ вѣзжаю въ большое, задымленное село Среуль надъ рѣчкой Таре, гдѣ мы рѣшили почевать.

29-го октября.

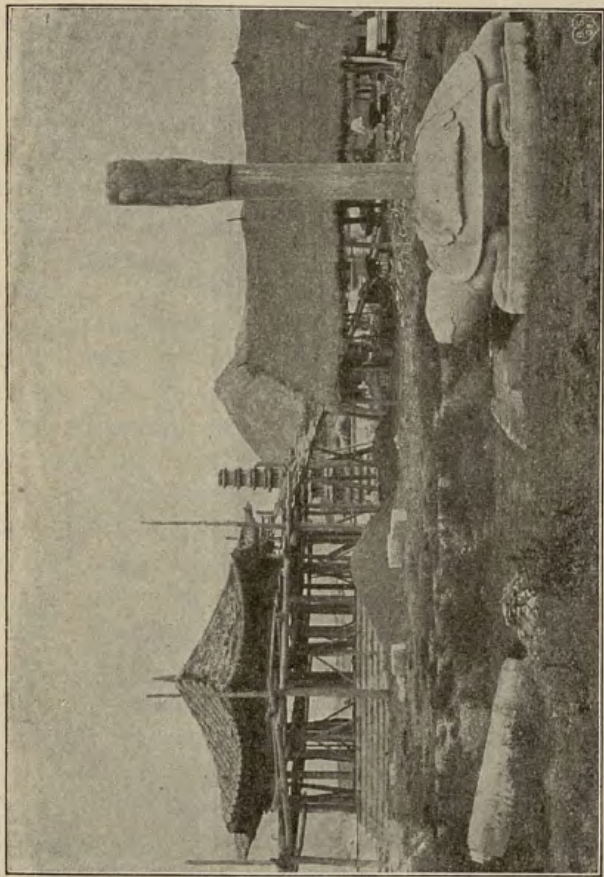
Я остановился на мгновеніе передъ часовенкой, чтобы набросать ея эскизъ въ мою записную книжку.

Утро—прелестно. Лиловыя верхушки горъ горятъ отъ розовыхъ лучей зари; внизу виситъ мгла. Поля, деревни, деревья и воды чуть просвѣчиваютъ изъ-за нихъ. Тихо рокочетъ далекая рѣчушка. Мостикъ на ней еле обозначился темной, горбатой чертой. Въ молочно-свѣтломъ, туманномъ воздухѣ на бугрѣ вдругъ появился черный, гробообразный ящикъ паланкина, мелькнулъ и исчезъ. Бѣлые носильщики быстро шагали, точно кто-то гнался за ними. Все тише позвякивали бубенчики моего удаляющагося каравана, все глуше постукивали копыта лошадей по замерзшей дорогѣ. Бурья, заиндевѣлая отъ утренника рѣлки пашень дремали покойно, дремала дорожная пыль на еще пустынныхъ тропинкахъ... За нами въ пеленахъ деревенскаго дыма зазвучалъ окрикъ и умолкъ безъ отклика... Тихо, тише комариного жужжанія, звякнуло въ сторонѣ желѣзо... Спокойно, но не мертвенно... Вѣтерокъ вѣетъ, хотя онъ не въ силахъ закачать былинку... Теперь я знаю, что такое „Страна Утренняго Спокойствія“ (Чосень)! Несчастливая страна, вѣчно жаждущая умиротворенія! Удивительная страна заботливо воздѣланныхъ, глубокихъ и тихихъ долинъ среди высокихъ, бесплодныхъ и вѣтренныхъ скалъ!

Я взобрался на сѣдло, но записной книжки и карандаша по обыкновенію не выпускаю изъ рукъ.

Если я не успеваю чего-либо записать, то я поспѣшно черчу предметъ или ландшафтъ на той же страницѣ записей. Моя книжка похожа на японское, народное изданіе,—вся испещрена разнообразными рисунками. Опять невысокій переваль, а за нимъ опять долина. На поляхъ высокая, напоминающая „конскій зубъ“, чумиза, еще несжатая, дальше—стоятъ суслоны, кругомъ прыгаютъ и летаютъ пестрые сороки.

Окрестности слегка волнисты, исчерчены выемками рисовыхъ полей, оцѣплены грядами зубчатыхъ горъ. Среди долины одинокія, старыя деревья, кривыя сосны, вѣтвистые дубы, еще одѣтые краснымъ листомъ, черныя ильмы съ тонкими жилистыми побѣгами, великолѣнные сладкіе каштаны... Мѣстами они собираются въ купы, мѣстами вытягиваются правильными рядами у дорогъ, точно шпалеры старыхъ солдатъ. Тамъ и сямъ виднѣются круглые, могильные курганы. Села убѣжали изъ долины, гдѣ воздѣланъ каждый дюймъ земли, къ подножьямъ скалистыхъ горъ. Оттуда, изъ-подъ утеса, вылетѣлъ сизый соколъ и поплылъ надъ землей. Рись еще мѣстами не сжатъ. Людей не видно. Мы миновали кучку пахарей, грѣющихся у костра въ ожиданіи, пока оттаютъ замерзшія поля. Запряженные въ ярма волы стояли поблизости, пережевывая утренній кормъ. Дымъ костра низко стлался по землѣ и смѣшивался съ дымомъ далекой деревушки. Блѣдное солнце блеснуло изъ-за неровныхъ утесовъ. Горы сомкнулись передъ нами, оставляя для прохода узенькую щель. За нимъ къ юго-западу открывается обширная долина. На дорогахъ вдругъ появились многочисленные прохожіе. Среди нихъ много коробейниковъ—страствующихъ торговцевъ (пу-санъ)—въ желтыхъ, бамбу-

„Топ-кюль“ — площадь предназначенная подь городской паркъ въ Сеулѣ.

ковыхъ шляпахъ-цилиндрахъ. Въ отдаленіи замѣчаю странную гору, одинокую и остроконечную, точно сахарная голова, съ букетомъ сосенъ на верхушкѣ. По сосѣдству—красивая ложбинка, окруженная хвойнымъ лѣсочкомъ, и опять длинная лента гнѣдыхъ и сивыхъ лошадей, отягченныхъ вьюками. Изъ-подъ груза свѣшиваются и колышутся на ходу крѣпкія, твердыя рисовыя метелки, маленькія, похожія на украшенія. Они служатъ для чистки лошадей. Вотъ первоисточникъ хвостовъ и кистей у нашихъ чепраковъ. Низенькій переваль, поросшій ильмами. Сейчасъ за нимъ деревня, рѣчка, деревня и еще деревня... Взмываемся на новый небольшой переваль, и неожиданно внизу подъ нами засверкало большее озеро. Я не нашелъ этого озера ни на одной картѣ, и не упоминается о немъ ни въ одномъ пока путешествіи.

— Ханъ-іоуль-канъ!—сказалъ тон-са. — Сто десять „и“ (55 верстъ) отъ Сеула!..

На восточномъ краю озера прямо изъ воды поднимается отвѣсный утесъ; западный берегъ плоскъ, каменистъ и, очевидно, часто заливается поемной водой. Изъ озера вытекаетъ неглубокая, но быстрая и довольно широкая рѣчка; она поворачиваетъ на западъ и исчезаетъ среди высокихъ, крутыхъ горъ. Съ востока впадала въ озеро почти подъ прямымъ угломъ другая рѣчка, также быстрая, но менѣе широкая. Переплываемъ первую на большомъ паромѣ. За провозъ трехъ людей и двухъ лошадей съ насъ взяли 50 пхунъ (10 коп.). Пересѣкаемъ каменистую отмель, проходимъ по воздушному мостику второй рукавъ рѣчки, оставляемъ живописную котловину и взмываемъ опять на невысокой переваль. Дно сосѣдней долины полно

дубовыхъ рощъ; соснякъ покрываетъ склоны. Деревня. У въѣзда стоитъ каменный алтарь съ крупной связкой жердей, палокъ, обвѣшанныхъ соломенными веревками и тряпками. Дорога проходить по рѣдкому подлѣску. Выше кудрявится дубнякъ. Двѣ старыя сосны стерегутъ красивую могилу. Переваль; рѣчка въ яру подъ западной грядой горъ. Маленькая котловина среди сопковидныхъ вершинъ. На увалѣ—каменный алтарь. Вездѣ хорошо воздѣланныя поля. Внизу, недалеко, у каменистаго русла потока стоитъ нѣсколько избъ. Долина поворачиваетъ къ востоку, откуда течетъ ручей. Поворачиваемъ и мы туда и движемся вверхъ по теченію. Ручей ма-пху называлъ Тонгъ-чакъ. Недалеко у дороги роща огромныхъ, древовидныхъ можжевельниковъ. Окрестности густо населены, культура полей отличная, отдѣльные домишки и небольшія деревушки прячутся среди деревьевъ и кустовъ. Очевидно, жители уже не опасаются тигровъ и разбойниковъ и селятся порознь. Сѣтъ дорогъ и тропинокъ расходится по всѣмъ направлениямъ...

Въ то время, когда я собиралъ насѣкомыхъ, мои люди скрылись за холмомъ.

Я не нашелъ ихъ ни на дорогѣ, ни въ деревнѣ за четыре „и“ дальше. Тамъ мнѣ сказали туземцы, что спутники мои остались назади. Возвращаясь назадъ; встрѣчаетъ меня испуганный тон-са.

— Что случилось?

— Не зная, что „sir“ желаетъ остановиться въ той деревнѣ, мы приготовили все въ другой „сульмачи“ (гостиницѣ).

Онъ разсказалъ мнѣ, что большая деревня, откуда я вернулся, зовется Пхуть-кчангъ и находится въ 80-ти

„и“ отъ Сеула. До полудня мы, значить, сдѣлали 50 „и“ (25 вер.).

Послѣ обѣда мы двинулись дальше. Впереди насъ обширная долина, вся занятая рисовыми полями. Безчисленные деревни ютятся у подножья горъ по сторонамъ; есть, впрочемъ, усадьбы и среди полей. Вездѣ на деревенскихъ улицахъ сохнетъ на цыновкахъ свѣжеобмолоченный рисъ и пшеница, въ сторонкѣ лежатъ кучи мякины и избитой соломы. Пахнетъ зерномъ. Лица мужиковъ сіяютъ, щеки дѣтей округлы и румяны,—годъ выдался урожайный. Замѣчаю большую старательность въ обработкѣ пашень; межи мѣстами обсажены деревьями, въ бороздахъ густо зеленѣютъ всходы озимой пшеницы. Посѣвы чумизы, гороха, ячменя высоко взбираются на покатости горъ, внизу—все рисъ. Ландшафтъ сильно напоминаетъ Сѣверный Китай. Подъ вѣтвистымъ дубомъ виднѣются три большія могилы съ каменными фигурами и надгробными камнями. Немного дальше въ сосновомъ лѣсочкѣ опять могилы. Дороги ровныя, гладкія, довольно широкія и часто обсаженныя деревьями. Сторонами все тѣ же корявыя, крутыя корейскія горы, покрытыя рѣдкимъ соснякомъ. Благодаря обилію деревьевъ, окрестности кажутся все веселѣе и прелестнѣе и заставляютъ забывать объ угрюмыхъ, бесплодныхъ утесахъ.

Впрочемъ, случаются неожиданные сюрпризы. Хорошая дорога гдѣ-то мгновенно исчезаетъ, проваливается, полуразмытая въ русло рѣки. Нѣкоторое время мы ѣдемъ полосой грубаго бѣлаго песка, видимо намытаго разливомъ, такъ-какъ такой же песокъ выстилаетъ дно рѣчушки. Песокъ запрудилъ поля, бѣлыя его струи сплываютъ съ сосѣднихъ горъ, засыпая и поглощая на

пути всю растительность. Впереди насъ далеко поднимаются бѣлыя зазубренные и потрескавшіяся вершины, это—гранитныя скалы Самъ-кыкъ-саня, поднимающіяся на 800 слишкомъ метровъ, уже надъ долиной Сеула. Попутныя деревушки состоятъ почти исключительно изъ постоянныхъ дворовъ. У всѣхъ домовъ кухонныя ставни-прилавки откинуты, на нихъ бѣлѣютъ ложки и плошки, въ глубинѣ покоятся съѣстные припасы. На улицахъ — движеніе; въ сараяхъ лошади прожорливо уплетаютъ кормъ, визжать и дерутся. На дорогахъ много путниковъ, а у дорогъ и въ сторонѣ—все больше и больше могилъ. Нѣкоторыя окружены серповиднымъ землянымъ валомъ, украшены каменными фигурами и памятниками, осынены красивыми деревьями; другія заброшены, обнажены, стоятъ въ солнечномъ зноѣ, безпріютныя, точно осыпи корейскихъ горъ. Вѣтры сдули съ нихъ землю, и кой-гдѣ изъ насыпей торчатъ углы истлѣвшихъ гробовъ. Слѣдуетъ предполагать, что сыновья покойниковъ или умерли, или переѣхали въ другой конецъ имперіи, или совершенно обнищали.

Выѣзжаемъ на отличную, широкую, торную дорогу—лучшій путь, какой я видѣлъ въ Корей. Во многихъ частяхъ онъ обсаженъ по обоимъ бокамъ великолѣпными шпалерами крупныхъ деревьевъ, сладкихъ каштановъ, дубовъ, ильмовъ. Первые здѣсь еще зеленѣютъ, въ то время какъ дубы чуть обожжены осенью, а ильмы совсѣмъ уже лишились листы. Большая часть рисовыхъ полей затоплена, зато въ рѣчкахъ почти нѣтъ воды. Ручьи чуть сгрудятся, они не въ силахъ вертѣть даже рисодерокъ, и все чаще я вижу женщинъ, топчущихъ лопасти домашнихъ мельницъ. Приближаемся къ подножію Самъ-кыкъ-саня; вершину его вѣнчаютъ

три острия главы, отъ которыхъ онъ получилъ свое прозвище ¹⁾. Солнце прячется какъ разъ за него, и золотисто-розовая сосѣдняя долина съ малахитовыми пятнами роцъ сразу меркнетъ и блѣднѣетъ. Дорога вѣтся у самой горы, огибаетъ ее... По ту сторону долины видны также причудливо размытые и вывѣтрившіеся утесы, золотые отъ заливающихъ ихъ лучей заката. Мы обошли гору Самъ-кыкъ-санъ и вступили въ тѣнистое ущелье, полное каменистыхъ розсыпей, крупнозернистаго песка и горнаго мусора. Поистинѣ думаю, что эта котловина доставляетъ всѣмъ окрестностямъ слой острой, бѣлой пыли, которая толстымъ налетомъ покрываетъ землю и скалы, деревья и хлѣба далеко кругомъ. Торная дорога мѣстами совершенно исчезаетъ подъ скалистыми обвалами. Лошади выше копытъ утопаютъ въ дресвѣ. Минуемъ усталаго носильщика, который прилегъ у дороги и тяжело выдыхаетъ воздухъ изъ стѣсненной груди; рядомъ стоятъ высокія его носилки съ грузной ношей. Въ ущельи—прохладныя, прозрачныя сумерки. Тамъ нѣтъ ничего, кромѣ песку и камней: ни полей, ни избъ, ни кустовъ, нѣтъ даже жалкой горной травы и сорныхъ травъ, все потоплено движущимися потоками истлѣвшаго гранита. Только въ концѣ, гдѣ явилась уже возможность борьбы, замѣчаю попытки устроить рисовое поле подъ защитой жиденъкой плотины изъ ивняка. Скоро мы очутились у выхода, и опять передъ нами развернулась просторная равнина, испещренная блестящими рисовыми полями и темными пашнями съ зеленѣющими полосами

¹⁾ Самъ—три, кыкъ—высокій, санъ—гора. На картахъ и въ книгахъ гору эту неправильно называютъ Самъ-гакъ-санъ.

озимыхъ всходовъ. Кругомъ нея поднимаются все тѣ же зубчатые утесы гранита, золотисто-бѣлые вблизи и золотисто-голубые вдали. Надъ ними повисли бѣлыя пушистыя облака; хороводы бѣлыхъ путниковъ идутъ къ нимъ по бѣлымъ дорогамъ... Сказочная страна „Бѣлаго Сна“, залитая мягкими лучами бѣломолочнаго солнца!

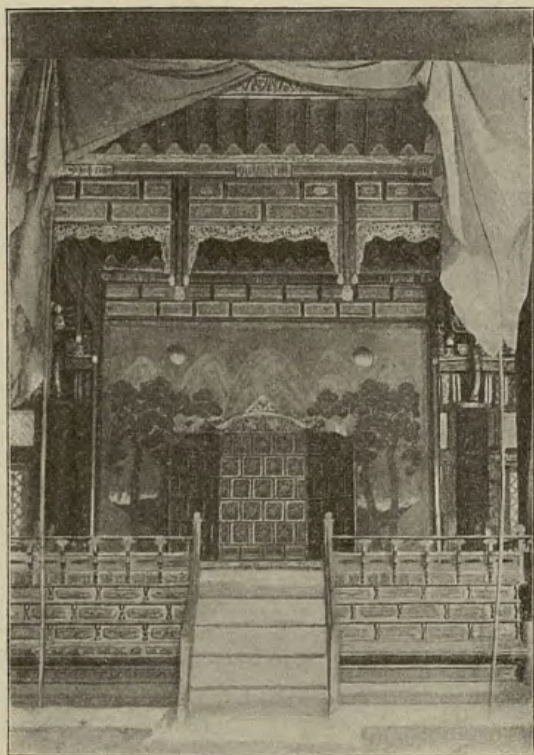
Путешествіе наше затянулось въ ночь, и мы двигались нѣкоторое время при свѣтѣ молодого мѣсяца. Дорога опустѣла, копыта нашихъ лошадей одиноко постукивали по твердому полотну пути. Крупныя, ломаныя тѣни горъ и утесовъ, мелкія кудрявыя отраженія рощъ и деревьевъ, смѣшиваясь съ неясными зигзагами рисовыхъ плотинъ, съ ихъ черными отраженіями въ серебристыхъ, спокойныхъ водахъ, образовали сказочной причудливости узоры на фонѣ бѣлыхъ горъ и бѣлыхъ равнинъ. Вездѣ, и ближе, и дальше, изъ ночного мрака выступали молочныя отъ луннаго сіянія, неясныя въ очертаніяхъ, точно въ воздухѣ повиснувшія отдѣльныя скалы или сомкнутые ихъ ряды..

Заночевали мы въ деревнѣ Писанъ-гори въ 50 „и“ (25-ти вер.) отъ Сеула. Тамъ будемъ завтра.

30-го октября.

Въ этой деревнѣ, что ни домъ, то постоянный дворъ, и во всѣхъ полнымъ полно. Поутру возникъ шумъ: у постояльца насупротивъ воры украли ночью цѣлое состояніе—2.000 пхунъ (4 руб.). Напуганный тон-са то и дѣло осматриваетъ нашъ багажъ.

Прислуживающій намъ мальчуганъ очень любезенъ: онъ постоянно освѣдомляется, не нужно ли намъ чего-нибудь, непрощенный вычистилъ мнѣ платье и сапоги.

Сеулъ. Императорскій престолъ.

Первый разъ во всю дорогу натыкаюсь на такую немного назойливую услужливость. Корейцы въ общемъ вѣжливы и гостепріимны, но безъ раболѣпія. Въ моментъ отѣзда мальчикъ попросилъ на чай. Это былъ единственный „на чай“, который мнѣ пришлось дать въ Кореѣ, такъ какъ тамъ всякія надбавки не въ обычаѣ. Очевидно, что въ Писанъ-гори уже проникли европейцы и успѣли передѣлать и вѣжливость по своему... въ товаръ.

Днемъ слѣдовало ожидать зноя; потоки солнечнаго свѣта потопляли широкую, гладкую, бѣлую какъ мѣлъ дорогу и бѣлѣющіе вдали утесы и плечи холмовъ, и и безчисленныя плотины рисовыхъ полей. Вездѣ сверкала вода. Глаза болѣли отъ этой бѣлизны и блеска. Вдобавокъ вѣтеръ поднималъ облака пыли. Придорожныя деревья и кусты побѣлѣли отъ него точно отъ инея. Черезъ версту-двѣ—деревни, тоже пыльныя и сѣрыя. Толпы прохожихъ все растутъ. Они ѣдутъ и везутъ товары на лошадяхъ, быкахъ, ослахъ, но преимущественно несутъ на собственныхъ спинахъ. Идутъ женщины съ громадными кувшинами на головахъ, полными зерна или жидкостей, а другія — съ корзинами плодовъ, съ узлами платья, конопли, ваты...

Мужчины несутъ на спинахъ связки хвороста, снопы соломы и сѣна, разные предметы, утварь, наконецъ, круглые мѣшки риса, вѣсомъ до 2½ пудовъ, зашитые аккуратно въ циновки. Записные носильщики движутся длинными рядами гуськомъ, жалобно охая и вскрикивая. Ихъ ноги тонутъ глубоко въ песокъ или бьютъ крѣпко по твердому полу тропинокъ. Я никогда не могъ безъ волненія слушать ихъ жалобные стоны. Помню однажды вечеромъ такой рядъ носильщиковъ подходилъ

къ деревнѣ, гдѣ очевидно, предстояла имъ ночевка. Одинъ парень, болѣе слабый, отсталъ отъ товарищей; они ждали его, поставивъ свой грузъ на подпоркахъ; нѣкоторые даже вернулись и голосомъ да совѣтами ободряли несчастнаго. Лицо юноши представляло синюю безобразную маску, окаменѣвшую отъ страданія и напряженія; заплывшіе кровью глаза съ отчаяніемъ глядѣли на все еще далекую деревню...

Много сель, много сосновыхъ лѣсочковъ, много могиль. Дорога тверда и гладка, точно шоссе. Она содержится заботливо, по бокамъ ея рвы. Понятно—сюда, случается, ѣздитъ и самъ императоръ. Минуемъ великолѣпный храмъ, окруженный бѣлой стѣной и большимъ количествомъ могильныхъ кургановъ (Янь-чжю). Множество лошадей налегкѣ возвращается изъ Сеула. Среди прохожихъ часто попадаются солдаты; разъ замѣтилъ я даже полицейскаго. Высокіе акведуки, мѣстами земляные, мѣстами деревянные, отводятъ воду на поля. Она вездѣ струится и рокочетъ, тѣмъ не менѣе окрестности кажутся сухими, безводными. Чарующее прямо впечатлѣніе производятъ шпалеры старыхъ деревьевъ вдоль дороги. Появляются все чаще особнячки-усадьбы, крытыя черепицей, щеголеватыя дачи, окруженныя хорошенькими садами, обстроенныя солидными хозяйственными постройками. Я раньше такихъ не видѣлъ. Низенькій уваль. Ма-пху показываетъ вдаль дымъ, поднимающійся широкимъ столбомъ надъ горами, и увѣряетъ, что это—Сеуль. Толпы прохожихъ все густѣютъ. Проѣхали мимо насъ какіе-то сановники въ шелкахъ. Впереди ихъ бѣжали скороходы. Много паланкиновъ, и въ нихъ не однѣ только женщины. Частенько оттуда выглядываетъ одутловатое

лицо чиновника или щеголь въ очкахъ. Нѣкоторые ѣдутъ на осликахъ... Говоръ, смѣхъ... Прохожіе обмѣниваются шутками, спрашиваютъ о чемъ-то моего тонъ-су, который сегодня одѣтъ старательнѣе и держится необыкновенно солидно. Онъ все отмалчивается. У него жестоко болитъ нога, онъ стеръ себѣ ее до крови, и между пальцами у него образовались нарывы. Тщетно онъ мочилъ ее въ горячей водѣ на ночевкахъ, тщетно мазалъ взятымъ у меня вазелиномъ, раны все увеличивались, боль возрастала, лицо тонъ-сы худѣло, чернѣло, и онъ съ тоской, видимо, ожидалъ конца путешествія. Но онъ не жаловался и не забывалъ своихъ обязанностей.

Мируемъ прелестный каналъ быстро плывущей воды среди двухъ рядовъ могучихъ каштановъ. Въ деревенскихъ лавкахъ и на улицахъ торгаша продаютъ печенныя плоды этихъ деревьевъ по сказочно-низкимъ цѣнамъ: не менѣе дешевы и превосходные корейскіе „каки“, которымъ нѣтъ равныхъ на Востокѣ. Я купилъ нѣсколько штукъ и подѣлился ими съ ма-пху и тон-сой. Тон-са, согласно велѣніямъ корейскаго этикета, купилъ въ слѣдующей деревнѣ сладкихъ каштановъ и угостилъ меня въ свою очередь... Я замѣчаю въ обращеніи его со мною нѣкоторую нѣжность и большую заботливость... Хотя хромою, онъ старается не отставать отъ моей лошади и непрощенный даетъ объясненія и указываетъ на интересные предметы. Надо думать, что онъ намѣревается просить прибавки!

Бѣлые горы, бѣлая дорога, бѣлыя толпы прохожихъ, бѣлые на небѣ тучи да бѣлая въ воздухѣ пыль... Громадные камни... Путь прегражденъ высокимъ горнымъ переваломъ. Мы взбираемся не него по крутому подъ-

ему, высѣченному въ скалахъ. Живописная скалистая котловина, окруженная утесами... На самомъ перевалѣ—узкій проходъ среди гранитныхъ отвѣсовъ, на которыхъ начертаны большія китайскіе гіероглифы; дальше обыкновенный жертвенникъ изъ камней, кругомъ него висятъ жертвенные тряпочки и шнурочки... Внизу на уступахъ спуска ютятся жалкія хижины, убогія лавченки, открытые лабазы со съѣстными припасами, съ плодами и овощами. Это уже—пригородъ Сеула. Спускаемся внизъ по крутой, по гладкой дорогѣ. Потомъ проѣзжаемъ среди воздѣланныхъ полей и одинокихъ домиковъ и постепенно поднимаемся къ слѣдующему темному перевалу, гдѣ по гребню горъ вьется зубчатая старинная стѣна и виднѣется отверстіе городскихъ воротъ. Надъ ними—тяжелая многокровельная китайская башня.

— Сеуль! Хань-сіюнь! ¹⁾—радостно восклицаетъ маху. Толпа прохожихъ густѣетъ невѣроятно. Со спины моей лошади я вижу непрерывный потокъ черныхъ „катъ“, громадныхъ зонтообразныхъ траурныхъ шляпъ, женскихъ цвѣтныхъ накидокъ, бѣлыхъ платковъ, спинъ, узловъ или объемистыхъ грузовъ, плавно, точно слоны, раскачивающихся среди сонмища людскихъ головъ. У дороги, вдоль домовъ, стоятъ лотки розничныхъ продавцовъ или на шестахъ у дверей колышутся торговые знаки. Чаще всего замѣчаю метелку или старую корзину, воткнутыя на высокую палку, — оповѣщающія, что здѣсь можно подкрѣпиться „су-ли“ (рисовой водкой).

Наконецъ-то мы на послѣднемъ перевалѣ и вмѣстѣ съ толпой проникаемъ подъ мрачный сводъ громад-

¹⁾ Хань-сіюнь—точно: крѣпость на рѣкѣ Хань.

ныхъ воротъ. Мощная, порядочно уже изъѣденная временемъ стѣна бѣжитъ въ обѣ стороны по косогору и вершинамъ. И ворота, и стѣна—обычной китайской архитектуры, построены изъ необжженного кирпича и облицованы гранитомъ. Покраснѣвшій отъ осени плющъ красиво свѣшивается надъ отверстіемъ воротъ. За стѣною—сѣрый, плоскій пыльный городъ, окруженный зубчатыми черными вершинами.

Мы долго кружились по улицамъ, запруженнымъ сборищемъ бѣло-одѣтыхъ корейскихъ мужиковъ, пріѣхавшихъ на базаръ съ вязанками хвороста, съ дровами, съ огородными овощами, навьюченными на быковъ, ословъ, лошадей. Носильщики, охая, густо снуютъ вездѣ; проѣзжаютъ всадники въ шелкахъ и болѣе скромные въ ситцахъ и черномъ ластикахъ; проходятъ мѣрно солдаты; сторонкой мелькаютъ женщины съ покрытыми и непокрытыми лицами, по большей части старыя и безобразныя, шныряютъ полуодѣтые ребята, и солидные школьники въ беретахъ ученыхъ зорко присматриваются къ намъ... Наконецъ, мы выбрались на главную улицу столицы. Вдали поднималась поверхъ строеній какая-то красная башня, въ другомъ направленіи сѣрая, остроконечная колокольня католическаго собора, внизу, бѣжалъ элекрическій трамвай. Сѣрый, грязный, некрасивый городъ сталъ здѣсь колоритнѣе. Магазины и лавки показались мнѣ чище и богаче, улицы многолюднѣе.

Чтобы попасть въ указанную мнѣ гостиницу „Imperial“, намъ пришлось проѣхать почти весь городъ. Въ сопровожденіи множества любопытныхъ мы остановились, наконецъ, на маленькой площади передъ воротами новаго императорскаго дворца. По одну сторону

этой площади помѣщались дворцовыя казармы, по другую—двѣ лучшія европейскія гостиницы Сеула.

Monsieur Moulis, который долгое время былъ поваромъ во Владивостокѣ, привѣтствовалъ меня на сильно ломаномъ русскомъ языкѣ.

— Я дамъ вамъ такой комната, что всегда видно корейскій императоръ!..

— Прекрасно! Нельзя ли мнѣ прежде всего выкупаться?

— Зачѣмъ нельзя!? Можно!.. Только мой ванна скоро будетъ, но еще нѣтъ... Вы должны пойти въ баню въ японскій quartier...

Monsieur Moulis продолжалъ суетиться по комнатамъ и говорилъ, говорилъ безъ конца.

— Вы сейчасъ будете ходить къ министру... Это близко отсюда... Мадамъ только-что ходилъ ко мнѣ... Я всѣхъ ихъ хорошо знай... Ami!.. Я имъ всегда что-нибудь дѣлаю... Вчера я имъ сдѣлалъ хорошій майонезъ. Madame говоритъ: Monsieur Moulis, mon ami... Министръ тоже ходитъ и господинъ полковникъ ходитъ... Я что знаю имъ всегда рассказывай, что слышу на базарѣ или мой заведенія, сейчасъ говорю... Они ходятъ. О, monsieur Moulis много знай! Вы слышалъ: наша матросъ въ Чемульпо крѣпко японцамъ головы разбивалъ... Хороша наши матросъ, ихъ двадцать, японца нѣсколько сто... Нашъ молодець хорошо бьетъ!.. Японецъ дрянъ!.. Пхи!.. Будетъ война,—японецъ крѣпко колоти!.. Наша крѣпко колотить, наша...

Онъ мнѣ подмигивалъ значительно, прищелкивалъ пальцами и по случаю франко-русскаго альянса присвоивалъ себѣ доблести и заслуги обѣихъ народностей.

Усталый тонъ-са терпѣливо ждалъ расчета, ма-пху выглядывалъ изъ корридора.

— Садись, товарищъ!—обратился я по-англійски къ тонъ-сѣ.

Monsieur удивленно взглянулъ на меня.

— Это ваша переводчикъ? Онъ тоже можетъ спать у меня, вмѣстѣ съ моя... бойка!—разрѣшилъ онъ великодушно. Съ трудомъ мнѣ удалось выпроводить любезнаго отельщика и приняться за расчетъ съ людьми.

Съ ма-пху мы быстро покончили; но, когда я подалъ тонъ-сѣ всю условную сумму безъ вычета полученнаго имъ уже задатка, кореецъ, провѣривъ деньги, вернулъ мнѣ излишекъ.

— Вы ошиблись!

— Нѣтъ, товарищъ! Ты захромалъ, ранилъ себѣ ногу изъ-за меня, по всей вѣроятности, тебѣ придется остаться нѣсколько дней въ Сеулѣ, чтобы ее вылѣчить!

— О, нѣтъ! Завтра же отправлюсь обратно. Меня ждутъ... Но разъ вы находите, что я заслужилъ эти деньги, я ихъ возьму... Благодарю васъ! Вы, значить, довольны мною?

— Да, я доволенъ! Пригодилось бы вамъ большее количество англійскихъ словъ, но и такъ сойдетъ.

— Я бы очень желалъ выучиться хорошо по англійски, да не у кого!

Онъ и не думалъ уходить, усѣлся на полу и дружескимъ, вѣрнымъ взглядомъ слѣдилъ за мной, но monsieur Moulis уже гоявился въ дверяхъ, и нашъ разговоръ прекратился.

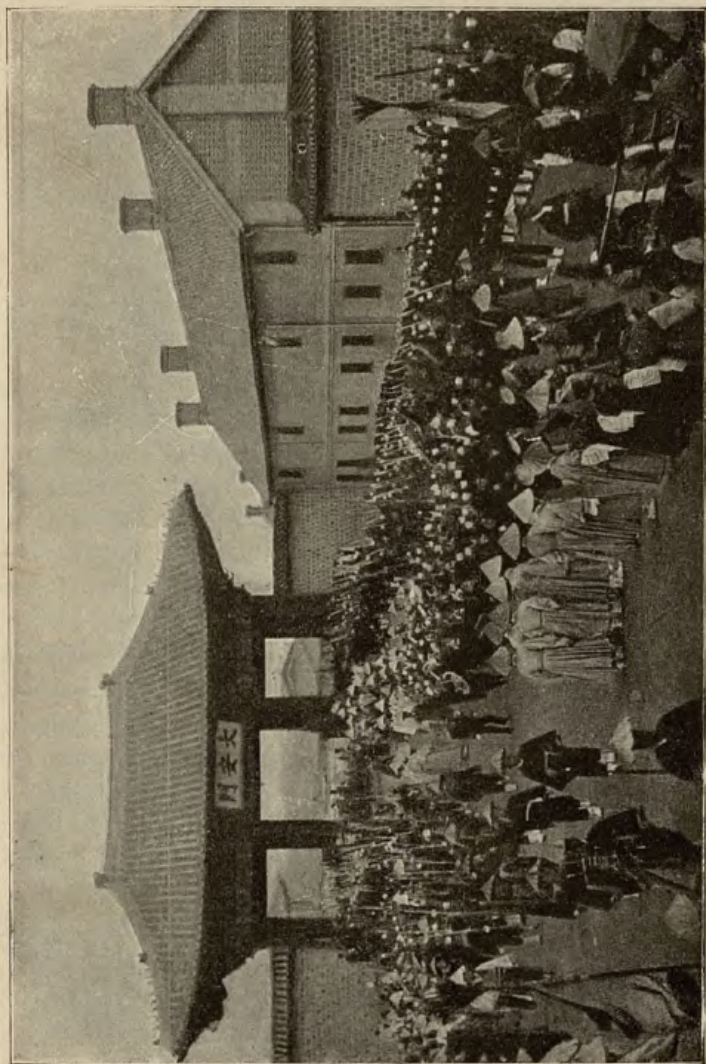
— Вы хорошій, sir!—сказалъ тихо кореецъ, когда мнѣ опять удалось выпроводить француза.

— Я уйду! Good bye!

— Good bye!

Мы пожали другъ другу руки. Мгновеніе туземець стоялъ съ поникшей головой и шевелилъ беззвучно губами. Возможно, что подыскивалъ соотвѣтственное англійское слово. Но, очевидно, не нашелъ его и только разъ еще молча, неловко пожалъ мнѣ руку.

— Good bye! Good bye!

Выходъ императора изъ воротъ дворца.

XVI. Населенность. Административное дѣленіе.

Статистика Кореи съ незапамятныхъ временъ находится въ рукахъ особыхъ мѣстныхъ чиновниковъ „ѣчжѳнъ“,—правительственныхъ статистиковъ. Мѣстныя управленія обязаны были доставлять центральному правительству каждые три года списки населенія и пахотныхъ земель. Въ результатѣ этой системы получилось полное отсутствіе точныхъ свѣдѣній о количествѣ населенія и пространствѣ воздѣланныхъ земель полуострова. Въ 1897 году правительство рѣшило произвести общую перепись населенія по европейскому образцу, но такъ какъ опять поручило дѣло тѣмъ же „ѣчжѳнъ“ и провинціальнымъ властямъ, то въ сущности ничего не узнало. Чиновники съ замѣчательнымъ единодушіемъ доставили прежнія свѣдѣнія, въ общемъ итогѣ 5.198.248 душъ обоого пола, что составляетъ на *одну треть* меньше, чѣмъ количество, отмѣченное въ спискахъ населенія 300 лѣтъ тому назадъ ¹⁾.

Причиной такого небывалаго уменьшенія населенія было обстоятельство, связанное съ системой распредѣ-

¹⁾ „Korean Repository“, 1898, p. 30.

ленія и взноса въ казну податей. Мѣстная администрація обязана уплачивать въ Сеулъ сумму, строго пропорціональную количеству населенія и опредѣленную по ея же спискамъ; весь излишекъ оставался у нея на рукахъ и шелъ на мѣстныя нужды или исчезалъ въ карманахъ сплоченныхъ и прекрасно организованныхъ казнокрадовъ. Надо удивляться, что при такихъ порядкахъ не всѣ еще жители исчезли изъ чиновничьихъ отчетовъ.

Частныя вычисленія разныхъ путешественниковъ и независимыхъ изслѣдователей даютъ цифры, колеблющіяся между 7¹/₂ милліонами душъ (Ch. Dallet) и 28-ю милліонами, приведенными самими корейцами въ книгѣ „Манъ-гук-чжонъ-бюнъ“, изданной на счетъ правительства въ 1885 году ¹⁾.

Я самъ склоненъ признать за ближайшее къ истинѣ количество населенія Кореи, приведенное И. Б. Бишопъ, а также В. Гриффисомъ и японскими изслѣдователями, не только потому, что эти лица дали лучшія и достовѣрнѣйшія описанія Кореи, но и по нѣкоторымъ личнымъ соображеніямъ. Большинство посѣщенныхъ мною мѣстностей показались мнѣ въ такой же степени на-

¹⁾ Вотъ цифры, касающіяся этого вопроса: Davelny (Nouv. Ann. des Voyages 1849 а., р. 306; годъ переписи 1763)—7.342.361 д.; Ch. Dallet (Histoire de l'Eglise de Corea, 1874 а.; годъ переписи 1844)—7.500.000; W. E. Griffis (Corea—the Hermit Nation)—12.000.000; C. Gottsche (Verh. d. Ges. f. Erdk. zu Berlin, XIII, р. 260)—10.520.000; „Japan Daily Herald“, 1885 у., Feb. 9)—10.518.937; Вебель (Повѣдка въ Корею въ 1889 г., стр. 161)—16.000.000 д.; H. N. Allen (A true story of Korea. „Kor. Repos.“ 1892 у., р. 278)—16.000.000 д.; I. B. Bishop (Korea and Her Neighbours. vol. II, р. 211)—12.000.000 д. об. пола.

селенными, какъ самые многолюдные округа Галиціи и Царства Польскаго. Если примемъ минимальную густоту этого населенія въ 100 душъ на кв. килом. и помножимъ это число на пространство полуострова (223.523 квадр. кил. по Стрѣльницкому) съ вычетомъ 50% пустынныхъ земель, горныхъ хребтовъ и сѣверныхъ лѣсовъ, то получимъ именно 12.000.000 душъ обоого пола.

Гуще всего заселена средняя часть полуострова, затѣмъ южная его оконечность. Къ сѣверу заселенность слабѣетъ, на востокъ—больше, чѣмъ на западѣ. У границъ Маньчжуріи немногочисленные селенія и городишки разсыпаны небольшими группами среди совершенно пустынныхъ хребтовъ, ущелій и лѣсовъ.

Густота населенія различныхъ частей Кореи, выраженная частнымъ, полученнымъ отъ раздѣленія общаго количества жителей на пространство данной провинціи, не представляетъ никакого научнаго интереса и ничего не выражаетъ, такъ какъ, благодаря характеру корейскихъ горъ и корейской почвы, плодородныя и чрезвычайно густо заселенныя долины прилегаютъ непосредственно къ совершенно пустыннымъ и даже непосѣщаемымъ дебрямъ, не хуже сибирскихъ. Густоту населенія Кореи слѣдуетъ опредѣлять исключительно въ предѣлахъ занятой подъ земледѣльческую обработку территоріи, къ чему до сихъ поръ не сдѣлано ни малѣйшей попытки. Итакъ, нужно сознаться, что о количествѣ населенія и его распредѣленіи въ Корей мы знаемъ чрезвычайно мало.

Въ концѣ XIV столѣтія основатели нынѣ царствующей династіи раздѣлили Корею на восемь провинцій (до). Такъ какъ у всѣхъ ихъ ясно выражены естествен-

ныя границы и такъ какъ многія изъ нихъ образовали нѣкогда удѣльные княжества, то можно предполагать, что упомянутое подраздѣленіе много древнѣе и было только признано новымъ правителемъ. Въ 1895 году была сдѣлана попытка ввести новое подраздѣленіе на 23 округа (пу), состоящихъ собирательно изъ 337-ми уѣздовъ (купь); но это нововведеніе не отвѣчало, очевидно, административнымъ потребностямъ страны, такъ какъ вскорѣ было отмѣнено и прежнія провинціи были опять возвращены съ устройствомъ въ пяти изъ нихъ подраздѣленій на сѣверныя (пукъ) и южныя (намъ), такъ что въ настоящее время существуетъ въ Корей 13 провинцій, состоящихъ изъ 341 уѣздовъ (пу, мокъ) и округовъ (кунъ).

Непосредственно къ маньчжурской границѣ прилегаютъ и выполняютъ сѣверную часть Кореи оба подраздѣленія провинціи Хамъ-гіён-до и сѣверная Пхіёнъ-ан-до. Главный городъ сѣверной Хамъ-гіёнъ-до, Кіёнъ-сіёнъ, лежитъ въ долинѣ рѣчекъ Ха-сан-до и Тёк-сан-чжіонъ (Оцо-кен-мури), въ 3-хъ верстахъ отъ берега Японскаго моря и 150-ти верстахъ отъ русской границы. Городъ окружёнъ стѣной, имѣетъ 15.000 населенія и славится своими мѣдными издѣліями. Хамъ-хынъ, главный городъ южной Хамъ-гіён-до, былъ раньше главнымъ городомъ всей провинціи, а раньше, въ VIII столѣтіи, былъ столицей государства Бо-хай; городъ находится не на самомъ морскомъ берегу, а въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ него, надъ рѣчкой Сіён-чжіонъ-ганъ, доступной только для мелкихъ судовъ. Торгуетъ онъ, главнымъ образомъ, желѣзомъ, пенькой, мѣхами, золотомъ, построенъ на китайскій ладъ, окружёнъ толстой, высокой стѣной, имѣетъ жи-

телей слишкомъ 30.000 душъ, отстоятъ отъ Гензана всего на 100 верстъ. Вдоль морского берега на всемъ протяженіи отъ пограничнаго съ Уссурійскимъ краемъ городка Кіёнъ-хынъ идетъ довольно удобная, торная дорога, которая въ Гензанѣ поворачиваетъ вглубь полуострова къ Сеулу.

Сѣверная Пхіёнъ-ан-до занимаетъ западное побережье Кореи; ея главный городъ Іёнъ-біёнъ (Іёнъ-піонъ) лежитъ вдали отъ моря, на пути изъ столицы въ Ый-чжу. Самый городъ Ый-чжу (Ви-чжю) представляетъ болѣе важный стратегическій и торговый пунктъ провинціи, хотя онъ и считается уѣзднымъ. Онъ лежитъ недалеко отъ устья р. Амнокъ-канъ (Ялу) и долгое время служилъ единственнымъ дозволеннымъ мѣстомъ товарнаго обмѣна между Китаемъ и Кореей. Предметами вывоза главнымъ образомъ служили: жень-шень, золото, кожи, мѣха; ввозили же сюда китайцы шелкъ и бумажныя ткани. Ый-чжу сыгралъ не малую роль въ японо-китайскую и настоящую войну какъ ключъ всего нижняго теченія Ялу. Въ Ый-чжу около 10.000 жителей, и отсюда идетъ въ Сеулъ лучшая въ Корей дорожка чрезъ Пхіёнъ-янъ, главный городъ южной Пхіёнъ-ан-до, нѣкогда главный городъ всей провинціи и еще раньше (отъ IV до VII столѣтія)—столица государства Ко-гу-ріо. Въ Пхіёнъ-янѣ было до войны 1894 г. 12.000 домовъ и 60.000 жителей; послѣ происшедшей тогда бомбардировки, пожара и холеры городъ сильно уменьшился и оскудѣлъ. Онъ лежитъ надъ крупной, судоходной рѣкой Тѣ-донъ-ганъ, открытъ для міровой торговли и соединенъ телеграфомъ со столицей. Въ немъ находятся миссіонерскія общества, японское консульство, многочисленныя историческія достопримѣчательности.

Между прочимъ, въ окрестностяхъ Пхіонъ-яна находится могила сказочнаго китайскаго эмигранта Ки-цза, основателя государства Ко-гу-ріо (за 1100 лѣтъ до Р. Х.). На его могилѣ, сооруженной въ китайскомъ вкусѣ и снабженной китайскою надписью, стоятъ изваянія законодателей и воиновъ да рядъ овецъ, животныхъ, неизвѣстныхъ теперь въ Корей. 60 „и“ (30 верстъ) отъ города, въ утесѣ Кё-ріонъ, находится рядъ сталактитовыхъ пещеръ „Ка-су“, гдѣ прятались во время непріятельскихъ нашествій окрестные жители ¹⁾.

Южная Пхіонъ-ан-до цѣликомъ занимаетъ самый узкій перехватъ удлиненнаго Корейскаго полуострова, отдѣляющій сѣверную его часть отъ южной. Провинція эта занимаетъ западное побережье; въ томъ же мѣстѣ, на востокѣ, за высокою стѣной Алмазныхъ горъ, тянется вдоль Японскаго моря провинція Хамъ-гюнъ-до.

Къ Пхіонъ-ан-до съ юга прилегаетъ провинція центральной Кореи Хоанъ-хадю, къ которой принадлежатъ и многочисленные острова Желтаго моря. Въ ея главномъ городѣ Ха-чжю (Хай-чжю)—15.000 жителей; городъ построенъ, какъ большинство административныхъ центровъ прежняго времени, далеко отъ морскаго берега во избѣжаніе нападенія пиратовъ.

Далѣе къ югу, гдѣ Желтое море дѣлаетъ глубокую выемку въ материкъ полуострова, расположилась столичная провинція Кіонъ-гый-до. Провинціальное управленіе находится въ городѣ Су-уонъ въ 40 верстахъ отъ Сеула, который исключенъ изъ вѣдѣнія провинціальныхъ властей и образуетъ самостоятельную административную единицу. Сеуль, или Сеуръ, что значитъ

¹⁾ „Korean Repository“. 1898, p. 252.

„большой городъ“, официально зовется Хань-сіонъ, или Хань-янъ,—крѣпостью рѣки Хань. Въ Сеулѣ перенесъ свою столицу изъ Кй-сіона (Соп-до) основатель нынѣ царствующей династіи въ XIV столѣтіи. Сеулъ окруженъ каменной стѣной въ 20 верстъ длиной; въ немъ—220.630 жителей, 45.393 дома, два императорскихъ дворца—Старый (Тонъ-гоанъ) и Новый (Кіонъ-бо-гунъ), храмъ Конфуція, храмъ Неба, храмъ бога Войны (Коанъ-уёнъ-цзанъ), храмъ въ честь убитого своимъ отцемъ принца Изанъ-хёнъ (прадѣда царствующаго нынѣ императора), храмъ Юк-сан-гунъ въ честь матери короля Іонъ-цзонъ и множество менѣ замѣчательныхъ храмовъ, дворцовъ и гробницъ. Изъ дворцовъ слѣдуетъ еще упомянуть о Намъ-біоль-гунъ, гдѣ нѣкогда останавливались китайскіе уполномоченные и куда пріѣзжалъ ихъ встрѣчать корейскій король въ знакъ своей вассальной зависимости отъ китайскаго императора. Тамъ же была построена въ 1895 году арка „Независимости“ (Тонъ-нинъ-мунъ). Сеулъ является средоточіемъ государственной власти, имѣетъ собственную администрацію, во главѣ которой стоитъ „пханъ-юнъ“ съ правами губернатора. Чрезъ городъ протекаетъ болотистая рѣчушка, притокъ рѣки Хань, проплывающей въ разстояніи 5-ти верстъ отъ города у деревни Іонгъ-санъ, гдѣ недалеко желѣзнодорожный мостъ.

На востокъ отъ столичной провинціи Кіонъ-гый-до, за хребтомъ главной горной цѣпи вытянулась вдоль морскаго берега провинція Канъ-уёнъ-до съ главнымъ городомъ Чюнъ-чюнъ, небольшимъ мѣстечкомъ съ 3.000 населенія. Этотъ край, плодородный, земледѣльческій, входилъ нѣкогда въ составъ государства Силла, управлявшаго всей Кореей отъ VII до IX столѣтія. Вторую

половину государства составляли провинціи сѣверная и южная Кіюнъ-санъ-до. Блестящая столица Силлы Кіюнъ-чжю (древній Со-я-боль) находится на юго-востоку сѣверной провинціи недалеко отъ морскаго берега; въ XVI столѣтіи городъ Кіюнъ-чжю былъ разрушенъ японцами; теперь это—маленькій уѣздный городокъ. Главный городъ этой провинціи Тѣ-гу замѣчательнъ развѣ жестокимъ избіеніемъ христіанъ, которое произошло здѣсь уже въ наше время. Главнымъ городомъ южной провинціи остается Чжю-чжинъ. Много больше интереса и значенія представляютъ Фузанъ и Мозампо, находящіеся въ той же провинціи.

Насупротивъ этихъ провинцій, у западнаго морскаго берега, за горнымъ хребтомъ, который разрѣзаетъ здѣсь полуостровъ пополамъ, лежатъ четыре провинціи: сѣверная и южная Чюнъ-чюнъ-до и сѣверная и южная Чжіолла-до. Всѣ онѣ образовали нѣкогда самостоятельное государство Пѣк-чжѣе (кит. Бо-цзи). Главный городъ первой — Чюнъ-чю, а второй — Кон-чжю—самые обыкновенные корейскіе городишки, окруженные стѣной. Главные города Чжіолла-до (сѣверный—Чжіонъ-чжю и южный—Коанъ-чжю) едва заслуживаютъ упоминанія. Въ южномъ Чжіолла-до находится быстро развивающійся, открытый для международной торговли портъ Мок-пхо; въ сѣверномъ Чжіолла-до существуетъ такой же портъ Кунъ-санъ.

Многочисленные острова, которыми изобилуютъ западные берега Кореи, причисляются номинально къ прилежащимъ имъ провинціямъ материка, но въ сущности пользуются большою независимостью. Они населены интересными племенами, часто совершенно отличными отъ населенія полуострова, и сохранили многіе

древніе обычаи и вѣрованія. Особеннаго вниманія достойны жители острововъ Линдсай (Ань-минъ-до), въ заливѣ Шоаль (36°30' сѣв. шир. и 126°20' вост. дол.), въ провинціи Чюнь-чжіонъ-до, которыхъ считаютъ за остатки аборигеновъ всей Кореи. Зовутъ они себя „чоухоу“, говорятъ особымъ діалектомъ. Изъ другихъ острововъ заслуживаетъ вниманіе Квельпартъ (Чжіе-чжю) съ населеніемъ 100.000 душъ; отдѣльное управленіе острова и таможенные чиновники находятся въ городѣ Чжіе-чжю, гдѣ проживаетъ 25.000 жит. въ 1.200 домахъ.

Привожу, небезинтересные для будущихъ изслѣдователей, результаты всеобщей правительственной переписи 1897 г., съ той оговоркой, что общее количество населенія, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ въ два съ половиною раза больше показаннаго количества и что число домовъ должно въ среднемъ отвѣчать 5—8 душамъ на жилое зданіе. И. Б. Бишопъ сообщаетъ, что въ 70, осмотрѣнныхъ ею на угадъ корейскихъ домахъ, находилось въ среднемъ около 8 лицъ. Я лично не встрѣчалъ ни одного жилища, гдѣ бы было меньше, чѣмъ 5 жильцовъ, а во многихъ было ихъ значительно больше, такъ какъ бѣдные родственники, особенно старыя вдовы, обыкновенно устраиваются въ семьяхъ своихъ родственниковъ. Въ отчетахъ по переписи бросается также въ глаза огромное преобладаніе лицъ мужского пола, что, по всей вѣроятности, происходитъ отъ большей легкости скрываться для женщинъ, такъ какъ родственники даютъ о нихъ свѣдѣнія заочно, а чиновники не смѣютъ проникнуть для провѣрки на женскую половину дома: послѣдній обычай очень удобенъ для хитрыхъ „а́чжонъ“ и поэтому свято соблюдается ими.

Названіе провинціи (до)	Количество уѣздовъ.	Количество па- хотной земли въ кіоь (*).	Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.	Количество жителей до- мовъ.	Колич. жиль- цовъ въ домахъ.
Сеулъ (городъ) . . .	—	— —	115.447	104.368	219.815	45.350	4+
Кіюнь-чый-до. . .	28	71.905	352.863	291.367	644.230	167.230	3+
Сѣвер. Чюнь-чій-до . .	17	42.274	147.330	132.372	279.702	72.313	3+
Южная " " . . .	37	87.917	215.058	171.869	386.927	114.793	3+
Сѣвер. Чжілла-до. . .	36	106.263	189.780	150.342	340.122	97.815	3+
Южная " " . . .	33	145.980	199.791	166.299	366.090	104.918	3+
Сѣвер. Кіюнь-санъ-до.	41	118.739	306.854	242.959	549.813	149.592	3+
Южная " " . . .	30	93.329	261.499	199.533	461.032	126.972	3+
Хоанъ-хъ-до.	24	87.476	184.456	151.059	335.515	93.550	3+
Южная Пхіюнь-анъ-до .	24	62.736	198.331	168.910	367.241	96.406	3+
Сѣвер. " "	21	40.120	198.987	158.205	357.192	86.888	4+
Канъ-уёнъ-до	26	20.756	142.203	111.897	254.100	75.853	3+
Южная Хамъ-чюнь-до .	14	56.742	208.068	177.384	385.452	59.074	6+
Сѣвер. " "	10	43.122	148.900	101.897	250.797	41.187	6+
Итого	340	977.351	2.869.767	2.328.481	5.198.028	1.332.501	3+

*) Кіоь представляет саомытнуну, но не совсѣмъ точную зе-
мельную мѣру; она подраздѣляется на 100 пу; 1 пу содержитъ
1000 сіюкъ, 1 сіюкъ-10.000 пха. Пха это пространство поля, могу-
щее взростить горсть рисовой жатвы; сіюкъ даетъ одинъ снопы
риса, пу—одну ношу жатаго риса (вмѣстѣ съ соломой), ношу по-
сильную для человѣка (120—140 фун.). Сводъ законовъ Тѣ-чюнь-
тхонъ-пхіюнь подраздѣляетъ пашни на 6 классовъ, сообразно пло-
дородности почвы: I клас.=5.654,4 квад. саж., II клас.=6.651,3 кв. саж.
III клас.=8.064,9 квад. саж., IV клас.=9.267,2 квад. саж., V клас.=
=14.096 квад. саж., VI клас.=22.617,6 квад. саж.

XVII. Народное хозяйство. Промышленность и торговля.

Въ Корей, какъ и въ другихъ восточныхъ государствахъ, земля считается собственностью императора. Въ дѣйствительности она находится въ частномъ владѣніи многочисленнаго крестьянскаго сословія. Всякій кореецъ можетъ приобрести землю троякимъ путемъ: 1) покупкой у прежняго собственника; 2) путемъ наслѣдованія; 3) наконецъ, путемъ захвата и обработки участковъ пустопорожныхъ, дѣвственныхъ, гдѣ нѣтъ и не было никогда могилъ и строеній. Кто владѣлъ безспорно землей пять лѣтъ, тотъ дѣлается ея законнымъ собственникомъ; въ приморскихъ полосахъ срокъ этотъ продолженъ до 10-ти лѣтъ. Первые три года новосель свободенъ совершенно отъ налоговъ; платежи взимаются только съ четвертой жатвы. Съ того времени участокъ вносится въ податные списки подъ особый номеръ, гдѣ точно описаны его размѣры, свойства почвы и положеніе. Тамъ нѣтъ только имени его собственника. При продажѣ пишется договоръ съ указаніемъ податнаго номера, къ которому присоединяются прежніе акты о продажѣ и переуступкѣ земли, разъ

они существовали. Никакихъ записей землевладѣльцевъ не производилось до 1895 года, когда корейское правительство издало новый законъ, обязующій мѣстныя власти къ составленію именныхъ списковъ и отмѣчанію въ нихъ всякихъ измѣненій. Въ Корей преобладаетъ мелкая земельная собственность; немногочисленные болѣе крупные собственники рѣдко сами воздѣлываютъ землю; обыкновенно они сдаютъ ее въ аренду за небольшую плату и половину сбора, разъ собственникъ кромѣ земли доставляетъ арендатору и сѣмена ¹⁾).

Благодаря умышленному корыстному искаженію мѣстными чиновниками поземельныхъ списковъ невозможно опредѣлить точно размѣровъ поземельной собственности и земледѣльческихъ округовъ. Въ сѣверной Корей средній размѣръ участка достигаетъ 5 кіоль на семью (около 12-ти десятинъ) ²⁾, въ южной онъ въ половину меньше. Цѣнность отдѣльныхъ хозяйствъ колеблется, по словамъ автора статьи „He is farmer“, отъ 500 до 4.000 корейскихъ долларовъ ³⁾. М. Поджіо полагаетъ, что размѣры крестьянскихъ хозяйствъ во многихъ мѣстностяхъ не превышаютъ 2-хъ гектаровъ (двухъ съ небольшимъ десятинъ) ⁴⁾. Опредѣлить доходы корейскаго мужика еще труднѣе; болѣе точно мы знаемъ только, сколько онъ платитъ. Въ южныхъ богатыхъ провинціяхъ съ него взыскиваютъ въ казну за

¹⁾ I. B. Bishop, *ibid.*, p. 78. На кіоль перваго класа (5,654⁵ квад. сажень) высѣваютъ корейцы 458⁵ фунта риса (авт.).

²⁾ „Описаніе Кореи“, ч. II, стр. 119.

³⁾ „Korean Repository“, 1898, p. 234

⁴⁾ М. Поджіо (нѣмецк. перев.), стр. 64.

одинъ кіѡль отъ 3-хъ до 6-ти корейскихъ долларовъ ¹⁾; въ сѣверныхъ бѣдныхъ провинціяхъ берутъ съ кіѡль отъ 0,40 до 3-хъ долл.; кромѣ того, всякое отопляемое зданіе уплачиваетъ подымное (0,60 долл.); съ воздѣлываемаго табаку, жень-шеня, ситника для цыновокъ земледѣлецъ уплачиваетъ довольно высокій акцизъ; онъ уплачиваетъ его за ловлю морскихъ водорослей, за варку соли, за ловлю рыбы, за собираніе топлива, за потребленіе мяса и т. д. Вдобавокъ каждое кіѡль обложено 200 пхунъ (40 коп.) сбора на содержаніе мѣстныхъ чиновниковъ. Все это—законные и прямые налоги; въ дѣйствительности же корейскій мужикъ платитъ много больше,—платитъ столько, сколько въ состояніи выжать изъ него чиновники въ данное время и въ данной мѣстности.

Большую роль въ народномъ хозяйствѣ Кореи играетъ кустарная промышленность, доставляющая корейскому крестьянину все необходимое. Фабрикъ и заводовъ до сихъ поръ въ Корей не было. Не только деревянные и кожевенные издѣлія, спиртные напитки, краски, всякаго рода ткани выдѣлывались крестьянами для себя и на продажу на дому, но даже металлические предметы, чугунные и мѣдные котлы, бумага, фарфоръ, горшки и т. п. производятся мелкими кустарями, полужемледѣльцами.

Бумага занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ домашнемъ хозяйствѣ корейца; изъ нея выдѣлываютъ они всевозможныя вещи, начиная отъ вѣровъ и кончая на зонтикахъ, дождевыхъ, непромокаемыхъ пла-

¹⁾ Корейскій долларъ—японскому іену, послѣдній равняется 98-ми к. (до войны).

щахъ, женскихъ юбкахъ, чемоданахъ и... паркетахъ. Тонкая, крѣпкая бумага замѣняетъ имъ оконное стекло; скрученные въ жгуты волокнистые ея сорта замѣняютъ бечевки, а толстый крѣпкій сортъ ея служить для мѣшковъ, упаковки и всякихъ обертокъ. Корейская бумага считается лучшей въ этомъ уголкѣ Востока и высоко цѣнится даже въ Китаѣ и Японіи. Въ сущности это—особый родъ ткани, сваляной изъ длинныхъ растительныхъ волоконъ и склеенной извѣстнымъ образомъ. Есть сорта бумаги до того крѣпкіе, что на большихъ ея листахъ можно переносить людей, точно на коврахъ. Лучшіе сорта бумаги получаютъ изъ лыка шелковичнаго дерева и дерева бумажнаго (*brussonetia papyrifera*). Молодые побѣги этихъ растеній, удлинненные специальной культурой, подвергаются продолжительному вывариванію, отчего кора сходитъ съ нихъ цѣликомъ; затѣмъ ее превращаютъ въ папку продолжительнымъ промываніемъ и толченіемъ въ ступахъ. Для проклейки массы прибавляютъ корейскіе мастера порошокъ растенія „чуань-гунъ“ (*levisticum*) или соку растенія изъ семейства *actinidia colomixta* и такъ приготовленное тѣсто выливаютъ въ бамбуковыя формы. Болѣе толстые сорта бумаги выдѣлываются путемъ склеиванія отдѣльных листовъ, затѣмъ ихъ плотно сбиваютъ деревянными валиками на подобіе войлока. Непромокаемая бумага проклеивается сокомъ папоротника и масломъ изъ сѣмянъ *Perilea* или сокомъ плодовъ „каки“¹⁾. Я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ превосходныхъ

¹⁾ Японцы употребляютъ бумагу, насыщенную сокомъ „каки“, для обертыванія консервовъ; свѣжее масло, мясо, рыба пересылаемые въ корзинахъ, вымазанныхъ сокомъ „каки“, даже въ тепло труднѣе подвергаются порчѣ.

качествахъ этого непромокаемаго матеріала, употребляемаго туземцами на чехлы, зонты и плащи. Онъ много лучше нашихъ гуттаперчи и клеенки, которымъ не уступаетъ въ крѣпости, а превосходитъ ихъ легкостью, дешевизной и воздухопропускаемостью. Бумажные паркетъ принадлежатъ къ предметамъ роскоши и встрѣчаются главнымъ образомъ въ императорскихъ дворцахъ. Они состоятъ изъ кусковъ очень твердаго, очень плотнаго, разноцвѣтнаго картона. Но даже зажиточные крестьяне охотно выклеиваютъ у себя полы толстой, крѣпкой какъ пергаментъ бумагой, прекрасно моющейся и очень пріятной въ прикосновеніи. Существуютъ во многихъ городахъ и буддійскихъ монастыряхъ незначительные бумажные заводы, но большая часть обращающейся среди населенія бумаги выдѣлывается крестьянами домашнимъ образомъ. Въ Сеулѣ существуетъ близъ Сѣверныхъ воротъ кварталъ бумажныхъ кустарей, а въ 7-ми верстахъ въ Янъ-хоа-чжинъ основанъ казенный заводъ, выдѣлывающій великолѣпные высшіе сорта бумаги для казенной надобности. Есть указаніе, что первый король нынѣ царствующей династіи уже въ XIV стол. устроилъ въ Сеулѣ бумажную фабрику ¹⁾).

Сильнѣе всего специализировалось корейское литейное и горшечное дѣло. Въ Корей залегаютъ отличные сорта мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ. Мѣстныя желѣзныя издѣлія пользуются заслуженною славой; особенно цѣнятся китайцами, даже русскими Уссурійскаго края, чугуныя корейскіе котлы. Выплавку чугуна производить туземцы въ невысокихъ (1¹/₂ метра) пе-

¹⁾ М. Поджіо. По „Описанію Кореи“, ч II, стр. 196.

чахъ съ поддувалами. Изъ мѣди выдѣлываютъ корейцы кухонную посуду, кувшины, тарелки и деньги. На базарѣ въ Сеулѣ мнѣ попадались желѣзные ящички съ выпуклою рѣзбой довольно грубой работы; ихъ выдавали за специально корейское издѣліе и запрашивали сказочныя цѣны.

Серебрянники и золотыхъ дѣлъ мастера отсутствуютъ въ Корей благодаря запрету на драгоценныя украшенія, наложенному 400 лѣтъ тому назадъ. Но серебряныхъ рудъ и золотоносныхъ россыпей въ Корей много и хорошаго качества. Признаки золота находятся по всему почти полуострову, лучшими же пріисками считаются сѣверные. Разрабатывается ихъ въ настоящее время всего 169. Моютъ золото корейцы самымъ примитивнымъ образомъ въ небольшихъ лоткахъ въ проточной водѣ; поднимаютъ только богатые и ближайшіе къ поверхности пласты. Идетъ золото главнымъ образомъ на границу, въ Китай и Японію, куда его вывозъ растетъ изъ года въ годъ. За трехлѣтіе отъ 1890 по 1892 г., — время самага сильнаго упадка корейской золотопромышленности, — вывезено изъ полуострова золота на сумму 2.298.918 долл., между тѣмъ, какъ въ послѣднее трехлѣтіе (1900—1901—1902 г.) вывезено его на 13.690.507 долл.; изъ этого количества въ Китай — на 764.625 долл., а въ Японію — на 12.926.881 долл. Количество золота, вывозимое въ Японію, нѣкогда равное вывозу его въ Китай, въ настоящее время превышаетъ его *шестнадцать разъ*. Большой и быстрый ростъ добычи золота на полуостровѣ нужно приписать дѣятельности японскихъ и американскихъ золотопромышленныхъ обществъ, которыя примѣнили въ разработкѣ россыпей современные инженерныя пріемы и

машины. Цѣны на корейское золото колебались около 2-хъ долл. за граммъ, въ зависимости отъ времени года и мѣстности происхожденія металла. Китайцы отдають предпочтеніе золоту изъ провинці Хамъ-гюн-до. Добыча золота до недавняго времени была въ Корей воспрещена подъ угрозой смертной казни и производилась вездѣ въ строжайшей тайнѣ; съ 1894 г. она разрѣшена всѣмъ, кто согласится вносить въ казну 2,6 грам. золота ежемѣсячно отъ работника безотносительно къ количеству намытаго имъ металла. Но такъ какъ всякія сношенія съ чиновниками сопряжены въ Корей съ безчисленными придирками, тратой времени, непріятностями и безконечными вымогательствами, то туземцы и по сейчасъ предпочитаютъ мыть золото тайкомъ.

Горшечное и фарфоровое производства стояли когда-то въ Корей очень высоко, служили за образецъ и даже положили начало японской керамикѣ. Выдѣлку фарфоровой посуды, по преданію, занесли въ имперію Восходящаго Солнца корейскіе эмигранты въ I вѣкѣ по Р. Х. Прекрасные образцы древне-корейскаго фарфора представляютъ въ настоящее время большую рѣдкость и отыскиваются изрѣдка только въ старинныхъ гробницахъ. Тѣ, которые мнѣ удалось видѣть, покрыты были блѣдной зеленоватой или изсѣра-голубой глазурью, совершенно гладкой или расписанной нѣжнымъ, тонкимъ узоромъ. Нѣкоторыя вазы покрыты мозаикой изъ цвѣтныхъ камешковъ, залитыхъ поверхъ прозрачною глазурью. Говорятъ, что извѣстный въ свое время саксонскій фарфоръ подражалъ древне-корейскимъ издѣліямъ, доставленнымъ въ Европу какъ японскія. Въ настоящее время корейскій фарфоръ счи-

тается худшимъ и грубѣйшимъ на Востокѣ. Горшечное дѣло тоже стоитъ очень низко. Бродячіе горшечники ходятъ изъ деревни въ деревню и, найдя гдѣ-либо заказъ, отыскиваютъ глину, копаютъ яму, устанавливаютъ въ ней первобытный горшечный станокъ, колесо,двигаемое ногами, сидящаго на краю ямы, мастера. Мастерскую довершаетъ не менѣе первобытная обжигательная печка и шалашъ-жилъе. Заводъ дѣйствуетъ, пока не удовлетворитъ окрестнаго спроса, затѣмъ снимается и отправляется дальше.

Точно такъ же путешествуютъ въ свободное отъ полевыхъ занятій время и другіе ремесленники: столяры, бочары, кожевенники, корзинщики и т. п. Всѣ они несутъ свои инструменты и готовые уже издѣлія на спинахъ, усердно посѣщаютъ деревенскія ярмарки и останавливаются на болѣе продолжительное время въ селеніяхъ и городахъ по требованію населенія.

Но кромѣ этихъ отхожихъ ремесленниковъ-специалистовъ есть во всякой деревушкѣ крестьянскія семьи, гдѣ разныя рукодѣльныя знанія и необходимые для нихъ инструменты наследуются изъ поколѣнія въ поколѣніе и куда односельчане привыкли обращаться въ случаѣ нужды, неумѣнія справиться съ бѣдой лично или недостатка собственнаго времени.

На морскомъ берегу я наблюдалъ еще одинъ вспомогательный крестьянскій промыселъ, именно варку морской соли. На низменныхъ берегахъ, заливаемыхъ приливомъ, устроены низенькія плотины, способныя удерживать воду. Тоненькій слой ея, запертый на плоскости, отчасти испаряется на солнцѣ, отчасти поглощается разрыхленной нарочно бороньбой почвой. Процессъ насыщенія ила солью повторяется нѣсколько разъ,

пока онъ не превратится въ бѣловатую тину, которую собирають и выщелачивають морскою водою въ бассейнахъ, покрытыхъ слоемъ соломы и хвороста. Разсолъ затѣмъ отпаривають кипяченіемъ въ плоскихъ чугунныхъ чанахъ. Соль корейскаго изготавленія плоха, грязна и горька, много хуже добываемой такимъ же образомъ японской соли.

Понятно, что и этотъ жалкій и тяжелый промыселъ обложенъ не хуже другихъ высокой пошлиной: каждый котель уплачиваетъ ежегодно казнѣ четыре мѣшка соли ¹⁾).

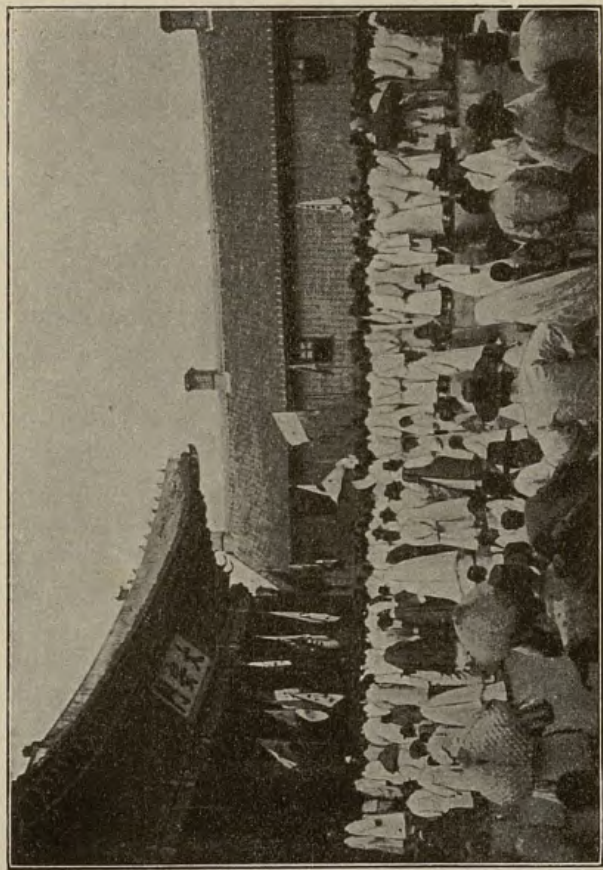
Лѣсной промыселъ въ большей части Кореи отсутствуетъ по недостатку лѣсовъ; тамъ же, гдѣ они есть, эксплуатація ихъ или была отдана иностранцамъ, въ послѣднее время главнымъ образомъ русскимъ, или оставалась втунѣ благодаря сквернымъ дорогамъ, недоступности, безлюдію, тиграмъ и разбойникамъ. Поэтому-то сплавъ строительныхъ матеріаловъ въ сѣверной Корей совсѣмъ не обложенъ податію, между тѣмъ какъ собираніе хвороста и выжиганіе изъ него угля оплачиваетъ во всей странѣ постоянную, опредѣленную и довольно высокую подать.

¹⁾ Малый мѣшокъ (хое)=15 ту, 1 ту=26-ти литрамъ. Мѣшокъ вообще, какъ мѣра, называется по-корейски „кокъ“, японское— „коку“. Большой мѣшокъ (сіюмъ или пхю)=20 ту. Казенный ту, какимъ полагается взимать подати, имѣетъ форму усѣченной пирамиды высотой 0,13 метр. съ 0,27 м. длиною боковъ одного основанія и съ 0,25 м. длиною боковъ другого. Торговый ту три раза больше казеннаго. Чиновники взимають подати „торговымъ“ ту, а сдаютъ ихъ казнѣ „казеннымъ“.

Кромѣ золота, серебра, желѣза, мѣди находится въ Корей много другихъ цѣнныхъ рудъ и минералловъ, которыхъ количество и качество не были до сихъ поръ достаточно точно изслѣдованы. Мѣшали этому согласно правительству, чиновники и народъ, боявшіеся новыхъ нашествій вооруженныхъ иноземцевъ-грабителей. Извѣстно во всякомъ случаѣ, что кромѣ 169-ти разрабатываемыхъ золотыхъ розсыпей есть много еще нетронутыхъ, что есть въ Корей болѣе 20-ти залежей серебро-содержащаго свинцоваго блеска, 40 копей желѣза, 24 мѣсторожденія мѣди, три рудника олова, два рудника ртути, три марганцовыя копи, много ломей мрамора и извѣстняка, годнаго на цементъ; наконецъ, 19 каменноугольныхъ копей и историческія указанія въ китайскихъ лѣтописяхъ на источники нефти, жидкости „ши-ю“, употреблявшейся нѣкогда въ медицинѣ, для освѣщенія и приготовленія черной краски.

До тѣхъ поръ, пока Корея не научится надлежащимъ образомъ пользоваться всѣми этими богатствами, главными ея цѣнностями останутся все-таки земледѣльческіе продукты: рисъ, бобы, горохъ, жень-шень, просо и другіе хлѣба и корнеплоды. Производство ихъ и торговля ими составляютъ въ настоящее время основную ось народнаго хозяйства.

Рельефъ Корей, раздѣленный на безконечное число обособленныхъ долинъ, очень благопріятствовалъ развитію въ ней мелкой хозяйственной единицы на китайскій образецъ съ широкимъ примѣненіемъ во всѣхъ отрасляхъ производства домашней и кустарной организаціи. Отчаянные пути сообщенія, частые и неожиданные разливы горныхъ рѣчушекъ, полосы пустынныхъ горныхъ хребтовъ, населенныхъ хищными звѣ-

Демонстрація корейських коробейниківъ (пу-санъ) передъ воротами императорскаго дворца въ Сеулѣ.

рями и разбойничьими шайками, наконецъ, алчность и гнѣтъ жестокихъ чиновниковъ заставляли всякую долину, всякую въ ней деревушку стремиться къ удовлетворенію потребностей своими силами, къ замкнутости, къ самоограниченію, къ тщательному скрыванію своихъ богатствъ и преимуществъ. Торговля развилась болѣе значительно только на морскомъ берегу да въ долинахъ немногихъ судоходныхъ рѣкъ, наконецъ, въ окрестностяхъ столицы и большихъ городовъ, представляющихъ рынки сбыта для прилегающихъ мѣстностей. Остальныя части страны удовлетворялись тѣми скудными товарами, какіе доставляли имъ безчисленные коробейники (пу-санъ) или какіе попадали съ купеческими крупными караванами на рынки ближайшихъ городовъ. Торговля велась главнымъ образомъ мѣновая, денежный оборотъ былъ крайне слабъ и затрудненъ неудобной, грузной формой монеты. Кредитныхъ учрежденій, векселей, переводовъ, довѣренностей корейцы до послѣдняго времени не знали и не знаютъ до сихъ поръ въ глубинѣ страны.

Первые банки въ Корей основали японцы въ открытыхъ для нихъ портахъ; затѣмъ въ 1897 году открылъ въ Чемульпо свое отдѣленіе англійскій „Hongkong and Shanghai Banking Corporation“; наконецъ, были открыты русско-корейскій банкъ, просуществовавшій всего три мѣсяца, и два корейскіе банка „Чжюнь-сіюнъ“, выдававшіе ссуды подъ товары за 12—24 годовыхъ ¹⁾ процента. Банки эти, основанные при содѣйствіи финансоваго совѣтника К. Алексѣева, усиленно поддерживав-

¹⁾ Вообще на Востокъ въ ходу большіе проценты; японцы взимаютъ съ мелкихъ торговцевъ отъ 10 до 18⁰/₀.

шіеся корейскимъ правительствомъ и всякими враждебными „японцамъ и англичанамъ“ элементами, нужно считать скорѣе за политическія, чѣмъ финансовыя учрежденія. Они еле перебивались, безнадежно задолженные казнѣ и неблагоустроенные. Впрочемъ, мнѣ показывали въ Сеулѣ площадку въ центрѣ города, гдѣ должно было современемъ появиться зданіе народнаго банка, но тамъ пока ничего не было, кромѣ сорной кучи старыхъ балоковъ и камней. Полагаю, что деньги, предназначенныя на постройку банка, какъ водится въ Корей, были давно ассигнованы, но по пути... исчезли. Сомнѣваюсь даже, чтобы какой-либо банкъ могъ тамъ возникнуть при существовавшихъ тогда порядкахъ.

Корейскій кредитъ совершенно отвѣчалъ всему складу корейскаго народнаго хозяйства; прежде всего онъ былъ мѣстный и мелкій. Вездѣ въ Корей существуетъ множество ссудо-сберегательныхъ обществъ (кіе). Извѣстное число лицъ складываетъ совмѣстно свои сбереженія и выдаетъ сосѣдямъ ссуды на 10 мѣсяцевъ съ уплатой ежемѣсячно въ погашеніе $\frac{1}{10}$ долга съ причитающимися процентами. Проценты высоки: самый надежный плательщикъ уплачиваетъ 20% (годовыхъ); обыкновенно же размѣры ихъ достигаютъ 50, даже 100% въ годъ. Христіане, которые подъ вліяніемъ миссіонеровъ стали взимать самое большее 20%, вызываютъ всеобщее удивленіе и даютъ по корейскимъ понятіямъ деньги „даромъ“. Если деньги въ Корей нужны, то онѣ очень нужны, но относительно необходимость въ нихъ довольно рѣдка. Крестьяне прекрасно обходятся безъ нихъ, мѣняя безъ затрудненія на мѣстныхъ рынкахъ свои продукты, и только въ послѣднее время деньги стали нужнѣе въ виду уплаты ими податей и вообще болѣе

живого пульса торговли. До сихъ поръ корейская торговля была мѣновая; монеты играли роль мелкой размѣнной цѣнности, служащей лишь для уравниванія несоразмѣрныхъ мѣновыхъ величинъ; поэтому дѣленія ея были крайне мелки, форма проста и подходяща къ незамысловатому механизму личнаго обмѣна. Корейская монета представляетъ тоже всегда цѣнный товаръ, доступный легкой переработкѣ въ полезные предметы (мѣдную или латунную утварь); отсюда ея громоздкая форма и большой вѣсъ (712 грам., почти 2 фун., на 1 руб.) при крайнемъ дѣленіи въ $\frac{1}{5}$ коп. (пхунъ). Серебряные и золотые слитки, какъ монета, были въ Корей въ значительно меньшемъ употребленіи, чѣмъ въ Китаѣ и Японіи. Казна при своихъ платежахъ и покупкахъ пользовалась натуральными продуктами,—рисомъ, ситцемъ, бумагой,—которые взымались въ видѣ податей и которыми выдавалось также жалованье правительственнымъ чиновникамъ и солдатамъ. Полное отсутствіе кредитныхъ учрежденій не доказываетъ ничуть корейской неспособности къ такого рода предпріятіямъ,—просто они не были нужны корейцамъ. Разъ являлся на нихъ запросъ, туземцы умѣли устраивать очень остроумные путевые переводы не хуже куковскихъ чековыхъ книжекъ. Союзъ держателей постоянныхъ дворовъ для удобства путешественниковъ и защиты ихъ отъ воровъ принялъ за правило, что всякій гость, внесшій опредѣленную сумму денегъ первому хозяину постоялаго двора на пути, получаетъ отъ него квитанцію, по предъявленіи которой онъ не только получаетъ все нужное въ предѣлахъ своихъ дорожныхъ потребностей, но и нужныя суммы наличностью. На квитанціи дѣлаются соотвѣтственные отмѣтки рас-

хода, и она остается у послѣдняго хозяина, уплатившаго остатокъ денегъ. Все это указываетъ на великолѣпную финансовую организацію и хорошее счетоводство союза содержателей постоянныхъ дворовъ, общаго на всемъ полуостровѣ и существующаго уже много лѣтъ. Говорятъ, что не было примѣра нарушенія довѣрія путешественника или злоупотребленія деньгами.

Въ корейскихъ деревняхъ и мѣстечкахъ поражаетъ путешественника большое количество мелочныхъ лавокъ; обыкновенно онѣ похожи другъ на друга, какъ капли воды. Лавочки торгуютъ всѣмъ, начиная съ табака, трубочекъ, соломенныхъ сандалій, нѣкотораго количества тканей и галантерейныхъ мелочей, гребешковъ, булавокъ, иголокъ, гвоздей, зеркалецъ и т. д.; кромѣ того въ лавкахъ стоятъ въ мѣшкахъ рисъ, бобы, горохъ, чумицца, виситъ стручковый перецъ, лежатъ плоды „каки“, груши, сладкіе каштаны, орѣхи и проч. Тамъ можно купить свѣжей и сушеной рыбы, морской капусты, соли, красокъ, желѣзные орудія и проч. Но всего этого находится въ лавкѣ крайне мало, и отсюда, по всей вѣроятности, происходитъ большое относительно количество лавокъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Дѣло въ томъ, что торговые корейскіе законы, не возбраняя никому основывать маленькихъ лавочекъ, дозволяютъ открывать большія оптовыя лавки только лицамъ, принадлежащимъ къ соотвѣтственнымъ купеческимъ гильдіямъ. По организаціи своей эти союзы напоминаютъ европейскіе средневѣковые цехи и образовались, надо думать, ради защиты своихъ членовъ отъ грабежей и насилій „янъ-баней“ (дворянъ) и чиновниковъ. Союзы пользуются большимъ вліяніемъ и всеобщимъ уваженіемъ. Всякая отрасль торговли образуетъ

особую гильдію, имѣть особый базаръ или особые ряды, часто накрытые общей кровлей, защищенные оградой, запирающейся крѣпкими воротами. Купцы содержатъ и оплачиваютъ сообща ночныхъ сторожей и служителей. Подраздѣленіе предметовъ торговли производится строго и щепетильно: продавцы бѣлаго ситца отдѣлены отъ торгующихъ цвѣтными ситцами; купцы шелковыхъ гладкихъ тканей образуютъ отдѣльное общество отъ купцовъ узорчатыхъ матерій; существуютъ особыя гильдіи торговцевъ кисеей, траурными конопляными тканями, готовой одеждой; даже торговцы обувью образуютъ отдѣльную гильдію отъ торгующихъ соломенными и деревянными сандаліями... Кто хочетъ соединить въ своихъ лавкахъ нѣсколько предметовъ, долженъ записаться въ нѣсколько гильдій, чего не легко добиться.

Во главѣ каждой гильдіи стоитъ избираемый всѣми участниками голова „іѡнь-уй“, который завѣдуетъ дѣлами союза, устраняетъ возникающія въ дѣлахъ затрудненія, совершаетъ разнообразныя сдѣлки, предстательствуетъ передъ правительствомъ, вѣдаетъ расходы и доходы и судитъ самолично болѣе мелкія недоразумѣнія, возникшія между членами гильдіи. Болѣе важныя дѣла разбираются особымъ судомъ подъ предсѣдательствомъ главы гильдіи при участіи его помощниковъ и особаго правительственнаго чиновника департамента промышленности и торговли. Въ дореформенное время всѣми гильдіями страны управлялъ особый назначаемый правительствомъ сановникъ „пань-са“. Торговые корейскіе союзы подражаютъ китайскимъ купеческимъ гильдіямъ; они отличаются большой сплоченностью и строгой дисциплиной, они назначаютъ

время отъ времени, иногда ежедневно, рыночныя цѣны на предметы своей торговли, ниже которыхъ нельзя ихъ продавать; они заключаютъ договоры съ другими союзами, налагаютъ на своихъ членовъ обязательные взносы и взимаютъ штрафы. Главныя управленія большинства изъ нихъ находятся въ столицѣ. Они вносятъ въ казну подати за всѣхъ своихъ членовъ и взамѣнъ имѣютъ право конфисковать товары лавокъ, открытыхъ безъ ихъ вѣдома или лицами, не принадлежащими къ гильдіи. Чтобы сдѣлаться членомъ гильдіи, необходимо получить на это согласіе главы союза и уплатить одновременно 20 долл. членскаго взноса. Глава выдаетъ тогда свидѣтельство, на основаніи котораго членъ можетъ торговать даннымъ товаромъ по всей странѣ. Безъ такого свидѣтельства онъ, какъ мы уже сказали, въ правѣ торговать только по мелочамъ, и только разъ въ годъ, между 25-мъ декабря и 5-мъ января (лунныхъ мѣсяцевъ) разрѣшается всякому торговать всякимъ товаромъ въ неограниченномъ количествѣ. Мелочные торговцы обязаны пріобрѣтать свои товары у мѣстныхъ оптовыхъ купцовъ, такъ что въ сущности они являются ихъ агентами и приказчиками.

Подобную же роль относительно оптовщиковъ играютъ и коробейники (пу-санъ). Они въ свою очередь организованы въ мощное, широко распространенное Общество „пу-санъ-хое“. Ихъ легко узнать по желтымъ цилиндрамъ-шляпамъ (катъ), сплетеннымъ изъ топенькихъ, нечерненькихъ волоконъ бамбука. Образуютъ они какъ бы особый кланъ, говорящій особымъ языкомъ и руководящійся особыми правилами и законами. Въ случаѣ недоразумѣній или обидъ они не обращаются въ правительственные суды, но сами себѣ измышляютъ

правосудіе. За тяжелыя преступленія ихъ глава наказываетъ своихъ подвластныхъ даже смертію. Пу-сани слывуть за честныхъ, строгихъ купцовъ и отличныхъ товарищей. Никто не смѣетъ обидѣть корейскаго коробейника или не уплатить ему слѣдуемаго долга, такъ какъ товарищи немедленно заступятся за обиженнаго. Только благодаря этому могутъ пу-сани проникать съ товарами въ самые захолустные уголки Кореи, пустынные или населенные разбойниками. Пу-сани—крѣпки, рослы, ловки; ходятъ обыкновенно небольшими партіями съ ярмарки на ярмарку. Видѣлъ я тоже семьи коробейниковъ. Впереди шель обыкновенно мужчина съ коробкой за спиной, сзади шагала женщина, ведя ребенка за руку или неся его на спинѣ. Вдобавокъ на головѣ ея колыхался узелъ съ вещами, корзина или горшокъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать носильщиковъ—„по-санъ“—съ коробейниками—„пу-санъ“¹⁾. У нихъ нѣтъ ничего общаго. Первые, это—обыкновенно бѣдняки, не имѣющіе никакого имущества, исключая жалкихъ деревян-

¹⁾ Мнѣніе W. W. Wilkinson'a („The Corean Governement“, p. 33), что носильщики и коробейники образуютъ одинъ союзъ, безусловно ошибочно; всѣ опрашиваемые мною по этому поводу туземцы положительно отрицали это. Корейскіе носильщики тоже организованы въ товарищества, но не пользуются и сотою долей того вліянія, какъ пу-сани. Корейскій носильщикъ очень выносливъ и въ состояніи переносить изо дня въ день на большое разстояніе отъ 80-ти до 120 фун. груза; грузъ носильщика равняется обычно половинѣ лошадиного или воловьего вьючнаго груза. На корейскомъ языкѣ есть особыя названія для разныхъ способовъ переноски тяжестей: узиръ—нести на спинѣ; авуръ—на рукахъ; ниръ—на головѣ; меръ—на плечахъ.

ныхъ носилокъ. Вторые обладаютъ нѣкоторымъ достаткомъ и пользуются большимъ вліяніемъ; власти считаются съ ними, ихъ глава „то-банъ-су“—видный сановникъ и играетъ извѣстную роль въ Сеулѣ; правительство не разъ обращается къ нимъ въ нуждѣ, въ случаѣ недостатка войскъ, слабости полиціи въ борьбѣ съ разбойниками или внутренними политическими врагами... Если кто-нибудь изъ царской семьи или знатный иностранецъ предпринимаютъ далекое путешествіе, правительство возлагаетъ на пу-саней исправленіе дорогъ и охрану путешественниковъ. Пу-сани не разъ ловили по порученію правительства важныхъ государственныхъ или уголовныхъ преступниковъ. Благодаря знанію страны, сильной организаціи и повсемѣстной своей разбросанности, всѣ эти порученія оказывались пу-санямъ подъ силу и придавали имъ въ глазахъ народа и правительства большой авторитетъ. Пу-сани слывуть за горячихъ патріотовъ, душой и тѣломъ преданныхъ царствующей династіи и ненавидящихъ иностранцевъ. Ниже увидимъ, что ненависть эта зиждется на матеріальныхъ интересахъ коробейниковъ. Союзы коробейниковъ, надо полагать, образовались очень давно и находятся въ какомъ-то отношеніи къ распространенію въ странѣ хлопка и хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Во время торжественныхъ шествій, на сходкахъ, совѣщаніяхъ, въ депутаціяхъ пу-сани украшаютъ свои желтыя шляпы пучками ваты, заткнутыми съ обѣихъ боковъ тульи. Если эта догадка вѣрна, то надо думать, что организація коробейниковъ зародилась на югѣ, въ Чіолладо, гнѣздѣ корейскаго купечества, откуда разошлась по всей странѣ вмѣстѣ съ хлопкомъ, который исподволь вытѣснилъ изъ употребленія шкуры животныхъ и „травяныя ткани“

(крапиву и коноплю), которыя и до сихъ поръ въ ходу на сѣверѣ Кореи.

Итакъ, въ сущности вся внутренняя торговля Кореи была сосредоточена до недавняго времени въ рукахъ оптовыхъ торговцевъ и коробейниковъ. Ихъ союзы были такъ хорошо и прочно организованы, такъ ловко примѣнились къ условіямъ мѣстнаго производства и потребленія, къ путямъ сообщенія и стариннымъ обычаямъ, что жестокая борьба предстояла новой европейской торговлѣ, врывающейся извнѣ черезъ отвоеванные японцами (въ 1879 г.) для міровой торговли порты. За нее были дешевизна, лучшее качество и разнообразіе товаровъ, за нее боролись возрастающія потребности проснувшагося народа и медленно совершающіяся реформы финансовыя и государственныя, но послѣднимъ, какъ это увидимъ далѣе, препятствовала въ значительной мѣрѣ та же европейская дипломатія, а дешевизна не въ силахъ была побороть плохихъ путей сообщенія и дурно организованной перевозки товаровъ. Они увеличиваютъ цѣны предметовъ въ такой мѣрѣ, что *одинъ* корейскій футъ ($\frac{1}{2}$ метра) сѣраго шертинга, стоящій въ Гензанѣ 40—45 пхунъ (8—9 коп.), продается въ Хамъ-хынѣ по 50 пхунъ, въ Пукъ-пюнѣ по 55—60-ти пхунъ, а въ глубинѣ материка, въ Капсанѣ (300 килом. отъ Гензана), онъ стоитъ уже отъ 70-ти до 75-ти пхунъ, т. е. дорожаетъ на 70% ¹⁾.

Изъ Гензана въ Сеуль (500 „и“=250 верстъ) съ меня потребовали за лошадь 70 янгъ, что составитъ почти 8 к. за версту. Правда, я нанималъ лошадей при осо-

¹⁾ Campbell, Charles. Proceed R. G. Soc. XIV, 1892, p. 147, цитир. по „Описанію Кореи“, ч. II, стр. 212.

быхъ условіяхъ, къ виду надвигающейся войны и особенно напряженныхъ отношеній. Я, несомнѣнно, переплатилъ, но мнѣ говорили, что обычная цѣна едва ли въ два раза меньше и что получить коня съ проводникомъ за 50 янгъ на то же путешествіе довольно трудно. Альфтанъ рассказываетъ, что пудо-верста стоитъ въ Кореѣ приблизительно 1 копѣйку. Миссъ Бишопъ упоминаетъ, что одна лошадь стоила ей въ пути 1 долл. ежедневно и $\frac{1}{2}$ долл. во время отдыха и остановокъ. Самыя низкія цѣны приводитъ Гассе-Вартегъ, именно $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ коп. съ пудо-версты, въ томъ случаѣ, если лошади нанимались не поденно, но для доставки опредѣленнаго груза на данное разстояніе, съ уплатой половины суммы впередъ. Сознаюсь, что я не слыхалъ о такихъ низкихъ транспортныхъ цѣнахъ въ Кореѣ, и думаю, что болѣе близкими къ истинѣ будутъ цифры, приведенныя Лубенцовымъ: $2\frac{1}{2}$ до 5-ти коп. съ версты и вьюка ($2\frac{1}{2}$ —3 пуда) ¹⁾. Носильщики берутъ за доставку въ половину меньше, но движутся въ пять разъ тише. Доставка товаровъ на волахъ занимаетъ три раза столько времени, что на лошадяхъ. Такіе порядки очень на руку пу-санямъ и торговымъ гильдіямъ и это—одна изъ причинъ, почему они противятся реформамъ и желѣзнымъ дорогамъ. Такова, однако, сила современныхъ торговыхъ теченій, что несмотря на всѣ препятствія заграничныя товары проникаютъ постепенно внутрь полуострова, вызывая большія перемѣны въ народномъ хозяйствѣ, убивая старыя отрасли производства и

¹⁾ А. Г. Лубенцовъ. „Хамхынская и Пхюнянская провинціи Кореи“. „Запис. амурск. отдѣл. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, т. II, ч. IV, 1897 г., стр. 45.

создавая новыя, открывая неожиданныя поприща для труда и предприимчивости усталого и отчаявшагося уже корейскаго крестьянина. Они создают новыя потребности и будят уснувшія надежды, они беспокоятъ и заставляютъ думать...

И опять піонерами и проводниками для европейцевъ на этихъ нетронутыхъ, непроторенныхъ путяхъ явились японцы. Исторія соединила въ счастливомъ сочетаніи торговые и матеріальные успѣхи японцевъ съ духовнымъ и экономическимъ возрожденіемъ корейцевъ. Чрезвычайно интересны тѣ приемы, которые употребили японцы для созданія и завоеванія корейскаго рынка.

Вѣкъ XVII былъ для всего Востока вѣкомъ торжества деспотизма и, что за симъ слѣдовало, мрачной замкнутости и обособленности народовъ въ запертыхъ насильно границахъ. Даже Японія въ то время провозгласила жестокую и боязливую доктрину: „никого знать не желаю и никому не позволю узнать себя“. Но рѣзче и послѣдовательнѣе всѣхъ проводила политику обособленности Корея, больше всѣхъ пострадавшая отъ чужеземныхъ набѣговъ. Она справедливо заслужила названіе „страны-отшельницы“. Отношенія ея къ сюзеренному Китаю и воинственной, побѣдоносной Японіи сводились въ продолженіе трехъ столѣтій къ краткимъ, строго ограниченнымъ необходимою ежегоднымъ посольствамъ съ данью, къ обмѣну подарками и товарами, совершаемому приписанными къ посольству купцами. Зоркій надзоръ и всевозможныя ограничительныя предписанія превращали въ сущности этихъ купцовъ въ правительственныхъ конторщиковъ надъ собственнымъ ихъ достояніемъ, состоящимъ обыкновенно

изъ женъ-шеня, бумажныхъ тканей, бумаги, вывозимыхъ главнымъ образомъ въ Китай. Посольскіе купцы обязаны были представить чиновникамъ точный отчетъ своихъ оборотовъ, барышей и даже... знакомствъ ¹⁾). Сношенія съ Японіей состояли въ уплатѣ ежегодной дани въ 33.000 кусковъ бумажной ткани, 1.500 ²⁾ пикулей риса и 70-ти пикулей бобовъ. Взамѣнъ удѣльный князь острова Цушима передавалъ корейскимъ представителямъ 323 пикуля мѣди, 57 пикулей красильнаго дерева, 34 пикуля перца, 14 пикулей квасцовъ, 154 пикуля воску. Въ Фузанѣ японцы построили постоянную факторію, гдѣ имъ разрѣшено было два раза въ мѣсяцъ торговать съ туземцами въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ³⁾). Китайцы устраивали такія же ярмарки въ пограничныхъ городахъ Ви-чжу и Кіюнь-уянь три раза въ годъ. Современемъ все возрастающая чиновничья опека, лихоимство и неблагонадежность всякихъ начальниковъ низвели и эти сношенія къ пустымъ формальностямъ, убили законную торговлю и замѣнили ее болѣе доходной и менѣе хлопотливой контрабандой. Японская колонія въ Фузанѣ чрезвычайно уменьшилась, превратилась въ лѣтнюю рыбачью станцію. В. Броутонъ въ 1797 г. не нашелъ японцевъ въ Фузанѣ.

Между тѣмъ въ Японіи быстро назрѣвали реформы, которыя окончились въ половинѣ минувшаго столѣтія революціей. Въ Корей за это время ничего не назрѣвало, она падала все ниже и все сильнѣе оскудѣвала.

¹⁾ Такой же характеръ носили въ то время торговые сношенія и русскихъ посольствъ; см. „Русское посольство“ въ „Историческихъ очеркахъ“ Кубаля и Шайнохъ.

²⁾ Пикунъ=60-ти килограммамъ.

³⁾ М. Rogio. „Korea“ (нѣм. перев.), р. 239.

Появленіе европейскихъ миссіонеровъ на полуостровѣ въ 1844 г. вызывало усиленный надзоръ надъ границей и обострило наказанія за ея переходъ. Въ 1866 г., вслѣдъ за нападеніемъ французовъ на берега Кореи, былъ изданъ законъ, наказывающій смертью за торговлю европейскими товарами, которые уже стали изрѣдка проникать на полуостровъ при содѣйствіи китайскихъ и японскихъ купцовъ. Рыбакамъ, которые встрѣчались нечаянно на морѣ съ европейскими кораблями, были запрещены подѣ угрозою жестокой казни всякія сношенія, дажы разговоры съ иностранцами. Въ 1875 г. японское судно подверглось обстрѣливанію съ острова Канъ-хоа; японцы воспользовались этимъ случаемъ и рѣшили урегулировать разъ навсегда свои отношенія къ Корей. Но только 26-го февраля 1878 г. они принудили корейское правительство высылкой флота открыть нѣсколько портовъ для своей нарождающейся торговли и промышленности. Предоставленныя имъ права не отличались ни ясностью, ни обширностью и относились исключительно къ тремъ портамъ: Фузану, Гензану и Чемульпо съ прилежащей къ нимъ полосой въ пять верстъ. Прижимки, взяточничество и козни мѣстныхъ властей, воспреещающихъ туземцами подѣ всевозможными предлогами продавать что-либо японцамъ, испортили совершенно нормальныя торговыя отношенія, опять низведя ихъ къ болѣе доходной и удобной для нихъ контрабандѣ.

„Въ земледѣльческихъ районахъ жителямъ формально запрещалось продавать рисъ и стручковыя растенія японцамъ подѣ предлогомъ опасенія голода въ странѣ, такъ что жатва нерѣдко сгнивала на полѣ. Если же вывозъ указанныхъ продуктовъ и разрѣшался, то

придирки со стороны мѣстныхъ чиновниковъ были столь велики, что корейцы обыкновенно доставляли свой товаръ въ склады японцевъ тайно и небольшими партіями“, — говорить объ этихъ временахъ русскій обозрѣватель ¹⁾. Въ 1888 г. запрещеніе вывоза риса было объявлено неправильно едва на 28 дней до положеннаго договоромъ срока, и когда оно, по настоянію японскаго правительства, было отмѣнено, начальникъ провинціи Хам-гйонъ-до еще въ теченіе двухъ мѣсяцевъ запрещалъ вывозъ риса изъ Гензана, что стоило корейскому правительству 100.000 долл. вознагражденія за убытки, но чиновники остались довольны, такъ какъ они успѣли скупить за безцѣнокъ у крестьянъ и мѣстныхъ торговцевъ собранные запасы и затѣмъ перепродать ихъ съ большимъ барышомъ за границу, чего они и добивались ²⁾.

„По отношенію къ ввозу тоже принимались различныя стѣснительныя мѣропріятія; такъ, нѣсколькимъ корейскимъ купцамъ дарована была монополія всей торговли въ открытыхъ портахъ, вслѣдствіе чего цѣны на всѣ ввозимые предметы значительно повысились. Корейскіе чиновники не забывали и о себѣ, и, по словамъ Астона, въ Гензанѣ, послѣ открытія его съ 1-го мая 1880 г. для японской торговли, низшіе чиновники и переводчики даже съ самыхъ незначительныхъ сдѣлокъ взимали въ свою пользу особый налогъ, собирая такимъ образомъ крупныя суммы“ ³⁾, — рассказываетъ тотъ же русскій обозрѣватель.

¹⁾ „Описаніе Кореи“, ч. II, стр. 244.

²⁾ Тамъ-же, стр. 244.

³⁾ Тамъ-же, стр. 244 (Japan, № 1, 1883, Parliamentary Paper.).

Даже много лѣтъ спустя, въ 1893 г., мѣстныя власти въ Чемульпо приказали останавливаться для выгрузки корейскимъ джонкамъ съ рисомъ, бобами, кожей и проч. въ 1½ верстѣ отъ иностранной пристани, у деревни Манъ-сѣкъ-тонъ, и только рѣзкій протестъ японскихъ купцовъ заставилъ отмѣнить это безцѣльное и тягостное для всѣхъ распоряженіе ¹⁾.

Вопреки договорамъ, иностранные товары кромѣ положенной пограничной пошлины облагались часто особыми внутренними пошлинами на многочисленныхъ устроенныхъ внутри провинціи заставахъ, что составляетъ до 300 пхунъ (60 коп.) на кусокъ ситца. Иногда изобрѣтательный чиновникъ устраивалъ у вѣзда въ подвѣдомственный ему городъ временную, самостоятельную заставу и, пока ее успѣвали обжаловать и закрыть, пользовался значительными доходами. Наказаніемъ купцовъ являлись также всякаго рода маклера, которые взимали значительные проценты за свои услуги и безъ которыхъ не состоится въ Корей ни одна сдѣлка. Кромѣ частныхъ, признанныхъ обычаемъ посредниковъ, съ 1890 года въ портовыхъ городахъ стало назначать своихъ официальныхъ маклеровъ правительство; одинъ изъ нихъ жилъ въ Фузанѣ, другой—на островѣ Квель-партѣ, и оба они взимали съ частныхъ маклеровъ ³/₅ ихъ заработка безотносительно къ тому, присутствовали ли они, или нѣтъ при заключеніи сдѣлокъ. Это сразу повысило коммисіонное на 30%. Такихъ ограниченій, злоупотребленій и подвоховъ можно бы привести множество.

Начиная съ 1876 года, японцы принуждены были

¹⁾ Rapport on the Trade of Corea for the Year, 1895, pp. 5—6.

вести самую жестокую борьбу съ корейской бюрократіей, и правильно понятый ими собственный ихъ интересъ связалъ ихъ прочно и надолго съ прогрессивной партіей мѣстныхъ патріотовъ. Въ концѣ-концовъ они достигли цѣлаго ряда измѣненій и уступокъ, полезныхъ для населенія полуострова и удобныхъ для всѣхъ государствъ, заключившихъ торговые договоры съ Кореей, и тѣ, конечно, не замедлили ими воспользоваться.

Торговые договоры были заключены государствами въ слѣдующемъ порядкѣ: Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—1882 г., 22-го мая; Китай—1882 г., въ сентябрѣ; Англія и Германія—1883 г., въ ноябрѣ; Италія—1884 г., 26-го іюня; Россія—1884 г., 7-го іюля; Франція—1886 г., 4-го іюля; наконецъ, Австро-Венгрія—1892 г., 23-го іюня. Договоры отличались другъ отъ друга единственно въ подробностяхъ; они опредѣляли ввозную пошлину въ 5, 7, 10 и 20% на разные товары, а пошлину вывозную назначали для всѣхъ продуктовъ въ размѣрѣ 5% ихъ рыночной стоимости. Золото и вещи путешественниковъ освобождались отъ пошлины. Ввозъ опиума и вывозъ жень-шеня (краснаго) были равно строго воспрещены. Ластовый сборъ опредѣлялся въ 30 центовъ (мексиканскихъ) съ тонны зарегистрированной судовой вмѣстимости. Кромѣ Фузана, Гензана и Чемульпо былъ открытъ цѣлый рядъ новыхъ портовъ и городовъ, и число ихъ достигло исподволь 12-ти. Въ нихъ дозволялось иностранцамъ жить, покупать и арендовать землю въ предѣлахъ 5-ти верстъ и путешествовать безъ паспортовъ въ разстояніи 50-ти верстъ отъ берега, а съ паспортами—по всей Корей. Пароходы и парусныя суда могли безпрепятственно посѣщать открытые для торговли порты въ не-

опредѣленномъ количествѣ, а въ другія гавани они могли заходить только тогда, когда были зафрахтованы для этого корейскими купцами и предпринимателями.

Японцы чрезвычайно умѣло воспользовались добытыми ими правами. Ихъ торговыя отношенія къ Корее опредѣлились уже давно; они искони стремились вывозить оттуда нужные имъ рисъ, бобы, горохъ, хлопокъ-сырецъ, рыбу, рыбій тукъ, морскую капусту, трепанговъ, скотскія кожи и кости, наконецъ, золото. Взаимнъ того они могли предложить населенію полуострова фабрикаты сначала, чужіе, преимущественно англійскіе, затѣмъ свои, по мѣрѣ развитія собственной промышленности. Но страшный 300-лѣтній чиновничій гнетъ задавилъ все въ Корее. Потребности большинства населенія упали крайне низко, и земледѣльцы производили только крайне имъ необходимое, твердо зная, что излишекъ будетъ у нихъ отобранъ законными или незаконными путями. Предстояло создать потребности, вытѣснить домашнія издѣлія путемъ распространенія дешевыхъ и хорошихъ товаровъ, а освободившіяся такимъ образомъ силы и время направить на производство нужныхъ Японіи земледѣльческихъ продуктовъ. Но этого нельзя было сдѣлать безъ предварительнаго хотя небольшого улучшенія въ правовомъ и хозяйственномъ положеніи простого народа. Экономическія трудности увеличивались отсутствіемъ путей сообщенія, почтъ, телеграфовъ, низкимъ уровнемъ торговыхъ обычаевъ, совершенно непригодныхъ для міровыхъ сношеній, наконецъ, слабымъ денежнымъ обращеніемъ и отсутствіемъ какихъ-либо запасовъ у большинства населенія. Чтобы корейскій крестьянинъ могъ воздѣлать участокъ большаго размѣра, ему почти поголовно приходилось доставлять

сначала *стѣмена* и *деньги* на аренду земли, нужно было организовать кредитъ, устроить агенства, подвозъ продуктовъ и товаровъ, склады, лавки, а затѣмъ измѣнить монетную и податную системы и разбить сопротивленіе чиновничества, торговыхъ союзовъ и коробейниковъ. Большая часть этихъ дѣлъ была исполнена или начата японцами и японофильской прогрессивной партіей въ Корей въ послѣднія 30 лѣтъ.

Въ настоящее время японская торговля стоитъ внѣ конкуренціи на полуостровѣ, и тамъ могло ей угрожать только физическое насиліе вооруженнаго непріятеля, Но такое вмѣшательство грозило прежде всего разореніемъ самому полуострову. Японія съ ея 500.000.000 (іень)-нымъ оборотомъ внѣшней торговли ¹⁾ слабо почувствовала бы потерю 14—15-ти милліоннаго оборота съ Кореей, но въ Корей даже краткій перерывъ торговыхъ сношеній съ Японіей вызвалъ бы серьезное, экономическое потрясеніе и, несомнѣнно, задержалъ надолго ея развитіе.

Внимательное сопоставленіе цифръ внѣшней корейской торговли поучаетъ насъ, что вывозъ корейскій возрастаетъ значительно быстрѣ ввоза и что главнымъ рынкомъ сбыта для Кореи служить та же Японія. Въ 1886 г. вывозъ (504.225 долл.) составлялъ 16⁰/₁₀₀ общаго торговаго оборота (2.978.410 долл.); въ 1902 году достигъ онъ (8.460.340 долл.) 38⁰/₁₀₀ всего оборота (22.283.650 долл.) ²⁾; сильнѣе всего возросъ вывозъ риса, гороха и вообще хлѣбновъ, которые всѣ идутъ исключительно въ Японію. Въ 1902 году общая ихъ цѣнность (5.648.230

¹⁾ Іень=корейск. доллару=98 коп. (до войны).

²⁾ Безъ золота.

долл.) составляла 66⁰/₁₀ общей стоимости вывоза (8.406.250 долл.) ¹⁾; количество же съ 3.325.260 килогр. (1886 г.), поднялось до 99.643.572 килогр. (1902 г.), т. е. увеличилось въ *тридцать* разъ. Ячмень, пшеница, просо, которыхъ въ 1886 году совсѣмъ не было на внѣшнемъ корейскомъ рынкѣ, въ настоящее время продаются тамъ и вывозятся въ Японію въ слѣдующихъ количествахъ:

Риса	50.560.426	килограм.
Гороха, бобовъ, бобовыхъ жмы- ховъ	43.513.440	"
Пшеницы.	5.700.533	"
Ячменя	143.840	"
Проса	85.333	"

Кромѣ того Корея вывозить много сушеной, соленой и свѣжей рыбы и рыбьяго тука (всего на сумму 100.000—140.000 долл.), много морской капусты, трепанговъ, кожъ, сала, костей и проч. Жень-шенъ (бѣлый и красный) идетъ главнымъ образомъ въ Китай.

Одинъ изъ важныхъ предметовъ корейскаго вывоза составляетъ золото, котораго зарегистрировано на таможенныхъ въ 1902 году на сумму 5.064.206 долл.; впрочемъ, бѣольшую его часть вывозятъ сухопутной китайской границей, гдѣ оно избѣгаетъ таможеннаго контроля. Другія государства ничего почти не вывозятъ изъ Кореи, исключая развѣ Россіи, которая покупаетъ ежегодно для нуждъ своихъ войскъ въ *Приморской области* около 3.000 шт. рогатаго скота стоимостью въ 100.000 руб., да овса для своей кавалеріи на 8.000 до 12.000 руб. Значить, торговые интересы Россіи въ

¹⁾ Безъ золота.

Кореѣ опредѣляются суммой въ 112.000 руб. ежегоднаго вывоза и въ 150.000 ежегоднаго ввоза, а весь оборотъ не превышаетъ 300.000 руб. и имѣетъ исключительно мѣстное, пограничное значеніе, лишенное всякаго вліянія на народное корейское хозяйство. Таковы экономическіе результаты полувѣкового сосѣдства Кореи съ Россіей.

Хотя ввозъ заграничныхъ товаровъ постоянно превышалъ корейскій вывозъ, тѣмъ не менѣе существовало между ними полное равновѣсіе, благодаря вывозу изъ Кореи ненужнаго ей золота. Въ послѣднее время получился даже нѣкоторый остатокъ въ пользу Кореи при полномъ покрытіи всѣхъ ея расходовъ по ввозу полезныхъ товаровъ ¹⁾.

Годы.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ:	Стоимость золота, отмѣченнаго въ таможнѣ:	Разница.
1892	2.154.746	852.751	—1.301.995
1893	2.182.039	918.659	—1.263.380
1894	3.520.348	934.075	—2.586.273
1895	5.606.405	1.352.929	—4.253.476
1896	1.802.624	1.390.412	— 412.212
1897	1.093.419	2.034.079	+ 940.660
1901	4.706.460	4.893.351	+ 186.891
1902	5.417.260	5.046.106	— 353.154

Повторяемъ, что количество вывезеннаго изъ Кореи золота много превышаетъ вышеприведенныя цифры,

¹⁾ Цифры и свѣдѣнія до 1897 года взяты мною изъ „Описанія Кореи“. Ч. III, стр. 176 и 185; годы 1901—1902 взяты у Hamilton'a: „Korea“, p. 305.

благодаря общему отвращенію корейцевъ къ какимъ-либо сношеніямъ съ какими-либо чиновниками. Значительное увеличеніе регистрированного золота совпадаетъ съ дѣятельностью японскихъ и американскихъ золотопромышленныхъ компаній, менѣе робкихъ въ отношеніи властей.

Вначалѣ японцы торговали въ Корей товарами главнымъ образомъ англійскими, но по мѣрѣ изученія рынка и развитія собственной промышленности они стали поставлять собственные издѣлія

Французскій торговый агентъ уже въ отчетѣ за 1896 годъ признаетъ за ними первое мѣсто на корейскомъ рынкѣ ¹⁾. Порты Фузанъ и Гензанъ торгуютъ почти исключительно японскими товарами; Чемульпо—портъ по преимуществу европейскій; въ 1891 году тамъ ввозъ товаровъ по національностямъ выражался слѣдующими отношеніями ²⁾.

Товары англійскіе	54%
„ японскіе	24%
„ китайскіе	13%
„ германскіе	6%
„ американскіе	2%
„ русскіе и французскіе	1%

Отношенія эти приблизительно удержались въ Чемульпо до послѣдняго времени; во всей же Корей роды ввозимыхъ товаровъ располагаются въ 1902 году по національностямъ въ слѣдующемъ порядкѣ: первое мѣсто

¹⁾ „Moniteur officiel du commerce“, 31 Mars, 1898 a.

²⁾ Decennial Reports, App. II, p. XXXV.

занимають англійскія и американскія ткани (на 2.077.480 долл.), затѣмъ японскія ткани (1.457.150 долл.). Дальше на крупную сумму, 989.330 долл., продаетъ Японія Кореѣ бумажныхъ нитокъ, изъ которыхъ туземцы ткуть свои домашніе ситцы. Дальше, тоже изъ Японіи, привозятся крапивныя ткани (grass cloth) на 573.100 долл., шелковыя ткани отчасти изъ Китая, отчасти изъ Японіи (864.440 долл.), керосинъ (779.880 долл.) изъ Америки; мѣшки и веревки (314.080 долл.) изъ Японіи; папиросы и сигары (202.730 долл.) изъ Японіи; хлопокъ-сырецъ и вата (161.460 долл.) изъ Китая и Японіи; sake и самшу (водка) (159.240 долл.) изъ Китая и Японіи; сахаръ (150.390 долл.) изъ Гонконга и Формозы; спички (181.100 долл.) изъ Японіи; краски (83.610 долл.) изъ Японіи. Остальные товары, какъ-то: галантерейные (1.886.420 долл.), металлы (592.660 долл.), машины (146.080 долл.), желѣзнодорожный матеріалъ (461.120 долл.), горнозаводскіе и рудокопные инструменты (466.590 долл.), консервы и сухари (191.540 долл.), мука (74.330 долл.), огородныя сѣмена (93.370 долл.), бумага (76.540 долл.), соль (79.930 долл.), оружіе и патроны (95.560 долл.), и многіе менѣе распространенные предметы ввозятся изъ различныхъ мѣстностей и государствъ. Интересную статью ввоза представляетъ довольно значительное количество риса, доставляемаго изъ Сайгона (4.578.986 килогр. стоимостью въ 406.750 долл.). Появленіе сіамскаго риса въ Кореѣ объяснили мнѣ впослѣдствіи на Янг-цзе-кіангѣ одинъ изъ директоровъ японскаго пароходнаго общества на этой рѣкѣ. „Происходитъ это вотъ какъ: корейцы производятъ сорта риса ничуть не хуже нашихъ, но не умѣютъ очищать зерна; затѣмъ уборка его у нихъ менѣе ста-

рательна, чѣмъ у насъ, и обработка полей тоже хуже. Мы все наше отборное зерно вывозимъ въ Европу и Америку, а вмѣсто него ввозимъ худшій рисъ, корейскій, который требуетъ переработки; корейцы же покупаютъ рисъ въ Китаѣ и Сіамѣ, гдѣ онъ еще хуже, но и дешевле ¹⁾. То же самое происходитъ съ машинами, тканями, оружіемъ. Мы всего этого много еще привозимъ и будемъ привозить изъ Европы и Америки, хотя сами уже выдѣлываемъ эти предметы для Китая и Кореи. Наши издѣлія хуже европейскихъ, но и много дешевле ихъ. Корейцы бѣдны; наши цѣны для нихъ подходящи; между тѣмъ мы все совершенствуемся въ производствѣ. Вѣдь никто не въ состояніи сразу производить высшіе сорта“.

Много интересныхъ вещей рассказывалъ мнѣ о Корей, Формозѣ, Японіи этотъ образованный японецъ, окончившій высшее учебное заведеніе въ Англіи, много путешествовавшій по Европѣ, Америкѣ, побывавшій даже въ Россіи и объяснявшійся вполне правильно и плавно по-русски; онъ читалъ многихъ русскихъ авторовъ въ оригиналѣ и здраво, правильно судилъ о русскихъ порядкахъ и обычаяхъ безъ тѣни шовинизма. Онъ съ горечью говорилъ, что война неизбежна въ виду политики Россіи на Дальнемъ Востока, угрожающей въ концѣ концовъ независимости Японіи. „Намъ

1) Въ истинѣ этого объясненія утвердило меня впоследствии замѣчаніе А. Гамильтона на стр. 306-й, въ приложеніяхъ къ таблицамъ корейскаго ввоза за 1901 и 1902 г.г., откуда я взялъ приведенныя выше цифры. Въ списокъ этихъ товаровъ я не нашелъ двухъ важныхъ торговыхъ статей: каменнаго угля и кокса (около 100.000 д.), да фарфора и фаянса (около 50.000 долл.); оба товара идутъ изъ Японіи.

выгоднѣе сражаться съ Россіей въ Корей и Манчжуріи, чѣмъ у себя. А сражаться раньше или позже придется“. Въ вѣрности его экономическихъ сужденій и правдивости его указаній я часто убѣждался при книжной обработкѣ моихъ путевыхъ замѣтокъ по Корей и другихъ странахъ Дальняго Востока, и я не разъ воспользовался его мнѣніями.

Несмотря на приведенную выше скромность въ оцѣнкѣ японскихъ произведеній самимъ японцемъ есть среди нихъ, несомнѣнно такія, которыя сразу сравнивались съ европейскимъ *hur*. Ихъ анилиновыя краски, по мнѣнію англійскаго генеральнаго консула, ничуть не уступаютъ прославленнымъ берлинскимъ краскамъ 1); на мой взглядъ я на всемірной выставкѣ въ Осака нашелъ такихъ предметовъ очень много, не считая фарфора и шелка, стоящихъ по окраскѣ и узорамъ внѣ конкуренціи.

Чтобы оживить и укрѣпить свою экономическую связь съ Кореей, японцы воспользовались многими приемами. Прежде всего они устроили прекрасное правильное морское сообщеніе между своими портами и корейскими, открытыми для всемірной торговли. Чистенькіе, удобные и изящные пароходы трехъ японскихъ обществъ дѣлаютъ соотвѣтственные рейсы съ истинно-японской точностью. Такъ какъ проѣздъ на нихъ самый дешевый, прислуга самая внимательная и къ тому же первый классъ на нихъ снабженъ великолѣпною европейскою кухней, то большинство пассажи-

1) „Описаніе Кореи“. Ч. II, стр. 297.— Пресловутая японская фальсификація ничуть не хуже европейскихъ поддѣлокъ, хотя бы нѣмецкихъ для англійскихъ товаровъ или русскихъ для нѣмецкихъ.

ровъ предпочитаетъ пользоваться ими. Затѣмъ японцы устроили, гдѣ только это было возможно, свои почтовые конторы и провели телеграфъ, которыя по справедливости считаются лучшими на Дальнемъ Востока; въ быстротѣ и точности пересылокъ, въ уваженіи къ тайнѣ писемъ японская почта не уступаетъ англійской и много превышаетъ нѣмецкую. Дальше японцы основали, гдѣ только было возможно, транспортныя конторы, отдѣленія банковъ, страховыя (для товаровъ) общества, построили склады, пристани, гостиницы, чѣмъ воспользовались, конечно, и другія націи ¹⁾. Въ результатъ въ 1902 г. изъ общаго числа 5,462 судовъ (вмѣст. 1.241.434 тоннъ), посѣтившихъ Корею, Японію принадлежало 1.516 парусныхъ суд. (вмѣст. 61.123 тоннъ) и 1.901 парохода (877.193 т.), т. е. 62% общаго количества. Для объединенія и поощренія японской торговли въ Кореѣ было основано съ участіемъ японскаго министерства земледѣлія при помощи ежегодной казенной субсидіи въ 10.000 долларовъ „Общество изученія и поощренія японо-корейской торговли“, главное управленіе котораго находилось въ Чемульпо, а отдѣленія—въ Сеулѣ, Фузанѣ и Гензанѣ. Мѣсячный членскій взносъ равнялся 20-ти сенамъ; у общества вскорѣ было 500 членовъ и отдѣленіе въ Осака. Оно раздѣлило всю Корею на 16 округовъ, всѣ агенты въ округѣ под-

1) Я часто слышалъ жалобы, что японскія страховыя общества и банки отказываютъ въ страховкѣ и ссудахъ иностраннымъ торговцамъ, что заставляютъ ихъ платить болѣе высокіе фрахты и проценты, что не берутъ иностранныхъ товаровъ на складъ, что японскіе пароходы въ случаѣ накопленія грузовъ отдають предпочтеніе японцамъ и отказываютъ иностранцамъ.

чинены были одному инспектору, который снабжалъ ихъ средствами и наставленіями. Транспортныя Общества обязаны были оказывать членамъ Общества посильную помощь. Всякій японскій купецъ получалъ отъ Общества даромъ нужныя справки и необходимую поддержку. Окружные центры соединены были другъ съ другомъ собственнымъ почтовымъ сообщеніемъ и въ правѣ были дѣлать повсюду денежные переводы. Даже враги японцевъ признаютъ, что организація эта дѣйствовала прекрасно и плодотворно. Благодаря ей японскіе фабриканты получали заблаговременно точныя и достовѣрныя указанія касательно характера путей сообщенія и транспорта, касательно формы, сорта, окраски требуемыхъ товаровъ, касательно цѣнъ, состоянія рынка и платежной способности мѣстныхъ купцовъ, и т. д.; при помощи этого общества японскіе купцы высылали въ различныя отдаленныя мѣстности свои образцы, дѣлали и получали заочно заказы. Въ этомъ лежитъ тайна успѣха японскихъ товаровъ; они побѣждали своихъ европейскихъ конкурентовъ, потому что они всегда хорошо и соотвѣтственно способу перевозки были упакованы, потому что размѣры ихъ всегда отвѣчали потребностямъ и привычкамъ, а ихъ внѣшность и окраска—вкусамъ туземцевъ. Не менѣе хорошо организована и хлѣбная торговля японцевъ. Японскіе скупщики давно уже высылаютъ весной своихъ агентовъ внутрь страны, и послѣдніе раздаютъ крестьянамъ ссуды подъ посѣвъ съ обязательствомъ, что половина сбора будетъ продана имъ по установившимся осеннимъ цѣнамъ. Осенью тѣ же агенты, часто мѣстные корейскіе купцы, объѣзжаютъ должниковъ и заключаютъ сдѣлки.

Такъ какъ ссуды, выдаваемые японцами, всегда бываютъ несравненно ниже стоимости запроданнаго зерна, то въ урожайные годы они выручаютъ громадные барыши, а во время недорода несутъ сравнительно небольшія потери. Кореецъ же и въ томъ, и въ другомъ случаѣ остается доволенъ, имѣя возможность при небольшой затратѣ труда получить лишнюю копѣйку,—говорить по этому поводу суровый судья японской торговли¹⁾. Мелкіе японскіе торговцы тоже исподволь пробираются внутрь страны, толкая впереди себя свою легонькую двухколесную повозочку, нагруженную мелкимъ товаромъ; обратно они везутъ мѣшечки риса, корешки жень-шеня, кунжутное сѣмя, золото.

Японцы построили съ торговыми и стратегическими цѣлями (они замѣчательно умѣло сочетаютъ всегда одно съ другимъ) желѣзныя дороги изъ Сеула въ Чемульпо²⁾, изъ Фузана въ Сеулъ и теперь строятъ третью линію изъ Сеула въ Ы-чжу на Пхіонъ-янгъ. Особенное хозяйственное значеніе представляетъ дорога изъ Фузана въ Сеулъ, такъ какъ она проходитъ вдоль полуострова по самымъ населеннымъ, плодороднѣйшимъ и изобилующимъ минеральными богатствами мѣстностямъ.

Носомнѣнно, что все это отчасти уже приносить, отчасти обѣщаетъ японцамъ въ недалекомъ будущемъ большіе барыши, но, чтобы они могли свои торговые

1) „Описаніе Кореи“. Ч. II, стр. 273. Насколько могу судить изъ коротенькой замѣтки „Daily Mail“, вышеупомянутая торговая организація сыграла видную роль въ снабженіи продовольствіемъ арміи Куроки во время его похода чрезъ Корею и пребыванія надъ Ялу.

2) Эта линія была приобрѣтена японцами въ почти готовомъ видѣ у американцевъ.

успѣхи въ Корей укрѣпить, необходимо имъ, чтобы въ туземномъ обществѣ произошли крупныя измѣненія, чтобы оно получило больше правъ, больше независимости, правосудія, чтобы сильно поднялся въ немъ уровень просвѣщенія, потребностей и правосознанія. Японцы знаютъ это и сознательно стремятся къ этому.

Счастливыя народъ, хозяйственныя выгоды котораго исторія удачно сочетала съ духовнымъ возрожденіемъ сосѣдей, но много счастливѣе тотъ, который во-время это понялъ и пошелъ навстрѣчу справедливости. Можно надѣяться, что японцы, успѣвшіе въ продолженіе восьми лѣтъ привлечь и хотя немного очеловѣчить формозскихъ людоѣдовъ, справятся и со злосчастливымъ корейскимъ вопросомъ въ духѣ прогресса и челоуѣчности.

ХVIII. Общество.

В. Гриффисъ доказываетъ, что корейскій народъ произошелъ отъ смѣшенія племенъ амурскихъ съ китайскими эмигрантами ¹⁾. Хэльбертъ утверждаетъ, что южно-корейскія племена — малайскаго происхожденія. Лингвистическія изслѣдованія обнаружили близость корейскаго языка къ языкамъ дравидскимъ ²⁾. Кромѣ того корейскій языкъ заключаетъ множество китайскихъ словъ, много корней тунгузскихъ, манчжурскихъ, монгольскихъ, даже финскихъ. Въ южной Корее нерѣдки японскія слова и выраженія. Большая или меньшая степень подмѣси тѣхъ или другихъ словъ, а также фонетическіе оттѣнки рѣчи создаютъ нѣсколько корейскихъ діалектовъ, не настолько однако различныхъ, чтобы они затрудняли общеніе жителей полуострова.

Японскіе врачи и ученые предприняли уже антропометрическое изслѣдованіе туземцевъ, но свѣдѣнія по этому вопросу пока настолько неполны, что опредѣленіе расовыхъ особенностей корейцевъ и выясненіе су-

¹⁾ „Corea Without and Within.“, II ed., 1885 y., p. 15.

²⁾ Korean Repository, 1895, pp. 255—264.

ществующихъ среди нихъ типовъ и группъ еще немислимо.

Самъ корейскій народъ сохранилъ единственно воспоминаніе о своемъ подраздѣленіи на нѣсколько народностей, которыя соотвѣтствуютъ бывшимъ нѣкогда удѣльнымъ государствамъ полуострова. Интересны туземныя характеристики этихъ группъ, касающіяся впрочемъ исключительно ихъ культурно-политическихъ качествъ. Такъ, жители сѣверной Кореи, нѣкогда государства Кё-гу-рю, и восточнаго побережья, нѣкогда Бо-хай, считаются людьми смѣлыми, способными, но безпокойными, строптивыми, склонными къ бунтамъ и непослушанію; они пользуются славой тайныхъ враговъ нынѣ царствующей династіи. Жители провинціи Хоанъ-хя-до слывутъ какъ люди ограниченные, тупые, тяжелодумы; жители столичной провинціи Кіёнъ-гый-до—легкомысленны, тщеславны и любятъ развлеченія. Самые худшіе отзывы приходятся на долю жителей Квельпарты, который до сихъ поръ служитъ мѣстомъ ссылки преступниковъ; ихъ называютъ насильниками и развратниками. За лучшихъ считаютъ корейцы жителей пров. Кіёнъ-санъ-до, нѣкогда гражданъ Силла: они отличаются спокойствіемъ, бережливостью, любовью къ знательности, почитаніемъ искусствъ и старинныхъ обычаевъ.

Хотя въ общемъ корейцы менѣе культурны въ обращеніи, чѣмъ японцы, и менѣе благовоспитаны и вѣжливы, чѣмъ китайцы, все же они въ обиходѣ превосходятъ европейцевъ добродушной мягкостью характера и житейской выправкой. Сдержанность, снисходительность, учтивость особенно высоко ими цѣнятся; зато продолжительный гнетъ и жестокія преслѣдованія

сильно уменьшили спросъ на правдивость, честность и добросовѣстность.

Съ незапамятныхъ временъ существовало въ Корей дѣленіе жителей на сословія. О происхожденіи ихъ извѣстно очень мало. В. Гриффисъ говоритъ, что въ сѣверной Корей, въ государствѣ Кё-гу-рю съ I по VII стол. по Р. Х. существовали три сословія: дворяне, ихъ свободные вассалы и рабы. Дѣленіе это современемъ распространилось по всему полуострову и измѣнялось постепенно сообразно возникающимъ государственнымъ и общественнымъ потребностямъ, а также хозяйственнымъ условіямъ страны. Въ годъ обнародованія указа, уничтожающаго сословія (1894 г.), ихъ оказалось *пять*: 1) родовые дворяне; 2) мелкопомѣстные (провинціальныя) дворяне; 3) среднее сословіе; 4) крестьяне; 5) рабы.

Корейскіе лѣтописцы доказываютъ, что *рабы* (куанъ-по) произошли отъ военно-плѣнныхъ. Современемъ законодатели стали отличать рабовъ *по рожденію* (чжюнь-и) и рабовъ *случайныхъ*, временныхъ (панъ-би). Къ послѣднимъ принадлежали лица, сами продавшіяся въ рабство или проданныя родителями, лица, лишенныя свободы по суду за собственныя преступленія или за вину родственниковъ, наконецъ, подкидыши, воспитанные свободными гражданами; эти на томъ-де основаніи, что нѣтъ доказательствъ ихъ принадлежности по рожденію къ свободнымъ сословіямъ. Потомство рабовъ случайныхъ было свободно, и сами они въ правѣ были требовать своего освобожденія послѣ взноса опредѣленной суммы денегъ, обыкновенно не превышавшей 300 руб. ¹⁾. Права выкупа лишены были только осу-

¹⁾ М. А. Рогіо „Korea“, р. 97 (нѣмецк. перев.).

жденные на вѣчное рабство (коанъ-ги)¹⁾. Большинство коанъ-ги были женами или дочерьми политическихъ преступниковъ или выдающихся уголовныхъ злодѣевъ, казненныхъ по суду, а также были среди нихъ женщины, обвиненныя въ прелюбодѣяніи, кражѣ, убійствѣ или оскорбленіи высшаго сановника. Мужчинъ-рабовъ по суду было мало, такъ какъ за болѣе серьезныя преступленія ихъ обыкновенно казнили, а за меньшія ссылали. Къ ссылкѣ приговаривались также родственники преступниковъ, между тѣмъ какъ ихъ жены и дочери отдавались въ рабство и отсылались въ разнообразныя столичныя и провинціальныя учрежденія, гдѣ исполняли обязанности служанокъ и наложницъ низшихъ чиновниковъ, офицеровъ, солдатъ, полицейскихъ или продавались съ публичнаго торга частнымъ лицамъ. Добровольно продавали себя въ рабство тоже по большей части женщины; такихъ женщинъ зовутъ корейцы „цза-мѣ“. Рабыни получали свободу съ выходомъ замужъ за свободныхъ людей, но для этого, конечно, было необходимо согласіе ихъ собственника²⁾.

Къ рабамъ временнымъ и теперь принадлежить между прочимъ дворцовая прислуга, состоящая исключительно изъ женщинъ и евнуховъ. Мужчинамъ, не принадлежащимъ къ императорскому семейству, входъ въ стѣны дворца воспрещенъ³⁾. Тамъ въ числѣ прочихъ женщинъ находится нѣсколько сотъ дѣвушекъ, красавицъ, избранныхъ изъ всей страны. Онѣ остаются тамъ всю жизнь, исполняютъ всѣ нужныя работы и

¹⁾ Korean Repository, 1895, pp. 370—372.

²⁾ Ibid, pp. 370—372.

³⁾ Ibid, p. 371.

удовлетворяютъ прихотямъ принцевъ и самого императора, разъ ихъ желанія выйдутъ за предѣлы ихъ обычнаго гарема, ихъ многочисленныхъ женъ и наложницъ¹⁾. Дворцовыхъ рабынь зовутъ нѣ-инъ, и многія изъ нихъ получили тщательное воспитаніе и значительное образованіе. Тѣ, которыя не были куплены или взяты насильно, но добровольно поступили въ дѣтствѣ въ дворцовую прислугу по волѣ родителей, — тѣ были въ правѣ оставить дворецъ по разрѣшенію императора и выйти замужъ, что случалось, впрочемъ, крайне рѣдко. Количество дворцовыхъ евнуховъ зависитъ отъ количества дворцовыхъ женщинъ, остающихся подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Число ихъ рѣдко выше ста, у нихъ тоже есть свои невольницы, которыя считаются ихъ наложницами²⁾. Евнухи покупаютъ маленькихъ оскорожденныхъ ребятъ или сами оскорождаютъ ихъ и затѣмъ усыновляютъ, чтобы, такимъ образомъ, продлить и сохранить свое вліяніе и доходы во дворцѣ. Ихъ всѣ ненавидятъ за ихъ жестокость, алчность, лживость и вѣчныя интриги, которыя они заводятъ, пользуясь своимъ частымъ общеніемъ съ монархомъ. Вся организація корейской дворцовой прислуги, наложницъ и евнуховъ устроена по образцу пекинскаго двора.

¹⁾ Кромѣ главной жены (первой), есть у корейскаго императора 8 наложницъ перваго разряда, наслѣдникъ престола, кромѣ жены, въ правѣ содержать 4 наложницы, пользующіяся почестями. Личная прислуга императора состоитъ изъ 27-ми служанокъ высшаго порядка, прислуга наслѣдника только изъ 9-ти дѣвушекъ. Число второстепенныхъ служанокъ неограниченно.

²⁾ Подобныя неестественныя отношенія наблюдаются нерѣдко между скопческими „братьями“ и „сестрами“, проживающими въ ссылкѣ въ Сибири.

Рабы по рожденію (чжіонъ-и) не пользуются правомъ выкупа, и потомство ихъ считается собственностью ихъ господина. Большинство лицъ этой категоріи занималось земледѣліемъ. Среди нихъ были рабы *государственные* и *частные*. Рабы государственные въ сущности являлись крѣпостными, обязанными доставлять въ казну извѣстную часть своего сбора съ полей, за что они освобождались отъ уплаты податей. Положеніе ихъ мало чѣмъ отличалось отъ положенія бѣдныхъ мелкихъ свободныхъ фермеровъ, отягченныхъ податями, а часто даже было лучше. Положеніе частныхъ рабовъ было много хуже, такъ какъ собственники въ правѣ были отбирать у нихъ въ свою пользу весь ихъ урожай, все имущество. Несмотря на то, многіе изъ частныхъ и казенныхъ рабовъ достигали относительнаго довольства. Въ эпохи особеннаго гнета толпы свободныхъ крестьянъ записывались въ рабы вліятельныхъ вельможъ во избѣжаніе преслѣдованій и чиновничьихъ грабежей.

По единогласнымъ отзывамъ путешественниковъ, рабство въ Корей не отличалось жестокостью; господа обращались съ своими невольниками хорошо, содержаніе отпускали имъ удовлетворительное и охотно замѣняли имъ барщину оброкомъ. Все это относилось, впрочемъ, къ рабамъ-мужчинамъ и рабамъ-земледѣльцамъ, особенно крѣпостнымъ. Положеніе домашнихъ рабовъ, отвѣчающихъ русскимъ *дворовымъ*, особенно домашнихъ рабынь, было крайне тяжело; послѣднія пополнили гаремъ собственниковъ, которые затѣмъ торговали ихъ тѣломъ открыто, отнимая у нихъ дѣтей, безжалостно и безнаказанно эксплуатировали ихъ трудъ и силы. Поэтому рыночная цѣна невольницъ была

всегда выше, и спросъ на нихъ былъ больше, чѣмъ на мужчинъ. Рабыни даже по выходѣ замужъ должны были оставаться въ домѣ хозяина, если онъ этого пожелалъ. Красивыя, благовоспитанныя, образованныя рабыни стоили дорого; случалось, платили за нихъ до 15.000 іенъ ¹⁾).

Въ 1894 году подъ давленіемъ Японіи рабство въ Корей было официально отмѣнено, но въ дѣйствительности оно существуетъ до сихъ поръ. Въ 1897 году оно служило предметомъ публичныхъ преній въ клубѣ „Независимости“ въ Сеулѣ. Разсказываютъ, что вице-предсѣдатель клуба, благородный Ый-унъ-іонгъ, до прихода въ это засѣданіе освободилъ своихъ 30 рабовъ и сжегъ доказательства ихъ рабства, а затѣмъ въ засѣданіи горячо доказывалъ необходимость добровольнаго отказа рабовладѣльцевъ отъ своихъ правъ. Его оппоненты возражали, что рабство—не что иное какъ форма домашней прислуги, безъ которой обойтись невозможно ²⁾).

Согласно съ ученіемъ Конфуція были установлены министромъ Уангъ-Гуи 500 лѣтъ тому назадъ семь классовъ простонародья, лично свободныхъ и стоящихъ ступенью выше рабовъ. Къ нимъ принадлежали: 1) судебные служители, наказывающіе обвиненныхъ; 2) актеры и странствующие пѣвцы (куангъ-тай); 3) мясники (пакъ-чангъ); 4) корзинщики (каци-чангъ), „ибо обдираніе коры то же, что сдираніе кожи съ животныхъ“; 5) колдуньи (му-данъ); 6) государственныя рабыни-танцов-

¹⁾ Korean Repository, 1895, p. 372.

²⁾ Ibid., 1897, November.

щицы (ки-сань); 7) сапожники, шьющіе кожаную обувь (кя-пять-чи) ¹⁾.

Лица, принадлежащія къ этимъ сословіямъ, свободны лично, но подлежатъ многимъ житейскимъ ограниченіямъ; нельзя имъ, напримѣръ, носить шляпъ, входить въ жилища и садиться рядомъ съ членами другихъ сословій. Когда случилось однажды, что ново-крещенный мясникъ Пякъ вошелъ въ христіанскую церковь, прихожане-туземцы перестали посѣщать ее, и миссіонерамъ пришлось объясняться.

— Намъ причинили большую непріятность въ церкви,—разсказывалъ одинъ изъ корейцевъ священнику, объясняя свое отсутствіе на богослуженіи.—Мы собирались тамъ славить Творца и поклоняться Спасителю. Мы оставили многіе корейскіе обычаи, мы позволили рабочимъ садиться тамъ рядомъ съ нами. Но мы не можемъ отказаться отъ всѣхъ нашихъ правилъ и допустить мясника въ нашу церковь и позволить ему сидѣть вмѣстѣ съ нами. Мы не намѣрены оставлять Христа, но мы построимъ себѣ другую церковь или будемъ собираться въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ сюда являться мы уже не можемъ!

Для характеристики положенія этой сословной группы я позволю себѣ привести петицію, поданную мясниками коанъ-чя-коль (въ Сеулѣ) министру внутреннихъ дѣлъ:

„Мы, покорнѣйшіе слуги, пять столѣтій уже занимаемся скотобойнымъ дѣломъ, доставляющимъ намъ пропитаніе. За все это время мы добросовѣстно исполняли свои обязанности и работы, указанные намъ правительствомъ по случаю годовичныхъ жертвоприноше-

¹⁾ Korean Repository, 1898 y., April, p. 129.

ній. Мы трудились для правительства охотно и бесплатно, тѣмъ не менѣе всѣ обращались съ нами какъ съ худшимъ изъ семи отверженныхъ классовъ общества, и когда имъ наконецъ разрѣшено было ношеніе *широкихъ рукавовъ, шляпы и манъ-генъ* (волосяная головная повязка), для насъ запрещеніе осталось въ прежней силѣ. Всѣ презирають насъ, и ничтожнѣйшій судебный чиновникъ является часто къ намъ, требуетъ денегъ и забираетъ ихъ. Если мы отказываемъ ему, онъ бьетъ насъ по лицу, рветъ на насъ платье и ругаетъ насъ грубыми словами. Онъ заключаетъ насъ въ тюрьму, заставляетъ исполнять работы, за которыя мы не получаемъ ни гроша, онъ платитъ намъ исключительно оскорбленіями и издѣвательствомъ. Къ довершенію всего—*насъ ругаютъ даже мальчики не выше трехъ футовъ ростомъ!*

Развѣ есть во всемъ мірѣ люди, обижаемые въ такой же степени какъ мы?! Куанъ-ги-тай (шутъ) хотя поставленъ ниже насъ въ сословной лѣстницѣ, одѣвается въ *шляпу, манъ-генъ и поясъ*, наряжается какъ прочіе люди; одни мы, покорнѣйшіе слуги господина министра, не въ правѣ этого дѣлать. Поэтому скорбь проникаетъ насъ до мозга костей. Мы на колѣняхъ внимали вѣсти, что ваше превосходительство намѣрены отмѣнить древніе обычаи и ввести новые законы. Теперь мы опять нижайше просимъ объ изданіи особаго указа и распространеніи его по всѣмъ провинціямъ и судебнымъ учрежденіямъ, что ваше превосходительство приняли благосклонно наше прошеніе, что намъ можно будетъ носить *шляпы и манъ-генъ*, что судебные чиновники не будутъ болѣе съ нами худо обращаться!“

Мясники получили на свое прошеніе слѣдующій отвѣтъ:

„Желаніе ваше исполнено. Носите *шляпу и манъ-генъ*, одѣвайтесь, какъ вамъ вздумается. Помните, однако, что это сравниваетъ васъ съ другими только по виѣшности и стремитесь къ внутреннему развитію. Если судебный чиновникъ станетъ обижать васъ, воздержитесь, не спорьте съ нимъ, но покажите ему указъ!“

Въ одиннадцатомъ мѣсяцѣ того же года мясники провинціи Канъ-уѣнь-до опять обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ слѣдующимъ прошеніемъ.

„Новый законъ введенъ во всѣхъ провинціяхъ, исключая Канъ-уѣнь-до, гдѣ происходятъ волненія тонъ-хаковъ. Мы до сихъ поръ не можемъ носить *шляпъ и манъ-генъ*, и ничто не измѣнилось въ нашемъ положеніи. Въ виду этого покорныя слуги вашего превосходительства просятъ о разсылкѣ изъ Чжунъ-чжю (мѣсто-пребываніе губернатора провинціи Канъ-уѣнь-до) разъясненія во всѣ судебныя учрежденія, что новый законъ распространяется и на эту провинцію“.

Въ отвѣтъ было объявлено мясникамъ, что „такъ какъ указъ уже изданъ, то пусть сидятъ смирно“. Въ мартъ мѣсяцѣ слѣдующаго года мясники опять подали прошеніе.

„Всѣ низшія сословія занесены въ народныя архивы, только мы не записаны тамъ. Съ тѣхъ поръ какъ разрѣшено намъ носить шляпу и манъ-генъ, мы стали похожи по виду на другихъ гражданъ, но только по виду... Умоляемъ ваше превосходительство занести насъ въ списки обыкновенныхъ гражданъ“.

Отвѣтъ:

„Такъ какъ всѣ жители страны одинаково вѣрнопод-

данные, то ваше прошеніе не можетъ быть отклонено и ваши жалобы будутъ удовлетворены“ ¹⁾).

Крестьяне (сянъ-номъ) составляютъ громадное большинство корейскаго народа. По существу они остаются все тѣми же государственными крѣпостными, какими были искони. Ихъ по прежнему грабятъ чиновники, они по прежнему уплачиваютъ непомѣрные подати, исполняютъ безчисленные наряды и работы, несутъ военную службу, исполняютъ всѣ часто нелѣпыя прихоти власть имущихъ. Ихъ безпредѣльное терпѣніе корейское правительство и правящіе классы подвергали безконечнымъ испытаніямъ путемъ самыхъ разнообразныхъ, глупѣйшихъ, чудовищнѣйшихъ распоряженій, мелочной регламентаціей житейскихъ обычаевъ и грубѣйшимъ попираніемъ всякихъ законовъ, разъ они были исполнителямъ неудобны. За малѣйшее сопротивление, за легкій намекъ на непослушаніе крестьяне подвергались кровопролитнѣйшему избиенію и разоренію. По корейскимъ законамъ *бунтомъ* считается

¹⁾ Korean Repository, 1898, April, p. 127. Для объясненія нѣкоторыхъ пунктовъ приведенныхъ прошеній добавлю, что мясники обязаны бесплатно убивать жертвенныхъ животныхъ, число которыхъ въ каждой провинціи достигаетъ ежегодно 1.000 головъ и больше; за то они освобождаются отъ взноса податей и поэтому не вносятся въ списки населенія, предназначенные главнымъ образомъ для фиска.

„Мальчикомъ“ называютъ корейцы всякаго холостого мужчину безотносительно къ возрасту; онъ не въ правѣ носить шляпу, и женатые обращаются съ нимъ пренебрежительно. Между тѣмъ какъ „мальчикъ“ обязанъ относиться къ нимъ „почтительно“. За недостатокъ „почтенія“ женатые быють мальчиковъ крѣпко, даже по лицу. Единственно къ мясникамъ могутъ и „мальчики“ относиться высокоумѣрно и, конечно, не упускаютъ этого дѣлать.

не только ослушаніе императорскимъ распоряженіямъ, но простое *неповиновеніе* мѣстнымъ властямъ, даже легкое *неодобреніе* ихъ. Бунтъ наказывался смертью, безсрочной ссылкой и лишеніемъ имущества ¹⁾. Тѣмъ не менѣе отъ времени до времени вспыхивали серьезныя волненія, которыя усмирялись жестоко и беспощадно. Впрочемъ, они были рѣдки, такъ какъ терпѣніе корейцевъ выше всякихъ предѣловъ. Говорятъ, что это—высокая добродѣтель, но странно, что она вездѣ приноситъ обществу самые скверные плоды!

Глубокое невѣжество и суевѣрность корейскихъ крестьянъ вліяли обыкновенно неблагоприятно на ходъ и организацію народныхъ движеній, которыя легко направлялись властями въ удобную для нихъ сторону, напр., на христіанъ, иностранцевъ, буддистовъ, японцевъ и другихъ „нарушителей старинныхъ обычаевъ“, между тѣмъ какъ истинные угнетатели, дворяне и бюрократы, благополучно скрывались подъ шумъ погромовъ.

Законъ 1894 года уничтожилъ рабство, отмѣнилъ привилегіи дворянъ и чиновниковъ, провозгласилъ равенство всѣхъ передъ закономъ, но, кажется, что простой народъ изъ всѣхъ льготъ сумѣлъ отстоять для себя только право... носить шляпы, манъ-генъ и широкіе рукава; все остальное осталось по старому, и дворяне вмѣстѣ съ чиновниками по прежнему жмутъ и обируютъ простой народъ. Впрочемъ, и корейцы создали извѣстную форму пассивнаго сопротивленія, которая отвѣчаетъ ихъ робкому характеру и которою они пользуются только въ случаяхъ крайнихъ злоупотребленій.

¹⁾ „Описаніе Кореи“, часть II, стр. 395.

Въ Корей вѣсьма распространены всякаго рода союзы (кіе): производительные, потребительные, взаимопомощи ссудо-сберегательные и т. п.; есть тамъ общества, доставляющія своимъ членамъ средства для празднованія Новаго года, для держанія правительственнаго экзамена и т. п. Всѣ почти ремесла и кустарныя производства организованы въ цѣхи ¹⁾. Въ случаѣ особенно крупныхъ злоупотребленій или необыкновенной жестокости какого-либо правителя, пострадавшія общества устраиваютъ стачки. Исчезаютъ изъ окрестностей корейники, купцы запираютъ лавки, извозчики отказываются возить товары, похоронныя общества пріостанавливаютъ погребеніе покойниковъ и т. п. Общее недовольство все растетъ, и правительство обыкновенно уступаетъ, отмѣняетъ непопулярное распоряженіе или на время устраняетъ неловкаго чиновника. Впрочемъ, корейскій народъ пораженъ такимъ политическимъ безсиліемъ, что никогда не въ силахъ воспользоваться своей побѣдой... Нѣкоторое время спустя все обыкновенно возвращается къ прежнему положенію, и часто возвращается даже прогнанный лиходѣй-чиновникъ. Злоупотребленія продолжаются, исподоволь возрастая до новаго взрыва...

Въ Корей вся, положительно вся интеллигенція состоитъ на государственной службѣ; здѣсь нѣтъ независимыхъ интеллигентныхъ профессій. Опозиціонныя корейскія движенія это—или борьба различныхъ чиновничьихъ и дворянскихъ партій изъ-за мѣстъ и доходовъ, или простые, неосмысленные народные рефлексъ, вызванные нестерпимою болью.

¹⁾ О купеческихъ гильдіяхъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Воплощеніемъ хроническаго недуга корейской общественной и политической жизни считаются совершенно справедливо чиновники и дворяне. Въ началѣ существовали только *дворяне*. Они жили преимущественно въ городахъ и крѣпостяхъ, откуда управляли страной именемъ короля. Они образовали *два дѣленія* (янъ-банъ); одно, военнаго происхожденія, называлось *западнымъ* (сію-банъ), другое, гражданское — *восточное* (тонъ-банъ). Такой порядокъ застала при своемъ водвореніи нынѣ царствующая династія въ XVI столѣтіи. Дворянство (янъ-банъ) считалось у корейцевъ наследственнымъ и первоначально переходило только къ законнымъ дѣтямъ привилегированныхъ родителей. Современемъ число незаконныхъ дворянскихъ дѣтей отъ наложницъ возросло до такой степени, что они образовали значительную политическую силу и стали добиваться для себя тѣхъ же правъ, что и законныя. Указъ 1857 года сравнилъ въ правахъ законныхъ и незаконныхъ потомковъ янъ-баней. Янъ-бани подраздѣлялись на могущественные роды, поддерживавшіе своихъ членовъ въ ихъ борьбѣ за вліяніе и должности. Родъ Кимъ правилъ Кореей въ прошломъ столѣтіи при трехъ короляхъ, родъ Минъ, къ которому принадлежала убитая нѣсколько лѣтъ тому назадъ королева, владѣлъ *тысячью* должностей. Янъ-бани пользовались многими привилегіями. Прежде всего они были свободны отъ податей всякаго рода и отъ военной службы. Затѣмъ ихъ личность считалась неприкосновенной, даже появленіе во дворѣ янъ-баньскаго дома безъ разрѣшенія хозяина считалось преступленіемъ. Только женщины всѣхъ сословій имѣли туда свободный доступъ. Янъ-банъ могъ быть подвергнутъ аресту и заключенію только

съ королевскаго разрѣшенія. Только государственныя преступленія или дѣянія, подлежащія смертной казни, уполномочивали мѣстныя власти подвергать аресту на свой страхъ янъ-баней и затѣмъ доносить объ этомъ королю и просить у него санкціи.

На судѣ янъ-банъ отвѣчалъ стоя, въ то время какъ свидѣтели и обвиненные другихъ сословій давали свои показанія на колѣняхъ. Янъ-банъ въ пути занималъ въ гостиницахъ и на постоялыхъ дворахъ по закону лучшее мѣсто ¹⁾; путешествующаго янъ-баня запрещалось беспокоить кому-либо разспросами, разговорами или даже пристальнымъ осмотромъ. Спрошенный имъ человекъ болѣе низкаго сословія обязанъ былъ отвѣчать ему немедленно и съ глубочайшимъ почтеніемъ. Запрещалось курить въ присутствіи янъ-баня. Ъдущій верхомъ простолюдинъ, при встрѣчѣ съ янъ-банемъ или проѣзжая мимо его дома, долженъ былъ слѣзть съ лошади и идти пѣшкомъ. За неисполненіе малѣйшей изъ этихъ привилегій прислуга янъ-баней избивала безнаказанно виновныхъ палками. Янъ-банъ былъ въ правѣ путешествовать въ сопровожденіи свиты, число которой зависѣло отъ знатности и богатства ея господина. Конюшій велъ въ поводу верховую лошадь янъ-баня, а сзади за нимъ двигалась пѣшкомъ охрана; шествіе совершалось медленно и важно. Я не наблюдалъ нигдѣ уже такихъ шествій, кромѣ Сеула, гдѣ къ воротамъ параднаго императорскаго подѣзда все еще появляются иногда вельможи, генералы и высшіе сановники на бѣлыхъ коняхъ, засѣдланыхъ въ красныя

¹⁾ I. Бишонъ утверждаетъ, что янъ-бани и сейчасъ никогда не платятъ за ночлегъ въ гостиницахъ.

роскошныя сѣдла, подъ красными и желтыми зонтами, съ многочисленными и богато одѣтыми прислужниками.

Янъ-баньскаго достоинства лишали: судебный приговоръ, неравный бракъ и несоотвѣтственное занятіе. За участіе въ возмущеніи или заговорѣ противъ верховной власти янъ-баньскія права утрачивали не только виновники, но и ихъ дѣти и родственники, иногда до четвертаго колѣна. Бракъ со вдовой или рабыней лишалъ дворянскаго достоинства дѣтей, прижитыхъ отъ этого брака. Занятіе торговлей или ремеслами тоже грозило утратой дворянскаго званія, такъ какъ считалось неприличнымъ для янъ-баня добывать себѣ пропитаніе другимъ путемъ, кромѣ гражданской и военной службы да земледѣлія, причемъ послѣднее производилось, конечно, при помощи рабовъ или наемниковъ. Въ этомъ отношеніи обычаи и законы корейскаго дворянства были согласны съ обычаями и законами дворянства европейскаго. Исключеніе составлялъ, пожалуй, только законъ относительно дворянскихъ вдовъ, запрещавшій имъ вторичный бракъ, такъ какъ онѣ, согласно восточному взгляду на женщинъ, считались *собственностью покойника*. Но грамоты корейскихъ янъ-баней содержали кромѣ того параграфы, примѣры которыхъ находимъ только въ Россіи ¹⁾. Прежде всего они признавали дворянское достоинство за *всѣми состоящими на государственной службѣ чиновниками*, затѣмъ онѣ *обязывали всѣхъ янъ-баней къ государственной службѣ* ²⁾.

¹⁾ Относящіяся къ этому указы и чинопроизводство крайне близко подходятъ къ табели о рангахъ и соотвѣтственнымъ указамъ Петра Великаго и Екатерины II.

²⁾ „Описаніе Корей“, ч. I, стр 350—356.

Семьи, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ (часто одного) поколѣнія не занимали государственныхъ должностей, хотя бы самыхъ маленькихъ, теряли дворянское званіе и связанныя съ нимъ привилегіи ¹⁾. И случилось со временемъ, что корейское чиновничество слилось въ одно съ корейскимъ дворянствомъ. Янъ-бани оставили сельское хозяйство и перебрались на житье въ города. Земли свои они или распродали, или роздали въ долгосрочную аренду крестьянамъ. Постепенно корейскій народъ раскололся на двѣ неравныя половины: управляемыхъ, работающихъ плательщиковъ и управляющихъ, составителей бумагъ и сборщиковъ податей. Среднее сословіе (чжюнь-и или чжюнь-сарамы) всегда было крайне малочисленно и лишено всякаго политическаго вліянія. Оно состоитъ изъ лицъ, занимающихся по наслѣдству спеціальными искусствами и ремеслами: изъ врачей, астрологовъ, художниковъ, счетоводовъ (казенныхъ) и т. п. Къ нимъ причисляютъ также мелкихъ провинціальныхъ чиновниковъ, писцовъ, секретарей, архиваріусовъ и т. д.

Ложная бюрократическая идея, позаимствованная Кореей у Китая, въ моментъ особеннаго истощенія страны войнами XVI столѣтія, дала въ высшей степени вредные плоды. Оторванные отъ всякаго общенія съ народомъ, лишенные возможности иного труда и средствъ къ жизни, кромѣ службы, янъ-бани, побуждаемые нуждою, понятно стремились къ умноженію служебныхъ мѣстъ и увеличенію жалованія. Борьба изъ-за нихъ между различными янъ-баньскими родами не разъ ввергала государство въ волненія и раздоры.

¹⁾ „Описаніе Кореи“, ч. I, стр. 350—356.

Побѣдители торопились укрѣпить за собой положеніе, воспользоваться удачей и наполнить карманы — собственные, своихъ приспѣшниковъ и родственниковъ. Даже честнѣйшій изъ нихъ принужденъ былъ прикрывать злоупотребленія послѣднихъ, такъ какъ безъ ихъ помощи онъ не только не достигъ бы занимаемой должности, но немедленно потерялъ бы ее въ случаѣ ихъ отреченія отъ него и даже попалъ бы въ тюрьму или подвергся ссылкѣ. Этотъ обычай взаимнаго укрывательства чиновниками своихъ служебныхъ преступленій и замѣчательная солидарность всѣхъ чиновниковъ государства по отношенію къ другимъ гражданамъ врядъ ли проявляются гдѣ-либо такъ ярко какъ въ Корей.

По корейскому обычаю, каждый янъ-банъ, получившій назначеніе, долженъ былъ содержать не только своихъ родителей, но еще и всѣхъ близкихъ родныхъ и, кромѣ того, помогать даже дальнимъ родственникамъ. Это не только обычай, но обязанность, несоблюденіе которой было сопряжено для чиновника съ большими непріятностями всякаго рода со стороны его же родни. При такихъ условіяхъ неудивительно, что чиновники для удовлетворенія всѣхъ требованій своей иногда многочисленной родни не обходились безъ того, чтобы не брать взятокъ и не производить всякихъ неправильныхъ поборовъ съ народа.

Кромѣ того, у вновь поступившаго на должность есть обыкновенно долги, которые онъ сдѣлалъ во время ученія и для держанія экзаменовъ, что стоитъ не мало. Затѣмъ ему пришлось дорого заплатить за самое опредѣленіе на должность своимъ начальникамъ, наконецъ онъ ни минуты не увѣренъ въ прочности своего поло-

женія. Понятно, что онъ торопится воспользоваться случаемъ. Большинство янъ-баней нуждается, даже нищенствуетъ, такъ какъ несмотря на всѣ чиновническія ухищренія число должностей возрастаетъ медленнѣе числа янъ-баньскихъ семействъ. По Лубенцову, количество дворянъ равняется въ Корей $\frac{1}{3}$ всего населенія полуострова ¹⁾.

Страхъ утраты дворянскихъ привилегій и низверженія въ податное, безправное сословіе удерживаетъ янъ-баней отъ низкихъ, *неблагородныхъ* занятій. Каждый изъ нихъ питаетъ надежду, что раньше или позже судьба улыбнется ему и онъ получитъ доходную должность, на которой быстро вознаградитъ себя за голодъ, холодъ, униженія, за зимы, проведенныя безъ топлива, за лѣто, прожитое безъ крова, за насмѣшливые взгляды и пренебрежительные отвѣты болѣе зажиточныхъ мужиковъ и купцовъ.

Множество анекдотовъ о бѣдныхъ янъ-баняхъ вращается среди корейскаго крестьянства. Приведу одинъ изъ нихъ ради примѣра: „Однажды янъ-банъ гулялъ по селу. Когда онъ проходилъ мимо ужинающихъ крестьянъ, тѣ поздравили его обычнымъ: „Кушали-ли вы уже, господинъ?“— „Нѣтъ, я не кушалъ!“— отвѣтилъ янъ-банъ. Тогда поселяне вѣжливо пригласили его къ своему столу. Янъ-банъ страшно обидѣлся, выругалъ и побилъ мужиковъ. Прошло нѣкоторое время, и опять янъ-банъ гулялъ по селу и проходилъ мимо ужинающихъ поселянъ. Тѣ опять привѣтствовали его обычнымъ: „Кушали ли вы, господинъ?“ „Нѣтъ, я не кушалъ!“—отвѣтилъ тотъ. Мужики въ этотъ разъ промолчали. „Зачѣмъ не приглашаете меня?“—спросилъ тогда янъ-банъ.

¹⁾ „Описаніе Корей“, ч. I, стр. 356.

„Не смѣемъ обращаться съ Вашей милостью, какъ съ нашимъ товарищемъ“.— „А что вы такое ѣдите?“—спросилъ снисходительно янъ-банъ. — „Крупно-зернистое просо (чумидзе)“.— „Развѣ такъ? Развѣ бываетъ до такой степени крупно-зернистое просо? Дайте, попробую, что за удивительное просо?!“ Ваялъ ложку, сълъ и ѣлъ съ людьми по-человѣчески. (Korean Repository, у. 1898, р. 180).

Народные разказы о голодныхъ янъ-банахъ напоминаютъ испанскіе анекдоты о гордыхъ и голодныхъ „гидалъго“. Очевидно, одинаковыя причины вызываютъ подѣ самыя различныя широтами тѣ же слѣдствія. Нельзя, напримѣръ, не отмѣтить замѣчательнаго сходства между корейскими „мунъ-гѣками“ и нѣмецкими „кнехтами“, польскими „дворянами“ знатныхъ вельможъ и римскими „кліентами“. Только „мунъ-гѣки“ превзошли всѣхъ ихъ, за исключеніемъ развѣ русской „опричины“, своимъ нахальствомъ и насиліями. „Мунъ-гѣки“ это бѣдные янъ-бани, пристроившіеся въ качествѣ приживальщиковъ у богатыхъ и вліятельныхъ сородичей-чиновниковъ. Въ расчетѣ на ихъ протекцію и въ ожиданіи мѣста они посѣщаютъ ежедневно ихъ домъ и исполняютъ множество мелкихъ услугъ, сообщаютъ имъ городскія сплетни, читаютъ вслухъ письма и книги, пишутъ по ихъ порученію отвѣты, защищаютъ своихъ покровителей въ случаѣ ихъ столкновенія съ другими вельможами или сами нападаютъ по ихъ указанію на ихъ недруговъ. Передняя богатаго корейца всегда полна этихъ личностей, которыя, сказавши ему по-утру привѣтствіе, считаютъ себя уже въ правѣ весь день ѣсть и пить въ его домѣ, курить хозяйскій табакъ, носить хозяйское платье, писать его кистями и, если это возможно... расходовать его деньги. Самые

вліятельные сановники не осмѣливаются прогнать этихъ нахаловъ и должны многое имъ извинять. Въ Корей, странѣ самоуправства, насилія, безправія, мунъ-гяки необходимы даже хорошимъ и справедливымъ правителямъ, такъ какъ безъ нихъ они не только беззащитны передъ враждебными имъ насильниками, но и не въ силахъ провести малѣйшихъ своихъ начинаній. Мунъ-гяки представляютъ орудіе непосредственнаго воздѣйствія, штабъ приближенныхъ и вѣрныхъ исполнителей, резервъ чиновниковъ и необходимыхъ пособниковъ для удержанія вліянія. Мунъ-гяки славятся способностью раздобывать деньги. Ради этого они часто просто-напросто хватаютъ зажиточнаго купца или ремесленника и уводятъ его въ плѣнъ, часто въ домъ своего покровителя. Они держатъ несчастныхъ въ заточеніи, бьютъ и морятъ ихъ голодомъ, требуя за освобожденіе выкупа. Выкупъ этотъ принимается какъ „добровольный заемъ“, но не было примѣра уплаты такого рода долговъ. Иногда мунъ-гяки приобрѣтаютъ для видимости по всей формѣ домъ у какого-нибудь горожанина и сейчасъ же перепродаютъ его, не уплативши владѣльцу обѣщанной суммы. Часть вырученныхъ ихъ мошенничествами денегъ забираетъ себѣ часто ихъ сановный покровитель. Вслѣдствіе этого никто не смѣетъ жаловаться или требовать возмѣщенія убытковъ, да и старанія эти не увѣнчались бы успѣхомъ ¹⁾.

Вообще янъ-бани всѣхъ положеній и чиновники угнетаютъ и грабятъ народъ неусыпно и ведутъ себя такъ, какъ будто Корея была создана исключительно

¹⁾ Korean Repository, 1895, pp. 367—369.

для нихъ. Реформа 1894 г. вызвала переполохъ во всей корейской чиновничьей бандѣ, но она быстро пришла въ себя и нашла тысячу средствъ повернуть все по старому и пустила въ ходъ интриги и солидарное противодѣйствіе распоряженіямъ высшихъ властей. Г-жа Бишопъ совершенно правильно уже по провозглашеніи реформъ сказала въ Сеулѣ на одномъ изъ своихъ публичныхъ чтеній: „Въ Корее существуетъ только два класса людей: ограбленные и грабители“.

— Жители столицы не въ силахъ даже вообразить себѣ того, что происходитъ въ провинціи! — жалуется публицистъ-англичанинъ, перечисляя цѣлый рядъ злоупотребленій, изъ которыхъ приведу нѣкоторыя ради примѣра.

Въ городѣ Со-хонгъ, въ 120 миляхъ на сѣверъ отъ столицы, *пять* чиновниковъ въ продолженіе *пяти* лѣтъ перебрали съ жителей лишнихъ 14.000 долл. податей. Два года тому назадъ, когда провозглашены были реформы, плательщики пожаловались министру внутреннихъ дѣлъ, послѣ чего эти пять чиновниковъ были арестованы и препровождены въ Сеулъ. Но вскорѣ они вернулись къ своимъ занятіямъ; однако, жители воспротивились этому и заставили назначить комисію для изслѣдованія злоупотребленій подъ предсѣдательствомъ губернатора. Комисія нашла жалобу жителей правильной и приказала 5-ти чиновникамъ вернуть *незначительную* часть присвоенныхъ 14.000 долл. Губернаторъ уплатилъ казнѣ 4.000 долл.; 1.800 долл. получили обратно плательщики, 2.700 получило *одно* лицо. Граждане остались недовольны этимъ рѣшеніемъ, но губернаторъ приказалъ арестовать протестующихъ и четырехъ изъ нихъ, какъ оказалось, продержалъ въ тюрьмѣ всю

зиму... Студентъ одной городской конфуціанской школы, умершій 12 лѣтъ тому назадъ, завѣщалъ этой школѣ *два акра* (десятину) земли. Поступокъ вполне похвальный. По истеченіи 5-ти лѣтъ со дня смерти жертвователя, школа (учрежденіе официальное, бюрократическое) потребовала 340 акровъ земли у окрестныхъ крестьянъ. На протесты собственниковъ чиновники не обращали никакого вниманія, и только въ годъ реформъ захваченныя земли были возвращены пострадавшимъ. Въ настоящее время реакціи школьныя власти опять завладѣли землей, доказывая, что распоряженія прежняго министра внутреннихъ дѣлъ лишены *теперь* всякаго значенія. Оба приговора и прежній, и новый были отняты у крестьянъ, и собственники были принуждены очистить захваченныя у нихъ земли.

Въ одной префектурѣ близъ Чемульпо,—пишетъ другой корреспондентъ, — власти взымали 10⁰/о сверхъ податей въ пользу „правительственныхъ курьеровъ“. Эти поборы были отменены 4 года тому назадъ (въ періодъ реформъ), но теперь они опять взимаются и приказано крестьянамъ уплатить не только 10⁰/о сверхъ общей суммы текущихъ податей, но и всѣ недоимки за прошлые годы, хотя населеніе этой мѣстности пострадало отъ неурожая. И поборы были взысканы. О своихъ начальникахъ, о чиновникахъ и правительственныхъ курьерахъ, когда тѣ проходятъ мимо, говорятъ корейцы: „Вотъ идутъ разбойники!“ или обзываютъ ихъ еще худшими прозвищами, но... слушаются ихъ.

Къ самымъ ненавистнымъ для населенія „темнымъ поборамъ“ принадлежитъ незаконная надбавка для „правительственныхъ курьеровъ“. Она была воспрещена

особымъ императорскимъ указомъ, и несмотря на то „со всѣхъ сторонъ приходятъ жалобы, что прежніе поборы возобновились даже въ *десятикратныхъ* размѣрахъ“, жалуется другой корреспондентъ ¹⁾. Корея буквально полнымъ полна мелкихъ, худо вознаграждаемыхъ чиновниковъ. Ихъ вездѣ много, и они во все вмѣшиваются и всюду шныряютъ, разыскивая поживу. Корейское купечество, ремесленники и крестьяне до того боятся ихъ алчности, что елико возможно скрываютъ отъ нихъ источники своихъ доходовъ и заработка, прикидываясь нищими. Ради этого всякій старается производить по возможности все дома, чтобы возможно менѣе продавать и покупать.

¹⁾ Этихъ „правительственныхъ курьеровъ“—са-ріонъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ почтовыми или волостными скороходами и курьерами (санга-рима), которыхъ раньше содержали почтовые станціи ради быстрой экспедиціи болѣе важныхъ правительственныхъ бумагъ и пакетовъ. Са-ріонъ это обыкновенно мелкіе чиновники провинціальныхъ и уѣздныхъ правленій, высылаемые куда-нибудь съ опредѣленными порученіями или съ особо важными правительственными указами. Кромѣ нихъ разъѣзжаетъ по странѣ много другихъ чиновниковъ по всякимъ дѣламъ; такія поѣздки вообще имъ нравятся, такъ какъ приносятъ имъ крупныя барыши. Всякій чиновникъ раньше былъ въ правѣ требовать себѣ *три* лошади бесплатно и *шесть* человѣкъ стражи; самые мелкіе чиновники получали одну или двѣ лошади и отъ 2 до 4-хъ человѣкъ прислуги. Все это было даромъ въ попутныхъ деревушкахъ и даромъ перевозило товары, продажа которыхъ давала имъ хорошую выручку. Точь въ точь такое же явленіе наблюдается и по сей день въ Россіи, главнымъ образомъ на окраинахъ и въ Сибири. Только явленіе это называется тамъ „командировками“. Такія командировки начальствомъ предоставляются „для поправки“ чиновникамъ почему-либо пострадавшимъ, проигравшимъ въ карты, потерпѣвшимъ убытки въ личныхъ предпріятіяхъ или стремящимся къ перемѣнѣ жизни: женитьбѣ, мебели-

Чтобы заставить крестьянина засѣять больше хлѣба, купцы принуждены давать имъ большіе задатки подѣ будущіе урожаи, иначе онъ не примется за работу... Вообще въ Корей никто не станетъ работать безъ платы впередъ,—говоритъ одинъ знатокъ мѣстной жизни ¹⁾. Происходитъ это и отъ бѣдности, и отъ отсутствія довѣрія къ заказчику, и въ видахъ собственной своей безопасности,—кореецъ привыкъ считать своимъ только то, что у него въ данный моментъ въ рукахъ. Но и тутъ онъ часто ошибается. Вотъ примѣръ: съ давнихъ поръ чиновники захватили въ свои руки торговлю мясомъ. Благодаря тому, что древній законъ воспрещалъ убиваніе рогатаго скота безъ разрѣшенія властей, послѣднія стали за значительное вознагражденіе продавать право торговли убойной особымъ откупщикамъ. Хотя корейцы презираютъ мясниковъ, убивающихъ животныхъ, но торговцы мясомъ пользуются среди нихъ большимъ почетомъ. Случилось въ 1897 году, что начальникъ округа Канъ-гоа сдѣлалъ одного изъ

ровкѣ квартиры и т. п. Въ Сибири объ этомъ говорится въ чиновничьихъ кругахъ совершенно открыто; торговля водкой, какъ доходная статья въ мѣстахъ, гдѣ ввозъ спирта воспрещенъ закономъ, стала монополіей такихъ развѣзжающихъ по дѣламъ службы чиновниковъ, даже врачей, фельдшеровъ и... священниковъ. Достаточно просмотрѣть „Якутскія Епархіальныя Вѣдомости“, гдѣ печатаются иногда архіерейскіе выговоры, чтобы убѣдиться, что это—явленіе глубоко укоренившееся и общераспространенное. Командировки также ненавидимы сибирскимъ населеніемъ и вообще окраиннымъ населеніемъ Россіи, какъ ненавидимы са-ріонъ въ Корей. Оба эти явленія того же происхожденія и того же характера, они плоды долгаго бюрократическаго режима и вполнѣ опредѣлившагося бюрократическаго строя жизни.

¹⁾ Korean Repository, 1897, p. 110.

своихъ подчиненныхъ торговцемъ мяса для города Янь-чжю. Министерство торговли, промышленности и земледѣлія въ Сеулѣ, не зная о мѣстномъ назначеніи, уступило за извѣстное вознагражденіе право торговли мясомъ другому лицу. Когда это лицо появилось въ Янь-чжю и принялось за торговлю, мѣстные полицейскіе напали на него, связали и отвели въ канцелярію начальника округа. Тамъ несчастнаго безъ дальнѣйшихъ разспросовъ посадили въ тюрьму и подвергли пыткамъ. Купецъ, спасая жизнь и свободу, выдалъ полученное въ министерствѣ свидѣтельство и отказался отъ предпріятія ¹⁾.

Торговыхъ монополій въ Корей существуетъ, конечно, очень много. Вопреки закону, запрещающему янь-банямъ и чиновникамъ заниматься торговлей, послѣдніе тайкомъ черезъ подставныхъ лицъ участвуютъ во всевозможныхъ предпріятіяхъ, устраняя конкурентовъ всѣми доступными имъ средствами.

Подати и торговая пошлины взимаются въ Корей безъ всякаго контроля и отчета, хотя тысячи чиновниковъ заняты съ утра до ночи составленіемъ безчисленнаго количества бумагъ и отношеній, а другія тысячи заняты ихъ исполненіемъ и препровожденіемъ. М-ръ Хѣнтъ, комиссаръ фузанской таможни сообщаетъ, что ни одна сдѣлка въ Корей не обходится безъ уплаты особаго налога „ку-мунь“, который не только не вносится въ податныя книги, но неизвѣстно даже кѣмъ взимается и въ чью пользу.

На всѣхъ большихъ дорогахъ въ болѣе оживлен-

¹⁾ „Independent“—газета, издаваемая клубомъ „Независимости“ въ Сеулѣ. Цитиров. по „Описанію Кореи“, ч. II, стр. 222.

ныхъ мѣстностяхъ второстепенные провинціальные чиновники за незначительную мзду, уплаченную „начальству“, устраиваютъ заставы, на которыхъ взимаютъ съ товаровъ по своему усмотрѣнію пошлины. Тотъ же Хэнтъ сообщаетъ, что въ провинціи Кіёнъ-санъ-до существовало ихъ 17, что на рѣкѣ Накъ-тонъ-ганъ находилось ихъ *четыре* и что портъ Фузанъ окружала цѣпь *десяти* заставъ. Въ Гензанѣ такая застава была устроена на самой пристани. Въ Фузанѣ въ 1893 году, подъ предлогомъ содѣйствія морской торговлѣ, корейскіе чиновники основали общество морского страхованія. Въ задачу его входило тоже *посредничество* въ торговыхъ сношеніяхъ между туземцами и иностранцами, улаживаніе возникавшихъ на этой почвѣ *недоразумѣній*, назначеніе цѣнъ и т. д. Понятно, что японскіе и европейскіе купцы сразу сообразили въ чемъ дѣло и встрѣтили непрошеннаго посредника чрезвычайно недружелюбно. За то корейскіе купцы принуждены всѣ уплачивать дань этому новому гнѣзду чиновничьяго разбоя; они обязаны выкупать у общества свидѣтельства, удостовѣренія и большинство своихъ дѣлъ производить при его посредствѣ ¹⁾.

Сами туземцы объясняли мнѣ совершенное исчезновеніе нынѣ творчества и предпримчивости въ своей средѣ, паденіе торговли, ремеслъ, искусствъ, наукъ— все той же грабительской чиновничьей политикой.

— Правда,—говорилъ мнѣ однажды образованный кореецъ,—были у насъ нѣкогда искусные художники и мастера, которые выдѣлывали прекрасные предметы изъ фарфора, дерева, лака и кости, но всѣхъ ихъ по-

¹⁾ Report on the Trade of Corea for the Year 1893, p. 5—7.

губили наши янъ-бани и сановники. Они приглашали къ себѣ въ домъ такихъ мастеровъ, а если тѣ не приходили добровольно, то ихъ приводили силой. На дому ихъ заставляли выдѣлывать всякіе художественные предметы... Изъ зависти, чтобы мастеръ не сдѣлалъ впослѣдствіи такія же вещи другимъ или чтобы онъ не сбѣжалъ, господа держали его почти въ заточеніи. Всю жизнь иногда бѣдняга принужденъ былъ работать такимъ образомъ. За труды ему даже не платили, а когда издѣлія его оказывались недостаточно хороши, его мучали и наказывали. Поэтому способные люди проникались отвращеніемъ къ своему призванію, проклинали свое дарованіе и избѣгали передавать знанія своимъ сыновьямъ или ученикамъ. разъясняя имъ, что „наши свѣдѣнія и умѣніе погубили насъ, оставайтесь лучше простыми, темными мужиками“. Вотъ почему исчезли у насъ прежніе мастера или сбѣжали... въ Японію!

Но, можетъ быть, эта чиновничья организація, столь дѣятельная въ своихъ злоупотребленіяхъ, необходима для огражденія страны отъ внутреннихъ враговъ, гарантируетъ ей безопасность отъ хищеній, разбоевъ, злоумышленниковъ? Ничуть не бывало! Грабежи, воровство, убійства, насилія представляютъ въ Корей обычныя явленія. Корейская полиція и корейское правосудіе до того лихоимны, что вышеупомянутый просвѣщенный кореецъ сказалъ мнѣ по поводу ихъ:

— Въ Корей законъ существуетъ только для богатыхъ. Богатый можетъ безнаказанно убить человѣка, и судъ за деньги оправдаетъ его; человѣкъ же невинный если не въ состояніи откупиться, будетъ за пу-

стякъ заключенъ въ тюрьму и безъ всякой вины осужденъ!..

Для характеристики полицейско-судейскихъ нравовъ приведу здѣсь отрывокъ о корейскихъ разбойникахъ, позаимствованный изъ англійскаго журнала, издававшагося въ Сеулѣ.

„Со всѣхъ сторонъ приходятъ сообщенія о дѣйствіяхъ многочисленныхъ шакъ разбойниковъ и воровъ. Ежегодно эти люди появляются на дорогахъ, точно тигры, выгнанные зимними вѣтрами изъ своихъ пристанищъ. Обыкновенно они шляются шайками въ 30—90 человекъ, которые дѣйствуютъ нагло и открыто, такъ какъ предводители умѣютъ заручиться друзьями, гдѣ слѣдуетъ, и увѣрены въ своей безнаказанности. Обыкновенно они скрываются у дорогъ и нападаютъ на прохожихъ, которыхъ грабятъ дочиста, а съ сопротивляющимися обращаются крайне жестоко. Иногда отнимаютъ все, даже раздѣваютъ до гола. Не останавливаются они также передъ убійствами лицъ безотносительно къ ихъ полу и возрасту.

„Недавно они убили девятилѣтняго мальчика на дорогѣ изъ Сеула въ Чемульпо; у него было съ собою всего 50 сеновъ, и возможно, что малый размѣръ добычи разозлилъ негодяевъ. Шайки нападаютъ и на деревни. Дѣлаютъ это они ночью, когда жители спятъ; громкимъ ударомъ въ гонгъ грабители предостерегаютъ, чтобы никто не смѣлъ выходить изъ дома, затѣмъ они по очереди обходятъ дома, забирая все, что имъ заблагоразсудится. Ужасъ охватываетъ жителей, такъ какъ негодяи не удовлетворяются грабежомъ, но даютъ волю своему сладострастію, жестокости и мстительности. Нагрузивши добычу на лошадей, они на

разсвѣтъ уходятъ въ городъ. Такія шайки корейцы называютъ добродушно „псу-ганъ-донгъ“, — беззаботными шайками, въ виду того, что онѣ, ничего не дѣлая, пользуются чужимъ трудомъ. На югѣ онѣ нападаютъ днемъ на деревни и грабятъ открыто прохожихъ; на сѣверѣ, въ окрестностяхъ Па-чжю, онѣ обираютъ купцовъ, ѣдущихъ съ товарами. Шестъ лѣтъ тому назадъ намъ пришлось проѣзжать чрезъ этотъ городъ, и мы тамъ видѣли пойманную шайку грабителей. Долгое время она приводила въ трепетъ весь округъ, и власти тщетно гонялись за ней; наконецъ мужикамъ надоѣли негодяи, и они поймали 60 человекъ. Судьба такихъ разбойниковъ быстро рѣшается, разъ они попадаютъ въ руки правосудія. Ихъ ожидаетъ казнь, если только у нихъ нѣтъ достаточныхъ средствъ или вліянія для своего спасенія. Этихъ вліяній въ данномъ случаѣ оказалось достаточно. Хотя всѣ 60 были пойманы съ поличнымъ, тѣмъ не менѣе власти выпустили ихъ на свободу. Возможно, что тѣ же самые люди опять наводятъ страхъ въ окрестностяхъ того же города“ ¹⁾.

„Въ то же время чиновники чрезвычайно озабочены прерогативами престола и соблюденіемъ старыхъ обычаевъ,—добавляетъ англійскій писатель ²⁾.—Всѣ свои беззаконія они стремятся оправдать заботой объ этихъ двухъ вещахъ“. Въ болѣе важныхъ обстоятельствахъ выдвигается впередъ любовь къ отечеству, преданность царствующему дому и въ результатѣ доносъ. Доносъ обязателенъ для всѣхъ гражданъ въ Корей, какъ вообще

¹⁾ Korean Repository, 1897, vol. IV, December.

²⁾ Ibid, p. III.

и въ другихъ бюрократическихъ государствахъ. Однако, здѣсь запрещено доносить младшимъ на старшихъ, сыну и дочери на родителей, внукамъ—на дѣда и бабу, чѣмъ и отличается обязанность доносчика въ Корей отъ тѣхъ же обязанностей въ странахъ, по управленію схожихъ съ ней; только въ Китаѣ доносчики ограничены такими же законами. Доносчикъ получаетъ въ Корей въ награду отъ 30 до 250-ти кусковъ бумажной ткани, сообразно съ важностью раскрытаго имъ преступленія. За ложный доносъ угрожаетъ наказаніе одной степенью меньше наказанія, угрожавшаго невинно оговоренному.

Благодаря такому режиму на всей корейской жизни лежитъ траурная окраска, все придавлено, лишено предпріимчивости и жизнерадостности, которыхъ такъ много по сосѣдству въ Японіи. Малѣйшая переменна всѣхъ пугаетъ, и корейское общество, точно изъязвленное, наболѣвшее тѣло, жмется отъ легчайшаго свѣжаго дуновенія. Вездѣ царить недовѣріе, подозрительность и вытекающія изъ нихъ замкнутость въ личныхъ сношеніяхъ и равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ. Корейская мысль избѣгаетъ широкихъ общественныхъ размышленій, знаніе питается до настоящаго времени переводами съ китайскаго; міросозерцаніе теряется въ сухихъ оппортунистическихъ разсужденіяхъ Конфуція, этого типичнаго философа бюрократіи.

Выращивать длинные погги, носить соотвѣтственное своему положенію платье, ничего не дѣлать, никому и ни въ чемъ не прекословить, почитать старшихъ и начальство, жить въ согласіи со всѣми, вѣжливо стониться злыхъ и сильныхъ, а главное, соблюдать обычаи, правила благочинія и благовоспитанности, вы-

даваемые мудрецами бюрократовъ за „мудрость въ-ковъ“,—вотъ что стало въ Корей догматомъ всякаго приличнаго и уважающаго себя туземца.

— Мо-гу-рай!.. мо-гу-рай!.. — говорить глубокомысленно интеллигентный кореецъ, означая этимъ словомъ стремленіе къ *внутреннему* самоусовершенствованію и упражненію въ *отвлеченномъ* мышленіи.

Слово это переводится также „лягушка“. Мо-гу-рай не обязываетъ къ проявленію наружу внутренняго совершенства. Наоборотъ, оно обязываетъ къ самообладанію и сдерживанію чувствъ, какъ хорошихъ, такъ и злыхъ. Кореецъ изъ общества никогда не позволитъ себѣ проявить гнѣвъ, закричать, вспыхнуть; онъ ничему не удивляется и ничему не радуется, ничего рѣзко не порицаетъ, но и ничѣмъ не восхищается... Мягкая снисходительность съ примѣсю скептицизма скрашиваетъ всѣ его разсужденія ¹⁾.

Къ счастью, эта умственная „жаба“, прилежно прививаемая въ продолженіе многихъ столѣтій мѣстному населенію китайскими философами временъ упадка, не поглотила окончательно народной души. Уже въ Ію-чи-сонъ-намъ въ XV вѣкѣ говорится съ уваженіемъ о Кюмъ-гунѣ, который въ засуху, когда народъ вслѣдствіе голода продавалъ своихъ дѣтей для прокормленія себя, не принялъ предназначенной себѣ правительствомъ части хлѣба; правда, жертва его попала въ худыя руки: чиновники украли хлѣбъ и отравили жертвователя, чтобы скрыть концы, но память о благородномъ поступкѣ жива. Въ той же книгѣ въ спискѣ

¹⁾ Ученіе это въ общемъ чрезвычайно сходно съ ученіемъ о „непротивленіи злу“ насильемъ.

замѣчательныхъ гражданъ упоминается Кимъ-ху-чжикъ, изъ могилы котораго раздались рыданія, заставившія короля Силли предпринять нужныя реформы; тамъ же упоминается Цхо-чи-уонъ, знаменитый путешественникъ и ученый, котораго завистливые чиновники принудили сдѣлаться отшельникомъ.

Съ тѣхъ поръ списокъ благородныхъ борцовъ за правду сильно возросъ, такъ какъ ни одно живое общество не можетъ существовать безъ постоянной борьбы за справедливость, безъ дѣятельнаго добра...

XX. Историческій обзоръ.

Первое упоминаніе о Корей найдено въ китайскихъ лѣтописяхъ съ III столѣтія до Рождества Христова. Въ нихъ разсказывается о войнахъ удѣльнаго княжества Янъ (по-корейски Іонъ) съ государствомъ Цзо-сіонъ, занимавшимъ земли на востокъ отъ рѣки Ляо-хэ, т. е. полуостровъ Ляо-дунскій и южную Манчжурію вплоть до горнаго узла Пяк-ту-санъ у истоковъ рѣки Ялу (Амнокъ-канъ), а также часть сѣверо-западной Кореи до рѣки Тя-дон-ганъ (объ нынѣшнія провинціи Пхіонъ-анъ-до). Дальше на востокъ, по р. Ту-манъ-ганъ и въ сѣверной половинѣ провинціи Хамъ-гіонъ-до, жили тогда пастушескія племена Кю-гу-рію, которыя разводили много лошадей и рогатаго скота, но земли воздѣлывали мало. По всей вѣроятности, они принадлежали къ тунгусскимъ племенамъ и пришли съ сѣвера. Они носили цвѣтную узорчатую одежду, расшитую серебромъ, золотомъ, бусами и камнями. Они любили сходбища, торжества, музыку и гулянья. Они почитали Духовъ Неба и Земли, Утреннюю Звѣзду и невидимыя силы природы... На могилахъ они ставили каменные памятники и кругомъ садили сосны. Они отличались силой, ловкостью, были

мужественны и гостепріимны. Они не знали тюремъ; преступника судили родовые начальники и обыкновенно приговаривали къ смертной казни, а жену и дѣтей его *отдавали въ рабство*. У нихъ была собственная грамота и литература. Пришли Кё-гу-ріё по преданіямъ изъ-за хребта Чень-бо-шань, со средняго теченія Сунгари, гдѣ они отдѣлились отъ отечественнаго пня тамошняго племени Фу-ю (по корейски — Пху-ю) ¹⁾. Южную же часть полуострова заселяли земледѣльческія племена, незнавшія совсѣмъ укрѣпленныхъ городовъ и жившія въ землянкахъ со входомъ въ крышѣ. Они одѣвались въ шелка, хотя знали уже хлопокъ и ленъ ²⁾. Они употребляли бусы, какъ украшенія, заплетали ихъ въ волосы, вѣшали на лицѣ и въ ушахъ; ноги они обували въ соломенные сандалии. Они слыли какъ храбрые, дикіе воины, умѣлые стрѣлки изъ лука, и метальщики дротиковъ ³⁾. Эти южныя, родственныя племена говорили на похожихъ діалектахъ и образовали три родовыя группы (по-китайски—хань), сообразно занимаемымъ территоріямъ: Ма-хань на западѣ, Чинь-хань—на востокъ и Піюнь-хань—на югѣ. Первая,

1) Лѣтописцы указываютъ на большое сходство вѣрованій, обычаевъ, развлеченій и характера племенъ Кё-гу-ріё и тунгусовъ съ одной стороны, а древнихъ японцевъ—съ другой. Дѣйствительно сходство поразительное, и, надо думать, произошло вслѣдствіе распространенія обычаевъ Кё-гу-ріё по всему полуострову во время политическаго верховенства этого народа въ Корей, откуда перешло въ Японію впослѣдствіи, вмѣстѣ съ корейскими эмигрантами.

2) Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о японской крапивѣ или конопцѣ, такъ какъ льна нѣтъ и не было въ Корей.

3) Korean Repository, 1895, p. 222. Хельбертъ позагааетъ, что это были малайцы.

самая крупная состояла изъ 54 родовъ, двѣ другія имѣли по 12 родовъ. Онѣ управлялись, согласно родовому праву, начальниками и старшинами. Постепенно, подѣ вліяніемъ китайскихъ эмигрантовъ и подѣ давлениемъ постоянной борьбы за свою независимость съ военными сосѣдями и морскими разбойниками, эти родовыя группы превратились въ сильно организованныя военныя государства.

Во II вѣкѣ до Р. Хр. государство Цзо-сіонъ попадаетъ подѣ власть Китая, но уже въ началѣ перваго вѣка послѣ Р. Хр. Кё-гу-ріо стремятся опять присоединить эти земли къ Корей, въ чемъ успѣваютъ во II в. по Р. Х., завоевывая всю территорію вплоть до Ляо-хэ и весь югъ Манчжуріи. Съ того момента Кё-гу-ріо пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе на полуостровѣ и распространяясь все дальше къ югу приходитъ въ соприкосновеніе съ тамошними корейскими племенами. Тамъ уже успѣли сложиться къ тому времени два государственныхъ организма, раздѣленные другъ отъ друга высокимъ горнымъ хребтомъ: одинъ на восточномъ берегу полуострова, другой—на западномъ. Въ IV столѣтіи по Р. Х. существовали значить въ Корей три независимыхъ государства: на сѣверѣ Кё-гу-ріо (по-кит. Гао-гуй-ли), на юго-западѣ — Пэк-чжю (Бо-цзи) и на юго-востокѣ Силла (Синь-ло). Это подраздѣленіе удержалось до VII вѣка и, кажется, что этотъ періодъ былъ временемъ высшаго расцвѣта самобытной корейской культуры. Уже въ I вѣкѣ въ числѣ подарковъ, которые посольство Силла везетъ въ Японію, находятся художественные предметы: мечи, зеркала, яшмовая посуда... Культура Японіи стояла тогда много ниже корейской.

Самое культурное въ то время въ Корей государство было Пякъ-чжю, куда китайскіе эмигранты давнымъ давно ввели воздѣлку риса, грамотность, изящныя искусства, ремесла и буддизмъ. Китайскій геній не омертвѣлъ еще тогда въ тискахъ монгольской бюрократіи и благотѣльно вліялъ на сосѣдніе народы. Науки, искусства, словесность процвѣтали въ Корей; далеко прослыли утонченныя корейскіе нравы, восхвалялись сосѣдями доблесть и великолѣпіе ея наслѣдственной аристократіи, храбрость ея войскъ, благородство и разумъ ея государственныхъ мужей. Три государства полуострова, соперничая съ собою и опасаясь захвата, другъ передъ другомъ стремились завести у себя лучшіе порядки управленія, пеклись о просвѣщеніи и благоденствіи народа. Корея быстро прогрессировала, но посѣянные войнами сѣмена государственности вскорѣ начали произрастать и засаривать жизнь молодыхъ обществъ. Сосѣдній Китай, испуганный ростомъ общественной жизни полуострова, мѣшаетъ мирному союзу корейскихъ государствъ, постоянно натравливаетъ одно на другое, нападаетъ на враждующихъ и подчиняетъ ихъ себѣ. Продолжается это столѣтія. Въ игру современемъ входитъ и Японія, у которой притѣсняемые Китаемъ народы ищутъ защиты. Ближайшіе Китаю, сѣверные Кё-гу-рё и Пякъ-чжю съ береговъ Желтаго моря тяготѣютъ постоянно къ Японіи, между тѣмъ какъ Силла съ восточныхъ береговъ склоняется къ Китаю. Въ началѣ VII столѣтія императоръ Янъ-ди, династіи Суй, рѣшилъ окончательно присоединить Корею къ Китаю. Но три громадныя его арміи потерпѣли пораженіе отъ корейскихъ войскъ, отъ голода и холода. Убійство Янъ-ди и паденіе Суйской династіи на время

спасаетъ полуостровъ отъ порабощенія. Двадцать лѣтъ спустя династія Танъ возобновляетъ нападеніе, захватываетъ полуостровъ Ляо-дунъ и осаждаетъ городъ Ый-чжу (Ви-чжу); 150.000 корейская армія разбита, взято 10 городовъ, 70.000 плѣнниковъ уведено въ Китай, и 40.000 убитыхъ гибнетъ на поляхъ сраженія. Ый-чжу, впрочемъ, отстояло себя, благодаря тому что китайская армія искони страдала скверной организаціей интендантства. Вскорѣ (въ 660 г.) Китай набрасывается на Корею вторично и въ этотъ разъ войска направляются противъ Пякъ-чжу, занимають страну и принуждаютъ ея правителя къ бѣгству на сѣверъ къ дружескимъ Кё-гу-рё. Десять лѣтъ спустя вспыхнуло корейское возстаніе подъ руководствомъ буддійскихъ монаховъ и начальствомъ воина Фу-ку-си-ня (Фу-синь). Возставшіе провозглашаютъ королемъ малолѣтняго принца Хо-со, который воспитывался въ Японіи и прибылъ вскорѣ въ Корею подъ охраной японскихъ войскъ. Патріотамъ удалось выгнать китайцевъ, но возникшія въ ихъ лагерѣ несогласія даютъ вскорѣ перевѣсъ завоевателямъ. Японская и корейская арміи потерпѣли пораженіе, Хо-со вновь бѣжалъ къ Кё-гу-рё, а тысячи корейцевъ, спасаясь отъ мести побѣдителя, уходятъ вмѣстѣ съ японскими отрядами въ Японію и переносятъ туда свои знанія, науку, искусства и культуру. Одновременно пало государство Кё-гу-рё, откуда толпы бѣглецовъ хлынули, преслѣдуемые китайцами, на сѣверъ въ страну Бо-хай и въ Японію. Весь полуостровъ поступаетъ въ вассальную зависимость къ Китаю, и гегемонію надъ нимъ получаетъ союзница побѣдителей, вѣроломная Силла ¹⁾. Корея впервые объединяется въ

¹⁾ „Opis Korei“, Korean Repository, 1895, p. 255.

одинъ государственный организмъ. Языкъ Силла, какъ правительственный органъ, способствуетъ слиянію отдѣльныхъ нарѣчій и даетъ начало современному корейскому языку. Переселенцы изъ Силла постепенно занимаютъ обезлюдѣвшія земли сѣверной Кё-гу-рё, хотя туда никогда уже не вернулись прежнія заселенность и благосостояніе. Столицей объединенной Кореи объявленъ главный городъ Силла, древній „Со-я-боль“ или „Сара“, прозванная „Ки-римъ“ въ то время, когда государство присвоило себѣ имя Силла ¹⁾. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ обычаяхъ древней Силлы, я приведу отрывокъ изъ знаменитаго корейскаго сочиненія „Ю-чжи-сёнъ-намъ“ („Чудесное изложеніе круга королевства“).

„Иногда Силла была называема „Страною королевскаго сына“, потому что одинъ изъ императоровъ династїи Танъ (сузереновъ Силла—В. С.), слушая разсказъ посланника Силлы, воскликнулъ въ восхищеніи: „Вѣистину это страна королевскаго сына“.

„Тамошній народъ любилъ одѣваться въ бѣлое, женщины заплетали волосы въ косы и подвязывали ихъ надъ лбомъ цвѣтными шелками. Головы онѣ украшали бусами. На свадьбахъ жители пили вино и кушали рисъ. На Новый годъ привѣтствовали другъ друга. Вѣжливый поклонъ состоялъ въ колѣнопреклоненіи и земномъ рукоположеніи (одинъ изъ многихъ общепринятыхъ въ Китаѣ и Японіи поклоновъ, я не видѣлъ его въ настоящее время въ Корей — В. С.). Жители поклонялись коровѣ, такъ какъ корова увѣдомила разъ короля Силла о невѣрности королевы (?)

¹⁾ Въ настоящее время маленькій уѣздный городишко Кіёнъ-чжю

„Праздникъ пряденія льна (по всей вѣроятности, красивые или конопли — В. С.) открывали дочери дворянскихъ родовъ; онѣ собирались въ царствованіе короля Ю-ри у принцессы и состязались въ скорости пряденія. Кто проигрывалъ, тотъ угощалъ остальныхъ“.

„Господинъ мѣсяца Вѣтра“ и „Цвѣтокъ жениха“. Во времена короля Покъ-геунъ-га въ Силла множество красивыхъ мальчиковъ обучалось подъ руководствомъ опытныхъ учителей. Эти юноши назывались „господами мѣсяца вѣтровъ“. Чтобы разыскать людей, годныхъ для управленія страной, король отпускалъ въ толпу другихъ двухъ мальчиковъ и наблюдалъ, какъ съ ними обращаются встрѣчные; сообразно съ этимъ король рѣшалъ о ихъ пригодности на должность. Эти два мальчика назывались „Цвѣты Жениха“.

„Пляска съ мечами“. „Одинъ юноша изъ Силла выучился пляскѣ съ мечами, отправился въ Пакъ-чжю и тамъ, танцуя въ присутствіи двора, убилъ короля. Онъ былъ провозглашенъ покровителемъ пляски съ мечами. Дня 15-го шестой луны жители праздновали праздникъ купанія, купались, пировали, играли. Свое добро они возили на телѣгахъ; народъ тамъ былъ добрый и привѣтливый; земля урожайная, климатъ здоровый“.

Перечисляя извѣстныя мѣстности, авторъ упоминаетъ что на нѣкоторыхъ вершинахъ горъ приносились жертвы духамъ и героямъ. Упоминается, между прочимъ, гора Тасокъ или Уоль-санъ въ 23-хъ „и“ отъ столицы, гдѣ, по преданію, точилъ свою саблю Кимъ-чжу-синъ, вождь Силла, собираясь напасть на соединенныя войска Кё-гу-рё и Пакъ-чжю. По выходѣ изъ пещеры, гдѣ онъ скрывался, Кимъ-чжу-синъ, пробуя саблю, разбилъ въдребезги большой камень, и отсюда верхушка горы по-

лучила названіе „Вершины разбитыхъ камней“. На другой горѣ тотъ же самый воитель молился о побѣдѣ. Дальше упоминается въ цитируемой книгѣ долина Іо-чже-мо, гдѣ Ка-са, начальникъ Пакъ-чжю, устроилъ засаду, но король Силла, Сѣнь-гѣкъ угадалъ опасность и уничтожилъ непріятеля. Затѣмъ упоминается озеро Онъ-цзи, гдѣ жилъ драконъ и гдѣ собирались вѣрующіе молиться о дождѣ. Упоминается проливъ Чжи-сѣуль, надъ которымъ заморила себя голодомъ жена посланника Пакъ-чжю-саня, глядя на островъ Цушиму, гдѣ погибъ отъ японцевъ ея мужъ. Изъ монастырей упоминается Чжюнь-чжю, гдѣ проживалъ извѣстный буддійскій монахъ, соблазнитель королевы Силла, убитый королемъ въ тотъ моментъ, когда онъ скрывался за арфой.

Монастырь Сѣгъ-чангъ прослылъ благодаря жрецу Янгъ-чжи, который бросалъ въ воздухъ свою бронзовую палицу, звенѣвшую передъ всякимъ жилищемъ до тѣхъ поръ, пока оттуда не выходили люди и не клали въ чашечку денегъ или пищи; тогда палица взлетала и возвращалась обратно къ хозяину ¹⁾. Упоминаются въ книгѣ жертвенники, устроенные въ Силла для мѣстныхъ духовъ, для духовъ болѣзней, храмы Великихъ царей, скиты Святой Матери Іонгъ-мо, построенные въ честь матери древняго рода Пакъ, Хіѣк-ко-са, который произошелъ отъ яйца „Неизвѣстнаго Материнства“.

Въ книгѣ въ списокъ славныхъ людей говорится объ О-чжюнь-га, который переодѣлся въ королевское одѣяніе, выдалъ себя за короля и былъ убитъ солдатами Кѣ-гу-рѣо, явившимися казнить короля Силла;

¹⁾ Не бумерангъ ли?

о Соль-сомъ-ду, который отправился посланникомъ въ Китай и уговорилъ послѣдняго объявить войну Кё-гу-рёю;

Пакъ-кюль (сто лепестковъ) — авторъ знаменитой пѣсни „Объ очисткѣ риса“;

Пакъ-че-санъ, который облегчилъ побѣгъ изъ Японіи брату короля; на пыткѣ онъ сказалъ, что предпочелъ бы сдѣлаться собакой въ Силла, чѣмъ японскимъ чиновникомъ;

И-са-пу, который, отправляясь въ походъ на островъ Уллёнгъ-до, поставилъ на носахъ своихъ кораблей изображенія деревянныхъ львовъ и заставилъ, такимъ образомъ, островитянъ сдаться безъ сопротивленія;

Сёкъ-у-ро, который оскорбилъ японскаго посланника и былъ сожженъ затѣмъ японцами живьемъ; въ слѣдующемъ затѣмъ году его вдова отравила новаго посланника Японіи.

Наконецъ, въ той же книгѣ упоминается о 44 добродѣтельныхъ чиновникахъ и во главѣ ихъ помѣщается правитель Силла уже по назначенію королей Корё, нѣкій Уа-юнъ, до того будто бы любимый населеніемъ, что возмущившіеся жители Кёнъ-чжю сразу успокоились, увидѣвши его ¹⁾.

Въ этомъ легко въ наброскѣ древней Кореи можно безъ труда различить все тѣ же слѣды соединенныхъ вліяній Китая и Японіи, которые борются на полуостровѣ все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ развитія его исторіи и культуры. Особенно поражаетъ сходство съ Японіей;

¹⁾ Korean Repository, 1898, November. Переводъ Г. В. Хельберта, отрывокъ огромной двѣнадцатитомной корейской географической энциклопедіи, изданной въ годахъ 1451—53, написанной корейскимъ ученымъ Са-симъ (псевдонимъ его Но-со-я) и дополненной 50 лѣтъ спустя ученымъ Со-ко-юнъ-га (псевдонимъ Со-са-га).

то же поклоненіе горамъ, тотъ же аристократическій строй, восхваленіе вѣрности вассаловъ, нѣжности женщинъ; та же любовь къ пляскамъ, неизвѣстнымъ въ Китаѣ, тѣ же наивныя геройскія и любовныя легенды...

Японія, уступающая въ первое время Корей въ культурномъ отношеніи, рано достигаетъ политическаго на нее вліянія. Уже въ бумагахъ посольствъ, отправленныхъ Японіей въ Китай въ III и IV столѣтіи упоминаются, какъ подвластные и покоренные Японіей „представители и военачальники шести корейскихъ государствъ“ ¹⁾. Японское вліяніе достигаетъ своего апогея въ X столѣтіи, когда возстаніе подъ руководствомъ Оанъ-гіона, потомка королей Кё-гу-ріо, ниспровергло главенство китайской ставленницы Силла и основало на полуостровѣ новое государство Кё-ріо (по-кит. Гао-ли) со столицей въ г. Сон-до, нынѣ Кэ-сіонъ въ Центральной Корей. Четыре столѣтія управленія независимой, корейской династіи Оанъ опять способствуютъ расцвѣту наукъ, словесности, искусствъ и буддизма, который вновь дѣлается государственнымъ вѣроисповѣданіемъ. Хотя и свободная отъ прежней зависимости Корея поддерживаеъ съ Китаемъ дружественныя отношенія, пользуется блестящимъ умственнымъ движеніемъ, возникшимъ тамъ при династіи Сунъ и послѣ паденія послѣдней, корейскій дворъ даже покупаетъ часть нанкинской библіотеки (1313 г.) и перевозить ее въ Сон-до.

Просвѣтительное движеніе охватываетъ и народные слои и вводитъ въ употребленіе среди корейскихъ ли-

¹⁾ Д. Н. Анучинъ. „Къ характеристикъ японцевъ“. „Русскія Вѣдомости“, 1904 г., № 183.

тераторовъ рядомъ съ китайскимъ идеографическимъ письмомъ, звуковые знаки простонародной азбуки ¹⁾.

Періодъ относительнаго мира, нарушенный единственно въ началѣ IX столѣтія нашествіемъ киданей, продолжается вплоть до нашествія монголовъ въ XIII вѣкѣ. Орды завоевателей монголовъ запружаютъ тогда весь полуостровъ и послѣ 30-лѣтней борьбы включаютъ его въ составъ своего громаднаго государства. Въ 1256 г. корейскій король лично отправляется ко двору монгольскаго хана для вѣрноподданническаго поклоненія.

Въ 1266 году внукъ Чингиса Хубилай проходитъ черезъ Корею съ громадной арміей въ Японію. Позорно разбитый, снаряжаетъ второй походъ нѣсколько лѣтъ спустя. Въ обоихъ походахъ участвуютъ принудительно корейскія войска. Вслѣдъ за окончательнымъ уничтоженіемъ арміи Хубилая на берегахъ Японіи монголь-

¹⁾ Изобрѣтеніе знаковъ „и-до“ или „и-мунъ“ приписывается корейцами нѣкому Чюль-цзуну изъ Силла (въ 692 году по Р. Х.): знаки эти употреблялись, какъ добавленія и вставки въ рядахъ китайскихъ іероглифовъ для обозначенія флексій, предлоговъ и союзовъ, а также другихъ грамматическихъ особенностей корейскаго языка, чуждыхъ языку китайскому. Современный корейскій алфавитъ „о-мунъ“ вошелъ въ употребленіе много позже и тоже былъ будто бы изобрѣтенъ однимъ изъ царей династіи Се-цзунъ въ 1443 году. Болѣе тщательныя изслѣдованія этого алфавита обнаружили въ немъ присутствіе санскритскихъ, сирійскихъ и еврейскихъ вліяній, которыя совмѣстно съ монгольскими, манчжурскими и тюркскими знаками „кью“, а также съ тунгусскою азбукою „киданъ“ сложились на образованіе корейской азбуки „о-мунъ“. Появилась она на сѣверѣ Кореи въ государствѣ Кё-гу-рёо много раньше времени, указаннаго въ хроникахъ и обнаруживаетъ нѣкоторое родство съ народными японскими алфавитами „хира-ганой“ и „ката-каной“ которые, нужно полагать, произошли именно отъ корейскаго „о-мунъ“.

ское иго слабѣть въ Корей, и, къ концу правленія монгольской династїи въ Китаѣ, Корея уже не платить ей дани. Въ то же время Японія впервые, повидимому, замѣчаетъ угрожающую ей съ той стороны опасность; призракъ сухопутныхъ завоевателей, которые, пройдя по корейскому полуострову, точно по мосту, угрожаютъ ея независимости, уже не оставляетъ японскихъ государственныхъ дѣятелей. Участіе корейцевъ въ нападеніи увеличиваетъ опасеніе и недовѣріе японцевъ. Съ того времени въ продолженіе многихъ вѣковъ не прекращаются организованныя или попутныя нападенія японскихъ авантюристовъ съ цѣлью захвата корейскихъ острововъ и береговъ корейскаго пролива.

Въ 1368 году рушится въ Китаѣ владычество монголовъ. Слѣдующая затѣмъ династія Минь требуетъ отъ Кореи дани и признанія сюзеренной власти Китая. Послѣдній изъ династїи Коріо корейскій король отказывается въ этомъ китайцамъ. Но войска его возмущаются подъ начальствомъ главнокомандующаго И-сіонъ-ге, низлагаютъ короля съ престола и возводятъ на него своего вожда, который даетъ начало новой династїи „Цзо-сіонъ“ ¹⁾.

¹⁾ Въ Силла съ 57 г. до Р. Х. по 661 г. послѣ Р. Х. царствовало 30 королей изъ фамилїи Пакъ, Ціокъ и Кимъ. Въ Кё-гу-ріо съ 37 г. до Р. Х. по 668 г. по Р. Х., когда пало государство, правило 28 королей династїи Ко. Въ Пакъ-чжю съ 78 г. до Р. Х. до паденія этого государства въ 660 году (по Р. Х.) царствовало 31 король династїи Пу-ю (Фу-ю). Въ періодъ соединенія трехъ государствъ подъ властію Силла (тхонъ-хапъ) царствовало 23 короля Кимъ и 3 короля Пакъ. Послѣдній изъ Кимовъ былъ свергнутъ Ко-ріо въ 935 г.—Изъ династїи Ко-ріо, Оанъ правило Кореей 37 королей до 1392 года. Съ того времени царствовало 34 короля ны-

По преданію, И-сіонъ-ге происходилъ изъ крестьянской семьи изъ окрестностей Гензана. Онъ поступилъ въ солдаты, отличился на службѣ, достигъ поста главнокомандующаго всей арміи и бракомъ съ дочерью короля приобрѣлъ вліяніе при дворѣ и особое положеніе. Онъ пробовалъ склонить своего свекра, послѣдняго короля Оанъ, Коньяна, къ реформамъ, но развратный, безтолковый монархъ не въ силахъ былъ обуздать своеволіе и злоупотребленія свои и дворянъ. Когда Китай сталъ угрожать войной за отказъ въ дани, И-сіонъ-ге воспользовался возмущеніемъ войскъ, завладѣлъ столицей, немедленно выслалъ въ Нанкинъ гонцовъ съ признаніемъ своей ленной зависимости и просьбой о назначеніи его правителемъ Кореи, и о присвоеніи его династіи древняго титула „Цзо-сіонъ“. И-сіонъ-ги сыгралъ въ исторіи Кореи ту же роль, что Петръ Великій въ Россіи. Подражая во всемъ слѣпо китайцамъ, онъ прежде всего укрѣпилъ королевскую власть и усилилъ бюрократію, ввелъ китайскіе обычаи, законодательство, китайское платье и китайскій языкъ въ управленіе страной и въ ея литературу. Конфуціанство было признано государственнымъ вѣроисповѣданіемъ, и буддизмъ подвергся преслѣдованію. Введены были государственные экзамены, и учреждена конфуціанская коллегія (Сіонъ-гюнь-гоанъ), отвѣчающая министерству просвѣщенія. Она стала играть видную роль въ управленіи государствомъ, усиленно китаизируя народъ ¹⁾. Столицу свою основалъ И-сіонъ-ге въ Сеулѣ (Хань-

нѣшней династіи Цзо-сіонъ. Въ общемъ въ продолженіе 2.000 лѣтъ правило въ Корей 186 королей.

¹⁾ Korean Repository, 1896, p. 344, цит. по „Описанію Кореи“.

сіонъ) и раздѣлили всю страну на 8 провинцій. Провинціями управляли губернаторы (коанъ-цхаль-са, камъ-са) при помощи двухъ секретарей: военнаго (чжюнь-гунъ) и штатскаго (то-са). Въ случаѣ возстанія или крупныхъ волненій, охваченныя ими мѣстности отдавались во власть генераль-губернаторовъ (анъ-му-са, что значитъ „усмиритель“).

Города подраздѣлялись на четыре класса: 1) большіе города (чжю), управляемые „пастырями“ (мок-са); 2) средніе города (пу) съ „покровителями главныхъ законовъ“ во главѣ (то-хо-бу-са или сокращенно пу-са); 3) меньшіе города (кунъ), управляемые „попечителями“ (кью-су); 4) мѣстечки (хіонъ), управляемые хіонъ-кіонами“.

Государствомъ правилъ именемъ короля Верховный Совѣтъ (Бй-чжюнь-бу), состоявшій изъ трехъ принцевъ (самъ-гоу) личныхъ совѣтниковъ короля. Званіе члена совѣта считалось пожизненнымъ, но въ дѣйствительности составъ его ограничивался до трехъ лицъ, мѣнявшихся поочередно.

Паралельно съ Верховнымъ Совѣтомъ дѣйствовало болѣе дѣятельный Королевскій Совѣтъ, который состоялъ изъ 1 предсѣдателя, 2 совѣтниковъ, 6 старшихъ и 8 младшихъ ассесоровъ, изъ 8 ассесоровъ сверхштатныхъ и 1 регистратора съ 3 секретарями. Королевскій Совѣтъ собирался ежемѣсячно въ присутствіи короля.

Особыми отдѣлами управленія завѣдывали министерства или палаты (цзо); ихъ было шесть: 1) чиновъ; 2) финансовъ; 3) церемоній; 4) военное; 5) уголовныхъ дѣлъ или юстиціи и 6) общественныхъ работъ. Посредничала между королемъ и министерствами „передаточная палата“ (сынъ-чжюнь-уонъ), представляющая нѣчто

вродѣ личной канцеляріи короля. Во главѣ ея стояли „сынъ-чжи“—пріемщики королевскихъ указовъ.

Существовали кромѣ того тайные инспектора (ö-са), которые посѣщали разныя части государства для ревизіи дѣятельности губернаторовъ и другихъ чиновниковъ ¹⁾. Они путешествовали переодѣтыми, ихъ окружала переодѣтая же стража, и они самолично могли творить судъ и расправу, смѣщать чиновниковъ, заточать ихъ, отдавать подъ судъ, а второстепенныхъ слушающихъ даже наказывать смертю.

Судопроизводство находилось всецѣло въ рукахъ администраціи. Мелкія дѣла въ селахъ подсудны были волостнымъ старшинамъ; вышнюю для нихъ инстанцію представляли начальники уѣздовъ, которые рѣшали большинство дѣлъ безапелляціонно. Болѣе важныя дѣла шли на усмотрѣніе губернаторовъ и министровъ. Уголовныя дѣла судили спеціальныя суды, которыхъ рѣшенія можно было обжаловать губернатору. Политическія дѣла судились верховнымъ судомъ, который судилъ также дворянъ и чиновниковъ.

Таково было государственное устройство Кореи уже въ XIV столѣтіи. Какъ видимъ, оно довольно сложно, бюрократически совершенно и близко подходило къ русскому государственному устройству, существовавшему до реформъ 63 года и сохранившемуся во многихъ частяхъ управленія и посейчасъ.

Зависимость Кореи отъ Китая выражалась въ необходимости просить себѣ „утвержденія“ со стороны каждаго вновь вступающаго на престолъ корейскаго

¹⁾ Нѣчто вроде русскихъ сенаторскихъ ревизій, только окруженныхъ большей тайнственностью и облеченныхъ большей властью.

короля. Къ тому же онъ обязанъ былъ посылать ежегодно въ Пекинъ особое посольство съ данью, состоящей изъ мѣстныхъ издѣлій и продуктовъ. Взамѣнъ китайскій дворъ надѣлялъ своего корейскаго вассала *китайскимъ календаремъ*, въ знакъ своего покровительства и расположенія. Кромѣ того, корейскіе монархи обязаны были доносить немедленно пекинскому двору о всякихъ важнѣйшихъ происшествіяхъ и перемѣнахъ, происходящихъ на полуостровѣ. Зато корейскіе короли могли давать годамъ своего царствованія особые титулы (ніонъ-хо), ставить при жизни передъ своимъ именемъ почетное званіе „чжинъ-санъ-чжёнъ-ха“ а послѣ смерти получали отъ китайскаго императора по заслугамъ „посмертный титулъ“ (си-хо) ¹⁾. Корейскіе короли пользовались привилегіей носить одѣяніе желтаго цвѣта, корону, мечъ, трезубецъ и употреблять изображеніе дракона, какъ государственный знакъ.

Переворотъ, вызванный этими китайскими реформами, произвелъ вначалѣ благотѣльное вліяніе. Образованіе, признанное закономъ, какъ единственное условіе для преуспѣянія на службѣ, ослабленіе вслѣдствіе того сословныхъ предразсудковъ, возбужденіе среди простого народа надеждъ на облегченіе его участіе, нѣкоторое смягченіе жестокихъ судебныхъ порядковъ и наказаній, болѣе справедливое податное обложеніе возбудили во всемъ населеніи сильное и живительное движеніе. Весь народъ раздѣлился на два лагеря: сто-

¹⁾ Такой титулъ обязательно состоялъ изъ 4 іероглифовъ: два изображали титулъ, два—имя. Второй по очереди іероглифъ былъ или „цзо“ (основатель), болѣе древній и употребляемый для обо значенія воинственнаго и бурнаго управленія, или „цзонъ“, который получали короли, царствовавшіе въ мирныя времена.

ронниковъ стараго порядка и павшей династіи, и приверженцевъ новыхъ правителей и ихъ реформъ. Царствование сына и внука короля И-сёнъ-ге прошли въ борьбѣ этихъ партій и подавленіи возстаній ¹⁾.

Въ то время Японія въ лицѣ удѣльнаго князя острова Цушимы, получила дозволеніе на устройство постоянной торговой факторіи въ Фузанѣ и предусмотрительно заняла такимъ образомъ не только промежуточные острова пролива, но и оба его берега.

Въ продолженіе 200 лѣтъ до конца XVI столѣтія царствовало въ Корей 19 королей, и хотя внутренняя жизнь нарушалась частыми волненіями, враждой янъ-баньскихъ родовъ, придворными интригами и заговорами, зато не было внѣшнихъ войнъ и подъ вліяніемъ продолжительнаго мира процвѣли науки, искусства и литература. Корейскіе монархи покровительствовали имъ. Въ 1451 г. предпринято было изданіе извѣстнаго сочиненія „Ію-чжи-сёнъ-намъ“ („*Чудесное изображеніе круга государства*“); ученый Синь-сюкъ-цзу написалъ историческій обзоръ „Кукъ-цзо-бо-гамъ“. Въ 1485 году появился историческій трудъ Сё-гё-цзонъ-а подъ заглавіемъ „Тонъ-гукъ-тонъ-гамъ“, а также „Тя-міонъ-іюль“ (Законы династіи Минь), который легъ въ основу корейскаго законодательства. Тогда, наконецъ, появились правоучительныя сочиненія въ стилѣ Конфуція—„Самъ-ганъ-хянь-силь-до“ (1434 г.) и „И-рюнь-ханъ-силь-до“ (1518 г.). Труды эти не отличались оригинальностью, представляли тяжелыя, мелочныя, энциклопедическія

¹⁾ И-сёнъ-ге оставилъ престолъ за 11 лѣтъ до своей кончины и передалъ управленіе страной сыну своему Чжіонъ-цзо Конъ-Чжіонъ; И-сёнъ-ге получилъ почетное посмертное званіе (си-хо): Тхя-цзо—великій основатель.

изслѣдованія по образцу Конфу-цзы и Мен-цзы. Они поучали объ „обрядахъ“, о „пяти человѣческихъ отношеніяхъ“, о „сыновнемъ почитаніи“ (хю), о взаимномъ воздѣйствіи „двухъ элементовъ міра“ и т. д.

Эти сухія, схоластическія разсужденія совершенно убили живое творчество корейской мысли. Корейская поэзія, не успѣвши расцвѣсть, завяла подъ вліяніемъ легкаго, поверхностнаго китайскаго стихотворства. Но нѣкоторое вниманіе заслуживаетъ развѣ поэма „Чжію-ый-чжіе-бу“, написанная въ XV вѣкѣ Кимъ-цзо-чжикомъ и давшая поводъ къ политическимъ преслѣдованіямъ въ 1498 году, благодаря заключающимся въ ней намекамъ на причины смерти короля Тань-цзонъ (1455 г.).

Всѣ сочиненія того времени были написаны по-китайски, исключая простонародныхъ пѣсенниковъ и повѣстей, которые единственно сохранили остатки корейскаго самобытнаго творчества. Образованный кореецъ стыдился въ прошломъ читать эти книги, предназначенныя для простаковъ и женщинъ.

Крохи естествознанія, какія содержала китайская наука того времени, воздѣлывало и примѣняло къ жизни тогда *третье сословіе*; дворяне и чиновники не покидали никогда высокой области схоластической философіи и морали, такъ какъ только эти познанія давали ученую степень и открывали доступъ къ должностямъ.

Мертвящій бюрократизмъ мало-по-малу проникалъ всѣ корейскія учрежденія. Но окончательная его побѣда наступила только послѣ войны съ Японіей.

Династія Цзо-сінъ, по примѣру своего основателя, стремилась поддерживать хорошія отношенія съ могущественными сосѣдями и исправно платила дань Китаю

и Японіи. Когда потрясенія XV и XVI столѣтія до того ослабили послѣднюю, что Корея могла съ ней не считаться, она въ 1460 г. прекратила взносъ обычной дани. Продолжалось это, впрочемъ, не дольше одного столѣтія; междоусобія въ Японіи съ паденіемъ семейства Асикавы утихаютъ и предприимчивый, талантливый шіогунъ Хидеіѡши принимается править государствомъ „Восходящаго Солнца“. Лѣтомъ 1592 г. онъ неожиданно объявляетъ Китаю войну и отправляетъ въ Корею огромную для того времени армію въ 150.000 воиновъ, вооруженныхъ даже огнестрѣльнымъ оружіемъ, съ которымъ японцы успѣли познакомиться при посредствѣ португальцевъ. Причина войны неизвѣстна ¹⁾. Въ

¹⁾ Историки различно ее объясняютъ. Корейскіе источники говорятъ, что Японія вознамѣрилась завоевать Китай и что предлагала для этого союзъ Кореи, но что король Сіинъ-цзо отказался ей помогать въ этомъ, по его мнѣнію, безумномъ предпріятіи. Гриффисъ усматриваетъ въ этомъ коварное намѣреніе японцевъ избавиться такимъ образомъ отъ христіанъ, которыхъ-де много служило въ японской арміи. Другіе писатели утверждаютъ, что Хидеіѡши принужденъ былъ дать занятіе своимъ воинственнымъ полкамъ, осужденныхъ на опасную бездѣятельность по умирненіи внутреннихъ враговъ. Словомъ, какъ всегда, причинъ приводится много. Однако, сомнительно, чтобы Японія мечтала тогда о завоеваніи Китая, находясь въ то время еще всецѣло подъ обаяніемъ его могущества и культуры. Указанія корейскихъ хроникеровъ слѣдуетъ толковать, какъ доказательство ненарушимой лояльности Кореи по отношенію къ побѣдоносному Китаю, къ чему официальные корейскіе историки прибѣгали неоднократно и въ другихъ случаяхъ ради усиленія довѣрія и расположенія къ своей странѣ пекинскаго двора. Вѣроятноже, что у Японіи возникли новыя опасенія набѣга съ континента черезъ полуостровъ, какъ это случилось въ 1266 г., и она поторопилась завладѣть Кореей, какъ стратегическимъ пунктомъ. Или возможно, что ее тревожилъ ростъ ко-

18-ть дней по высадкѣ японскихъ войскъ въ Фузанѣ Сеулъ былъ взятъ японцами. Корейскій король убѣжалъ на Ляо-дунскій полуостровъ, откуда писалъ жалобныя письма къ китайскому императору. Въ Сеулѣ японскіе вожди раздѣлились: Като двинулся на сѣверо-востокъ, Кониси на сѣверо-западъ. Послѣдній занялъ Пхіёнъ-янъ—первоклассную въ то время крѣпость, и остановился тамъ въ ожиданіи на флотъ, который окружалъ съ запада полуостровъ, направляясь къ устью р. Тадонъ-ганъ. Случилось, что у острова Квельпарта корейскій флотъ разбилъ японскій и отогналъ его назадъ къ берегамъ Японіи. Китай, котораго вспомогательныя отряды были разбиты у сѣверной границы полуострова, предложилъ тогда переговоры о мирѣ. Предложеніе было сдѣлано неискренно ради выигрыша времени; одновременно пекинское правительство направило къ Пхіёнъ-яну громадную 200.000 армію. Кониси, численно много слабѣе китайцевъ, отступилъ ночью къ Сеулу, гдѣ соединился съ другимъ корпусомъ и принялъ сраженіе. Несмотря на численное превосходство и помощь корейцевъ, китайцы потерпѣли рѣшительное пораженіе и ушли на сѣверъ. Но гибель флота задержала дальнѣйшее движеніе японцевъ, они вернулись на югъ и основались въ укрѣпленномъ лагерѣ. Въ условіяхъ мира требовалъ Хидеіюши, кромѣ нѣкоторыхъ территоріальныхъ уступокъ на южномъ побережьи, признанія Кореей японскаго протектората и полного уравниенія сюзеренныхъ японскихъ правъ съ китай-

рейскаго флота, угрожавшаго ея торговлѣ и рыболовству въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ; пріостановка посольствъ и дани указывали въ то же время, что японскій престижъ на полуостровѣ сильно палъ.

скими. Получивши отказъ, онъ снова двинулъ войска вглубь полуострова. Нѣсколько удачныхъ сраженій позволило японцамъ опять завладѣть Сеуломъ. Но флотъ японскій вторично потерпѣлъ неудачу и былъ разсѣянъ корейцами въ томъ же приблизительно мѣстѣ ¹⁾.

Отступая назадъ, японцы все по пути уничтожали огнемъ и мечомъ, преслѣдующіе ихъ китайцы не уступали имъ въ грабежахъ и разрушеніи. Подверглись сожженію и разоренію лучшіе мѣстности Кореи. Кіюнчжю, древняя столица Силла, славящаяся своими храмами, дворцами, памятниками старинной архитектуры и искусствъ, превратилось въ кучу развалинъ. Японскіе войска заняли укрѣпленные лагеря въ Фузанѣ и Ульсанѣ ²⁾. Тамъ они продержались годъ, сильно страдая отъ голода и лишенія. Ульсанскій корпусъ едва избѣжалъ гибели, вырученный геройскимъ походомъ фузанскаго отряда. Обѣ враждующія арміи, китайская и японская, были въ одинаковой степени обезсилены изнурительной и продолжительной кампаніей и не въ

¹⁾ По Гриффису, флотъ корейскій состоялъ въ то время изъ 200 большихъ военныхъ кораблей, прозываемыхъ „кораблями-драконами“, такъ какъ носы ихъ были украшены рѣзными, раскрашенными изображеніями драконьихъ лбовъ съ разинутыми пастьми. Корабли были вооружены пушками, катапультами и громадными луками, выбрасывающими стрѣлы въ 6 фут. длиною и 4 дюйма толщиною. На палубѣ помѣщались башни для стрѣлковъ изъ лука и пращи. Третя палубы оставалась незанятою ничѣмъ на случай непосредственнаго боя бокъ о бокъ, для сбрасыванія мостиковъ и движенія пѣхоты. Корейцы приписываютъ себѣ изобрѣтеніе этихъ двупалубныхъ, военныхъ судовъ, принятыхъ впоследствии Китаемъ и Японіей.

²⁾ Приморскій городокъ на сѣверѣ отъ Фузана, у залива Цесаревича и Дыдымова.

силахъ были нанести другъ другу рѣшительный ударъ. Смерть Хидеіѣши, въ 1598 году, положила конецъ военнымъ дѣйствіямъ. Единственной добычей 6-ти лѣтней борьбы, былъ для Японіи захватъ Фузана и устройство тамъ постоянного военного поста.

Китай торжествовалъ, его вліяніе укрѣпилось и стало всесильно въ несчастной, разоренной и обезсилѣвшей странѣ.

Хотя въ 1623 году Корея, по требованію Іе-ясу, могущественнаго внука Хидеіѣши, возобновила дань и посольства въ Японію, значеніе послѣдней пало окончательно на полуостровѣ и возродилось только 200 слишкомъ лѣтъ спустя.

Въ 1627 г. зимою полчища манчжуровъ прошли по льду рѣку Ялу, разбили китайскую армію и обложили Сеуль. Король Инъ-цзо призналъ ихъ власть, но послѣ ухода побѣдителей, нарушилъ договоръ и вызвалъ вторичное нашествіе; побѣжденный, онъ спасся вмѣстѣ съ приближенными на островѣ Канъ-гоа, гдѣ разъ уже корейскій дворъ искалъ убѣжища во время монгольскаго нашествія. Въ условіяхъ мира Корея признаетъ окончательно свою зависимость отъ манчжурскихъ правителей, даетъ королевскихъ сыновей въ заложники и обѣщаетъ уплачивать ежегодно богатую дань рисомъ, мѣхами, цыновками, полотномъ, тканями, жень-шенемъ и др. предметами. Манчжурскіе покровители лишаютъ корейскихъ королевъ права чеканить собственную монету, вмѣшиваются постоянно въ управленіе страной, вообще обращаются съ ней, какъ съ завоеванной провинціей. Но мало по малу собственныя, пекинскія дѣла отвлекаютъ вниманіе новыхъ властелиновъ отъ корейскаго полуострова и несчастный, огра-

бленный и изстрадавшійся народъ замыкается самъ въ себя, оставленный и забытый на время сосѣдями. Китай и Японія не мѣшаютъ ему въ этомъ, такъ какъ сами, напуганные европейцами, начинаютъ тоже проводить политику полнѣйшей замкнутости и обособленія.

Тогда-то корейское правительство распорядилось удалить населеніе отъ береговъ, запретило сношенія съ иностранцами подъ угрозой смертной казни, заперло наглухо свои границы, за исключеніемъ двухъ городовъ, со стороны Китая и Фузана, для Японіи, гдѣ два раза въ году происходили ярмарки. Покупка и пользованіе иностранными издѣліями считались за преступленія, достойныя самого жестокаго наказанія. Даже простой разговоръ рыбаковъ съ экипажемъ, встрѣченнаго въ морѣ корабля, вызывалъ продолжительныя слѣдствія и преслѣдованія. Иностранецъ, пойманный въ предѣлахъ Кореи, расплачивался за это жизнью, а пріотившіе его туземцы приговаривались къ вѣчному изгнанію. Одновременно воспрещался корейскому народу всякій комфортъ, роскошь, ношеніе золотыхъ и серебряныхъ украшеній, шелковыхъ и вообще узорчатыхъ тканей, устройство болѣе обширныхъ, удобныхъ и благоустроенныхъ жилищъ, накопленіе предметовъ искусства или рѣдкостей. Все это ради избѣжанія жадности сосѣдей, ради невозбужденія ихъ алчности. Вслѣдствіе этого, окончательно исчезло производство художественныхъ предметовъ, драгоценной утвари и фарфора; перевелись живописцы, скульптура, мастера, ткачи и горшечники, пали ремесла и искусства. Изстрадавшійся, пораженный испугомъ народъ предпочелъ отказаться отъ всѣхъ высшихъ потребностей, чѣмъ переносить постоянные набѣги, рѣзню и пожары.

Но страхъ, покорность и уступчивость всегда даютъ дурные результаты.

Внутренній гнетъ возросъ непомѣрно. Окитаившееся дворянство, воспитанное и сьорганизованное въ духѣ восточнаго бюрократизма, пугало народъ иноземцами и пользуясь общей тревогой, забирало власть все крѣпче и безконтрольнѣе, исключительно въ свои руки. Тлетворное его вліяніе проникаетъ исподволь въ мельчайшія отправления жизни, сосетъ изъ него питательные соки, убиваетъ, мертвитъ все, оправдывая себя защитой народныхъ интересовъ отъ вторженія варваровъ и вѣрноподданнической преданностью престолу и отечеству. Чиновничьи интриги и замѣчательная *чиновничья* солидарность низвели значеніе короля до нуля: самодержецъ по закону, онъ въ сущности былъ воленъ только дѣлать зло или угодное бюрократіи.

Тщетно разумный, дальновидный Сюкъ-цзонъ Убнь-хіо (1673—1719 г.) пробуетъ поднять народное просвѣщеніе, реформировать податную систему. Все тонетъ въ водоворотѣ дворянско-чиновничьихъ распри и интригъ.

Искони существовало соревнованіе и ненависть между „восточными“ янь-банями (тонъ-инь) гражданскаго происхожденія и янь-банями „западными“ (сію-инь)—военными. Въ царствованіе упомянутаго выше монарха, они раздѣлились еще на четыре группы, собирательно называемыя „сасакъ“: 1) намъ-инь (южная); 2) пукъ-инь (сѣверная); 3) но-инь (но-ріонъ)—старики; 4) сію-инь (сію-ріонъ—молодежь) ¹⁾. Благодаря ихъ проискамъ по-

¹⁾ Это подраздѣленіе удержалось до послѣдняго времени; они образуютъ нѣчто въ родѣ партій, которыя борются по наружности изъ за принциповъ, много толкуютъ о любви къ родинѣ, патріотизму.

гибѣ, казненный на 85 году жизни, благородный совѣтникъ короля, ученый Сон-си-ріоль, философъ и знаменитый писатель, который при жизни еще удостоился титула „цза“ (мудрецъ).

Въ XVIII столѣтіи, отъ времени до времени нѣкоторые корейскіе правители, поддерживаемые болѣе благородными лицами изъ среды окружающихъ, подъ давленіемъ вспыхивающихъ народныхъ волненій, пробуютъ обуздать своеволие чиновничества, смягчить нравы, поднять благосостояніе массъ. Въ 1785 году было обнародовано „Великое Собраніе Законовъ“ (Тя-чжюнь-тхонъ-пхюнь), основанное на китайскомъ законодательствѣ династіи Минь. До того еще, особыми указами Іюнъ-цзю, были запрещены нѣкоторые пытки и наказанія, клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ, раздробленіе костей и пытки огнемъ... Но всѣ эти попытки разбиваются о враждебное отношеніе къ нимъ чиновниковъ и умираютъ въ кипахъ канцелярскихъ бумагъ. Бюрократическій спрутъ растетъ и крѣпнетъ. Съ появленіемъ въ Корей христіанства, увеличивается списокъ пугалъ и поводовъ къ преслѣдованіямъ, гнету, къ грабежамъ и доносамъ... Отчаяніе и гнѣвъ темныхъ народныхъ массъ, обездоленныхъ нуждой и преслѣдованіемъ, чиновники умѣло направляютъ на приверженцевъ новой религіи, на много лѣтъ опереживая въ преступной изобрѣтательности и хитроумныхъ наговорахъ европейскихъ антисемитовъ. Въ 1786 году чуть не загорѣлась война Кореи съ Китаемъ, по причинѣ

тизмъ и другихъ возвышенныхъ предметахъ, въ сущности же у нихъ нѣтъ ни программъ, ни идеаловъ, взгляды ихъ ничѣмъ не отличаются и борются они между собою исключительно изъ за чиновъ и доходовъ (Korean Repository, 1897 у., p.p. 19—20).

захвата китайскими рыболовами нѣсколькихъ островковъ въ провинціи Пхіёнъ-анъ-до. Корейское войско выгнало захватчиковъ. Въ правленіе Сунъ-цзо (1800—1834 г.) вспыхнуло жестокое преслѣдованіе христіанъ, вызванное соперничествомъ партіи Но-инъ и Намъ-инъ. Послѣдняя, среди которой, говорятъ, находилось много христіанъ, была совершенно почти уничтожена. Въ 1811 г. все государство потрясъ кровавый мятежъ въ провинціи Пхіёнъ-анъ-до, поднятый по „неизвѣстнымъ“ нѣкіимъ Хіёнъ-гійнъ-на. Такъ говорятъ о безпорядкахъ официальные отчеты. Мятежъ продолжался полгода. Въ 1846 г. Франція требуетъ удовлетворенія за казнь епископа Имберта и многихъ другихъ миссіонеровъ. Посланная французами эскадра терпитъ, впрочемъ, у береговъ Кореи неудачу и садится на мель въ Желтомъ морѣ. Это придаетъ въ глазахъ народа большій еще вѣсъ торжествующей бюрократіи и усиливаетъ гоненія на христіанъ.

Въ царствованіе короля Хёнъ-цзонъ Кіё-мунъ (1834—1849 г.) особымъ вліяніемъ пользовался родъ Кимъ, къ которому принадлежала королева мать и жена короля. Янъ-бани получили многія новыя привилегіи; имъ разрѣшено самовольно облагать крестьянъ налогами: рисомъ и деньгами. Насилія и беззаконіе достигли въ то время неслыханныхъ размѣровъ.

Хёнъ-цзонъ умеръ, не оставивши потомства; вдова—мать преемникомъ престола выбрала правнука князя Цзанъ-хёнъ, убитаго въ 1728 году своимъ отцомъ. Молодого короля Чіоль-цзонъ женили на дѣвушкѣ изъ рода Кимъ, благодаря чему этотъ родъ сохранилъ при дворѣ свое вліяніе. Въ царствованіе Чіоль-цзона тѣтено Англія и Франція хлопочутъ объ открытіи портовъ Кореи для

ихъ торговли, тщетно Японія поддерживаетъ эти требованія и ставитъ свои. Чіоль-цзонъ умираетъ тоже безпотомственно. Послѣ продолжительной борьбы трехъ королевскихъ вдовъ, за власть и право „королевской печати“, верхъ одерживаетъ старшая изъ нихъ—Цзо, которая вводитъ на престолъ двѣнадцатилѣтняго Ик-сіёна, царствующаго и до нынѣ, внука упомянутаго выше Цзанъ-хёня. Отецъ его, принцъ И-ха-ынъ, получилъ титулъ Тă-уёнь-гуня ¹⁾, почетное имя Хынъ-сіёнъ и при помощи старой Цзо, которую онъ сумѣлъ прибрать къ рукамъ, сталъ править страной отъ имени своего малолѣтняго сына. По природѣ деспотъ, ловкій, пронырливый и рѣшительный, онъ ненавидѣлъ особенно христіанъ и иностранцевъ, какъ препятствіе для своего своеволія и слабый намекъ на нѣкоторый внѣшній, независимый контроль. Онъ былъ все-таки настолько уменъ, что понималъ, насколько политическая слабость Кореи зависитъ отъ насилія, воровства и своеволія янь-баней и ради усиленія королевской власти предпринялъ съ дворянскими партіями жестокую борьбу, особенно со стоящимъ во главѣ ихъ родомъ Кимъ. Пятнадцатилѣтняго сына своего онъ женилъ на дочери своего шурина, Минъ-чжи-ріо-ка, незначительнаго начальника уѣзда изъ рода Минъ. Такимъ образомъ онъ заручился поддержкой этого рода и помогъ ему возвыситься. Основныхъ измѣненій, въ государственныхъ учрежденіяхъ, Тă-уёнь-гунъ не намѣревался производить; онъ разрушилъ только храмы Славы во всемъ королевствѣ (исключая 48) и сжегъ номинальные та-

¹⁾ Обычный титулъ королевскихъ отцовъ, когда они не правятъ страной.

блички знаменитыхъ предковъ, на существованіи которыхъ опирались привилегіи многихъ дворянскихъ семействъ. Большее значеніе имѣло, несомнѣнно, установленіе особаго всеобщаго налога хо-бо (домоваго), вмѣсто прежняго военнаго сбора, оплачиваемаго исключительно простымъ народомъ. Хо-бо платятъ всѣ, кромѣ чиновниковъ, но такъ какъ всѣ янъ-бани *чиновники*, то въ сущности реформа произошла только „на бумагѣ“¹⁾; тѣмъ не менѣе народъ все-таки былъ немного подкупленъ и успокоенъ надеждами на дальнѣйшія реформы.

Тя-уёнъ-гунъ неторопился, впрочемъ, съ проведеніемъ ихъ, наоборотъ онъ предпринялъ жестокія преслѣдованія христіанъ, главныхъ сторонниковъ предстоящихъ перемѣнъ. Въ 1866 году былъ казнёнъ епископъ Берне (Berneux) и много миссіонеровъ, что заставило французское правительство опять послать экспедицію изъ 7 военныхъ судовъ подъ командою адмирала Розъ (Roze). Двѣ канонерки прошли въ устьѣ р. Ханъ-ганъ и направились къ Сеулу, въ то же время французы овладѣли небольшою крѣпостью и городомъ на островѣ Канъ-хоа, но были отбиты отъ укрѣпленнаго монастыря, отчаянно обороняемаго „тигровыми охотниками“ и корейскими солдатами. Безрезультатный уходъ французовъ, а затѣмъ безнаказанное убіеніе экипажа американскаго судна „General Sherman“ и сожженіе самого корабля, окончательно внушили корейскому правительству сознаніе своего могущества и превосходства надъ

¹⁾ Если бы всѣ дома, гдѣ есть комнаты, отопляемыя снизу, вносили эту подать согласно закону, то она давала бы казнѣ 700.000 долл. (ёнъ), ежегодно, считая по 0.60 ёнъ со зданія; въ дѣйствительности онъ даетъ 278.479 ёнъ (1900 г. госуд. бюджетъ Кореи).

иностранными варварами, особенно послѣ также безрезультатнаго нападенія на крѣпость Канъ-хоа американскаго адмирала Роджерса.

Только принудительное открытіе китайскихъ границъ для европейцевъ, а главное, революція въ Японіи, создали въ самой Корей движенье, стремящееся къ сближенію съ внѣшнимъ міромъ. Во главѣ нарождающагося, либеральнаго движенія сталъ, преслѣдуемый Тѣ-уѣнь-гунемъ, родъ королевы Минь, тщетно стремящійся къ власти. Въ 1872 году король достигаетъ совершеннolвтія и по наущенію своей властолюбивой супруги устраняетъ отъ власти всемогущаго временщика—отца. Борьба за власть начинается съ того момента вращаться кругомъ вопросовъ внѣшней политики. Молодой король въ началѣ колебался въ своихъ симпатіяхъ; онъ наотрѣзъ отказалъ, напримѣръ, въ приѣмъ японскому посланнику, который пріѣхалъ съ требованіемъ признанія протектората Японіи и возобновленія прежней дани, прекращенной въ 1811 г. Японцы наружно помирились съ отказомъ, но когда, въ 1875 году, японское судно подверглось обстрѣливанію изъ крѣпости Канъ-хоа, они вновь послали посольство, сначала въ Пекинъ съ запросомъ: въ какихъ отношеніяхъ состоитъ Корея къ Китаю, и кто отвѣчаетъ за ея поведеніе? Одновременно японскій флотъ, подъ начальствомъ Курода Кіотаку, бросилъ якорь въ устьѣ р. Ханьганъ. Китай, вассальными отношеніями къ которому Корея обыкновенно прикрывалась въ сношеніяхъ съ иностранными державами, объяснилъ въ тотъ разъ довольно скоро, что онъ не отвѣчаетъ за поведеніе Кореи и ничего не имѣетъ противъ заключенія особаго японо-корейскаго торговаго договора. Въ концѣ концовъ

состоялось соглашеніе (26 февр. 1876 г.), въ силу котораго Корея обязывалась открыть для японской торговли еще два порта, кромѣ Фузана, именно Гензанъ и Чемульпо. Въ маѣ того же года отправилось изъ Японіи въ Корею первое дружеское посольство и было любезно и торжественно принято корейскимъ королемъ. Открылись новыя отношенія между ближайшими къ себѣ народами, а затѣмъ между Кореей и остальнымъ міромъ.

Корейское правительство, впрочемъ, очень неохотно исполняло взятія на себя обязательства. Японскій посолъ Ханабуза принужденъ былъ лично отвести мѣсто для японской колоніи въ мѣстечкѣ Инъ-чинъ (нынѣ Чемульпо), и случилось это послѣ многихъ мытарствъ только въ 1880 году. Въ 1882 году приверженцы „древнихъ обычаевъ“ съ Тѣ-уѣнь-гуномъ во главѣ, настойчиво потребовали нарушенія договора съ японцами и удаленія съ полуострова всѣхъ иностранцевъ. Случилось, однако, что какъ разъ въ это время былъ открытъ заговоръ на жизнь короля, составленный консервативной партіей. Въ результатѣ не только договоръ съ Японіей не былъ нарушенъ, но былъ заключенъ другой договоръ съ Америкой, и сдѣланы были предварительные шаги къ соглашенію съ Англіей и Германіей. Китай поощрялъ заключеніе новыхъ договоровъ, видя въ нихъ противовѣсъ исключительному вліянію Японіи, въ то же время онъ велъ подпольныя интриги противъ всѣхъ. Тѣ-уѣнь-гунъ и партія, враждебная „новшествахъ“, тоже не унывала.

Когда въ 1882 году убійственная засуха уничтожила посѣвы, чиновники объясняли народу, что это кара „Неба“ за нарушеніе „древнихъ обычаевъ“ и за сношенія съ „заморскими дьяволами“. Вспыхнулъ мятежъ,

къ которому присоединились сеульскія войска, раздраженные уменьшеніемъ раціоновъ риса. Во время торжественныхъ моленій о дождѣ, 23 іюля, сторонники Тă-уѡнь-гуня попытались схватить короля, когда же это имъ неудалось, они распустили слухъ, что японцы заняли дворецъ и плѣнили въ немъ короля и королеву. Народъ бросился на японское посольство, сжегъ его, затѣмъ принялся разрушать дома министровъ и вообще лицъ, сочувствующихъ реформамъ. Три дня продолжались волненія, пока посолъ Ханабуза, осажденный въ японскомъ кварталѣ, не ушелъ изъ Сеула, вмѣстѣ со своими соотечественниками, прокладывая себѣ саблями дорогу и взявши въ середину женщинъ и дѣтей.

Тă-уѡнь-гунь достигъ своей цѣли, бразды правленія опять очутились въ его рукахъ. Король, королева, два первые министра изъ рода Минь (Минь-шхă-хао и Минь-іѡнь-икъ) спаслись бѣгствомъ въ крѣпость Чжунъ-чжю (въ провинціи Чюнь-чіѡнь-до). Начались преслѣдованія и казни видныхъ членовъ изъ рода Минь, такъ какъ вся эта революція была ничѣмъ инымъ, какъ борьбой двухъ чиновничьихъ партій изъ-за мѣстъ и доходовъ. Обозначилось это лучше всего въ отношеніи новаго правительства къ японцамъ. Какъ только послѣдніе предприняли рѣшительныя мѣры, мобилизовали свой флотъ и собрали значительныя военныя силы въ Симоносеки и на островѣ Цушима, Тă-уѡнь-гунь и его сторонники не замедлили не только удовлетворить всѣ японскія требованія: уплатили 500.000 іенъ военныхъ издержекъ и 50.000 іенъ вознагражденія семьямъ убитыхъ и разоренныхъ, розыскали и наказали виновниковъ, но позволили къ тому же ввести въ Сеулъ 200 чело-
вѣкъ японскаго военнаго гарнизона. Тă-уѡнь-гунь,

вопреки недавнимъ своимъ поступкамъ, притворился даже большимъ другомъ японцевъ и искалъ у нихъ поддержки. Это очень не понравилось китайцамъ, и они рѣшили погубить узурпатора, сманили его на военное судно и увезли въ Китай; 5.000 китайскихъ солдатъ было въ тоже время направлено въ Корею и заняло Мо-сам-пхо. Китайскій гарнизонъ въ Сеулѣ подѣ командой генерала Юань-ши-кая, былъ увеличенъ до 3.000 человекъ. Вернулись къ власти король, королева Минь и вся ея родня, которые въ свою очередь считая китайцевъ за своихъ избавителей, превратились мгновенно изъ прежнихъ „японофиловъ и сторонниковъ реформъ“ въ отчаянныхъ приверженцевъ „добрыхъ, старыхъ, китайскихъ обычаевъ“. Малочисленная партія искреннихъ идеологовъ и реформаторовъ исчезла въ бурномъ водоворотѣ междоусобій; вліяніе истиннаго ихъ союзника, Японіи, уменьшилось до нельзя, въ виду военнаго перевѣса китайскихъ силъ и въ виду наплыва европейскихъ дипломатовъ, которые принялись тоже мутить и интриговать, добиваясь, въ свою очередь, вліянія и доходовъ въ Корей.

Вскорѣ въ довѣріе къ королевѣ вкрался нѣмецъ Меллендорфъ, рекомендованный ей Ли-хун-чангомъ; ему былъ порученъ въ качествѣ директора досмотръ надъ таможенными доходами въ открытыхъ для иностранцевъ портахъ.

Дальше преобразованія пока не пошли. Ретроградная, бюрократическая каммора китаефиловъ по прежнему преслѣдовала малѣйшія проблески человѣческаго достоинства или стремленія къ лучшему будущему. Европейская дипломатія не только мирилась съ этимъ, но даже поощряла безправіа, такъ какъ неурядица, не-

вѣжество, беззаконіе поддерживали слабость Кореи, выгодную для ихъ происковъ, а продажность и недобросовѣстность корейскихъ администраторовъ облегчали интриги для полученія выгодныхъ концессій или заказовъ. Корейскіе патріоты, которые много себѣ обѣщали отъ сношеній съ европейцами, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, окончательно склонились въ сторону болѣе-ли дальновидной или благородной Японіи и къ Америкѣ, солидарной съ ней въ корейской политикѣ. Въ 1883 г. отправляется въ Соединенные Штаты корейское посольство съ вліятельнымъ министромъ Минь-іонъ-икъ во главѣ. Среди членовъ посольства находился тоже талантливый Кимъ-окъ-кюнъ, который по возвращеніи на родину былъ назначенъ въ 1884 г. вице-предсѣдателемъ вновь образованнаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Кимъ-окъ-кюнъ вскорѣ сдѣлался главою маленькой прогрессивной партіи, которая, потерявши окончательно надежду на проведеніе реформъ легальнымъ путемъ, повернула рѣшительно на путь революціи. Она подготовила государственный переворотъ на 4 декабря 1884 года; во время торжественнаго обѣда у одного изъ заговорщиковъ, Хонъ-іонъ-сика, директора департамента почтъ и телеграфовъ, раздался вдругъ набатъ большого сеульскаго колокола и собранные на банкетъ члены правительства подверглись нападенію. Въ то же время японскій посоль отправился съ отрядомъ въ 150 солдатъ въ королевскій дворецъ и, рассказавши о вспыхнувшемъ мятежѣ, предложилъ королевской семьѣ свою защиту. Корейская дворцовая стража, въ которой находилось 14 юношей, обучавшихся въ Японіи и начальникомъ которой состоялъ заговорщикъ Ханъ-гинъ-чжикъ, не сопротивлялась. Японцы

заняли дворецъ. Кимъ-окъ-кюнь послалъ немедленно отъ имени короля приглашеніе къ знатнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ лицамъ изъ консервативной партіи, и 11 изъ нихъ были обезглавлены, по мѣрѣ того, какъ являлись во дворецъ. Но консерваторы во время спохватились, увѣдомили о случившемся китайскаго генерала Юань, и тотъ съ полутора тысячами своихъ солдатъ и 3.000 солдатъ корейскихъ ворвались во дворецъ, откуда японцы бѣжали, послѣ жестокой и кровопролитной схватки. Мятежъ распространился по всему городу. Толпа подъ предводительствомъ консервативныхъ чиновниковъ бросилась на дома сторонниковъ реформъ и японскій кварталъ, убивала, жгла и грабила все, что ей попало подъ руку. Погибло 74 японца, въ томъ числѣ 35 солдатъ, убитыхъ во дворцѣ. Опять сгорѣло зданіе японскаго посольства, а сами японцы ушли, какъ и раньше, въ Чемульпо, взявши съ собою четырехъ спасшихся заговорщиковъ и въ томъ числѣ упомянутаго Кимъ-окъ-кюня. Переворотъ, благодаря китайцамъ, не удался, китаефилы торжествовали побѣду обезглавленіемъ 12 участниковъ заговора. Конечно, ихъ пытали, четвертовали, и кости ихъ и члены были разбросаны по улицамъ столицы, согласно обычаямъ побѣдителей.

Японія потребовала отъ Кореи контрибуціи въ размѣрѣ убытковъ, понесенныхъ въ мятежъ японскими купцами и подданными, а отъ Китая объясненія его поведенія. Послѣдствіемъ переговоровъ было соглашеніе между обоими заинтересованными государствами подписанное въ Тьен-тсинѣ Ли-хун-чангомъ и графомъ Ито и прозванное договоромъ „Ли-Ито“. Оба государства обязывались отозвать свои войска изъ Кореи, не

поставлять больше корейцамъ военныхъ инструкторовъ; въ случаѣ волненія, если одна изъ сторонъ будетъ принуждена послать вооруженныя силы, то обязана уведомить объ этомъ немедленно другую.

Дѣйствительно китайскій и японскій отряды вскорѣ покинули полуостровъ; взамѣнъ ихъ вернулся туда Тѣ-уѣнь-гунъ, возвращенный на родину китайцами. Послѣдніе надѣялись воспользоваться имъ для своихъ интригъ, помогли ему вновь пріобрѣсти вліяніе при дворѣ и подговаривали сбросить сына съ престола и объявить себя королемъ. Такимъ образомъ они надѣялись уничтожить Тѣн-тсинскій договоръ и вернуть себѣ прежнюю въ Корей гегемонію. Но они ошиблись въ расчетѣ: Тѣ-уѣнь-гунъ, послѣ трехлѣтняго плѣна у китайцевъ, возненавидѣлъ ихъ не меньше, чѣмъ японцевъ.

Въ 1885 г. Корея впервые послужила поводомъ къ междуевропейскимъ раздорамъ. Англія заняла острова Гамильтонъ въ Корейскомъ проливѣ и оставила ихъ только послѣ торжественнаго заявленія Россіи, что та никогда не захватитъ ни куска корейской территоріи ¹⁾.

Девять лѣтъ прошли мирно для Кореи послѣ заключенія договора Ли-Ито. Въ тотъ промежутокъ были заключены ею всѣ торговые и политическіе договоры съ европейскими державами, а внутри страны поспѣшно вводились кой-какія реформы, устраивались новыя административныя учрежденія, основались въ Сеулѣ школы европейскихъ языковъ, госпитали ²⁾ и миссіи. Особенно

¹⁾ Когда Россія пренебрегши этимъ обѣщаніемъ, послала въ 1902 году броненосецъ для занятія порта Мо-сам-пхо, чуть было по этому поводу не загорѣлась война между ней и Англіей въ соединеніи съ Японіей.

²⁾ Первый госпиталь былъ основанъ американскимъ врачомъ Алленомъ подъ названіемъ: „House of Civilised Virtue“.

благодатно въ гуманно-просвѣтительномъ направленіи работали миссіи пресвитеріанъ и методистовъ изъ Америки. Китай пробовалъ удержать свое вліяніе тщательной охраной внѣшнихъ атрибутовъ своего суверенитета. Японія прилежно пользовалась полученными торговыми привилегіями, строила города на участкахъ, полученныхъ въ портахъ и столицѣ, учреждала постоянные почтовые и товарные рейсы между корейскими и японскими берегами, проводила телеграфы, основывала банки, школы, конторы, словомъ—закладывала фундаментъ своего будущаго хозяйственнаго значенія на полуостровѣ.

Въ правительственныхъ корейскихъ сферахъ замѣтно было въ то время тоже нѣкоторое оживленіе, вызванное главнымъ образомъ приливомъ даней изъ только-что открытыхъ таможенъ, монетнаго двора и частныхъ торговыхъ предпріятій. Впрочемъ, общій гнетъ ничуть не уменьшился, а даже въ нѣкоторомъ отношеніи усилился. Бюрократическій спрутъ не только сейчасъ же налагалъ свои убійственные соски на всякіе вновь образующіеся центры труда, но сжималъ крѣпче всѣ свои лапы, опасаясь за свое существованіе. Въ результатъ вспыхнуло возстаніе тонъ-хаковъ въ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ провинціяхъ бывшаго государства Пакъ-чжю.

Тонъ-хаки представляютъ особую религіозную, мистическую секту, родственную во многомъ съ китайскими боксерами. Они, какъ и тѣ, ненавидятъ иностранцевъ, какъ тѣ, ищутъ спасенія родины въ возвратѣ къ стариннымъ обычаямъ, какъ тѣ, вѣрятъ въ таинственныя, чудодѣйственныя талисманы, формулы и заклинанія, возвращающія здоровье и воскрешающія даже изъ мерт-

выхъ. Въ Сеулѣ мнѣ была прочтена коротенькая молитва тонъ-хаковъ:

„Янгъ-сы (?).¹⁾).

„Пуль-мангъ (не забывай).

„Манъ-саджи (десять тысячъ (вещей) исполни...)“, которая оказалась отрывкомъ извѣстнаго заклинанія изъ „тринадцати звуковъ“: Си-чумъ... джю-до... хуа-йюнгъ... *янгъ-сы... пуль-мангъ... манъ-са-джи* (чжи).

— Весь мѣсяцъ ежедневно повторяй, и пуля не убьетъ тебя!..—пояснилъ мнѣ переводчикъ.

Кромѣ того употребляютъ тонъ-хаки заговоръ противъ злыхъ духовъ: чи-куи-хумъ-чи-ненъ-уи-та-кангъ... и много другихъ, произнесеніе которыхъ возвращаетъ здоровье и даетъ успѣхъ. Мнѣ рассказывали корейцы, что тонъ-хаки смѣло шли въ бой, увѣренные въ своей неприкосновенности.

— Что же, когда все это оказалось суевѣріемъ и они погибли отъ первыхъ выстрѣловъ. Тогда ихъ пророки обѣщали другимъ, что мертвые воскреснутъ на третій день, а когда это не случилось, то они стали доказывать, что погибшіе умерли отъ недостатка вѣры, что недостаточно искренно и горячо они молились... Обыкновенно — обманщики!..—разсудилъ мой недоумѣній великолѣпный Шинъ-мунъ-гюнъ, дворцовый чиновникъ.

По мнѣнію корейцевъ, ученіе тонъ-хаковъ христіанскаго происхожденія. Первый его проповѣдникъ, нѣкій Цхое-чжѣ-у, изъ уѣзда Кіюнь-чжю, провинці Кіюнь-санъ-до, пораженный успѣхомъ католицизма и герой-

¹⁾ Первое выраженіе мнѣ переводили „вѣрный свѣтъ... не забудь“, но записъ у меня испортилась, и я не увѣренъ, правильно ли читаю это слово.

ствомъ миссіонеровъ, принялся изучать новое ученіе и даже готовъ былъ принять его, еслибъ не соображеніе, что оно преслѣдуется корейскими королями. „Если оно хорошо, такъ почему же убиваютъ его проповѣдниковъ?“—разсуждалъ Цхое-чжѣ-у и такъ разстроился отъ этихъ размышленій, что сильно захворалъ и былъ близокъ смерти. Въ одно утро, „когда лучи солнца чуть коснулись верхушекъ горъ“, онъ увидѣлъ въ сонномъ видѣніи неземное существо, которое спросило его:

— Цхое-чжѣ-у, знаешь-ли, кто говорить съ тобою?

— Нѣтъ, не знаю! Кто ты такой?

— Я Владыка Неба (Сѣнь-чжѣ-е)! Ты поклонись мнѣ и получишь власть надъ народомъ!

Тогда Цхое-чжѣ-у спросилъ видѣніе:

— Есть-ли католицизмъ правильное ученіе?

— Нѣтъ!.. Слова и обряды подходящи, но духъ и значеніе другое!

Когда видѣніе исчезло, Цхое замѣтилъ около себя кисть и бумагу, торопливо начертилъ вдохновенную молитву къ Сѣнь-чжѣ, сжегъ ее и пепелъ выпилъ съ водой. Это немедленно вернуло ему силы и здоровье.

Вскорѣ, затѣмъ, онъ написалъ книгу „Сѣнь-гюнь-дѣ-чюнь“, въ которой изложилъ основы новаго ученія. Въ него вошли: ученіе Конфуція „о пяти житейскихъ отношеніяхъ“, буддійское ученіе „объ очищеніи сердца“ и наука Ляо-тсе „объ очищеніи тѣла отъ нравственной и физической грязи“. Изъ христіанства Цхое взялъ единственно имя божества Тхюнь-чжю (Владыка Небесъ), да названіе религіи, которую называлъ *тонъ-хакъ*—ученіемъ восточнымъ въ отличіе отъ *сѣ-хакъ*—ученія западнаго или христіанства.

Тонъ-хаки монотеисты, но ихъ вѣроученіе совершенно не затрогиваетъ вопросовъ загробнаго существованія. У нихъ нѣтъ ни капищъ, ни идоловъ. Свои крайне простыя молитвы и обряды они исполняютъ предъ алтарями, построенными изъ камня, глины и цемента. На алтарѣ они ставятъ кружку съ водой и молятся ночью, совершая многократно земные поклоны, затѣмъ пьютъ воду, которую называютъ „чашей господней благодати“. Новообращенный зажигаетъ на алтарѣ двѣ свѣчи, кладетъ хлѣбъ, вино и рыбу, затѣмъ присутствующіе 24 раза повторяютъ вмѣстѣ съ нимъ молитву тонъ-хаковъ и совершаютъ много земныхъ поклоновъ. Обрядъ заканчивается скромной трапезой, стоимость которой уплачиваетъ неофитъ ¹⁾).

Въ 1863 г. Цхое былъ казненъ по подозрѣнію въ принадлежности къ католицизму; его наука медленно распространялась, пріобрѣтая исподволь общественное значеніе; ея послѣдователи вербуются, главнымъ образомъ, среди лицъ такъ или иначе обиженныхъ правительствомъ. Несмотря на то, тонъ-хаки не являются принципиальными противниками *сущающаго* строя корейской жизни; они только проповѣдуютъ необходимость *внутренняго* просвѣтленія и усовершенствованія *правлящихъ* лицъ и, конечно, желали бы видѣть на этихъ постахъ своихъ *единовѣрцевъ*. Въ 1898 г., уже по усмиреніи возстанія, былъ пойманъ въ уѣздѣ Уёнъ-чжю ²⁾ одинъ изъ тонъ-хакскихъ вождей, нѣкій Чо-иси-хёнъгъ. Вмѣстѣ съ нимъ были схвачены и посажены въ тюрьму

¹⁾ „Korean Repository“, 1895, p. 56—60

²⁾ Глухой уѣздъ въ пров. Канъ-уёнъ-до въ горахъ на юго-востоку отъ Сеула.

два его вѣрныхъ товарища и единовѣрца—Хуангъ и Сонгъ, а также Пакъ-юнъ-тай, который пришелъ въ Сеулъ единственно затѣмъ, чтобы добывать пропитаніе и пецись о плѣненномъ пророкѣ (пу-пхумъ).

Чо-иси-хіонгъ сознался подъ пыткой, что онъ познакомился съ ученіемъ тонъ-хаковъ 33 года тому назадъ; научилъ его основамъ религіи купецъ изъ Канъ-уёнъ-до нѣкій Пакъ-чумъ-сѣкъ; затѣмъ, Чо самъ сдѣлался предводителемъ и наставникомъ (пу-пхумъ) тонъ-хаковъ. Весною 1892 г. нѣсколько тысячъ вѣрующихъ собралось въ Сеулъ и рѣшили подать прошеніе на Высочайшее имя о возвращеніи чести и добраго имени невинно казненному основателю ихъ религіи Цхое-чжѣ-ю. Не получая долгое время отвѣта, собравшіеся постановили, переодѣвшись солдатами, напасть на домъ министра Юнгъ-чжюмъ, но намѣреніе не было исполнено, и заговорщики разсѣялись. Вскорѣ, узнавши, что правительство собирается послать противъ нихъ войска, тонъ-хаки сговорились поднять знамя анти-японскаго возстанія въ мѣстности По-му, гдѣ собирались обыкновенно главные ихъ силы и гдѣ происходили ихъ совѣщанія. Оттуда мятежники хотѣли вдоль рѣки Ханъ проникнуть въ Сеулъ. Посланный правительствомъ для переговоровъ У-іонгъ-чжюнь уговорилъ ихъ оставить это намѣреніе ¹⁾. Только мятежъ въ Кобу ²⁾, который въ началѣ былъ обычнымъ крестьянскимъ волненіемъ, превратился въ послѣдствіи въ серьезное возстаніе. Одинъ изъ его предводителей, Чунъ-піонгъ-чжюнь

¹⁾ „Korean Repository“, 1898, p. 234.

²⁾ Убѣдный городъ въ пров. Чжюлла-до на югъ отъ порта Кюнь-санъ, открытаго для международной торговли.

придалъ движенію религіозный и политическій характеръ. Тонъ-хаки изъ провинціи Чюнь-чійнь-до присоединились къ нему въ большемъ количествѣ, и возстаніе разлилось широкой волной. Королевскія войска были разбиты, и вспыхнули волненія въ самой столицѣ. Тогда корейское правительство обратилось за помощью къ Китаю, и тотъ предоставилъ ему нѣсколько-тысячный отрядъ, который жестоко усмирилъ возстаніе. Но Японія высадку китайскихъ войскъ на полуостровѣ сочла за нарушеніе тьень-тсинскаго договора и немедленно заняла своими войсками портъ, — Чемульпо и окрестности Сеула. Тщетно представители другихъ державъ требовали ухода обѣихъ армій, ни Китай, ни Японія слушать объ этомъ не хотѣли; китайцы доказывали, что Корея ихъ вассальная земля, а японцы ссылались на договоръ. Наконецъ, Японія пригрозила Китаю войной и добилаcь признанія Кореи независимымъ государствомъ. Тогда немедленно японцы потребовали отъ корейскаго правительства реформъ въ либеральномъ духѣ и измѣненія текста договора съ Китаемъ съ 1882 года, въ которомъ Корея третировалась, какъ вассалъ Небесной Имперіи.

Въ виду того, что корейцы медлили съ отвѣтомъ, японскій посолъ Отори приказалъ войскамъ 23 іюля занять королевскій дворецъ и окружить короля и его семейство почетной стражей. Къ власти были призваны либеральные министры и старый интриганъ Тя-уёнъ-гунъ, который опять разыгрывалъ большого либерала и друга Японіи. Новое правительство заключило формальный союзъ съ Японіей и поручило ей выгнать китайцевъ изъ предѣловъ Кореи. Таково было начало знаменитой японо-китайской войны, которая

окончилась полной побѣдой Японіи и поставила ее въ ряду первоклассныхъ державъ міра. Ляо-дунскій полуостровъ былъ занятъ японцами, Портъ-Артуръ взятъ приступомъ, флотъ китайскій уничтоженъ. Война окончилась міромъ въ Симоносеки, гдѣ независимость Кореи была признана Китаемъ окончательно и безусловно.

Претензіи китайцевъ къ протекторату надъ полуостровомъ рухнули.

Въ то же время въ Сеулѣ засѣдала „Палата дѣлъ воюющаго королевства“ (Кунъ-гунъ-кый-му-чжіо), созванная по совѣту представителя Японіи Отори. Она должна была представлять зародышъ будущаго корейскаго парламента. Въ продолженіи 15 мѣсяцевъ она выработала, по указаніямъ японцевъ, рядъ мѣръ и преобразованій какъ административныхъ, такъ и законодательныхъ, которые вошли, какъ ни какъ, въ основы современной нарождающейся Кореи. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

Янъ-бани (благородные) и простой народъ уравниваются передъ закономъ.

Рабство упраздняется.

Преобразовываются всѣ государственныя учрежденія.

Вдовы благородныхъ могутъ вторично выходить замужъ.

Запрещается раннее вступленіе въ бракъ.

Упраздняются преимущества гражданскихъ чиновъ передъ военными.

Широкіе рукава чиновничьихъ платьевъ подлежатъ суженію.

Въ официальныхъ бумагахъ время не должно обозначаться по китайской системѣ.

Семейства преступниковъ не подлежатъ привлеченію къ отвѣтственности.

Слѣдуетъ преобразовать министерство финансовъ, чтобы имѣть необходимыя средства для управленія страной.

Чины всѣхъ ранговъ могутъ ходить по улицамъ свободно, не придерживаясь опредѣленнаго этикета; они могутъ ѣздить верхомъ или ходить пѣшкомъ, какъ хотятъ.

Отмѣняется обычай, что при проходѣ сановника простые должны вставать или слѣзать съ лошади.

Если чиновникъ неправильно присвоить себѣ чужія деньги или имущество, то долженъ быть наказанъ, а неправильно присвоенное должно быть отнято.

Только вѣдомства юстиціи и полиціи имѣютъ право арестовывать и наказывать.

Чиновникъ, оставившій службу, имѣетъ право открыть торговлю и заняться вообще всякимъ допускаемымъ закономъ ремесломъ.

Древній обычай держать литературный экзамень для полученія чина отмѣняется, и вводится новая система выбора чиновниковъ.

Чинъ и должность не могутъ служить причиной къ избавленію отъ наказанія за противозаконныя дѣйствія.

Подати и налоги имѣютъ быть взимаемы деньгами, а не рисомъ, тканями и вообще натурой.

Внутренняя торговля хлѣбомъ и другими злаками не должна быть стѣснена.

Надлежитъ ввести правильную систему мѣръ, вѣсовъ и монетъ.

Чиновники подлежат ответственности за взысканные и не внесенные въ казну подати.

Молодые интеллигентные корейцы, получившіе хорошее воспитаніе, должны командироваться за границу для продолженія образованія,

Въ министерство должно приглашать иностранцевъ-совѣтниковъ.

Представителямъ иностранныхъ державъ, отправляющимся на аудіенцію къ его величеству, разрѣшается выходить изъ носилокъ у дверей пріемнаго зала.

Книги для элементарныхъ школъ должны быть выбираемы и печатаемы министерствомъ народнаго просвѣщенія ¹⁾.

Слѣдуетъ полагать, что несмотря на огромное число охваченныхъ реформой вопросовъ, Японія сумѣла бы ее провести, пользуясь недавнимъ опытомъ у себя дома. Но къ концу войны ея вліяніе въ Корейѣ ослабло. Та же коалиція государствъ (Россія, Германія, Франція), которая заставила ее вернуть Портъ-Артуръ Китаю, стала настойчиво вмѣшиваться въ ея корейскую политику. А такъ какъ Японія поощряла и опиралась на либеральные элементы страны, то естественно, европейскія государства взяли подъ свою защиту консервативныя и реакціонныя теченія. Во главѣ послѣднихъ нашелся, конечно, родъ Минъ, захватившій въ свои руки многія должности и синекуры; теперь, угрожаемый въ своихъ доходахъ и вліяніи, онъ воспользовался всѣмъ своимъ вѣсомъ при дворѣ и, при помощи сородички своей королевы, тормозилъ изо всѣхъ силъ реформы. Королева, существо ограниченное, злое и сует-

¹⁾ „Описаніе Кореи“, ч. I, стр. 47.

вѣрное, окруженное знахарями, колдуньями и звѣдочетами,—отдалась со всей страстью восточной женщины защитѣ и возрожденію „старыхъ порядковъ“.

Хитрый Тѣ-уѣнь-гунь интриговаль на свой счетъ. 19-го апрѣля 1895 года былъ арестованъ его внукъ, принцъ И-цзунъ-іонъ, обвиненный въ участіи въ заговорѣ на жизнь короля, а также въ содѣйствіи убійству вице-министра юстиціи, Кимъ-хакъ-у, виднаго члена партіи реформъ. Принцъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ ссылки. Тщетно старый Тѣ-уѣнь-гунь просилъ, чтобы вмѣсто юноши сослали его: ему даже не позволили сопутствовать приговоренному внуку. Отецъ принца, И-цзѣ-міонъ, былъ немедленно устраненъ отъ должности. Вскорѣ подвергся обвиненію въ заговорѣ на жизнь короля и государственной измѣнѣ глава кабинета, дѣльный, честный, либеральный Пакъ-іонъ-хо, который спасся отъ жестокой участи быстрымъ побѣгомъ въ японское посольство. По всему было замѣтно, что реакціонная бюрократическая партія беретъ верхъ надъ слабымъ прогрессивнымъ теченіемъ.

Реформы были приостановлены или отмѣнены, а то просто не исполнялись, оставаясь на бумагѣ въ полнѣйшемъ пренебреженіи и неуваженіи. Преслѣдованія росли; европейскія державы, исключая Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, поддерживали реакціонныя стремленія корейскаго правительства, удобныя для нихъ, такъ какъ ослабляющія государство, намѣченное уже для будущаго раздѣла. 26 сентября партія реформъ устроила вторичную попытку государственнаго переворота опять при поддержкѣ Японіи. Отрядъ японскихъ солдатъ занялъ дворецъ, корейскіе заговорщики ворвались внутрь, во время схватки была убита королева и министръ

двора, послѣдній на глазахъ короля. Покушеніе хотя и дало на нѣкоторое время перевѣсъ партіи реформъ, въ общемъ дурно отразилось на ходѣ событій, такъ какъ убійство королевы было использовано консервативной партіей для возбужденія народа, привязаннаго въ силу традиціи къ царствующему дому, затѣмъ оно дало поводъ къ явному вмѣшательству во внутреннія дѣла Кореи иностранныхъ державъ, которые „во имя гуманности“ потребовали отъ *Японіи* наказанія виновниковъ.

Въ то же время чиновники вездѣ злостно возбуждали темный народъ противъ реформъ, проводя крайне придирчиво и неукоснительно второстепенныя, мелкія, часто неумѣстныя распоряженія, какъ-то запрещеніе носить косу или перемѣну календаря и оставляя безъ движенія свѣже-изданные законы, стремящіеся къ водворенію порядка и справедливости, къ обузданію бюрократическаго произвола и грабежей. Понятно, что вспыхнули волненія, враждебныя реформамъ. Король скрылся въ русскомъ посольствѣ. Оттуда онъ разослалъ ко всѣмъ губернаторамъ и приказалъ расклеить на улицахъ Сеула напыщенный манифестъ въ китайскомъ стилѣ, въ которомъ публично каялся въ своихъ ошибкахъ и недостаткахъ и *отмѣнялъ* реформы, не дальше какъ годъ тому назадъ публично обѣщанныя имъ подъ присягой въ Храмѣ Предковъ. Конечно, онъ доказывалъ, что источникъ страданій народныхъ весь сосредоточился въ этихъ ненавистныхъ „возлюбленному народу“ реформахъ.

Консерваторы не упустили торжествовать своей побѣды рядомъ казней и преслѣдованій. Предсѣдатель министровъ Кимъ-хонъ-чжю, министръ земледѣлія

Цзунъ-пхунъ-ха были убиты, другихъ спасли японскія войска.

Самое слабое даже знаніе условій, въ какихъ живутъ корейскіе монархи, не оставляетъ сомнѣнія, что побѣгъ короля былъ подстроенъ; во дворцѣ король находится подѣ такимъ бдительнымъ и неустаннымъ надзоромъ окружающихъ: министровъ, ихъ шпионовъ, евнуховъ, любовницъ, наложницъ, прислуги, что онъ шагу сдѣлать не можетъ незамѣтно и содержится буквально, какъ въ тюрьмѣ.

Въ русскомъ посольствѣ была, немедленно по водвореніи тамъ короля, въ видѣ декорума, созвана комиссія, состоявшая изъ нѣсколькихъ корейскихъ сановниковъ, двухъ американцевъ, англичанина Макъ-Ливи Броуна и натурализованнаго въ Америкѣ корейца, д-ра Филиппа Джэсона (F. Jaisohn). Комиссіи поручено было просмотрѣть и исправить реформы, обнародованныя въ минувшіе три года, но вмѣсто этого она вскорѣ принуждена была обсуждать новый указъ короля изъ 9 параграфовъ, въ силу котораго въ Корей востанавливалась прежняя неограниченная монархія и всевластіе бюрократіи.

Единственной положительной стороною этого указа было признаніе совершенной „независимости“ Кореи отъ кого-либо ¹⁾. Комитетъ министровъ (вѣ-гокъ), которому по плану японцевъ предстояло современемъ превратиться въ корейскій парламентъ, былъ замѣненъ стариннымъ Государственнымъ Совѣтомъ ²⁾ (Бѣй-чжѣюнь-бу). Но объявленіе „независимости“ Кореи оказалось въ сущности такой же фикціей, какъ и прежнія либе-

¹⁾ „The Independent“, 1899 г., № 12.

²⁾ „Korean Repository“, 1895 г., № 10.

ральныя реформы. Корея перемѣнила только верховнаго господина, которымъ теперь сталъ, понятно, русскій посоль.

Японія поспѣшила заключить съ Россіей договоръ, предоставлявшій ей право содержать небольшіе военные отряды въ Сеулѣ, Фузанѣ, Гензанѣ и вдоль принадлежавшей ей телеграфной линіи. Одновременно такой же отрядъ былъ посланъ Россіей для охраны ея посольства въ Сеулѣ ¹⁾. Начался новый періодъ во внѣшней корейской политикѣ, и дипломатическая борьба между Японіей и Россіей за вліяніе на полуостровѣ замѣнила прежнюю борьбу между Японіей и Китаемъ. Во время своего пребыванія въ русскомъ посольствѣ императоръ Ик-сіонъ роздалъ европейцамъ многія и выгодныя концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, на разработку минеральныхъ богатствъ и рубку лѣса.

Тогда-то и были получены русскимъ подданнымъ Бринеромъ знаменитыя лѣсныя концессіи на рр. Ялу и Тумень-ганъ, которыя впослѣдствіи перешли къ устроенной Безобразовымъ „Восточно-азіатской промышленной компаніи“. Тотъ же Бринеръ получилъ въ 20-лѣтнюю аренду островъ Даджелетъ, что обезпечивало господство Россіи надъ всѣмъ восточнымъ побережьемъ полуострова и омывающими его водами. Корейскій императоръ послалъ тогда впервые посольство въ Европу, именно въ Москву на коронацію русскаго царя.

Вообще, корейскій императоръ за все это время выказалъ большое тяготѣніе не столько къ европейской культурѣ, сколько къ европейскимъ монархамъ.

¹⁾ Сеульскій протоколъ, подписанный 14 мая 1896 г.

Онъ приказалъ поспѣшно построить себѣ новый дворецъ вблизи европейскихъ посольствъ, бокъ-о-бокъ съ русскимъ посольствомъ, и послѣ его окончанія перешелъ туда прямо изъ русскаго посольства, гдѣ прожилъ безъ малого годъ.

Не задолго до этого по почину доктора Ф. Джэсона былъ заложенъ фундаментъ подъ постройку „Арки Независимости“ на томъ мѣстѣ, гдѣ до 1895 года стояли „Ворота Встрѣчи“, у которыхъ корейскіе короли обязаны были встрѣчать пріѣзжающихъ изъ Пекина пословъ богдыхана. Д-ръ Филиппъ Джэсонъ, котораго корейская фамилія была Со-чжа-пиль, прожилъ въ Америкѣ 11 лѣтъ, гдѣ учился и знакомился съ европейскими порядками. Онъ принялъ американское подданство и такимъ образомъ обезпеченный отъ насилія корейской бюрократіи, вернулся на родину, чтобы отдать всѣ свои силы и знаніе ея возрожденію. Въ началѣ онъ встрѣченъ былъ радушно, назначенъ членомъ Императорскаго Совѣта и сталъ издавать по-англійски и по-корейски газету „The Independent“. Онъ основалъ „Клубъ Независимости“ (Тонъ-минъ-хо-пѣнь), который пользовался большимъ вліяніемъ: число его членовъ достигло 2.000 человекъ, самъ императоръ сперва доброджелательно относился къ нему. И газета, и клубъ задавались просвѣтительными и культурными пѣлями, борьбой съ предрасудками, защитой угнетенныхъ, устройствомъ полезныхъ, гуманитарныхъ учреждений. Клубъ рѣшилъ держаться возможно далеко отъ такъ называемой политики и ограничиться воспитательными задачами, воздѣйствіемъ на совѣсть и общественное мнѣніе. Однако, запросы жизни оказались сильнѣе постановле-

ній основателей, и Клубъ очень скоро вышелъ изъ на-
чертанныхъ себѣ рамокъ.

Осенью 1897 года король оставилъ свой прежній титулъ Кукъ-оанъ (правитель королевства) и переимѣ-
нилъ его на Хоанъ-чжые (китайское Хуанъ-ди)—импе-
раторъ; древнее названіе своей династіи „Цзо-сінь“
переименовалъ въ Тй-ханъ—Великое Ханъ (государство);
времени своего царствованія онъ далъ прозвище „Ко-
анъ-му“, вслѣдствіе чего 1897 годъ, годъ объявленія по-
ваго титула, зовется корейцами „первымъ годомъ эры
Коанъ-му“.

За нѣсколько недѣль до этихъ торжествъ прибыли
въ Сеулъ 3 русскіе офицера и 10 солдатъ, въ качествѣ
военныхъ инструкторовъ императорской гвардіи. Вмѣстѣ
съ ними пріѣхалъ и К. А. Алексѣевъ, назначенный
совѣтникомъ при министерствѣ финансовъ, на то мѣсто,
которое занималъ до него англичанинъ М. Л. Броунъ,
завѣдывавшій къ тому же и корейскими таможенными
доходами.

Такъ какъ М. Л. Броунъ не былъ заранѣе увѣдо-
мленъ о предстоящей смѣнѣ и такъ какъ приглашеніе
русскаго совѣтника произошло внѣ обычнаго порядка,
то произошелъ цѣлый рядъ недоразумѣній, непріятно-
стей, протестовъ, дипломатическихъ и не дипломати-
ческихъ переговоровъ. Значительныя концессіи, щедро
раздаваемыя иностранцамъ министрами и самимъ
императоромъ, усиливающееся непомѣрно вліяніе ино-
странныхъ пословъ и ихъ безцеремонность, встревожили
не на шутку корейскихъ патріотовъ. Подъ ихъ давле-
ніемъ „Клубъ Независимости“ подалъ императору слѣ-
дующую петицію:

„Мы, Вашего Императорскаго Величества вѣрнопод-

данные, желаемъ отмѣтить, что два важные фактора рѣшаютъ о могуществѣ и независимости государства, а именно: во-первыхъ, государство не должно допускать даже косвенно къ управленію страной иностранцевъ, во-вторыхъ, само оно должно возростать и крѣпнуть черезъ мудрую политику и усиленіе законности въ Имперіи. Небо надѣлило Ваше Императорское Величество властью для поддержанія этихъ двухъ началъ.

„Арка Независимости была построена, и Клубъ нашъ основанъ къ вящему прославленію престола Вашего Императорскаго Величества, а также ради подъема народныхъ чувствъ, дабы черезъ это удержать на престолѣ династію и сохранить независимость народа. Нынѣ мы, вѣрные слуги Вашего Императорскаго Величества, видимъ, что свободѣ нашего народа угрожаетъ опасность, что неудовольствіе и разочарованіе зарождаются въ сердцахъ гражданъ. Такое положеніе создано отдаленіемъ управленія финансами иностранцу, отдаленіемъ той власти, которая должна обязательно оставаться въ рукахъ отечественныхъ чиновниковъ. Эти чиновники тоже иноземцы. Даже право назначенія и устраненія (со службы) отнято у мѣстныхъ властей. Это работа безчестныхъ, продажныхъ круговъ, они воспользовались случаемъ, чтобы удовлетворить своимъ достойнымъ презрѣнію склонностямъ. Вліяніе иностранцевъ тяготѣетъ и надъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и оно заходитъ такъ далеко, что давить Твой престолъ и угрожаетъ ему ради собственной выгоды и выгоды иностранныхъ чиновниковъ.

„Ложные отчеты, лишеныя всякаго основанія, которые они представляютъ Вашему Императорскому Величеству, дурно вліяютъ на святой Его разумъ.

„Основываясь на столь безнадежномъ положеніи вещей, мы приходимъ къ заключенію, что не пройдетъ и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ наше самоуправленіе сдѣлается достояніемъ прошлаго.

„А коль скоро мы разъ потеряемъ его, жалобы и сожалѣнія не возвратятъ его. За единственное средство поддержанія порядка и ускоренія развитія національной жизни считаемъ приданіе надлежащей силы закону, а также изданіе соотвѣтственныхъ распоряженій и упорядоченіе правительственныхъ учреждений. Но власти пренебрегаютъ какъ прежними, такъ и новыми законами, а распоряженія, принципы и учрежденія остались мертвыми предписаніями. Въ такихъ условіяхъ какъ же можемъ предполагать, что другіе народы повѣрятъ въ способность нашего самоуправления къ дальнѣйшему существованію. Они не вѣрятъ въ нашу силу и поэтому склонны вмѣшиваться въ наши дѣла, а если позволимъ имъ, пойдутъ и дальше въ поискахъ своей выгоды.

„Горе! На пространствѣ 3.000 ли живетъ 15.000.000 душъ, дѣтей Вашего Императорскаго Величества, которые обязаны заботиться о Семѣ Императора, защищать независимость и права правительства нашей страны. Но невѣжество и самолюбіе заставили ихъ забыть о великой и славной задачѣ защиты національныхъ правъ. Поэтому могущественные сосѣди считаютъ насъ ни во что и угрожаютъ даже положенію Вашего Императорскаго Величества. Мы не винимъ въ этомъ никого, кромѣ самихъ себя. Намъ стыдно передъ лицомъ неба и земли за нашу нерадивость и бездарность. Лучше бы сердца наши были пробиты, и желудки распороты для спасенія нашей родины, чѣмъ продлилась наша жизнь въ позорѣ

и униженіи, вызванныхъ небрежностью къ своимъ обязанностямъ.

„Послѣ этихъ признаній мы покорно и единогласно умоляемъ Ваше Императорское Величество смотрѣть на добро и интересы 15.000.000 своихъ подданныхъ, какъ свои собственные, просимъ, чтобы Ваше Императорское Величество радовалось ихъ благополучію, плакало вмѣстѣ съ ними, когда они погружаются въ горестяхъ и несчастіи, сочувствовало ихъ порывамъ, истекающимъ изъ любви къ отечеству; чтобы Ваше Императорское Величество поддерживало силу закона во всей странѣ, ревностно оберегало управление отъ вліянія иностранцевъ, чего покорнѣйше желаемъ.

„Если Ваше Императорское Величество захочетъ помочь своимъ содѣйствіемъ въ этомъ своимъ подданнымъ, если протянетъ къ нимъ руку съ помощью, Домъ Вашего Императорскаго Величества будетъ царствовать надъ страной безконечное число лѣтъ. Тысячи враговъ не осмѣлятся покуситься на нашу независимость. Передъ лицомъ неба мы поклялись сложить нашу жизнь за родину и покорно приносимъ присягу Вашему Императорскому Величеству, что обѣщаніе наше мысдержимъ.

„Мы просимъ Ваше Императорское Величество принять увѣреніе въ нашихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ для Императорскаго Дома и дѣла нашей независимости“¹⁾.

Агитацію корейскихъ патріотовъ рѣшительно поддерживала и японская періодическая печать, указывая на то, что приглашеніе Алексѣева не было вызвано необходимостью, въ виду всѣми признанной компетен-

¹⁾ „The Korean Repository“, 1898 г., р. 74.

ціи и трудовъ прежняго совѣтника М. Л. Броуна, что такимъ образомъ прїѣздъ Алексѣева слѣдуетъ разсматривать, какъ покушеніе на независимость Кореи. Попытка захвата русскими Оленьяго острова въ Фузанскомъ заливѣ еще сильнѣе разожгла страсти.

Волненіе достигло такихъ размѣровъ, что К. А. Алексѣевъ принужденъ былъ уйти, не исполнивши обѣщанныхъ улучшеній. Впрочемъ, сомнительно, чтобы ему удалось ихъ провести, такъ какъ онъ встрѣтилъ бы въ Корей точь въ точь такія же препятствія, которыя и въ Россіи убиваютъ благія начинанія всякихъ честныхъ дѣятелей. Съ отѣздомъ Алексѣева были отозваны и военные инструктора. Мѣсяць спустя по ихъ отѣздѣ, Россія и Японія заключили договоръ, въ которомъ обязались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Кореи (пунктъ I), не посылать ей своихъ совѣтниковъ и военныхъ инструкторовъ, не давать никакихъ совѣтовъ и указаній безъ предварительнаго взаимнаго соглашенія (пунктъ II). Россія къ тому же обѣщала не препятствовать развитію торгово-промышленныхъ отношеній Японіи съ Кореей (пунктъ III) ¹⁾.

Корейскіе патріоты прекрасно понимали, что никакіе договоры сосѣднихъ державъ не спасутъ ихъ отъ чужеземнаго ига, разъ сама страна не подыметься изъ своего паденія, не прекратитъ грабежей и беззаконій бюрократіи, не займется просвѣщеніемъ народныхъ массъ и воспитаніемъ среди согражданъ человѣческаго достоинства. Большинство дѣятелей того времени группировалось около Клуба Независимости, который смѣло взошелъ на путь политическихъ требованій и стремился

¹⁾ Протоколъ, подписанный въ Токіо, 5 апрѣля 1898 г.

явно къ реформамъ. По его настоянію была распущена личная стража императора, состоящая главнымъ образомъ изъ русскихъ и иностранцевъ. Въ октябрѣ Клубъ Независимости созвалъ громаднѣйшій митингъ—съ участіемъ всѣхъ слоевъ населенія, не исключая презираемыхъ всѣми мясниковъ,—на которомъ рѣшено было домогаться признанія гражданамъ свободы слова и неприкосновенности личности и жилища безъ судебного постановленія. Императоръ принялъ преподнесенную себѣ петицію и обѣщалъ исполнить требованія, но сейчасъ же уволилъ всѣхъ министровъ, присутствовавшихъ на митингѣ, что вызвало цѣлый рядъ грозныхъ демонстрацій. Не довѣряя арміи и полиціи, императоръ позвалъ на помощь пу-саней (разносчиковъ). Послѣдніе собрались въ Сеулѣ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ и, вооружившись дубинами, напали на членовъ Клуба. Тогда сторонники реформъ бросились на чиновниковъ и министровъ консервативнаго направленія. Многія зданія были разрушены, и произошли многочисленныя кровавыя побоища; побѣжденные пу-сани принуждены были наконецъ оставить Сеулъ. Императоръ сдѣлалъ небольшія уступки „Независимымъ“. Когда, однако, Клубъ протестовалъ противъ пытки и четвертованія нѣкоего Кимъ-хонъ-нюка, приговореннаго къ смерти по подозрѣнію въ покушеніи на жизнь императора, послѣдній разсердился, приговореннаго приказалъ разорвать волами на улицахъ Сеула, а затѣмъ закрылъ Клубъ Независимости. Раньше того, благородный его основатель д-ръ Ф. Джэсонъ принужденъ былъ покинуть такъ горячо любимую имъ родину.

Въ послѣдніе годы внѣшняя и внутренняя политика Кореи полна отголосковъ и волненій все возрастающаго

соперничества Россіи съ Японіей изъ-за владычества на Дальнемъ Востокѣ.

Россія все время пользуется благосклонностью корейскаго двора и бюрократіи; она неизмѣнно поддерживаетъ консервативныя, даже реакціонныя корейскія стремленія, Японія, наоборотъ, является сторонницей освободительныхъ и культурныхъ теченій. При дворѣ особеннымъ вліяніемъ пользовался въ послѣдніе годы ловкій, безсовѣстный министръ финансовъ, Ий-іонъ-икъ, знаменитый своей способностью въ пріисканіи средствъ для наполненія бездоннаго императорскаго сундука. Императоръ подпалъ совершенно подъ его вліяніе и покровительницы его г-жи Омъ, сдѣлавшейся изъ простой рабыни наложницей церваго класса, послѣ гибели злосчастной королевы Минь. Послѣдняя стремилась, во чтобы то ни стало, получить для своего малолѣтняго сына права наслѣдника престола въ обходъ законнаго принца ¹⁾.

Въ концѣ 1901 года прибылъ въ Петербургъ маркизъ Ито съ цѣлью предварительнаго выясненія неофициальнымъ путемъ вопроса о разграниченіи интересовъ Японіи и Россіи на Дальнемъ Востокѣ и прежде всего въ Корей. Японія въ то время требовала признанія независимости Кореи, гарантіи, что Россія не воспользуется корейскою территоріей для стратегическихъ цѣлей, гарантіи, что на корейскомъ побережьи не будутъ предприняты ею никакія мѣры, подвергающія опасности проходъ черезъ Корейскій проливъ, нако-

¹⁾ Смерть послѣдняго устранила въ настоящее время препятствіе къ этому и, если независимость Кореи уцѣлѣетъ, вѣроятно, что сынъ г-жи Омъ сядетъ на корейскомъ престолѣ.

нецъ, признаніе Россіей полнѣйшей свободы для японской торговли и промышленности на корейскомъ полуостровѣ.

Переговоры, начатыя въ этомъ духѣ маркизомъ Ито, не привели ни къ какимъ результатамъ. Маркизь Ито уѣхалъ въ Берлинъ, а вслѣдъ затѣмъ былъ заключенъ англо-японскій союзъ ¹⁾.

Политика Россіи въ Корей заключалось въ медленномъ негласномъ захватѣ долины Ялу и Тумень-ганя. Главный дѣятель ея, А. М. Безобразовъ, не добившись горнопромышленной концессіи въ самой Корей, что сразу позволило бы ему хозяйничать далеко внутри страны, рѣшилъ переименовать образованную имъ въ началѣ „Восточно-азиатскую промышленную компанію“ для эксплуатаціи лѣсной концессіи Бринера, на „Русское лѣсопромышленное товарищество на Дальнемъ Востокѣ“.

Общество получило громадную казенную субсидію и пользовалось дружнымъ покровительствомъ и сочувствіемъ *всей* дальне-восточной бюрократіи и военщины ²⁾. Упомянутое выше „Русское лѣсопромышленное товарищество“ должно было сдѣлаться чѣмъ-то вродѣ знаменитой Chartered Companies, дѣйствовать въ интересахъ государственныхъ и одновременно пользоваться рудными, лѣсными, рыбными и звѣриными богатствами занятыхъ территорій ради приобрѣтенія нужныхъ ей для этой цѣли средствъ.—А прежде всего оно должно было

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1905 г., № 138, статья А. Гурьева: „Возникновеніе русско-японской войны“.

²⁾ Знаю только *двухъ лицъ*: покойнаго посланника Лессара и барона Розена, которые явно и рѣзко порицали еще до войны русскую политику въ Корей.

послужить „заслономъ“ для русскаго поступательнаго движенія въ Корею. Полковнику Мадритову была поручена вербовка и организація китайскихъ хунхузовъ, и шайки ихъ задолго до войны дали себя сильно чувствовать населенію по обоимъ берегамъ Ялу. Безнаказанность ихъ была полная, и жалобы жителей тщетны. Между полковникомъ Мадритовымъ и мѣстными властями установились самыя рѣзкія отношенія ¹⁾.

Конечно, японцы были хорошо и своевременно осведомлены о такомъ положеніи дѣлъ и принимали свои мѣры. Когда въ силу тайнаго договора корейское правительство предоставило Россіи портъ Мо-сам-пхо, какъ военную станцію въ Корейскомъ проливѣ, японцы мгновенно заняли гавань своими войсками и заставили открыть городъ для всемірной торговли. Тогда Россія стала требовать себѣ портъ Чингъ-хай-уень (Шингъ-хай) на южной оконечности полуострова, на поль-пути изъ Портъ-Артура во Владивостокъ, недалеко отъ той же гавани Гамильтонъ, которая разъ уже чуть не послужила поводомъ къ войнѣ между Англіей и Россіей. Японцы очень рѣшительно воспротивились уступкѣ порта кому бы то ни было, и война съ Японіей уже тогда была чрезвычайно близка. Русскіе уступили, такъ какъ морскія силы ихъ были у береговъ Кореи много слабѣе японскихъ.

Пока шли дипломатическіе переговоры по этому поводу, русскіе „завоеватели“ на сѣверѣ полуострова не дремали. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1903 года, не дожидаясь окончательнаго утвержденія корейскимъ правительствомъ торгово-промышленнаго договора преслову-

¹⁾ „Русскія Вѣд.“, 1905 г., № 140, выше цитированная статья А. Гурьева.

таго „Лѣсопромышленнаго товарищества“, отрядъ русскихъ солдатъ занялъ корейскій портъ Їонъ-намъ-пхо при устьѣ Ялу и принялся строить тамъ себѣ казармы. Мѣсяцъ спустя прибылъ туда еще вспомогательный отрядъ. Была поспѣшно построена узкоколейная желѣзная дорога вдоль Ялу и проведенъ телеграфъ, который въ Ый-чжю соединялся съ обще-манчжурской телеграфной сѣтью. Затѣмъ былъ занятъ русскими городокъ Піакъ-тонгъ, выше по рѣкѣ, а въ Їонъ-намъ-пхо явился отрядъ въ 700 человекъ пѣхоты. 25 августа японскій посолъ въ Сеулѣ Гаяши протестовалъ противъ ввода русскихъ войскъ въ предѣлы Кореи. Пошли опять безконечныя дипломатическіе переговоры. Русскіе не уходили и требовали отдачи себѣ въ долгосрочную аренду порта Їонъ-намъ-пхо. Требованіе это вызвало, однако, глубокое возмущеніе въ корейскомъ обществѣ и встрѣтило неодолимое сопротивленіе даже среди продажной корейской бюрократіи. Тщетно 27 августа посланникъ Павловъ добивался свиданія съ министромъ финансовъ, съ тѣмъ же нѣкогда послушнымъ лукавымъ Ый-іонъ-ик'омъ; министръ его не принялъ, и посланникъ, прождавши до 7 часовъ вечера въ министерствѣ, обратился прямо къ корейскому императору. Но въ этотъ разъ корейское правительство не смѣло итти противъ явно выраженной воли корейскаго общества и побоялось угрозъ японцевъ. Тѣмъ не менѣе русскіе „завоеватели“ въ сентябрѣ заняли опять городъ Ынгъ-ченъ по дорогѣ изъ Ый-чжю въ Сеулъ; въ то же время около гавани Тю-чжю была построена сторожевая башня, и возведены артиллерійскія земляныя укрѣпленія.

8 октября прошелъ первый срокъ объявленнаго Япо-

ней ультиматума, относительно очищенія Манчжуріи и Кореи; 23 октября два русскіе офицера съ 500 солдатами, перешли ночью р. Тумень-ганъ и завладѣли переправой на ней. Японія послала въ отвѣтъ военное судно въ Іонъ-намъ-пхо... Это и были въ сущности первыя военныя дѣйствія вспыхнувшей затѣмъ русско-японской войны.

Но барону Розену, истинному другу мира, удалось, благодаря имѣющимъ у него симпатіямъ въ Японіи, оттянуть на нѣкоторое время кровавое столкновение. Говорили тогда на Дальнемъ Востокѣ, что Японіи предложено было Россіей занятіе южной Кореи на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ Россія занимала Манчжурію, но безъ права возводить укрѣпленія въ Корейскомъ проливѣ. Центральная Корея должна была образовывать нейтральное государство-буферъ, подъ управленіемъ корейскаго императора, а сѣверная Корея должна была войти въ составъ Манчжуріи.

Говорятъ, что Японія, предлагавшая два года тому назадъ много меньшія условія, теперь не согласилась на предложеніе Россіи. Переговоры тѣмъ не менѣе пріостановили военныя дѣйствія. Русская эскадра торопливо шла изъ Европы въ китайскія воды; въ высшихъ административныхъ сферахъ боролись упорно два теченія: дипломатическое—миролюбивое и агрессивное—военное. Послѣднее побѣдило.

— Такъ или иначе, а владычество Россіи на Дальнемъ Востокѣ вопросъ времени!..— слышалъ я не разъ отъ военныхъ и не военныхъ бюрократовъ.—Намъ нужно рѣшить этотъ вопросъ поскорѣе и разъ-на-всегда!

— Послѣ занятія Кореи, не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ Японія станетъ русской губерніей!.. — го-

ворилось часто и откровенно на берегахъ Желтаго моря.

Мнѣнія эти, надо думать, достигали и японскихъ ушей; съ японцами тогда не церемонились.

Между тѣмъ на Ялу стягивались русскими значительныя военныя силы, и эскадра адмирала Виреніуса приближалась къ Остѣ-Индіи. 24 января 1904 года произошелъ разрывъ дипломатическихъ переговоровъ, а 2 февраля японцы неожиданно напали на русскій военный флотъ въ Портъ-Артуръ и затопили въ Чемульпо „Варяга“ и „Корейца“.

Началась ужасная, разорительная война, полная горя и униженія для русскаго народа и огромнаго значенія для всего міра. Поились потоки мужицкихъ слезъ и крови...

XXI. Сеуль наканунѣ войны.

У вѣзда въ Сеуль меня поразило необыкновенное количество карауловъ и вообще военныхъ. Внутри страны я солдатъ встрѣчалъ чрезвычайно рѣдко, между тѣмъ здѣсь въ толпѣ „бѣлыхъ штатскихъ“ то и дѣло мелькали фигуры въ черныхъ мундирахъ съ красными кантами и обшлагами. У городскихъ воротъ, на перекресткахъ улицъ, на площадяхъ, на станціяхъ электрической желѣзной дороги, вездѣ блестѣли штыки, и безчисленные стражи грозно продѣлывали непонятные артикулы, косясь на нашъ маленькій караванъ.

— Берегутся!—подумалъ я.

По мѣрѣ движенія къ центру города я замѣтилъ, что количество войскъ ничуть не уменьшается, наоборотъ, возрастаетъ въ такой степени, что я беспокоился не на шутку.

— Что это: война объявлена, или у васъ опять... революція?—спросилъ я содержателя франко-русской гостиницы, мосье Мулиса.

— Это почему? Что вы видѣли? — спросилъ тотъ тревожно въ свою очередь.

— Такое множество солдатъ на улицахъ!..

— Э-э! Это нишего!.. — разсмѣялся французъ. — Мы такъ *toujours*! Вы посмотрѣть завтра... Вся идутъ здѣсь... подъ самый балконъ... Вы будете посмотрѣть завтра!.. Мой *hôtel* хорошая точка! Весь государскій дворецъ видать... Даже его превосходительство господинъ русскій министръ ко мнѣ ходитъ посмотрѣть иногда всякое дѣло... Вы ходите, вы будете хорошо посмотрѣть!..

Онъ взялъ меня любезно подъ локоть и повелъ на деревянный балкончикъ, повиснувшій надъ небольшою дворцовой площадью. Площадь была вымощена большими каменными плитами, и по срединѣ ея подымалась широкая каменная лѣстница въ нѣсколько ступеней, ведущая на мощеную же террасу подворотни. Въ глубинѣ стояли великолѣпныя трехпролетныя ворота въ китайскомъ вкусѣ, съ тяжелой кровлей, крѣпко вздернутой по угламъ. Надъ воротами въ полумракѣ навѣса сіяли золотыя „дзыри“ китайской надписи. Тонкія цвѣтныя ленты расшитыхъ карнизовъ тянулись надъ сводами воротъ. По правую сторону къ нимъ прилегали двухэтажныя казармы изъ краснаго нештукатуреннаго кирпича, по лѣвую подымалась высокая, сѣрая стѣна дворцовой ограды. Изъ-за нея выглядывали верхушки осеннихъ, безлистныхъ деревьевъ, а дальше высилась красная кровля великолѣпнаго полуразрушеннаго китайскаго зданія.

— Что это за развалины?

— Это ничего. Это новый государскій дворецъ.

— Новый? Вѣдь онъ разрушенъ!? Развѣ императоръ живетъ въ немъ?

— Этого никто не знаетъ, гдѣ живетъ императорское величество! — таинственно отвѣтилъ мосье Мулисъ. — Это трудно даже узнать... Это тайна! Ночью императорское величество гуляетъ, или ихъ носятъ въ носилкахъ по саду, или они смотрятъ какъ танцуютъ „кисанъ“, или устраиваетъ ложный испугъ солдатамъ, а днемъ отдыхаетъ въ неизвѣстной никому залѣ дворца, гдѣ прикажутъ. Тамъ за этой стѣной большой городъ, женскій городъ... однѣ дѣвушки...

Пока я переодѣвался съ дороги, мосье Мулисъ рассказывалъ много интересныхъ подробностей изъ жизни сеульскаго high life'a, которыя онъ узнавалъ ежедневно на городскомъ базарѣ, покупая продукты для своей кухни.

— Его государское величество все боится, все долженъ смотрѣть!.. Недавно опять открыли злоумышленіе на его жизнь. Ненарочно открыли. Poison былъ въ яйцѣ. Когда государъ его взялъ, онъ упалъ на полъ изъ руки и разбился. Собачка прибѣжалъ, съѣлъ и кончался... Каждый государскій пища особый чиновникъ пробуетъ... Но какъ попробовать яйцо?! Они осторожно яйцо прокололъ и poison пустилъ. Хорошо жилъ императорское величество только наша посольство! Онъ бы не ушелъ, если бъ не японцы. Онъ всѣхъ тамъ очень полюбилъ и одна дама даже дворецъ подарила съ мебелью... Меня тоже немного разъ позвалъ. Я удостоился приготовить ему маіонезъ и пирожное... Настоящее время государское величество много хуже... Все денегъ нѣтъ! Вторую ночь американское общество не пускаетъ во дворецъ электричество. Сидитъ въ

темнотѣ, не платить, денегъ нѣтъ! Три дня прислали 80.000 долларовъ, сегодня ничего нѣтъ! Никогда не хватитъ для шайки всѣхъ этихъ бѣлыхъ вороновъ! Ихъ много, какъ муха, всѣ смотрятъ на рука его величество!..

Многія изъ этихъ подробностей дѣйствительно оказались вѣрными.

На слѣдующій день въ 7 часовъ утра разбудила меня военная музыка и барабанный бой. Выйдя на балконъ съ биноклемъ и фотографическимъ аппаратомъ въ рукахъ, я увидѣлъ всю площадь покрытую войсками. Думаю, что тамъ было не меньше двухъ баталіоновъ пѣхоты. Одна часть солдатъ стояла въ „вольномъ“ строю вдоль улицы у поставленныхъ въ козлы ружей, другая—проходила мимо, сверкая штыками. Мнѣ говорили, что въ Сеулѣ ежедневно солдаты занимаютъ 1.200 постовъ. Дворецъ охраняется баталіономъ пѣхоты.

Впрочемъ, власти съ полнымъ основаніемъ неособенно довѣряютъ корейскимъ войскамъ; во время волненія 1882 года армія присоединилась къ мятежу, а въ 1895 году (8 октября) гвардія (си-уй-дѣ) позорно бѣжала только при вѣсти о нападеніи на императорскій дворецъ. Такое поведеніе войскъ объясняется крайне скуднымъ ихъ содержаніемъ и всякими обидами, терпимыми простыми солдатами отъ своего начальства. Въ первомъ случаѣ и такъ скудныя порціи казеннаго риса были еще уменьшены подъ предлогомъ неурожая. Въ отчетахъ русскихъ военныхъ инструкторовъ, обучавшихъ во свое время образцовые корейскіе баталіоны, мы находимъ интересную подробность о томъ, что „выдача полного жалованія солдатамъ и запись

получки его въ служебную книжку произвели сильное впечатлѣніе въ войскахъ и вызвали ропотъ противъ начальниковъ въ другихъ баталіонахъ“¹⁾.

Не слѣдуетъ дѣлать никакихъ заключеній о боевой способности и боевомъ положеніи корейской арміи по тѣмъ отборнымъ отрядамъ опрятно одѣтыхъ, обученныхъ и прилично вооруженныхъ солдатъ, которыхъ случается путешественникамъ наблюдать на постахъ у городскихъ воротъ или на дворцовой площади Сеула. Эти солдатики держатся напоказъ; ихъ же рядовые товарищи представляютъ нерѣдко очень жалкую картину. Когда я пытался проникнуть въ Старый императорскій дворецъ, чтобы осмотрѣть его и отыскать тамъ слѣды недавнихъ японскихъ и китайскихъ нападений, ко мнѣ вышли какіе-то пьяные и жалкіе оборвыши, въ которыхъ я съ трудомъ узналъ солдатъ. Они грубо отказали мнѣ въ осмотрѣ дворца, но я зналъ, что за нѣсколько долларовъ они на все согласятся; къ сожалѣнію, видъ ихъ былъ до того ужасенъ, что я не рѣшился на глазахъ ихъ вынуть кошелекъ, тѣмъ болѣе, что со мною не было переводчика. Въ Корей, подобно тому, какъ въ Китаѣ, прочно укрѣпилось мнѣніе, что армія есть зло, хотя и неизбежное, но крайне непріятное. Военная служба считается куда менѣе почетной и доходной, чѣмъ штатская. Впрочемъ, взяточничество и воровство процвѣтають въ обѣихъ одинаково.

Корейская военная организація въ прошломъ отличалась отъ китайской обязательностью всеобщей воинской повинности. Отъ военной службы освобождались

1) „Описаніе Кореи“, часть II, стр. 427.

только дѣти и внуки лицъ, сражавшихся на войнѣ, всѣ сыновья 90-лѣтнихъ стариковъ, одинъ изъ сыновей или внуковъ 80-лѣтняго старика, одинъ изъ 4-хъ братьевъ, отбывающихъ военную службу, и отецъ, имѣющій трехъ сыновей въ солдатахъ. Янъ-бани (дворяне), чиновники и лица, получившія почетное званіе, освобождались совершенно отъ военной службы. Затѣмъ все населеніе до 60 лѣтъ считалось призывнымъ, что обезпечивало корейскому государству громадную армію въ 1.200.000 человекъ ¹⁾. Но такъ какъ всякій рекрутъ имѣлъ право поставить вмѣсто себя замѣстителя, то ряды войскъ пополнялись, главнымъ образомъ, рабами или куда негодными отбросами. Не это, впрочемъ, повліяло на паденіе воеспособности въ Корей, а общій недугъ корейскаго государства—испорченность и тлетворность его бюрократіи. Военные склады и арсеналы существовали только на бумагѣ, или находились въ крайне плачевномъ состояніи ²⁾. Составъ войскъ былъ много меньше указаннаго въ официальныхъ отчетахъ; продовольствіе, жалованіе, снаряженіе и вооруженіе солдатъ находилось въ самомъ жалкомъ состояніи и немилосердно расхищалось военными и не военными чиновниками.

Реформы 1894 года уничтожили дворянскія привилегіи, рѣшено было реорганизовать армію, основаны были военные училища, перемѣнено вооруженіе и мун-

1) Дмитриевскій. „Записки Отано Кигоро“. „Зап. Импер. Русск. Географ. Общ.“ XII, № 1, стр. 269. Въ дѣйствительности, ихъ военныя обязанности сводились къ уплатѣ военныхъ расходовъ, строевые солдаты были наемные, ополченцы призывались въ строй только въ случаѣ войны.

2) „Описаніе Корей“, часть II, стр. 413.

диры, приглашены были военные инструкторы, сначала китайскіе, затѣмъ японскіе, наконецъ американскіе и русскіе, но... административные обычаи остались тѣ же, Раньше корейскіе воины подражали китайцамъ, образовали полки „тигра“ и „дракона“ съ яркими изображеніями этихъ чудовищъ на спинахъ и нагрудникахъ своихъ кафтановъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ луковъ, бамбуковыхъ копій и гричудливыхъ мечей. Ихъ знамена представляли огромнѣйшіе, ярко раскрашенные флаги. Теперь армія корейская подражаетъ европейской, у нея есть ружья, штыки и пушки ¹⁾. Военные расходы (1.463.000 долл.) Кореи растутъ изъ года въ годъ, и въ 1900 году они уже составляли *одну пятую* всѣхъ государственныхъ расходовъ (5.891.000 долл.). Подраздѣленіе арміи, ея командующіе, штабъ и ордена все мѣняются, тѣмъ не менѣе сами корейцы о своей арміи говорятъ съ пренебреженіемъ.

— Убивать безоружныхъ мужиковъ, насильничать женщинамъ, грабить города и деревни—это они знаютъ. Но отъ японцевъ, даже отъ топъ-хаковъ они бѣгутъ! Если-бъ не китайцы, то вѣдь мятежники въ послѣдній разъ взяли бы Сеулъ! Раньше бывало другое; вѣдь случалось, побѣждали мы даже и французовъ... Но теперь народъ испортился, непокорный сталъ, непослушный!.. — твердили мнѣ неисправимыя корейскія бюрократическія крысы.—Раньше начальнику и тюрьма не нужна была, онъ просто чертилъ кругъ на землѣ,

¹⁾ Количество регулярной арміи опредѣляется въ 10.000 (номинально), въ дѣйствительности она равняется едва ли 6.000 человѣкъ. Кромѣ того каждый начальникъ губерніи, даже уѣзда, въ правѣ созывать въ случаѣ волненія „тигровыхъ стрѣлковъ“ своего округа.

сажалъ туда преступника, и тотъ не смѣлъ двинуться съ мѣста, хотя стражи совсѣмъ не было. Теперь ломаютъ стѣны, бѣгутъ изъ тюремъ... Ослабѣла власть, уменьшились строгости, палъ престижъ правительства!..

Дальше слѣдовали осторожныя нареканія на иностранцевъ, жалобы на новыя вѣянія, на реформы, хотя послѣднія въ сущности остались мертворожденными предписаніями тѣхъ же бюрократовъ. Императорскимъ указомъ отъ 19 февраля 1895 года вмѣсто прежнихъ административно-полицейскихъ судовъ были введены суды независимые изъ судей, назначаемыхъ министерствомъ юстиціи, съ прокурорскимъ надзоромъ по европейскимъ образцамъ. Но уже годъ спустя, тоже императорскимъ указомъ (11 января 1896 г.), эти суды были отмѣнены, и провинціальное судопроизводство было опять поручено губернаторамъ, а въ уѣздахъ—уѣзднымъ начальникамъ. пытки тоже въ моментъ реформъ были уничтожены, и смертная казнь подверглась ограниченію, но все это на бумагѣ. Въ дѣйствительности даже въ столицѣ допросы производятся до сихъ поръ тѣмъ же ужаснымъ способомъ, а въ провинціи пытка примѣняется по пустячному поводу, по усмотрѣнію даже не очень важнаго начальства. Что же касается смертной казни, то въ февралѣ 1897 года было повѣшено въ Корей тридцать семь осужденныхъ ¹⁾. Говорятъ, что въ Сеулѣ существуетъ устроенная по-европейски тюрьма; я не успѣлъ осмотрѣть ее и ничего о ней сказать не могу; въ провинціи же вездѣ остались прежнія, китайскія тюрьмы-клѣтки, невѣроятно тѣсныя и грязныя, гдѣ заключенные живутъ подаянiемъ. Судя

¹⁾ „Korean Repository“, 1897 у., p. 78.

по дѣлу Чои-си-хienга, вождя тонъ-хаковъ, такимъ же образомъ содержались еще недавно заключенные и въ столицѣ ¹⁾. Видѣлъ я тамъ на улицахъ арестантовъ со связанными на груди руками, закованныхъ въ ряды шейными кандалами. У нихъ были надѣты на головы большія шляпы, глубоко надвинутыя на лица, и сопровождали ихъ надзиратели съ палицами въ рукахъ.

Конга ²⁾, наказаніе бамбукомъ или кнутомъ, принадлежитъ въ современной Корей къ самымъ обычнымъ и мягкимъ наказаніямъ. До сихъ поръ практикуется выставка на лобномъ мѣстѣ приговоренныхъ и выставка у городскихъ воротъ клѣтокъ съ головами казненныхъ. Вообще, судебныя наказанія крайне суровы, и тѣмъ рѣзче выступаетъ ихъ безсиліе передъ житейскими условіями. И такъ смѣшно прямо звучитъ, что въ этой классической странѣ взяточничества *взятка* съ незапамятныхъ временъ *наказывается* по закону *смертной казнью*. Конечно, она никогда не примѣняется къ виновникамъ, такъ какъ пришлось бы казнить всю почти бюрократію, а... никто вѣдь себѣ не врагъ ³⁾. Въ

¹⁾ „Korean Repository“, 1898 г., р. 78.

²⁾ Тяжелая и большая доска, надѣтая на шею приговореннаго въ видѣ колодокъ; она очень мучительна, мѣшаетъ ѣсть и спать.

³⁾ Интересно, что смертная казнь въ болѣе отдаленныя времена примѣнялась относительно рѣдко и только въ концѣ XVIII столѣтія распространилась и укоренилась. Слѣдующія преступленія наказывались ею: 1) всѣ преступленія противъ величества; 2) политическія преступленія всѣхъ отдѣлковъ; 3) участіе въ бунтѣ; 4) принадлежность къ христіанской религіи (отмѣнена); 5) преступленіе противъ военной дисциплины; 6) разоблаченіе важныхъ государственныхъ тайнъ; 7) убійство; 8) разбой; 9) поджигательство; 10) разрушеніе и оскверненіе могилъ; 11) поддѣлка казенныхъ печатей и документовъ; 12) поддѣлка монетъ; 13) *взяточничество*;

судѣ подкупъ играетъ ту же роль, что и въ другихъ частяхъ администраціи. Мой переводчикъ и чичероне по Сеулу, придворный чиновникъ Шинъ-мунъ-гюнъ откровенно говорилъ по этому поводу:

— Въ Корей кто богатъ, тотъ правъ. Бѣдный, если попадется случайно, хотя бы и ничего не сдѣлалъ, будетъ наказанъ, но богачу даже убійство сойдетъ. Не по совѣсти и не по закону судятъ корейскіе судьи, а смотрятъ въ руки обвиненному!

Судебныя дѣла и судебныя вымогательства составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ дохода знаменитыхъ „мунъ-гяковъ“, опричниковъ, людей вліятельныхъ. За извѣстную плату, размѣры которой зависятъ отъ важности дѣла, „мунъ-гякъ“ беретъ на себя защиту обвиненнаго; затѣмъ, заручившись отъ своего покровителя рекомендательнымъ письмомъ, онъ является съ нимъ къ данному судѣ, и тотъ не рѣшается тогда осудить виновнаго и, самое большее, старается самъ что-нибудь сорвать съ него въ свою пользу. Словомъ, ничѣмъ неограниченный административный произволъ царить вездѣ. А такъ какъ всѣ прежде всего заботятся о своихъ доходахъ, то финансовое положеніе страны прямо плачевно.

14) воровство вещей, отправляемыхъ въ подарокъ королю; 15) сожженіе рабомъ поминальной таблички предковъ своего господина; 16) доносъ младшаго на старшаго, наприм., сына на отца и т. д.; 17) нанесеніе удара своему отцу; 18) куреніе опиума; 19) контрабанда опиумомъ, жень-шенемъ, золотой и серебряной рудой (отмѣнено); 20) добываніе драгоценныхъ металловъ (отмѣнено въ 1885 г.); 21) вывозъ за границу зерномъ хлѣба и риса (отмѣнено); 22) самовольный переходъ за границу (отмѣнено); 23) сношеніе съ иностранцами (отмѣнено).

Императорскій дворъ ведетъ себя въ этомъ отношеніи ничуть не лучше. Правда, одинъ изъ мѣстныхъ русскихъ дипломатовъ доказывалъ, что „финансовое положеніе Кореи вовсе не такъ дурно“, что „у корейскаго императора денегъ куры не клюютъ“, что „еще въ текущемъ году его величество торжественно думаетъ праздновать объявленіе Кореи имперіей, чего еще не успѣли сдѣлать“.., что „торжество предполагается богатѣйшее, и на него пригласятъ не только представителей европейскихъ государствъ, но и европейскихъ... путешественниковъ“, что „все это стоитъ будетъ громадныхъ денегъ, а, значитъ, онѣ есть“... Онъ еще говорилъ многое другое, но ничуть не убѣдилъ меня. Вообще я научился на Дальнемъ Востокѣ не вѣрить ни отвѣтамъ, ни свѣдѣніямъ дипломатическихъ господъ.

Не убѣдилъ меня также и почтеннѣйшій Шинъ-мунъ-гюнъ, который доказывалъ, что электрическое освѣщеніе во дворцѣ было прекращено не по причинѣ неуплаты компаніи слѣдуемыхъ ей денегъ, но потому, что „императоръ разсердился на американское электрическое общество“; что „крыша на новомъ дворцѣ провалилась не вслѣдствіе плохой ея постройки, но отъ неимоვნно проливныхъ дождей“, что „она не чинится не по недостатку средствъ, а отъ того, что со времени провала все зданіе опротивѣло императору“.

Нѣсколько дней спустя я былъ свидѣтелемъ маленькаго происшествія, которое окончательно заставило меня вѣрить многимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ мосье Мулисомъ.

Я посѣтилъ какъ-то одного изъ болѣе значитель

ныхъ сеульскихъ чиновниковъ. Мы сидѣли въ его „внутренней гостиной“, украшенной европейскими зеркалами, часами да цѣнными старинными корейскими издѣліями, сидѣли, конечно, безъ сапогъ, по-японски, на полу, устланномъ изящными, узорчатыми циновками. Хозяинъ, очень привѣтливый, благовоспитанный господинъ, съ овальнымъ, оливковымъ лицомъ и продолговатыми, грустными глазами, рассказывалъ интересныя подробности о постройкѣ стекольнаго завода, предпринятой корейскимъ правительствомъ, о проектахъ ткацкой фабрики, объ эксплуатаціи залежей каменнаго угля, связанныхъ съ упомянутыми начинаніями, о многочисленныхъ намѣреніяхъ и надеждахъ, соединенныхъ съ промышленнымъ и торговымъ возрожденіемъ страны, какъ вдругъ въ комнату почти насильно ворвался китаецъ. Онъ сталъ на колѣни, ударялъ челомъ передъ хозяиномъ, затѣмъ вынулъ изъ рукава какой-то бумажный свертокъ и сталъ что-то возбужденно говорить, подсовывая чиновнику настойчиво бумагу. Кореецъ бумаги не бралъ и слушалъ гостя молча, съ поникшей головою. Шинъ-мунъ-гюнъ тоже голову повѣсилъ. Затѣмъ они оба стали тихо и робко объясняться съ жалобщикомъ. Тотъ оказался подрядчикомъ для работъ по постройкѣ упомянутыхъ заводовъ. Ему давно уже слѣдовали деньги, которыхъ онъ съ трудомъ добивался. Теперь онъ потерпѣлъ значительныя убытки, въ виду паденія курса, вызваннаго слухомъ о близкой войнѣ. Такъ какъ въ условіи уплаты опредѣлена была въ корейскихъ іенахъ (долларахъ), а съ рабочими онъ принужденъ былъ расплачиваться китайскимъ серебромъ, то онъ спрашивалъ, кто ему возмѣститъ убытки, вызванные удержаніемъ денегъ

сверхъ срока. Подъ конецъ разговора онъ уже не говорилъ о потеряхъ, а лишь просилъ выдать ему немедленно слѣдуемые деньги.

— А денегъ нѣтъ! — вздыхалъ Шинъ-мунъ-гюнь, который объяснилъ мнѣ все событіе. — Недавно пришло въ казну 80.000 долл., но не осталось уже ни гроша.

Я таки не узналъ, что это были за 80.000 іенъ и почему они исчезли такъ быстро. Шинъ-мунъ-гюнь лишь жаловался осторожно, что во дворцѣ содержится черезчуръ много ненужной черни, шамановъ, ворожей, танцовщицъ (ки-сань) ¹⁾.

— Императоръ черезчуръ добръ, но его воля законъ. Все государство, казна и мы сами — его личная собственность!

Въ этой фразѣ, которую я часто слышалъ въ Корей, было много лойяльной фальши. Казна въ Корей въ сущности принадлежитъ всякому, у кого хватаетъ смѣлости и возможности ее грабить!

Корейская финансовая система, подобно всѣмъ ея остальнымъ государственнымъ учрежденіямъ, созидалась въ недавнемъ прошломъ по китайскимъ образцамъ. Основа ихъ — бюрократическая децентрализація административной власти. Начальники провинцій не только пользуются большой судебной, хозяйственной и полицейской властью, но въ правѣ налагать и собирать въ

¹⁾ Расходы на придворныя жертвоприношенія дѣйствительно чрезвычайно быстро растутъ: въ 1897 г. они равнялись 60.000 іенъ; въ 1900 г. они по напечатанному отчету достигли 150.000 іенъ, въ дѣйствительности были много выше. Вліяніе шамановъ и шаманокъ на императорскую чету было настолько сильно, что японцы послѣ захвата Сеула въ 1903 г., прежде всего прогнали ихъ, какъ помѣху всякихъ реформъ.

свою провинціальную казну налоги, не подлежащіе контролю центральныхъ учреждений. Министръ финансовъ утверждаетъ единственно общую сумму налоговъ, взимаемыхъ въ известной части страны; послѣ уплаты въ столичную казну надлежащей суммы, весь лишекъ поступаетъ въ вѣдѣніе мѣстной администраціи. Отсюда естественно произошло стремленіе систематическаго уменьшенія платежей перваго рода и увеличенія мѣстныхъ расходовъ, но это не значитъ, что эти расходы идутъ на *мѣстныя* нужды. Нѣтъ, они только попадаютъ въ карманы *мѣстной* бюрократіи.

Таковы результаты пресловутой бюрократической децентрализаціи. Конечно, мѣстные доходы и расходы старательно охраняются отъ всякаго контроля, и счетоводство носить совершенно фантастическій характеръ. Въ результатъ пятнадцати-милліонный корейскій народъ стонетъ подъ гнетомъ непосильныхъ налоговъ, а казна получаетъ съ него всего семь милліоновъ іенъ ежегодно ¹⁾. Но и эту сумму съ трудомъ удается получить у провинціальныхъ властей, они вѣчно запаздываютъ съ ихъ взносомъ, деньги задерживаютъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, начиная съ волост-

¹⁾ Привожу для примѣра бюджетъ дѣйствительныхъ доходовъ за 1900 г.: а) поземельная подать—2.981.318 і. (должно было поступить 4.750.500 і.); б) недоимки поземельной подати и домового налога—990.000 і.; в) домовый налогъ—278.478 і. (должно было поступить 700.000 і.); г) таможенные пошлины и ластовые сборы—800.000 і. (слѣдовало 900.000 і.); д) налогъ на золотопромышленность—10.000 і. (слѣдовало 150.000 і.); акцизъ съ жень-шеня—150.000 і.; е) смѣшанные налоги (преимуществ. торговые—200.000 і.; ж) разные мелкіе доходы—70.000 і.; з) доходы отъ монетнаго двора—350.000 і.; и) экономія предшествующаго года (?)—333.000 і.; итого—6.162.796 і. („Описаніе Кореи“, ч. III, стр. 223).

ныхъ и уѣздныхъ правленій и кончая губернаторомъ. Удержанныя временно деньги власти отдають въ ростъ при помощи мѣстныхъ ссудосберегательныхъ обществъ и пользуются нажитыми такимъ образомъ процентами. Раньше, когда подати уплачивались натурою, злоупотребленія были горше; сборщики взимали зерно мѣрами торговыми, втрое разъ больше казенныхъ, а отдавали въ казну казенными; затѣмъ обманывали на качествахъ продуктовъ, подмѣняя лучшіе сорта худшими, добавляя песку и сору въ податной хлѣбъ ¹⁾. Реформа 1894 г., пытавшаяся прежде всего ввести порядокъ и ясность въ податную систему, и государственная счетность съ трудомъ едва провела замѣну податей натурою на деньги. Все остальное осталось по-старому. Государственное казначейство не отпускаетъ совсѣмъ жалованья на содержаніе провинціальной полиціи и администраціи, но зато не требуетъ до сихъ поръ никакихъ отчетовъ и объясненій о взыскиваніи платежей съ жителей и расходованіи ихъ. Вообще, государственнаго бюджета въ европейскомъ смыслѣ Корея не знаетъ, а тѣ отчеты, которые по временамъ появляются въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, да обнародованныя выписи изъ книгъ государственнаго казначейства не заслуживаютъ довѣрія,—онѣ полны странностей, противорѣчій и неточностей.

Напримѣръ, таможенные и ластовые доходы въ 1896 и 1898 годахъ показаны въ суммѣ 501.873 іенъ и 486.163 іенъ, между тѣмъ въ дѣйствительности ихъ посту-

¹⁾ Точь въ точь то же самое продѣлывали русскіе чиновники съ сибирскимъ ясакомъ и продѣлываютъ до сихъ поръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ по недостатку денегъ вносится натурою.

пило въ первый изъ указанныхъ годовъ 691.784 іень, во второй—1.000.451 іень: въ 1899 году, когда они вовсе не были показаны въ отчетахъ министерства финансовъ, они достигли 902.955 іень. Куда дѣлись эти деньги и что было сооружено на нихъ, осталось тайной, такъ какъ ими распоряжается таможенный комиссаръ, зависящій исключительно отъ императора. Въ бюджетъ 1899 года внесено 300.000 іень, какъ предполагаемое поступленіе отъ смѣшанныхъ налоговъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности поступило ихъ только 26.935 іень.

Казна, какъ я сказалъ это выше, *ничего* не отпускаетъ на содержаніе провинціальной администраціи полиціи и судебныхъ учреждений, но въ бюджетъ обязательно находится статья въ 700—800.000 іень, предназначенныхъ якобы на этотъ предметъ. Подъемные для чиновниковъ показаны изъ году въ годъ въ 10.000 іень, между тѣмъ извѣстно, что чиновники ѣздятъ даромъ, что содержаніе ихъ въ пути падаетъ всецѣло на населеніе и что только въ 1899 году издержано было казною на это случайно 7.552 іень. Въ бюджетъ министерства юстиціи показано въ 1897 г. 1.680 іень, а въ 1898-году 2.100 іень на содержаніе судовъ, которые никогда не дѣйствовали и даже не существовали. Можно бы списокъ этихъ неточностей и неясностей сильно увеличить ¹⁾, но думаю, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно.

Примѣръ, впрочемъ, идетъ сверху. На содержаніе двора назначено всего 500.000 іень ежегодно, но въ сущности придворные расходы поглощаютъ, кромѣ

¹⁾ „Описаніе Кореи“. Часть II, глава XIV, финансы, стр. 431.

того, отъ 25% до 30% всѣхъ казенныхъ расходовъ, что составитъ 200.000 іенъ прибавки ежегодно. Происходить это очень просто: когда министерство двора израсходуетъ причитающуюся ему сумму, оно проситъ и получаетъ *авансъ* изъ суммъ будущаго года, который затѣмъ никогда не вычитается. Къ тому же дворъ обязательно должнаеть купцамъ, поставщикамъ, подрядчикамъ, и всѣ эти долги уплачиваетъ казна, какъ часть государственныхъ долговъ. Въ 1898 году эти платежи достигли 87.000 іенъ. Наконецъ, существуетъ особая статья *чрезвычайныхъ* дворцовыхъ расходовъ, достигающая ежегодно 200—300.000 іенъ, тоже покрываемыхъ казной. На постройку, напримѣръ, новаго дворца, кромѣ 200.000 іенъ отпущенныхъ якобы изъ частныхъ средствъ императора, министерство финансовъ принуждено было ассигновать для *окончанія* постройки еще 249.000 іенъ, въ продолженіе всего двухъ лѣтъ (1898 и 1899 гг.). Въ то же приблизительно время императоръ отнялъ у казны доходы отъ золотыхъ пріисковъ и акцизы на жень-шенъ. И это случилось всего въ два года послѣ торжественной клятвы, произнесенной имъ публично по настоянію японцевъ въ томъ, что 14 параграфовъ обнародованныхъ основныхъ законовъ не будутъ нарушены никогда! Среди этихъ параграфовъ есть слѣдующіе: 4) Дѣла королевскаго хозяйства будутъ отдѣлены отъ государственныхъ дѣлъ. 6) Казенные сборы, платимые народомъ, имѣютъ быть опредѣлены законодательнымъ порядкомъ; незаконные поборы не должны имѣть мѣста. 7) Установленіе сборовъ и расходованіе суммъ, поступающихъ въ уплату налоговъ, будутъ отнесены къ предметамъ вѣдѣнія министерства

финансовъ. 8) Прежде всего будутъ ограничены расходы на потребности королевскаго двора; это послужитъ примѣромъ для министровъ и провинціальныхъ чиновъ. 9) Ежегодно будетъ составляться смѣта расходовъ королевскаго двора и министерствъ, дабы государственные доходы были употребляемы только на строго опредѣленныя надобности ¹⁾).

Очень сомнительно, чтобы корейскій императоръ въ состояніи былъ сдержать данныя имъ обѣщанія. Онъ всецѣло находится во власти окружающихъ, требованія которыхъ естественно все возрастаютъ. Множатся и подрастаютъ безчисленные принцы, сыновья и внуки, прямые и побочные, увеличиваются ихъ гаремы и дворы. Толпа все новыхъ любимцевъ, наперсниковъ, кудесниковъ—жадная и властолюбивая—стремится захватить вакантныя мѣста. У императора постоянно не хватаетъ денегъ; часто у него нѣтъ нѣсколькихъ сотъ іенъ, необходимыхъ ему на личные расходы, такъ какъ предназначенныя для этой цѣли суммы таютъ по пути таинственнымъ образомъ. Между тѣмъ, отъ него всѣ требуютъ подачекъ, и онъ принужденъ все давать и давать... Кругомъ себя онъ видитъ только разинутые рты, протянутыя лапы, оскаленные зубы... Онъ тщетно ищетъ среди приближенныхъ человѣческихъ къ себѣ чувствъ и человѣческихъ отношеній... Онъ столько разъ видѣлъ измѣну друзей, жестокость любимцевъ, надменность вчерашнихъ рабовъ,

¹⁾ Императоръ присягнулъ торжественно въ храмѣ своихъ предковъ 7 января 1895 г. Параграфы присяги представляютъ въ сущности сокращенную редакцію 208 основныхъ законовъ, изданныхъ законодательнымъ собраніемъ въ 1894 году.

столько разъ ему предлагали съ улыбкой и низкопоклонствомъ ложь, ядъ, заговоръ, что онъ уже и не знаетъ чему вѣрить, чему—нѣтъ и только вспоминаетъ, какъ были убиты его слуги у него на глазахъ, какъ нападали какіе-то люди на его дворецъ, какъ дрались кругомъ, помнитъ прижимки вѣжливыхъ туземныхъ и иноземныхъ сановниковъ, или угрозу, спрятанную въ ловкомъ, гладкомъ отвѣтъ...

Шинъ-мунъ-гюнъ рассказалъ мнѣ придворное преданіе, прекрасно изображающее прежнюю жизнь корейскихъ монарховъ, которая осталась таковой и по сей день.

„Лѣтъ 200 тому назадъ царствовалъ король Цханъ, который сильно полюбилъ свою вторую жену, а возненавидѣлъ первую и даже велѣлъ ее отослать къ родителямъ за восточныя ворота. Тамъ она проживала въ большой грусти, не мылась, не чесала своихъ волосъ и не стригла ногтей. Въ то же время король все болѣе и болѣе привязывался къ своей любимицѣ. Наконецъ, министры обратили его вниманіе на незаслуженную обиду, постигшую законную и правовѣрную супругу, и замѣтили, что слѣдовало бы обѣихъ женъ любить одинаково.

„Король не послушался. Тогда сановники приказали напечатать книгу и, поддѣлавши ее подъ старинныя изданія, преподнесли монарху.

„— Въ этой книгѣ описана исторія, какъ одинъ король особенно отличалъ вторую свою жену, а пренебрегалъ первой, и что изъ этого вышло. Пусть ваше императорское величество милостиво прочтетъ рассказъ!..—

„Въ этой книгѣ дѣйствительно были изложены послѣдствія несправедливой королевской любви, вызвав-

шей въ странѣ большія несчастія. Король понялъ намекъ и вернулъ ко двору свою первую жену, приказалъ ей умыться, причесаться и принялъ ее въ свою ложницу. Съ того времени король любилъ ихъ обѣихъ, но тайно предпочиталъ все-таки вторую жену, охотнѣе съ ней игралъ и проводилъ время. Случилось, что однажды утромъ, умываясь, онъ шутилъ со второй женой, и та, отталкивая его, чуть царапнула въ лобъ. Есть въ Корей такой законъ, что тотъ, кто коснется монарха, а тѣмъ болѣе ранить его, долженъ подвергнуться казни. Сановники, замѣтивши ссадину на лбу короля и узнавши, что сдѣлала ее вторая жена, потребовали выдачи ея закону. Король отказалъ. Двѣнадцать разъ они обращались къ нему, онъ все отказывалъ, пока не постигла страну ужасная засуха. Тогда король принужденъ былъ отдать свою вторую жену министрамъ. Министры предложили ей отравиться, но такъ какъ она не хотѣла добровольно умереть и даже истоптала ногами сановниковъ, которые поднесли ей смертную чашу, то рѣшено было задавить ее между половицами двойныхъ дверей, чтобы все было по закону, запрещающему касаться рукою членовъ королевской семьи. Такъ она и умерла неприкосновенной и была похоронена за южными воротами дворцовой ограды, тамъ, гдѣ теперь русское посольство. Король не могъ забыть ее, не могъ утѣшиться послѣ ея смерти: все стремился къ ея могилѣ. Раньше бывало самое большее два „выхода“ (кудонъ) въ мѣсяцъ, потомъ стало ихъ 29, т. е. ежедневно въ малый мѣсяцъ, а въ большой едва одинъ день оставался свободенъ.

„Всѣ дѣла разстроились и пріостановились, чинов-

ники ничѣмъ не занимались, не ѣли, не спали, только провожали короля въ непрерывныхъ „выходахъ“. Король дни просиживалъ на могилѣ покойной жены, вздыхалъ и плакалъ. Двадцать разъ министры ставили ему на видъ, что не слѣдуетъ предаваться такому отчаянію, что нужно заботиться о своемъ драгоценномъ здоровьи. Король не слушалъ. Тогда сановники задумали вырыть тѣло ночью и увезти далеко. Но раньше королева-покойница явилась королю во снѣ и оповѣстила его о намѣреніи министровъ.

„— Хорошо, пусть меня отроютъ, но пусть меня затѣмъ похоронятъ тамъ, гдѣ укажетъ твое королевское знамя!—сказала покойница, исчезая.

„Король позвалъ министровъ, объявилъ имъ, что узналъ ихъ намѣреніе и отпустилъ имъ вину съ тѣмъ только, чтобы тѣло было похоронено тамъ, гдѣ укажетъ его королевское знамя!

„На слѣдующій день могила была разрыта, гробъ вынуть, и торжественное шествіе двинулось вслѣдъ за воиномъ, несущимъ желто-красное королевское знамя. Знамя немедленно вздулось и, плывя по воздуху впереди древка, потянуло за собой знаменосца. Повело оно его за 99 горъ и долинъ и, остановившись въ извѣстномъ мѣстѣ, не позволило ни шагу дальше ступить вожатому.

„На томъ мѣстѣ приказалъ король похоронить убитую жену. Зовется эта мѣстность Кіонгъ-нунъ. До того были тамъ только голыя скалы, камни да мохъ, а послѣ того стали тамъ струиться со всѣхъ 99 долинъ безчисленные ручьи, стали бить ключи... Приходили люди, осматривали, удивлялись чуду. Жилъ тогда недалеко отъ Сеула убогій янь-банъ, отецъ двухъ сыновей ка-

лѣкъ: сухорукаго и слѣпого. Такъ какъ происходили они изъ дворянскаго сословія (янѣ-банѣ), то даже сыновья-калѣки принуждены были поступить на казенную службу. Маленькій, правда, у нихъ былъ чинъ и небольшая должность, и не обращалъ на нихъ никто вниманія, но сами они соблюли себя и сказали родителямъ:

„—Всѣ уже поклонились новой могилѣ королевы, мы только туда еще не сходили! Хотя и маленькая наша должность, а все-таки намъ слѣдуетъ это сдѣлать!.. Отпустите насъ.—

„Родители посовѣтовались и отпустили ихъ, такъ какъ не могли имъ отказать. Они наняли носилки, снабдили сыновей необходимымъ и отправили въ путь. Путешествуя и перебираясь черезъ ручьи и рѣчки, задумали юноши освѣжиться отъ дневного зноя и выпитой „су-ли“ (водки), сняли одежду и погрузились въ воду. И вдругъ увидѣлъ съ ужасомъ слѣпой, что онъ прозрѣлъ, замѣтилъ сухорукій, что онъ владѣетъ рукой... Вѣсть о чудесномъ событіи быстро распространилась по Корей, и начали стекаться къ могилѣ королевы толпы богомольцевъ, ищущихъ исцѣленія. Долго никто не зналъ, почему это случилось, пока одинъ чиновникъ не объяснилъ всего очень просто: королева-покойница справляла такимъ образомъ свой трауръ, въ которомъ ей было отказано. Толпа оборванныхъ, неумытыхъ, грязныхъ, дурно причесанныхъ людей приходили къ ея могилѣ съ плачемъ и мольбами. Сто лѣтъ просуществовала цѣлебная сила ключей, затѣмъ она стала слабѣть и теперь совсѣмъ исчезла“.

— Прошелъ, значить, первый и второй трауръ!..— докончилъ поучительно Шинъ-мунъ-гюнъ.

По внѣшности неимовѣрное поклоненіе при жизни и послѣ смерти, а въ сущности—вѣчный плѣнь, огромная возможность причинять всякое зло и безконечно малая — совершать добро, — вотъ судьба корейскихъ импреаторовъ.

Ежедневно я одинъ или съ переводчикомъ осматривалъ какую-нибудь часть Сеула. То я садился въ „рикшу“, которыхъ множество толпилось постоянно передъ отелемъ, то пользовался электрическимъ трамваемъ, бѣгущимъ отъ восточныхъ воротъ къ западнымъ и прорѣзывающимъ продолговатый въ планѣ городъ вдоль его большей оси. Но всѣмъ этимъ способамъ передвиженія я предпочиталъ пѣшія прогулки по городу. Тогда я могъ останавливаться передъ интересными выставками лавокъ, заходить туда или заглядывать въ тѣсныя, кривыя закоулки старыхъ сеульскихъ кварталовъ. На улицахъ Сеула движеніе довольно оживленно, особенно по утрамъ. Проходятъ вереницы бѣло-одѣтыхъ туземцевъ въ черныхъ шляпахъ-цилиндрахъ, прозрачныхъ, сплетенныхъ изъ волоса или тоненькой бамбучины. Проходятъ простолюдины въ громадныхъ шляпахъ-корзинахъ. Тихо двигаются тяжелыя корейскія арбы, запряженныя волами, мѣрно шагаютъ караваны навьюченныхъ лошадей; крестьяне ближайшихъ деревень ведутъ крупныхъ корейскихъ быковъ, почти исчезающихъ подъ громадными ношами хвороста, дровъ или сѣна. Движеніе большое, хотя оно меньше, чѣмъ въ китайскихъ городахъ; человѣческой говоръ здѣсь робче, звонъ металла, удары молотовъ въ открытыхъ мастерскихъ, трудовая суета слабѣе, чѣмъ тамъ, а внѣш-

ній видъ толпы много бѣднѣе, грубѣе и хуже, чѣмъ въ Японіи. Бѣлый цвѣтъ платья, отсутствіе богатыхъ выставокъ съ товарами лишаютъ улицы корейскихъ городовъ колоритности. Грязныя, закоптѣлыя стѣны домовъ безъ оконъ на улицу, кучи сору и навоза, отсутствіе тротуаровъ, лужи и ручьи помоевъ по срединѣ улицъ, рѣзкій, отвратительный запахъ гніющихъ отбросовъ овощей, нечистотъ, собачьей, кошачьей и птичьей падали, выброшенныхъ изъ жилищъ тутъ же за порогъ, дѣлають прогулку по второстепеннымъ кварталамъ Сеула крайне непріятной. Въ добавокъ надоѣдаетъ несносная бѣлая пыль, съ ранняго утра окутывающая городъ. О поливкѣ улицъ здѣсь не имѣютъ понятія, а улицы не мощены. Воды тоже нѣтъ.

Лобжина рѣчки, протекающей серединой города, наполняется водою только во время дождей, затѣмъ она просыхаетъ, и остается только маловодный, грязный и вонючій ручей, лѣниво струящійся среди засоренныхъ камней. Въ тѣни каменной набережной, довольно высокой и хорошо построенной, сидятъ у воды прачки и усердно бьютъ короткими валиками по мокрому бѣлью. Можно тамъ въ волю наглядѣться женскихъ прелестей, такъ какъ корейскія дамы стараются скрыть передъ незнакомыми мужчинами прежде всего лицо. Для меня осталось тайной, какимъ образомъ эти особы, столь часто и прилежно стирающія свое и мужнино платье, ухищряются сохранить въ неприкосновенности грязь своего тѣла.

Самая красивая и полная движенія улица въ Сеулѣ это Цзонъ - но, по которой проходитъ электрическій трамвай. Тамъ находятся лучшіе лавки, магазины и базары, подражающіе, неособенно удачно, богатымъ ки-

тайскимъ торговымъ рядамъ. Я съ большимъ трудомъ отыскалъ тамъ книжную лавку, такъ часто встрѣчающуюся въ Китаѣ и Японіи. Магазиновъ съ предметами искусства я совсѣмъ не нашелъ. Правда, на базарѣ, гдѣ торговали преимущественно коврами и узорчатыми цыновками, гдѣ находились желѣзныя шкатулки и посредственныя, шелковыя вышивки, мнѣ показывали лубочныя картины, похожія на японскія „какемоно“, но я не рѣшался признать ихъ за произведенія искусства. Огорченный моимъ покупательскимъ равнодушіемъ, переводчикъ, который по восточному обычаю получалъ 10⁰/о со всякой сдѣлки, заключенной якобы при его посредствѣ, повелъ меня дальше въ столярные ряды, гдѣ помѣщались груды знаменитыхъ корейскихъ ящиковъ и шкафовъ, разнообразно раскрашенныхъ и окованныхъ крупными наугольниками и бляхами изъ латунной, цинковой или просто луженой, желѣзной жести. Думаю, что нужно было особое усердіе въ продолженіе многихъ вѣковъ, чтобы довести корейскихъ ремесленниковъ до присущей имъ теперь степени безвкусія. А вѣдь они-то по преданіямъ были первыми учителями тонкихъ и изящныхъ японцевъ!

Среди лавокъ единственно „траурные ряды“ произвели на меня впечатлѣніе. Длинные шеренги открытыхъ лабазовъ, полныя пеньковыхъ веревокъ, грубыхъ тканей, какихъ-то палочекъ и пучковъ соломы, бѣлыхъ сѣтокъ для траурныхъ бесѣдокъ и, конечно, неизбѣжныхъ огромныхъ зонтообразныхъ шляпъ для сокрытія опечаленныхъ лицъ. О, да, этотъ народъ много упражнялся въ печали и могъ полюбить трауръ!

Между прочими достопримѣчательностями Сеула я

осмотрѣлъ большой колоколъ Инъ-чюнъ ¹⁾), набатъ котораго послужилъ сигналомъ къ кровавымъ волненіямъ въ 1884 году; въ прежнія времена съ закатомъ солнца ударами въ этотъ колоколъ призывались всѣ мужчины города къ предоставленію улицъ и базаровъ въ исключительное распоряженіе женщинъ, которымъ воспрещалось днемъ выходить изъ дому. Мужчины должны были до полуночи оставаться безвыходно въ квартирахъ, и являться на улицахъ, имѣли право только правительственные курьеры и чиновники со спеціальными пропусками (пхя); другіе мужчины въ то время разсматривались на улицахъ, какъ нарушители закона. Легко предвидѣть въ этой обстановкѣ множество романическихъ приключеній въ стилѣ „Тысячи и одной ночи“.

Затѣмъ я осмотрѣлъ площадь, отведенную подъ будущій сеульскій садъ, памятникъ „враговъ иностранцевъ“ въ видѣ громадной плиты, поставленной на спинѣ исполинской черепахи, наконецъ, прелестную, почернѣвшую отъ времени и дыма тринадцатитажную мраморную пагоду, украшенную замѣчательными буддійскими барельефами. Говорятъ, что она китайскаго издѣлія и прислана была изъ Нанкина въ XIV столѣтіи въ приданое принцессѣ изъ династіи Юань, которая вышла замужъ за одного изъ корейскихъ монарховъ. Отбитая верхушка пагоды стоитъ сбоку на землѣ. Конечно, ее отбили „японцы“, разгнѣванные на то, что „птицы съ зажженными головнями, пущенныя на осаждаемый ими Сеуль, садились не на домахъ города, но на этой пагодѣ“. Отсюда будто бы происходила и копотъ, тон-

¹⁾ Инъ-чюнъ значитъ по преданію: мужчина рѣшаетъ (итти спать).

кимъ слоемъ покрывающая всю пагоду. Я никакъ не могъ дознаться, когда „японцы“ совершили описанное безчинство.

Впрочемъ, на пагодѣ незамѣтно современнаго, патриотическаго о ней попеченія; наоборотъ, цоколь ея крошится и разрушается, барельефы портятся, вездѣ видны слѣды различныхъ мѣстныхъ варваровъ. Все пространство будущаго городского сада представляетъ большой пустырь, заваленный горами песку, мусора, камней, заросшій сорной травой. Нигдѣ слѣда деревьевъ, цвѣтовъ или кустовъ. Посрединѣ стоитъ „бесѣдка для музыки“, какъ зародышъ будущаго мѣста отдыха и увеселенія. Кругомъ противный, унылый заборъ. Вотъ и все!

Таково же состояніе большинства „достопримѣчательностей и древностей“ Сеула. Заброшенные и некрасивыя развалины, окружены высокими стѣнами или бдительно оберегаемыми заборами. Вездѣ стражи, всюду можно проникать только съ большими трудностями, при помощи великодушнаго разрѣшенія или насильно, незаконно, украдкой, за подачки... И вездѣ, какъ оправданіе этихъ предосторожностей, обязательные „японцы“.

— Раньше все было открыто и доступно, но японцы... повели себя такъ нехорошо, что императоръ приказалъ все опять запретить.

— Что же дѣлали японцы?

— Да снимали, мѣрили, описывали, затѣмъ завтракали и бумажки бросали тутъ же на землю!—разсказывали мнѣ всѣ лица изъ туземцевъ, при помощи которыхъ я пытался получить разрѣшеніе посѣтить могилу убитой императрицы Минь, или осмотрѣть Лѣтній и Старый дворцы, храмъ Неба и проч. Меня прямо тро-

гала заботливость господъ „съ Министерской улицы“ о порядкѣ и сохраненіи памятниковъ древностей своей родины. Къ сожалѣнію, они ничуть не примѣняютъ ее на дѣлѣ. Вездѣ, куда только я проникалъ, я находилъ неизмѣнно мерзость заустѣнія, соръ, развалины, гниющія нечистоты. Относительно прилично содержался только свѣже-построенный храмъ „Обнародованія императорскаго званія“. Онъ помѣщается вблизи колокола на перекресткѣ улицъ Цзонъ-но. Онъ построенъ въ китайскомъ стилѣ, но окруженъ чугунной европейской рѣшеткой, снабженной чугунными же воротами. Другія постройки представляютъ по большей части убогія и уменьшенныя копіи пекинскихъ императорскихъ зданій, храмовъ, стѣнъ и воротъ.

Городъ Сеуль въ сущности представляетъ грязное, но оживленное и суетливое добавленіе къ огромнымъ, мертвымъ и молчаливымъ пространствамъ императорскихъ дворцовъ и садовъ, окруженныхъ высокими стѣнами. Единственнымъ, пожалуй, красивымъ образцомъ современнаго корейскаго зодчества является мощная арка віадукта, переброшеннаго надъ улицами города ради соединенія вновь выстроеннаго дворца со старымъ, гдѣ происходятъ военныя ученія и парады. Построили его корейскіе инженеры, мой другъ Шинъ-мунъ-гюнь и Кю-ма. По этому віадукту императоръ можетъ „безопасно“ отправляться на военныя представленія безъ торжественныхъ „выходовъ“ (ку-донъ), которые будто бы „черезчуръ дорого стоятъ“. Построенъ онъ недавно, въ моментъ сильнѣйшаго фискальнаго разстройства и является нагляднымъ примѣромъ, на что уходятъ крупныя суммы, таинственно отмѣченныя

въ казначейскихъ отчетахъ какъ „работы общественной пользы“.

Сознаюсь, что мнѣ больше всего въ Сеулѣ понравился японскій кварталъ „Чинъ-го-гай“, опрятный, благоустроенный, полный лавокъ, магазиновъ и толпы прохожихъ. Преобладаютъ японцы, но немало встрѣчается здѣсь туземцевъ и европейцевъ, такъ какъ только здѣсь можно купить лучшаго сорта предметы потребностей и комфорта. Даже мосье Мулисъ, вопреки своему европейскому патріотизму, направлялъ меня обязательно въ японскій кварталъ, какъ только я спрашивалъ что-нибудь получше... Тамъ тоже мнѣ пришлось разыскивать ванну, которой не было во французской гостиницѣ, когда я послѣ путешествія пожелалъ освободиться отъ дорожной пыли и грязи. У японцевъ можно все достать, начиная отъ красивыхъ снимковъ мѣстныхъ видовъ и типовъ и кончая старинными корейскими книгами, картами и картинами. Конечно, среди другихъ товаровъ преобладаютъ японскія издѣлія.

Постройки тоже все японскія, и весь складъ уличной и домашней жизни японскій. Привыкнувъ къ нему во время, относительно продолжительнаго, пребыванія въ Японіи, я съ удовольствіемъ бродилъ по знакомымъ переулкамъ, среди улыбающихся привѣтливо женщинъ и мужчинъ, заглядывалъ въ лавки, гдѣ часто мнѣ отвѣчали по-русски или по-англійски. Японскій почтамтъ помѣщался въ чистенькомъ, двухэтажномъ домѣ. Ни одно письмо, высланное мною по этой почтѣ, не потерялось, между тѣмъ какъ нѣсколько писемъ, отправленныхъ съ русской почтой на пароходѣ, отправ-

ляющемся въ Портъ-Артуръ, всё пропали ¹⁾). Японское посольство находится въ томъ японскомъ кварталѣ, на краю города, у подножія горы Намъ-санъ, на вершинѣ которой по сей день стоятъ уцѣлѣвшіе столбы древнихъ сигнальныхъ огневыхъ башенъ. Скромное на видъ зданіе посольства стоитъ среди красивыхъ и причудливо расположенныхъ террасъ, облицованныхъ прочно гранитомъ. Въ сторонѣ, на томъ же склонѣ горы виднѣется католическій соборъ. Другіе посольства помѣщаются въ иной части города, въ кварталѣ Цзонъ-по у западныхъ воротъ, тоже на косогорѣ за новымъ императорскимъ дворцомъ. Посольства по своему положенію господствуютъ надъ городомъ. Изъ русскаго посольства открывается великолѣпный видъ на городъ и окружающія долину розовыя, гранитныя скалы. На югѣ подымается гора Намъ-санъ, на сѣверѣ Пукъ-санъ, на востокѣ трехглавая Самъ-кынь-санъ. Въ европейскомъ кварталѣ, прилежащемъ къ европейскимъ посольствамъ, находятся тутъ же у главныхъ дворцовыхъ воротъ два европейскихъ отеля и немногочисленныя, неважныя французскія, англійскія и американскія лавки, да лавки китайскія и японскія, устроенныя на европейскій ладъ, да одна плохенькая русская лавчонка. Товары въ нихъ дорогіе, но скверные.

Старѣйшимъ изъ иностранныхъ кварталовъ является въ Сеулѣ китайскій кварталъ. Онъ прилегаетъ непо-

¹⁾ Вообще японская почта великолѣпно организована и крайне дешева; она не уступаетъ англійской, которая справедливо считается лучшей въ мірѣ, и превышаетъ, прославленную нынѣ своимъ гекатизмомъ, нѣмецкую почту и вниманіемъ къ письмотправителю и къ тайнѣ частной переписки, нарушеніе которой допускается въ Японіи только по суду.

средственнo къ храму Конфуція и составляет самую грязную и зловонную часть города, превосходящую въ этомъ отношеніи даже туземныя части Сеула, отъ которыхъ она, впрочемъ, мало отличается по внѣшности. Въ лавкахъ сидятъ китайцы въ національныхъ синихъ кофтахъ, и въ мастерскихъ работаютъ китайскіе мастера, набирающіеся преимущественно изъ китайскихъ выходцевъ изъ Шанъ-си.

Изъ достопримѣчательностей слѣдуетъ осмотрѣть Арку Независимости, статую Амитобы у сѣверныхъ воротъ, пригородъ, гдѣ живутъ колдуньи (му-дань); затѣмъ достойны вниманія: кварталъ бумажныхъ кустарей у подножія Пукъ-саня и нѣсколько храмовъ бога Войны (Коанъ-уонъ-цзанъ). Въ послѣднихъ хранятся старинныя картины и есть на стѣнахъ фрески, изображающія древне-корейское войско и различныя военныя преданія ¹⁾. Въ храмѣ Пу-міо фрески изображали подвиги героя Варья-сонъ-цзена, который напалъ по порученію императора на Тьеголя (?) и побѣдилъ ихъ хитростью, подсунувши имъ ночью, наканунѣ битвы, крытыя соломой суда съ играющими внутри военными оркестрами. Тьеголя засыпали музыкантовъ стрѣлами, которые Варья приказалъ затѣмъ подобрать и такимъ образомъ добылъ недостающее ему военное снаряженіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ напалъ на непріятеля днемъ и разбилъ его на голову.

Хороши также прогулки въ окрестности Сеула, на

¹⁾ Я снялъ нѣкоторыя изъ этихъ фресокъ, за что монахи устроили мнѣ скандалъ и заставили уплатить денежный штрафъ. Въ одномъ храмѣ, какъ разъ въ моемъ присутствіи, прислужники принесли „богу“ обѣдъ на серебряныхъ блюдахъ, онъ состоялъ изъ риса, варенаго мяса и огородныхъ овощей.

рѣку Хань, къ императорскимъ могиламъ, на переваль Гензанскій, просѣченный въ крутыхъ скалахъ. Стоитъ тоже взглянуть на мѣстность, гдѣ происходятъ ежегодные бои (пъень-са). Эти бои очень напоминаютъ кулачные русскіе бои въ масляницу, какіе и по сей-часъ еще устраиваются кой-гдѣ въ провинціи. Въ Се-улѣ въ условномъ мѣстѣ въ условное время сходятся бойцы, раздѣленные на двѣ партіи, по мѣсту жительства, на „восточныхъ“ и „западныхъ“. Головы бойцовъ защищены большими, прочными шляпами, толсто вы-стланными соломой; въ правыхъ рукахъ они держатъ небольшія палицы, дюймовъ въ четырнадцать длиною и дюйма два въ діаметрѣ; лѣвое плечо во время сра-женія бойцы протягиваютъ впередъ, ради защиты лица отъ удара. Идутъ они другъ на друга стѣною съ воемъ и дикими восклицаніями и стремятся выбить против-ника изъ занятыхъ позицій, разбить его и разсѣять. Огромныя толпы зрителей близко принимаютъ къ сердцу ходъ событій, возбуждаютъ ратниковъ сочув-ственными или порицательными окриками и часто сами принимаютъ дѣятельное участіе въ сраженіи. Кончается оно метаніемъ камней изъ пращей. Подъ конецъ на полѣ брани остается много ушибленныхъ и даже нѣ-сколько труповъ. Эти бои по преданію сохранились съ давнихъ временъ, когда Корею заселяли многія мелкія враждебныя общины.

Слѣдуетъ также въ городѣ побывать на Министер-ской улицѣ, тихой, широкой какъ площадь, вымощен-ной гладкими плитами и заканчивающейся каменной стѣной главныхъ воротъ лѣтняго дворца—великолѣп-наго образчика древне-китайской архитектуры. Входя на лѣстницу оберегается каменными изваяніями дол-

гогривыхъ китайскихъ львовъ. По обѣимъ сторонамъ улицы, въ глубинѣ обширныхъ дворовъ стоятъ безчисленные низкія, некрасивыя строенія, гдѣ сотни чиновниковъ исписываютъ груды бумагъ, убивающихъ и коверкающихъ жизнь Кореи.

Любопытенъ также въ Сеулѣ „кварталь богачей“— Та-банъ-коль, состоящій изъ двѣнадцати улицъ, запираемыхъ на концахъ крѣпкими воротами. Во время волненій весь кварталъ превращается въ неприступную крѣпость, такъ какъ составляющія его постройки обращены наружу глухими стѣнами, лишенными всякихъ отверстій. Улицы до того узки, что рядомъ можетъ пройти едва три человѣка, и съ трудомъ протиснется небольшая телѣжка. Изъ улицъ узкія ворота ведутъ въ дворы, расположенные другъ за другомъ, причемъ, по китайскимъ обычаямъ, дворы становятся чище и наряднѣе по мѣрѣ удаленія въ глубь дома. На внутреннихъ дворахъ разбиты крошечные садики и цвѣтники.

Я воспользовался любезностью одного изъ жителей „Та-банъ-коля“ и осмотрѣлъ его жилище. Первый дворъ оказался застроенъ сараями и амбарами, далѣе поперекъ двора стоялъ невысокій флигель въ корейскомъ стилѣ съ большимъ навѣсомъ вдоль всего фронта. Мы вошли въ это строеніе, гдѣ находились „виѣшняя прихожая“, въ которой нѣсколько человѣкъ корейцевъ что-то прилежно писали на полоскахъ бумаги. Прихожая показалась мнѣ грязной и убогой, въ ней воняло дымомъ и старыми цыновками. Слуга взялъ наши визитныя карточки и понесъ ихъ внутрь дома. Вскорѣ насъ пригласили слѣдовать далѣе. Мы опять прошли дворъ, опрятно вымощенный и окруженный жилыми корейскими строеніями; сквозь раскрытыя двери одного

дома, я увидѣлъ внутри важнаго, сѣдобородаго старика въ дворянской шляпѣ, сидящаго неподвижно на цыновкѣ. Комнатка, куда насъ повели въ началѣ, была маленькая свѣтлица, довольно низкая, но украшенная многими художественными бездѣлушками. Въ ея характерѣ я подмѣтилъ нѣчто японское, только менѣе солнечное, менѣе свѣтлое, вслѣдствіе маленькихъ и наглухо запертыхъ оконъ. На стѣнахъ висѣли недурные корейскіе „какемоно“, писанные тушью. Я впервые увидѣлъ старинную неподдѣльную корейскую живопись, и сознаюсь, она производила довольно художественное впечатлѣніе ¹⁾. У одной изъ стѣнъ стояли полки съ нѣсколькими десятками книгъ въ синихъ китайскихъ переплетахъ. Хозяинъ придвинулъ намъ плоскія подушки и любезно пригласилъ сѣсть; намъ пришлось подождать, пока убирали женщинъ изъ внутреннихъ покоевъ, чтобы мы могли туда пройти. Узкимъ проходомъ, защищеннымъ нѣсколькими выступающими поперегъ дороги простѣвками, мы проникли, наконецъ, на кухонный дворъ. Большіе котлы, вдѣланные въ очагъ, помѣщались подъ навѣсомъ почти въ уровень земли; по другую сторону кухни стояли рядомъ большіе горшки; такіе же горшки стояли во дворѣ, а рядомъ лежали кучи зеленого, свѣже сръзаннаго салата (пец-цу). Кухня защищена была отъ дождя навѣсомъ, но бока ея были лишены стѣнъ.

Подъ тѣмъ же кухоннымъ навѣсомъ, на высотѣ полуэтажа, возвышалась открытая платформа, служащая очевидно за столовую, у стѣны помѣщались рядами

¹⁾ Хороши также были старинныя картины на шелку, видѣныя мною въ нѣкоторыхъ храмахъ.

глиняная, фарфоровая и металлическая посуда, ниже — ящики и шкафы, окованные жестью да низенькіе столы — подносы для обѣдовъ. Отсюда виденъ былъ за перевитой дикимъ виноградомъ стѣнной небольшой садикъ, къ которому вела оригинальная калитка безъ дверецъ, круглая какъ ободъ колеса. По удобнымъ ступенямъ пологой, широкой лѣстницы мы поднялись въ столовую и оттуда повернули на женскую половину въ небольшія, теплыя, согрѣтыя снизу, комнаты съ паркетомъ, выклееннымъ желтой бумагой. Любезный хозяинъ приказалъ намъ открыть даже спальню, тоже небольшую, опрятную комнатку, гдѣ подъ стѣнами лежала свернутая валикомъ постель. Въ одной изъ этихъ крошечныхъ комнатокъ я замѣтилъ передъ хорошенькимъ зеркальцемъ букетъ цвѣтовъ въ изящной вазочкѣ. Весь домъ производилъ оригинальное впечатлѣніе смѣси китайскаго и японскаго стилей, съ добавленіемъ своеобразнаго вкуса и тонкаго выбора. Особенно понравилась мнѣ приподнятая половина дома, состоящая изъ небольшихъ желтыхъ чистенькихъ комнатокъ, полныхъ художественныхъ бездѣлушекъ, чуть освѣщенныхъ блѣднымъ свѣтомъ бумажныхъ оконъ. Я вспомнилъ тѣ странныя постройки, которыя я видывалъ въ японскихъ театрахъ и которыя выдаются японцами за древне-японскія жилища. Сходство поразительное.

Хозяинъ любезно провелъ насъ къ самымъ воротамъ.

— Что еще есть у васъ интереснаго въ Сеулѣ? — спросилъ я Шипъ-мунъ-гюна, который знакомилъ меня съ городомъ и между прочимъ показывалъ вышеописанный домъ.

— Есть у насъ... кинематографъ, но императоръ приказалъ взять его во дворецъ. Есть театръ, но представленія прекратились по бѣдности. Для покрытія расходовъ по представленію, требуется хоть 50 зрителей, а и столькохъ не набирается... Дворцовое вѣдомство отказалось пополнять убытки... Нѣтъ денегъ.

— А частнымъ образомъ можно позвать танцовщицъ?

— Конечно, можно, но это дорого обойдется, да и негдѣ ихъ позвать!

Впрочемъ, послѣ нѣкотораго раздумья, онъ обѣщаль устроить зрѣлище у себя дома возможно дешево.

— Не раньше нѣсколькихъ дней, такъ какъ необходимо, видите, заказать „ки-сань“ (танцовщицъ), нанять музыку и носильщиковъ, которые принесутъ дѣвушекъ, наконецъ, нужно приготовить обѣдъ для танцовщицъ и ихъ „сіакъ-ца-цзи“. Каждая двѣ танцовщицы имѣютъ одного „сіакъ-ца-цзи“, который заботится о нихъ, смотритъ за ними, защищаетъ ихъ, учить пляскамъ и пѣнію. Они вездѣ провожаютъ танцовщицъ!—высчитывалъ онъ степенно.

Я попросилъ Шинъ-мунъ-гюня, чтобы онъ показалъ мнѣ домашнюю жизнь „ки-саней“; онъ немного смутился и согласился только послѣ настойчивой моей просьбы.

— Зачѣмъ онѣ вамъ? Это все бѣдныя дѣвушки, сироты, купленные въ дѣтствѣ.

— А приговоренныхъ въ рабство по суду развѣ нѣтъ уже?

— Такихъ въ Сеулѣ нынѣ нѣтъ!

Шинъ-мунъ-гюнь оказался великолѣпнымъ для меня провожатымъ, онъ занималъ въ дворцовомъ вѣ-

домствѣ не послѣднюю должность и хорошо говорилъ по-русски.

Въ Кореѣ ничто не совершается скоро и просто. Шинъ-мунъ-гюнъ доказывалъ мнѣ, что онъ долженъ прежде всего розыскать человѣка, который бываетъ у „ки-санъ“ и знаетъ ихъ и ихъ привычки.

— Есть такіе, которые все время проводятъ у нихъ, и такого нужно поискать!...

Пока происходили поиски нужнаго человѣка, мы бродили по городу, освѣщенному блѣднымъ сіяніемъ молодого мѣсяца. На улицахъ тамъ и сямъ еще свѣтились огни, преимущественно въ обжорныхъ лавкахъ или въ трущобахъ, гдѣ кабатчицы „сакъ-чю-га“ торговали собою и противной „су-ли“ (водкой). Мы посѣтили нѣсколько такихъ кабацковъ. Вездѣ за прилавками стояли здоровыя молодыя женщины съ смѣлымъ, вызывающимъ взглядомъ. Ихъ лабазы были совершенно открыты на улицу и только въ уголкѣ помѣщались маленькіе чуланчики, завѣшанные циновками.

— За ночь, проведенную тамъ, и за потребленіе водки сколько влѣзетъ, гость уплачиваетъ 4 доллара. „Сакъ-чю-га“ иначе не продаютъ себя мужчинамъ, какъ вмѣстѣ съ водкой. Есть женщины еще хуже ихъ „ой-ханынъ“, которыя пускаютъ къ себѣ даже европейцевъ. Послѣднія берутъ два доллара за ночь, а худшія изъ нихъ нѣсколько пхунъ ($\frac{1}{10}$ коп.),—объяснялъ мнѣ простодушнo Шинъ-мунъ-гюнъ.

Въ Кореѣ нѣтъ совсѣмъ публичныхъ домовъ и ничего такого, что напоминало бы японскія „іюшивара“ или китайскіе „сады наслажденія“.

Второстепенныя проститутки „ой-ханынъ“ и „сакъ-чю-га“ ведутъ свое ремесло самостоятельно; прости-

тутки высшего разряда какъ „самъ-пе“ и „ки-сань“, рабыни частныхъ собственниковъ, живутъ отдѣльно.

— Купленные въ дѣтствѣ за небольшую сумму 10, 20, 40 долларовъ, онѣ дѣлались по достиженіи совершеннолѣтія наложницами ¹⁾ своихъ опекуновъ или перепродавались ими кому-либо другому, за сумму, отвѣщающую якобы стоимости ихъ воспитанія и обученія! Хозяинъ „ки-сань“, попавши въ нужду, случалось, уступалъ свою наложницу гостю на одну ночь или на дольше, смотря по обстоятельствамъ. „Самъ-пе“ тѣмъ отличаются отъ „ки-сань“, что первыя—это просто красивыя дѣвушки, которыя не получили никакого почти образованія, между тѣмъ какъ „ки-сань“ обучались наукамъ, пѣнію, пляскѣ, занимательному разговору, хорошимъ манерамъ и даже искусству слагать стихи. Среди „ки-сань“ есть очень пріятныя и разумныя особы: у такихъ всегда много посѣтителей. Дружба съ „ки-сань“ стѣитъ дорого. „Самъ-пе“ получаетъ за ночь четыре доллара и все тутъ. Съ „ки-сань“ иначе: ей за первую ночь полагается восемь долларовъ, за вторую можно ничего не заплатить и слѣдуетъ платить только за третью. Если кто не уплатитъ и за третью, то можетъ не вносить денегъ за шесть ночей къ ряду, такъ какъ это значить, что дѣвушка ему нравится. Только на седьмую ночь онъ долженъ или сразу уплатить большую сумму, или выкупить „ки-сань“. Выкупить „ки-сань“ можно на годъ, на два, тогда дѣвушка остается у прежняго хозяина, который одинъ сохраняетъ право доступа къ ней. Можно „ки-

¹⁾ Наложницы дозволены корейскими законами, и дѣти отъ нихъ считаются полузаконными.

сань“ и совѣмъ выкупить, но это стоило бы дорого, самое меньшее 1.000 долл., а есть такія „ки-сань“, за которыхъ уплачивали любители и 10.000 долл.,—разсказывалъ мнѣ Шинъ-мунъ-гюнъ.

Всѣ проститутки платятъ въ Сеулѣ особый налогъ въ дворцовую казну отъ двухъ іенъ (долл.) годично до двухъ іенъ (долл.) ежемѣсячно. Отборнѣйшія „ки-сань“, въ числѣ 50, образуютъ дворцовую труппу, которая обязана давать представленія при дворѣ по приказанію императора, или кого-либо изъ императорской семьи. Кромѣ того, эти „ки-сань“ играли въ недавно закрытомъ театрѣ. Онѣ получали отъ 10 до 15 іенъ ежемѣсячно. Занимались ли и эти дѣвушки проституціей? Платили ли онѣ налогъ въ казну? Гдѣ онѣ жили, и кто заботился о нихъ?—мнѣ не удалось узнать. Насколько я могъ заключить изъ противорѣчивыхъ отвѣтовъ, полагающійся имъ пенсіонъ, по корейскимъ обычаямъ, никогда къ нимъ не попадалъ, и онѣ принуждены были одѣваться и содержать себя своимъ промысломъ. Раньше онѣ жили во дворцѣ, въ настоящее время ихъ выбираютъ среди рабынь - танцовщицъ частныхъ лицъ, и послѣднія охотно на это соглашались, такъ какъ это даетъ ихъ наложницамъ хорошую „марку“.

Шинъ-мунъ-гюнъ обѣщалъ познакомить меня и съ придворными, и съ частными „ки-сань“.

Долго ночью блуждалъ я по спящему Сеулу съ разговорчивымъ, интеллигентнымъ туземцемъ. Онъ показывалъ мнѣ различные глухіе углы и трущобы столицы, жилища нищихъ, лачуги прокаженныхъ, пріюты воровъ и игроковъ. На обратномъ пути я замѣтилъ свѣтъ въ маленькомъ домикѣ и спросилъ путника, что здѣсь такое. Тотъ со смѣхомъ толкнулъ двери, и мы очутились въ

низенькой комнатѣ, посрединѣ которой сидѣлъ старикъ въ черномъ одѣяніи и черной шляпѣ. Увидѣвши насъ, онъ торопливо надѣлъ на носъ огромные очки. Онъ былъ знахаремъ и астрологомъ. Вдоль стѣнъ избушки до верху стояли черные ящики съ бѣлыми іероглифами надписей, подъ потолкомъ висѣли муміи сушеныхъ гадовъ и исполинскихъ ящерицъ. Картинка изъ нашего средневѣковья.

Раньше возвращенія въ отель, мой спутникъ заставилъ меня свернуть въ улицу „Тройного Сіянія“, въ концѣ которой, въ тѣни карниза высокихъ, кривоногихъ, китайскихъ воротъ свѣтились въ лунномъ блескѣ три золотые іероглифа. Дѣйствительно, здѣсь въ этотъ моментъ было хорошо! Будто въ тихомъ, глубоко созвучіи трехъ нѣжныхъ сіяній сбѣжались вдругъ всѣ воздыханія, стоны и моленія засыпающаго бѣлаго города. Они, казалось, говорили:

— Не тоскуй, успокоеніе недалеко!

Шинъ-мунъ-гюнъ молчалъ и только на прощаніе пожалъ мою руку крѣпче и сердечнѣе. Очевидно, между нами начинало возникать нѣчто вродѣ дружбы.

На слѣдующій день вечеромъ мы отправились въ предполагаемый обходъ „ки-саней“. Провожалъ насъ молодой кореецъ, хорошо знакомый съ ихъ обычаями.

— Вы какихъ желали бы видѣть? Только лучшихъ?

— Да нѣтъ же! Мнѣ интересно видѣть самыхъ разнообразныхъ!

— Хорошо. Но вы должны помнить, что ни одна изъ нихъ не знаетъ по-европейски. Лучшія, придворныя танцовщицы, случалось, видывали европейцевъ, но среди нихъ есть и такія, которыя европейцевъ совсѣмъ не видѣли!

Первая „ки-сань“ жила недалеко отъ дворца. Мы прошли нѣсколько совершенно пустыхъ дворовъ, миновали какія-то развалины, какія-то обсыпавшіяся стѣнки и лачужки, и остановились передъ небольшими наглухо запертыми дверями. Нашъ проводникъ долго и крѣпко стучалъ въ нихъ. Наконецъ, въ лачужкѣ послышался робкій шорохъ, и блеснулъ сквозь щели въ дверяхъ свѣтъ. Онъ мгновенно потухъ, затѣмъ кто-то сталъ у дверей и видимо осматривалъ насъ сквозь отворотъ. Послѣ краткихъ переговоровъ съ проводникомъ двери раскрылись. Опять мы прошли нѣсколько таинственныхъ дворовъ, окруженныхъ высокими стѣнами; хотя вверху сіяла луна, мы двигались въ густомъ мракѣ отбрасываемой строеніями тѣни. Шинъ-мунъ-гюнъ громко разговаривалъ съ рослымъ корейцемъ, который впустилъ насъ въ ограду, что-то ему приказывалъ и убѣждалъ, пока тотъ не уступилъ и не повелъ насъ по нѣсколькимъ ступенькамъ на крылечко небольшого особнячка, пристроеннаго къ большому жилому дому. Въ маленькой, какъ тюремная келья, комнаткѣ, мы нашли дѣвушку и юношу. Собственникъ этой „ки-сань“ былъ или бѣденъ, или скупъ; голыхъ, сѣрыхъ стѣнъ ея жилища не украшали ни рисунки, ни обои; глинобитный полъ покрывала простая, дешевая цыновка; я не замѣтилъ другой мебели, кромѣ низенькаго, деревяннаго изголовія. Сама жительница сидѣла въ глубинѣ комнаты на землѣ подъ стѣной: она была мелкотѣла, тщедушна и показалась мнѣ совершеннымъ ребенкомъ; она, очевидно, боялась насъ и стыдилась, не отвѣчала на вопросы и, повернувъ въ бокъ лицо, закрыла его локтемъ заброшенной на голову руки. Ея гость тоже былъ смущенъ нашимъ появленіемъ, онъ осторожно

подобралъ свой кисетъ и трубку и улизнулъ незамѣтно. Не помогли ни ободряющіе разговоры Шинъ-мунъ-гюна, ни шутки нашего „опытнаго съ ки-санями“ проводника: Мэ-ха, такъ звали рабыню, упорно молчала. Только когда мы ей подсунули принесенные подарки, флакончикъ духовъ и немного конфектъ, она чуть повернула къ намъ лицо и дѣтскимъ движеніемъ жадно схватила гостинцы. Она показалась мнѣ хорошенькой, но наврядъ ли была старше *двѣнадцати* лѣтъ.

Слѣдующая „ки-сань“ Пи-чу жила въ болѣе просторномъ домикѣ; мы къ ней попали тоже черезъ столько же и такихъ же дворовъ и закаморковъ, послѣ такихъ же таинственныхъ переговоровъ съ хозяиномъ, который какъ разъ находился у дѣвушки въ гостяхъ. Ей было лѣтъ около двадцати, она была хороша собой, стройна, свѣжа, благовоспитана; она отвѣчала на наши вопросы просто и скромно и держала себя вообще какъ барышня изъ лучшаго общества. Ея небольшая комната была выложена красивыми, узорчатыми цыновками, украшена цвѣтами и картинами. На низенькой готовальнѣ стояло хорошенькое европейское зеркальцо, полузакрытое шелковыми занавѣсками, рядомъ помѣщались художественныя японскія мелочи, лежала книга и письменныя принадлежности. По нашей просьбѣ она пропѣла нѣсколько пѣсенъ чистымъ, груднымъ голосомъ. Оказалось, что въ танцовщицы она попала случайно, что обучалась всякимъ наукамъ совсѣмъ не для этой цѣли, но о своихъ приключеніяхъ, сдѣлавшихъ ее рабыней, она ничего не хотѣла намъ сказать. Любопытство побудило меня посмотреть, каковъ ея хозяинъ и я, притворившись, что заблудился по дорогѣ, прошелъ неожиданно въ полуоткрытыя

двери сосѣдняго дома, гдѣ еще свѣтился огонь. Я увидѣлъ сидящаго на землѣ некрасиваго, немолодого уже туземца, съ лицомъ изрытымъ оспою; въ глубинѣ комнаты мелькала фигура высокой женщины. Мебель и вообще обстановка квартиры обнаруживали извѣстную зажиточность.

Другія изъ посѣщенныхъ нами „ки-сань“ приближались или къ первому типу—убогой или ко второму типу—богатой проститутки. У одной веселой толстушки мы застали большое общество корейской молодежи.

Она пѣла лучше всѣхъ и остроумнѣе всѣхъ отвѣчала на наши вопросы.

— Чего ты, иностранецъ, ищешь въ нашихъ убогихъ жилищахъ?—спросила она меня.

— Я хочу посмотрѣть, какъ живутъ корейскія „ки-сань“, чтобы имѣть возможность рассказать объ этомъ нашимъ танцовщицамъ и пѣвицамъ!

„Ки-сань“ задумалась.

— Развѣ и у васъ есть такія, какъ мы?

— Вездѣ есть любители музыки и пляски.

Дѣвушка полугрустно, полунасмѣшливо усмѣхнулась и отвела отъ меня умные, проницательные глаза.

Присутствующіе молодые люди не земедлили сдѣлать нѣсколько замѣчаній къ нашему разговору, которыхъ Шинъ-мунъ-гюнъ не пожелалъ мнѣ перевести.

На завтра состоялось у Шинъ-мунъ-гюнъ обѣщанное зрѣлище. Но въ немъ не участвовала ни одна изъ посѣщенныхъ нами наканунѣ „ки-сань“, такъ какъ не всѣ онѣ отличались равной выучкой, а главное не принадлежали къ одному и тому же кружку танцовщицъ.

— „Ки-сани“ не соглашаются танцевать съ неизвѣстными имъ лицами. Я принужденъ былъ пригласить лицъ одного кружка! — оправдывался любезный хозяинъ.

На дворѣ были разостланы цыновки, и сбоку усѣлся оркестръ, состоящій изъ барабана, скрипокъ, флейтъ, арфы, горной свирѣли съ мѣхами и тамъ-тама.

Танцовщицы надѣли длинныя, разноцвѣтныя расшитыя платья, подвязали на макушкахъ маленькія короны изъ искусственныхъ цвѣтовъ и картона, обтянутаго шелкомъ и золотымъ позументомъ. Къ кистямъ рукъ онѣ прикрѣпили прекрасно вышитые, цвѣтныя платки въ видѣ нарукавниковъ.

Двѣ изъ дѣвушекъ стали неподвижно въ глубинѣ сцены, двѣ другія принялись плясать невѣроятно медленный танецъ, полный ритмическихъ, размѣренныхъ движеній, мимическихъ и символическихъ жестовъ. Это была торжественная пляска „Ипъ-цунъ“. Затѣмъ послѣдовала менѣе торжественная „Ханъ-цзанъ-му“, дальше прославленная пляска древней Силла „Кй-му“ съ ножами и, наконецъ, веселая, бойкая „Сынъ-му“, похожая на русскій трепакъ.

Въ общемъ корейскія пляски напоминаютъ японскія, но онѣ и въ половину не такъ закончены, богаты содержаніемъ и художественны, какъ послѣднія. Зато корейское пѣніе много пріятнѣе для европейскаго уха, чѣмъ вообще всѣ пѣсни Дальняго Востока.

Оглушительная музыка напоминаетъ китайскую.

Послѣ танцевъ намъ предложили угощеніе, состоящее изъ „огневыхъ“ корейскихъ маринадъ, изъ обязательной рѣдьки, рѣпы, риса, обильно политыхъ „су-ли“.

Въ концѣ пиршества пріятно возбужденный хозяинъ еще разъ приказалъ оркестру сыграть веселый „Сынъ-му“ и пустился въ плясъ съ танцовщицами, широко развѣвая по вѣтру рукава и полы своего платья, ловко семеня и перебирая ногами. По временамъ онъ задорно покрикивалъ, а развеселившіеся присутствующіе прихлопывали ему руками, притопывали ногами. Даже изъ-за рѣшетчатыхъ дверей, гдѣ за занавѣской наблюдала невидимо за играми жена хозяина, доносился сдержанный смѣхъ и веселыя замѣчанія. Танцовщицы двигались необыкновенно рѣзко и сдѣлали даже нѣсколько довольно рискованныхъ пируэтовъ, состоящихъ въ быстромъ поворотѣ кругомъ оси тѣла, наклоненнаго подъ 45° на вытянутыхъ въ струнку ногахъ.

Все были восхищены.

Стоило мнѣ все пиршество съ небольшимъ 50 іенъ ¹⁾. Кромѣ того мнѣ пришлось дать „ки-санямъ“ по два іена добавочныхъ, такъ какъ условленная въ началѣ плата 4 іенъ на каждую взималась полностью по обычаю въ пользу ихъ собственниковъ. Пришлось мнѣ дать по одному іену какимъ-то господамъ за то только, что они съѣли вмѣстѣ съ нами обѣдъ и выпили много „су-ли“. Они выдавали себя за „друзей, и учителей“ танцовщицъ. Наконецъ, особую плату потребовали съ меня за „пляску съ ножами“... Словомъ, счетъ вышелъ „корейскій“, со всеми присущими Корей неясностями въ статьяхъ расходовъ и назойливой полузаконной прижимкой. Удовольствіе стоило много дороже, чѣмъ нѣчто подобное, но болѣе художественное въ Японіи.

¹⁾ Танцовщицы—16 іен., музыканты—по 2 іен.—12 іен., угощеніе для всѣхъ—15 іен., посылки, принесшіе танцовщицъ—4 іен.

Японскія „гейши“ представляютъ много болѣе благородный типъ танцовщицъ; ихъ ремесло не связано тамъ съ обязательной проституціей; онѣ образуютъ товарищества, связанные опредѣленнымъ уставомъ, гдѣ устанавливаются обязательныя цѣны, гарантирующія и ихъ, и нанимателей отъ недоразумѣній и злоупотребленій. Въ Японіи можно позвать „гейшу“ къ себѣ на домъ или въ чайную только при посредствѣ бюро ея общества. Въ Корей нѣтъ ничего подобнаго.

Есть, однако, указанія, что организація „гейшъ“ и ихъ пляски находятся въ близкомъ и непосредственномъ родствѣ съ корейскими „ки-санъ“ и что, вѣроятно, происходятъ изъ того же источника, изъ Индіи, съ примѣсю мѣстныхъ тутъ и тамъ элементовъ. Въ Китаѣ нѣтъ танцовщицъ, тамъ есть только публичныя пѣвицы; китайцы не пользуются пляской, какъ общественнымъ развлеченіемъ; наоборотъ, въ Японіи пляски до недавняго времени очень почитались; тамъ сохранились религіозныя и придворныя пляски, исполняемыя сановниками и представляющія осмотръ микадо его владѣній ¹⁾. Айны, аборигены японскихъ острововъ, а также сибирскіе тунгусы, родственники корейцевъ, страстные плясуны.

Въ Корей, чаще чѣмъ гдѣ-либо, веселія происшествія соприкасаются съ грустными или даже трагическими. Не прошло двадцати четырехъ часовъ отъ „гулянія“, устроеннаго Шинъ-мунъ-гюномъ, и мнѣ пришлось лицезрѣть совсѣмъ другія пляски.

Около полудня площадь передъ дворцовыми воротами наполнилась толпою людей. Отрядъ солдатъ выстроился

¹⁾ Я видѣлъ такую пляску въ Хакодате на годичномъ торжественномъ обѣдѣ судебного вѣдомства.

въ сосѣдной улицѣ и поставилъ ружья въ козлы. Очевидно, предполагалась какая-то продолжительная церемонія. Всѣ поворачивали головы по направленію Цзонъ-но, гдѣ замѣчалось усиленное движеніе и откуда двигалась толпа. Наконецъ, я услышалъ пронзительные звуки горной свирѣли и все возрастающій гулъ голосовъ. Надъ головами идущихъ заколыхались большія, яркія знамена и двинулись къ дворцу. Любопытные разступались, образуя шпалеры, серединой которыхъ шла куча людей съ знаменами въ рукахъ, съ музыкой впереди. Во главѣ нѣсколько рослыхъ „пу-саней“ (странствующихъ торговцевъ) отплясывали дикій плясъ съ дубинками въ рукахъ. Дальше двигалась густая толпа ихъ товарищей въ бѣлыхъ халатахъ, въ желтыхъ, некрашенныхъ бамбуковыхъ цилиндрахъ съ кусками хлопка, заткнутыми за тулю. Огромныя простыни цвѣтного шелка съ золотыми или красными надписями плавно развѣвались надъ головами демонстрантовъ. Ближайшіе къ плясунамъ то и дѣло издавали время отъ времени рѣзкіе окрики, похожіе на орлиное карканье. Оркестръ „пу-саней“ состоялъ изъ флейтъ, пищалокъ и горныхъ свирѣлей съ большими кожаными мѣхами,

„Пу-сани“ явились къ воротамъ дворца выразить императору свою вѣрноподданную радость по поводу выздоровленія одного изъ его многочисленныхъ внуковъ.

Сеульцы, вообще большіе любители всякихъ зрѣлищъ, смотрѣли на „пу-саней“ съ явной насмѣшкой; многіе навѣрно вспоминали то недавнее время, когда эти молодцы подъ не менѣе вѣрноподданнымъ предлогомъ учинили въ столицѣ рядъ буйствъ, грабежей и безчинствъ.

— Напьются „макала“ ¹⁾ и пляшутъ безъ всякаго стыда: только императора беспокоятъ!.. Они думаютъ, что ихъ пустятъ во дворецъ!.. — проворчалъ недружелюбно Шинъ-мунъ-гюнъ.

Съ часъ, пожалуй, горланили и прыгали „пу-сани“ на площадкѣ дворцоваго подъѣзда; наконецъ, створы воротъ полуоткрылись, знамена демонстрантовъ сложились, а въ глубинѣ сада появились императорскія носилки. Послѣ того „пу-сани“ двинулись обратно, продолжая приплясывать и размахивать дубинами. Ихъ загорѣлыя, отекишія лица, ихъ заплывшіе кровью глаза, разнузданныя движенія ничуть не располагали къ нимъ дружелюбно.

Шинъ-мунъ-гюнъ поспѣшно увелъ меня съ пути ихъ слѣдованія,

— Лучше уйдемъ съ глазъ. Они ненавидятъ иностранцевъ, особенно японцевъ, а здѣсь много послѣднихъ среди зрителей, можетъ выйти... недоразумѣніе!

— За что же они такъ особенно ненавидятъ японцевъ?!

— А за то, что тѣ лишаютъ ихъ заработка, хлѣба, проводятъ желѣзныя дороги, почты, телеграфы, заводятъ свою торговлю. „Пу-сани“ любятъ старинные обычаи!

Нѣсколько дней спустя я узналъ, что въ Чемульпо пришелъ русскій броненосецъ и два контръ-миноносца. Они явились требовать удовлетворенія за обиду рус-

¹⁾ Водка, одуряющая до безпамятства; туземцы пьютъ ее передъ сраженіемъ, во время беспорядковъ, волненій, бунта, чтобы, какъ они говорятъ: „потерять память и стыдъ“,

скаго флота. Насколько я могу судить по рассказамъ русскихъ очевидцевъ и русскаго торговаго агента въ Чемульпо, дѣло произошло такимъ образомъ: по случаю праздника были устроены въ японскомъ кварталѣ Чемульпо публичные жертвенники, украшенные цвѣтами и плодами. Кучка подвыпившихъ русскихъ матросовъ, будто-бы *думая, что это торговая выставка*, взяла съ одного изъ жертвенниковъ нѣсколько грушъ и съѣла ихъ. Возмущенные японцы бросились на шутниковъ. Матросы убѣжали подъ защиту охранявшихъ лодки товарищей. Произошла драка, въ которой нѣсколько японцевъ было тяжело ранено, а два убиты. Русскіе матросы благополучно ушли. Тогда японцы осадили русское агентство Добровольнаго флота, ворвались въ нѣкоторые частные дома и даже въ англійское консульство, разыскивая бѣжавшихъ русскихъ. Обыскавши дома и не найдя матросовъ, толпа разсѣялась по приказанію японскаго консула, которому удалось, наконецъ, успокоить волненіе. Въ 1903 году въ Корей произошло цѣлый рядъ подобныхъ исторій: то въ лѣсахъ на Ялу подрались переодѣтые дровосѣками солдаты, то на островѣ Даджелетъ найдено нѣсколько убитыхъ японцевъ, то въ Фузанѣ былъ побитъ толпою русскій офицеръ, то въ самомъ Сеулѣ произошла драка между казаками посольской стражи и жителями японскаго квартала, то, наконецъ, возникли серьезныя недоразумѣнія въ портѣ Мо-самъ-пхо. Но всѣ эти вспышки взаимнаго раздраженія улаживались обычнымъ дипломатическимъ путемъ, безъ привлеченія... броненосцевъ.

Появленіе у береговъ Кореи русскихъ военныхъ судовъ очень меня обезпokoило. Я сопоставилъ это обсто-

ительство съ тѣмъ сильнымъ возбужденіемъ, которое господствовало въ Японіи незадолго до 8 октября, назначеннаго японской дипломатіей, какъ предѣльный срокъ для очищенія русскими Манчжуріи или объявленія войны. Я тогда уже опасался, что мнѣ не удастся съѣздить въ Корею. Однако, русской дипломатіи удалось оттянуть военныя дѣйствія путемъ новыхъ переговоровъ. Насколько знаю, Японіи была предложена южная и центральная Корея съ тѣмъ, что сѣверная часть полуострова останется въ независимомъ владѣніи царствующаго корейскаго дома, подъ протекторатомъ обоихъ враждующихъ государствъ. Японіи къ тому же воспрещалось возводить укрѣпленія на южныхъ оконечностяхъ полуострова, въ Корейскомъ проливѣ. Въ манчжурскія дѣла Японія не должна была совсѣмъ вмѣшиваться. Легко было предвидѣть, что Японія на такія условія не согласится, но переговоры по этому поводу потребовали нѣкотораго времени и позволяли мнѣ предпринять интересную поѣздку. Мнѣ было сказано въ Токио, что у меня впереди *три вѣрныхъ недѣли мира*; съ тѣхъ поръ прошло шесть недѣль, и о войнѣ не больше говорилось, чѣмъ раньше. Я воспрялъ духомъ и намѣревался посѣтить еще нѣкоторые интересующія меня мѣста древней Пакъ-чжю и Ко-риѳъ, какъ вдругъ... броненосецъ! Я немедленно отправился къ русскому посланнику за совѣтомъ, какъ мнѣ поступить. Я встрѣтился съ нимъ на улицѣ: онъ направлялся какъ разъ въ японскій кварталъ.

— Конечно, поѣзжайте! Увѣряю васъ, что войны не будетъ. Японія не рѣшится на нее!... Она такъ только... пугается!... Какъ только она попробовала выступить рѣшительнѣе, бумаги ея стали страшно падать на лон-

донской биржѣ...—успокоивалъ меня опытный дипломатъ, когда я ему представилъ мои намѣренія.

— И на Ялу поѣзжайте! Тамъ вы можете путешествовать въ совершенной безопасности!... Тамъ наше вліяніе всеильно... Мы тамъ ни на шагъ не пускаемъ японцевъ. Долженъ я впрочемъ вамъ сообщить, что императоръ отказалъ вамъ въ аудіенціи. Между нами будь сказано, онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не даетъ ее никому, чтобы избѣжать необходимости принять японскаго посланника. Разрѣшенія на осмотръ Стараго дворца я тоже не раздобылъ для васъ; тамъ, говорятъ, затѣяны починки!

Разговаривая, мы порядочно прошли по улицамъ. полнымъ молчаливой вечерней толпы гуляющихъ, Облака пыли, розовыя отъ свѣта зари, покрывали городъ густой кисеей. Бѣлыя фигуры прохожихъ терялись въ нихъ, точно въ дымъ пожара. Уличные дали чуть свѣтились. Темныя стѣны зданій, воротъ, крыши императорскихъ дворцовъ, старинныя укрѣпленія высоко подымались надъ рядами некрасивыхъ и убогихъ сеульскихъ домовъ. Уличное движеніе, безъ дребезжанія дрожекъ и грохота колесъ, производило странное впечатлѣніе какого-то оживленнаго и безпорядочнаго хода.

Вѣнокъ розовыхъ затуманенныхъ горныхъ вершинъ сторожилъ кругомъ долину. Неожиданныя исчезновенія и появленія людской толпы изъ странныхъ щелевидныхъ улицъ и заулковъ, кучки весельчаковъ, беззаботно снующихъ среди похожихъ на развалины жилищъ, придавали общей картинѣ необыкновенный характеръ...

Вдругъ посоль пересталъ говорить со мною и далъ

знакъ рукою. Я замѣтилъ среди улицы высокія кресла, въ какихъ носятъ важныхъ корейскихъ сановниковъ, приподнятыя въ туманѣ пыли надъ головами цѣлаго отряда носильщиковъ. Сидѣвшій въ носилкахъ рослый европеецъ повернулъ къ намъ свое умное, смѣлое, усатое лицо. Это былъ мистеръ Макъ-Ливи Броунъ, финансовый совѣтникъ корейскаго двора и главный таможенный комиссаръ. Онъ сошелъ съ носилокъ и приблизился къ намъ; догадываясь, что у него съ посланникомъ есть неотлагательныя дѣла, я поздоровавшись, ушелъ въ сторону подъ какимъ-то предлогомъ.

Оба сановника долго разговаривали и показалось мнѣ, что разстались сильно озабоченными. Посланникъ немедленно попрощался со мною и сѣлъ въ свою „рикшу“, которая до того времени слѣдовала за нами сзади. Онъ уѣхалъ въ совершенно противоположномъ направленіи того, куда мы шли...

Кровавое видѣніе войны вдругъ выглянуло изъ-за гранитныхъ утесовъ...

Милѣйшій Шинъ-мунъ-гюнъ настаивалъ, чтобы я обязательно до отъѣзда побывалъ вмѣстѣ съ нимъ на постройкѣ казеннаго стекольнаго завода.

— Вы посмотрите и скажите намъ: выйдетъ ли что-нибудь изъ этого?!

Мы отправились электрическимъ трамваемъ за Западныя ворота, миновали станцію желѣзной дороги, прекрасный американскій госпиталь на горѣ, нѣсколько европейскихъ виллъ, тоже построенныхъ на возвышеніяхъ, и остановились на краю пригорода передъ казарменнаго вида зданіемъ, за которымъ подымалась недостроенная фабричная труба. Нигдѣ ни слѣда ни

рабочихъ, ни жильцовъ; долго мы блуждали по пустынному двору, разыскивая завѣдующаго. Онъ оказался чехомъ, женатымъ на полькѣ, по профессіи стеклянныхъ дѣлъ мастеромъ. Онъ повелъ насъ къ себѣ на квартиру, гдѣ оставилъ ключи отъ завода. По дорогѣ онъ вздыхалъ и жаловался:

— Опять работы стали! А я думалъ, что мы въ эту еще зиму пустимъ въ ходъ печи. Да вотъ господинъ инженеръ разсердился!.. И совсѣмъ о пустяки разсердился, о совершенно мелочь!.. Китайцы не захотѣли строить трубу безъ лѣсовъ, а господинъ инженеръ требуетъ, чтобы они по новому способу на такомъ, вотъ, досчаномъ воротникѣ сидя, работали!.. Онъ говоритъ, что лѣса ему мѣшаютъ за постройкой наблюдать, а китайцы толкуютъ, что имъ съ непривычки головы безъ подпоръ кружатся!.. Вотъ и все!.. Бросили работать!.. Не знаю, что будетъ! Надо будетъ, думаю, убираться! А кто мнѣ заплатитъ за то, что я мѣсто свое оставилъ и сюда пріѣхалъ?! Этого я не знаю!..

Бѣдняга продолжалъ вздыхать и не безъ основанія: когда мы приблизились къ сараю, въ которомъ онъ жилъ, оттуда высыпалось такое невѣроятное количество бѣлобрысыхъ, похожихъ другъ на друга дѣтей, что я невольно воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Все это ваши?..

— Мои!.. Да одно еще въ люлькѣ!..

Изъ кухни не замедлила появиться моя землячка, сочная женщина внушительныхъ размѣровъ и подтвердила показанія мужа. Она очень обрадовалась, когда я заговорилъ съ ней по-польски, и никакъ не соглашалась отпустить насъ безъ чаю. Такъ какъ мы увлеклись разговоромъ и все больше говорили по-польски,

то Шинъ-мунъ-гюнъ, ничего не понимая, надулся и обезпокоился. Зато я успѣлъ узнать кой-какія интересныя подробности. „Господинъ инженеръ“ былъ тоже нашъ соотечественникъ полякъ; онъ заключилъ съ Корейскимъ правительствомъ условіе, если не ошибаюсь, на четыре года и получалъ годично около 6.000 рублей жалованія.

— Слова не скажу: въ постройкѣ онъ толкъ знаетъ! Но въ стеклѣ, онъ, кажется, ничего не смыслить!.. Поэтому онъ все и оттягиваетъ, чтобы контрактъ вышелъ, а онъ завода открыть не могъ бы... Напрасно это!.. Если-бъ онъ только согласился, если-бъ онъ мнѣ волю далъ, такъ мы бы тутъ такой заводъ устроили, что мое почтеніе!.. Матеріаль тутъ, господинъ мой, первый сортъ! Опока (известка), шпатъ, въ лучшемъ видѣ!.. Стекло будетъ не хуже богемскаго!.. — рассказывалъ „стекляной“ мастеръ, всовывая мнѣ въ руку кусокъ „шпата“.

— Ничего онъ не знаетъ, только даромъ деньги беретъ! — вмѣшался вдругъ по-русски Шинъ-мунъ-гюнъ.—Хотя онъ и землякъ вашъ, а долженъ я сказать, что нехорошій онъ человѣкъ. Развѣ это правильно заставлять людей такъ высоко работать безъ всякой защиты, если у нихъ голова кружится? И изъ-за такой глупости работы прекращать?! Кирпичъ купленъ, люди наняты, погода хорошая, а онъ... взялъ планы и уѣхалъ!

— И вы отпустили его?

Шинъ-мунъ-гюнъ по-европейски пожалъ плечами.

— Скандалы дѣлаетъ, что слушать невозможно! Рычить какъ быкъ!.. Позвалъ его къ себѣ поговорить министръ, такъ онъ такую ему непріятность сказалъ, что стыдно повторить!.. Жаловался на него министръ

вашему посланнику, но тотъ обоихъ инженеровъ защищалъ, а насъ обвинялъ...

— Такъ есть и другой инженеръ?

— Есть и другой. Онъ взялся бумагопрядильню строить, но все путешествуетъ по Ялу. Его тоже призывалъ министръ и спрашивалъ: „развѣ мы за это вамъ платимъ, чтобы вы путешествовали по Ялу?“ Тогда онъ приказалъ намъ доставить какіе-то столбы изъ чугуна, безъ которыхъ онъ будто бы при постройкѣ никакъ обойтись не можетъ и поэтому безъ нихъ не начнетъ работъ. Ни плановъ показать не соглашается, ни объяснить ничего не хочетъ. Понятно, что мы не соглашаемся зря деньги выбрасывать... Вѣдь стоитъ-то будутъ столбы нѣсколько десятковъ тысячъ долларовъ, а что съ ними сдѣлаешь, если дѣло станетъ?.. Такъ онъ съ тѣмъ и уѣхалъ опять путешествовать на Ялу!..

— Онъ тоже полякъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, онъ коренной русскій. А все-таки онъ лучше, онъ не ввелъ насъ зря въ такіе большіе расходы, какъ этотъ вашъ полякъ!

Я осмотрѣлъ внимательно построенную часть завода и тотъ показался мнѣ старательно построеннымъ и хорошо задуманнымъ. Провожавшій насъ мастеръ подтвердилъ мои замѣчанія.

— Да тутъ были бы прямо райскія мастерскія!... Если-бъ только господинъ инженеръ разрѣшилъ мнѣ, я бы тутъ сейчасъ мельницу поставилъ, принялся бы молотъ опоку, сушилка почти что готова, печки тоже можно бы и зимою строить — подъ крышей вѣдь!... Вотъ труба только!... Если-бъ не труба...

„Эта труба“, дѣйствительно, озадачивала меня и

сильно располагала вѣрить предположеніямъ, высказаннымъ „стекляннымъ“ мастеромъ.

— А этотъ русскій, дѣйствительно, ничего не поставилъ?—справился я осторожно.

— Ни, ни... ничего!... Кирпичика не поставилъ!... Говорять, очень хорошо знаетъ свое дѣло, очень способный, только не хочетъ строить! — поспѣшно вмѣшался Шинь-мунь-гюнъ.

— Оба они порядочные, вижу, плуты. Но я долженъ защитить моего земляка. Все-таки онъ кой-что вамъ сдѣлалъ. А теперь, когда онъ вамъ мѣшаетъ, то прогоните его и кончайте постройку сами. Не велика мудрость. Вы, Шинь-мунь-гюнъ, построили вѣдь такой прекрасный виадуктъ, вы безъ труда по плану выведете до конца трубу, печи поставитъ вамъ стеклянный мастеръ, и будетъ у васъ прекрасный заводъ. Стекло такъ дорого въ Корей, что расходы быстро оплатятся.

Шинь-мунь-гюнъ повеселѣлъ.

— О, мы бы давно такъ поступили, но... планы! Нѣтъ чертежей!... Ихъ увезли. Безъ знатока-специалиста мы боимся дѣлу дать полный ходъ. Не везетъ намъ, совсѣмъ намъ не везетъ съ фабриками.

— А тамъ что за заводъ?—спросилъ я, указывая на дымящуюся на горѣ высокую трубу.

— Это... казенный заводъ. Японцы строили.

— Молодцы они. Что возмуться, немедленно сдѣлають: желѣзную дорогу строить, бумажную фабрику строить, и тутъ вотъ эту фабрику (не знаю, какую) въ прошломъ году по уговору пустили въ ходъ. А только имъ теперь нигдѣ здѣсь ходу не даютъ! — объяснилъ мнѣ по-польски мастеръ.

Онъ проводилъ насъ на станцію электрической до-

роги и сѣлъ на каменный блокъ въ ожиданіи поѣзда. Тотъ долго не шель. Стало смеркаться.

— Не придетъ. Съ тѣхъ поръ какъ кондукторовъ камнями побили, не ходять сюда вечеромъ вагоны!—сказаль чехъ.

Поневолѣ пришлось намъ все пять верстъ въ городъ пройти пѣшкомъ. Дорога была отвратительная: пыльная, грязная и страшно засоренная всякими отбросами. Во время прогулки Шинъ-мунъ-гюнъ разсказаль мнѣ въ краткихъ словахъ причины электрическихъ „недоразумѣній“.

— Правительство дало концессию на электрическую дорогу американской компаніи съ условіемъ, что если оно пожелаетъ, въ правѣ выкупить линію; когда же дѣло дошло до выкупа, компанія запросила невѣроятную цѣну: полтора милліона іенъ за сбитые рельсы, за старые вагоны и машины. Въ свое время императоръ много помогъ компаніи наличными деньгами, теперь, разсердившись, потребоваль отчетъ. Компанія отказала императору въ отчетѣ и даже не захотѣла представить доказательствъ, сколько въ дѣйствительности стоила ей постройка дороги. Она опредѣляла ея стоимость по послѣднему доходу. Отсюда произошли разныя недоразумѣнія и непріятности. Простонародіе, узнавши, что императоръ сердится на компанію, отъ любви къ своему монарху стало бросать камнями и грязью въ вагоны съ публикой за Западными Воротами. Тогда компанія вмѣсто восьми обязательныхъ вагоновъ стала подъ предлогомъ поломки посылать только два; къ тому же потребовала черезъ своего посланника вознагражденіе за убытки. Это случилось мѣсяца два тому назадъ, недавно—недѣли три—произошло новое стол-

кновение. Трамвай паскочилъ на ребенка; возмущенная толпа набросилась тогда на кондуктора-американца и стала его преслѣдовать. Тотъ спрятался въ лавку къ японцу, получилъ отъ него велосипедъ и убѣжалъ. Горожане побили японца и разрушили его лавку. Отсюда опять тяжелые разговоры въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Разгнѣванный императоръ приказалъ потушить во дворцѣ электричество.

Мы знаемъ, что мосье Мулись изображалъ послѣднее обстоятельство немного иначе; въ русскомъ же посольствѣ, тотъ самый господинъ, который утверждалъ, что „въ Корей денегъ курицы не клюютъ“, объяснилъ мнѣ безъ тѣни смущенія, что „хотя корейское правительство и выговорило себѣ право выкупа электрической дороги, но поставило въ концессіи такое условіе, что *одинъ* непогашенный во-время платежей возвращаетъ обратно полностью компаніи всю дорогу, а всѣ полученныя до того деньги поступаютъ въ собственность компаніи въ качествѣ *неустойки*. Корейское правительство уплатило первый и второй взносъ, но съ третьимъ опоздало и... потеряло дорогу.

— Дѣло въ томъ, что здѣсь, на Востокѣ „неустоекъ“ не знаютъ и условій такихъ не понимаютъ. Корейцы считаютъ себя обманутыми и обиженными, но можно ли съ этимъ считаться? Посудите сами?—закончилъ дипломатъ, видимо рассчитывая на мое сочувствіе.

Послѣдній вечеръ мы уговорились съ Шинъ-мунъ-гюномъ провести вмѣстѣ въ знаменитомъ сеульскомъ ресторанѣ. Въ сравненіи съ китайскими и японскими заведеніями такого рода, этотъ ресторанъ показался мнѣ крайне скромнымъ; онъ крѣпко вонялъ отвратительной „су-ли“, столы, стулья, стѣны въ немъ были

грязны и попорчены. За тонкой перегородкой зала, гдѣ мы помѣстились, звучали молодые голоса нѣсколькихъ сеульскихъ гулякъ изъ общества и смѣхъ соответственнаго числа „ки-сань“. Единственнымъ украшеніемъ заведенія былъ видъ, открывавшійся на городъ съ узенькаго балкончика въ первомъ этажѣ.

Шинъ-мунъ-гюнь молчалъ. Онъ былъ какой-то кислый и недовольный, и только когда за стѣной утихли голоса и гости оттуда удалились, онъ убѣдился въ ихъ отсутствіи, взглянувъ черезъ замочную скважину, и... разговорился. Мы съ нимъ говорили все о томъ же, все о Корей.

— Я не вижу спасенія, не вижу!... Нужно учиться, открывать школы, посылать студентовъ за границу, а денегъ нѣтъ! А нѣтъ денегъ потому, что чиновники воруютъ, а чиновники воруютъ потому, что жалованіе у нихъ маленькое, а жалованіе у нихъ маленькое потому, что денегъ въ казнѣ нѣтъ, потому что жизнь вздорожала, а пенсіи чиновниковъ остались тѣ же, что много лѣтъ тому назадъ. Еще два года тому назадъ можно было купить мѣру риса (5 фунтовъ) за 10 сеновъ (10 коп.), теперь она стоитъ 60 сеновъ, за ношу (бычью) дровъ раньше приходилось платить 80 сеновъ, теперь требуютъ за нее 8 долл. И такъ все! Откуда взять на расходы? А жить вѣдь нужно, ѣсть, пить, одѣваться нужно, дѣлать приношенія начальникамъ нужно, содержать стариковъ родителей нужно, помогать родственникамъ нужно... Вотъ и воруемъ! Говорятъ иностранцы, что у насъ чиновниковъ черезчуръ много, что черезчуръ много лишнихъ бумагъ и переписки, что слѣдовало бы уменьшить штаты, а лучше вознаграждать оставшихся лицъ. Согласенъ! Хорошо! Но куда дѣнутся остальные? Вѣдь и они тоже

люди? И у нихъ остъ малыя дѣти? Другого труда кромѣ службы нѣтъ въ Корей. Крестьянинъ въ такой нуждѣ и загонѣ, что собакѣ живетъ лучше... Никто зла себѣ не желаетъ. Каждый предпочитаетъ жить наверху, а не въ колодцѣ. Такъ грустно, такъ грустно, когда объ этомъ думаешь, что и ѣсть не хочется! Лучше не думать, не рѣзать воды ножомъ!... Вы спрашивали меня объ иностранцахъ? Вы другой, чѣмъ они, и я вамъ скажу правду: они только думаютъ о томъ, какъ бы насъ разграбить! За пустяки берутъ лучшія наши копи, отборнѣйшіе лѣса, своихъ обязательствъ не исполняютъ, захватываютъ пространства много больше, чѣмъ было имъ уступлено, а если мы противимся этому, то, они жалуются своимъ посланникамъ, и тѣ сейчасъ пугаютъ, присылаютъ военныя суда и другое... Иностранцы ругаютъ насъ, что мы продажны! А кто портитъ насъ, кто подкупаетъ? Кто за деньги склоняетъ насъ къ измѣнѣ отечеству? Ваши посланники! Такъ, господинъ, гибнетъ Корея потому, что долженъ пить воду тотъ, кто поглотилъ соль!...

Онъ умолкнулъ и жадно сталъ пить подогрѣтую „су-ли“ изъ маленькой чашки, которую все наполнялъ сызнова.

— А японцы?— спросилъ я осторожно.

— Японцы?— встрепенулся кореецъ.—Они самые худшіе! Они намъ живьемъ петлю на шею надѣваютъ! Они открываютъ банки, даютъ намъ въ займы деньги... Всѣ мы скоро будемъ ихъ рабами! Вы знаете, что треть сеудскихъ земель уже принадлежитъ имъ, заложена у нихъ и перезаложена!

— А все-таки они одни искренно стремились ввести

у васъ хорошія реформы, хотѣли улучшить управленіе, поднять просвѣщеніе, уничтожить рабство, упорядочить народное хозяйство!... А теперь развѣ не они одни сдерживаютъ свои обѣщанія?

— Правда, — отвѣтилъ, подумавши, кореецъ. — Но они хотятъ насъ удовлетворить только снаружи, измѣнить только нашу оболочку, они хотятъ вырвать наши внутренности, оставить намъ шелуху, они хотятъ убить наши души!...

Онъ уперся локтями въ столъ и пилъ въ мрачномъ молчаніи.

У меня не хватило духу сказать ему, что душу свою самъ только народъ защититъ въ состояніи.

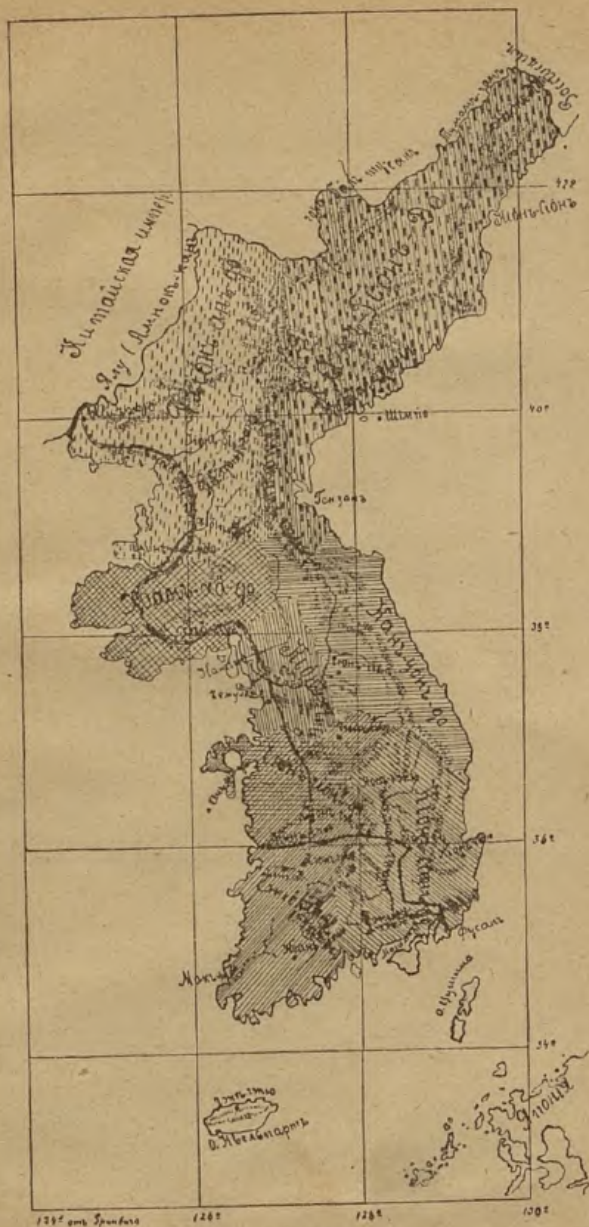
Немного погодя мы вышли на балконъ. Бѣлый отъ луннаго свѣта, обширный, затуманенный городъ разстилался у нашихъ ногъ. Кругомъ сторожили его высокія горы. Кой-гдѣ въ глубокихъ тѣняхъ мерцали блѣдныя огни. Кой-гдѣ въ подѣвняхъ проходили бѣлыя фигуры одинокихъ прохожихъ въ длинныхъ одѣяніяхъ. Кой-гдѣ загорались и потухали мимолетныя искры луннаго блеска на штыкахъ гуляющихъ на постахъ часовыхъ... Величавый изгибъ императорскаго вѣадукта повисъ надъ улицами, точно застывшая въ воздухѣ серебристая молнія... Дальше черпѣли необозримыя стѣны дворцовыхъ владѣній. Пухъ безлистныхъ осеннихъ рощъ и садовъ слабо колыхался надъ ними, сверкали тамъ среди нихъ выгнутыя дворцовыя кровли, высоко подымались коньки пагодъ и кіосковъ.

Казалось нѣтъ конца края этимъ старымъ и новымъ „убѣжищамъ наслажденія“.

Вдругъ мнѣ почудилось, что вижу тамъ среди деревьевъ призракъ вѣчноснаго старика, тщетно

ищаго, гдѣ бы преклонить безопасно-сонную, усталую голову.

Воистину ужасное воплощеніе злосчастнаго прошлаго Кореи!

Карта Кореи.

Предметный указатель.

- Административное дѣленіе, стр. 301—307.
Армія, стр. 446—449.
Бракъ, стр. 246—250, 253—255, 256—258.
Бюрократическій режимъ, стр. 369—378.
Воспитаніе, стр. 257.
Географическое положеніе, стр. 6, 25.
Дороги, стр. 42.
Жертвоприношенія, стр. 70, 73.
Земледѣліе, стр. 102, 105—110, 113—117, 150.
Земледѣльческія орудія, стр. 101—102.
Историческій обзоръ, стр. 382—442.
Кладбища, стр. 215.
Климатъ, стр. 153—157.
Костюмъ, стр. 265—270.
Кредитныя учрежденія, стр. 322—323.
Кустарная промышленность, стр. 311—317.
Монастыри и храмы, стр. 54—59, 85—86, 89—91.
Монета, стр. 35—38, 41, 323.
Наказанія, стр. 450—451.
Населеніе, стр. 299—301, 307—308, 349—350.
Народное хозяйство, стр. 309—311.
Образованіе, стр. 11—12, 187—197.
Огородничество, стр. 110—111.
Орошеніе, стр. 94, 97.
Пища, ея приготовленіе, стр. 137—138, 142—148.
Положеніе женщины, стр. 243—246, 254—256.

Порты, стр. 7—8, 16—21, 25—26.

1. Фузанъ, стр. 7—8, 16—17.

2. Гензанъ, стр. 20—21.

3. Чемульпо, стр. 17—19.

Похоронные обряды, стр. 216—235.

Почва, стр. 99—100.

Птицеводство, пчеловодство и шелководство, стр. 212—213.

Преданія, стр. 161—162, 461—464.

Природа, стр. 50, 52—54, 84, 148—149, 158, 161, 164—165, 169,
185—187, 260—261, 277—278, 281—286, 290—291.

Проституція, стр. 478—481 843,—488.

Растительность, стр. 92—94.

Религія, стр. 46, 49, 60—83, 85.

1. Шаманизмъ, стр. 46, 49, 68—70, 74—75, 201—202.

2. Буддизмъ и конфуціанство, стр. 61, 76—78.

3. Христіанство, стр. 78—83.

4. Секта „тонъ-хаковъ“, стр. 417—420.

Родовые союзы и семья, стр. 236—242.

Садоводство, стр. 117—121.

Свадебные обряды, стр. 250—253.

Сельская администрація, стр. 123—126.

Сельскій бытъ, стр. 13—14, 52—53, 123, 126, 140, 206, 275—276.

Скотоводство, стр. 206—212.

Сеуль, стр. 293, 443—446, 465—477, 482.

Сословія, стр. 351—369.

Торговля внутренняя, стр. 321, 324—329.

Торговля внѣшняя, стр. 333—343, 344—348.

Устройство жилищъ, стр. 129—132.

Фауна, стр. 170—182.

1. Тигры, стр. 170—177.

Финансовое положеніе двора, стр. 453, 455, 460.

Финансы, стр. 455—460.

Цѣны, стр. 329—330.

Алфавитный указатель.

(Цифры указываютъ страницы).

А

А-дао. 76.
Австро-Венгрія. 336.
Азія. 6. 46. 70. 154.
Акамацу-кейси. 78.
Алексѣевъ, К. 321. 431. 434. 435.
Алжиръ. 153.
Алмазныя горы (Кымъ-ганъ-санъ). 49. 55. 90. 92. 94. 304.
Альфтанъ. 330.
Америка. 342. 343. 411. 414. 417. 430.
Амитоба. 473.
Амнокъ-канъ (Ялу). 94. 303. 347. 382. 403. 429. 438. 439. 440. 442. 493. 497.
Амуръ. 211. 216.
Анбѣонская долина. 99. 101.
Англія. 336. 407. 411. 416. 426. 439.
Ань-бѣонъ. 46. 98. 122.
Ань. 237.
Асигава. 400.
Астонъ. 334.

Б

Безобразовъ. 429. 438.
Берлинъ. 438.
Бернаэ (Berneux). 83. 409.
Бишонъ, У. Б. 66. 171. 194. 253. 300. 307. 330. 363. 370.
Большая Медвѣдица. 66. 222. 226.

Бо-хай. 302. 350. 386.
Бринеръ. 429. 438.
Броунъ, М. Л. 428. 431. 435. 494.
Броутонъ, В. 332.
Будда. 51. 76. 85. 86.

В

Варягъ. 39. 442.
Варья-сонъ-цзень. 473.
Веберъ. 154.
Виреніусъ. 442.
Владивостокъ. 49. 110. 243. 439.
Ворота Встрѣчи. 430.
Востокъ. 14. 19. 82. 146. 151. 291. 316. 331. 500.
Восточная Сибирь. 153.

Г

Галиція. 301.
Гамильтонъ. 41. 110. 192. 416. 439.
Гаринъ, Н. 115.
Гассе-Вертечь. 113. 330.
Гаяши. 440.
General Sherman. 25. 409.
Гензанскій переваль. 474.
Гензанскій округъ. 35.
Гензанъ (Уень-Санъ). 6. 17. 20. 21. 22. 27. 34. 37. 41. 42. 46. 47. 49. 78. 93. 133. 148. 154. 155. 156. 171. 178. 303. 329. 333. 334. 336. 341. 345. 375. 411. 429.

Georg N. Curzon. 58.
Германія. 102. 336. 411. 425.
Гонконгъ. 342.
Горасъ, Н. Алленъ. 191.
Гори-Компаны. 26.
Гринто. 211.
Гриффисъ. 113. 216. 300. 349. 351.
400. 402.

Д

Давелюн. 83.
Даджелетъ. 429, 491.
„Дай-бутсу“. 18.
Дай-иси-гинко. 8.
Dallet, Ch. 300.
Дальній Востокъ. 5. 22. 81. 101.
109. 143. 209. 270. 343. 344. 437.
441. 453. 486.
Делоткевичъ, П. 172.
Джэсонъ Ф. (Со-гжа-пиль). 428.
436. 430.
Добровольнаго флота агентство.
491.
Дыбовскій, проф. 179.

Е

Европа. 86. 100. 191. 254. 315. 343.
429, 441.
„Ewa Gaktang“ (ж. уч.). 195.
Ессо. 179, 250.

Ж

Желтое море. 97. 155. 304. 385.
407. 442.

З

Забайкалье. 49. 211.
Западъ. 59.

И

И (Ли, Ни). 236.
Ик-сёнъ. 408. 429.
Имбергъ. 407.

Инь-чинъ. 411.
Индія. 58.
Ипъ-цунъ. 486.
„И-рюнь-ханъ-сиси-до“. 398.
И-са-пу. 390.
И-сёнъ-ге. 20. 89. 394. 398.
Италія. 6. 336
Ито. 437. 438.
И-ха-ынъ. 408.
И-цай-міонъ. 426.
И-цзунъ-іонъ. 426.

I

Imperial. 293.
„The Indefendent“. 430.
Ie-ясу. 403.
Ій-іонъ-икъ. 437. 440.
Іонгъ-генъ. 440.
Іонгъ-мо. 389.
Іонгъ-санъ. 305.
Іонъ-біонъ (Іонъ-піонъ). 303.
Іонъ-міонъ-Цзо (Іонъ-Цзо). 162.
163.
Іонъ-намъ-ихо. 440.
Іонъ-санъ. 31. 77.
Іонъ-хынъ. 21.
Іонъ-цзонъ. 305.
Іо-чжи-сёнъ-намъ. 398.
Іо-чже-мо. 389.

К

Кавказъ. 143.
Кă-му. 486.
Кангъ-гоа. 19. 373.
Кантонъ. 147.
Канъ-уёнъ-до. 133. 305. 308. 358.
420. 421.
Капсанъ. 329.
Ка-са. 389.
Кă-сёнъ (Соп-до). 305.
Каспій. 46.
Като. 401.
Канъ-хоа. 91. 333. 403. 409. 410.
Квельпартъ (Чже-Чжью). 22. 76.
100. 118. 211. 307. 350. 401.
Кимъ. 82. 237. 238. 362. 393. 407.

Кимъ-окъ-кюнъ. 414. 415.
 Кимъ-хакъ-у. 426.
 Кимъ-хонъ-нюкъ. 436.
 Кимъ-хонъ-чжю. 427.
 Кимъ-ху-чжикъ. 381.
 Кимъ-чжу-синъ. 388.
 Кимъ-цзо-чжикъ. 399.
 Кинге. 161.
 Кинниа рѣчка. 142. 149.
 Китай. 22. 61. 76. 81. 86. 101. 105.
 106. 109. 116. 117. 118. 121. 129.
 143. 153. 163. 190. 210. 211. 214.
 217. 283. 303. 312. 314. 323. 331.
 332. 336. 339. 342. 343. 365. 379.
 385. 386. 387. 390. 391. 393. 396.
 399. 400. 401. 404. 406. 410. 411.
 417. 422. 423. 425. 429. 447. 467.
 Китайское море. 401.
 Ки-чжа (Ки-ца). 109. 304.
 Кiongъ-нунь. 463.
 Кiонъ-бо-гунъ (Новый дворецъ).
 305.
 Кiонъ-санъ-до. 89. 116. 211. 306.
 308. 350. 375. 418.
 Кiонъ-сiонъ. 302.
 Кiонъ-уiонъ. 332.
 Кiонъ-хынъ. 303.
 Кiонъ-Цзонъ. 162.
 Кiон-чжю (Со-я-боль, Сара-Ки-
 римъ). 255. 306. 387. 402. 418.
 Кiонъ-гый-до. 90. 116. 196. 259.
 304. 305. 308. 350.
 Киото. 78.
 Ко. 393.
 Коанъ-Конгъ. 73.
 Коанъ-хе. 77.
 Коанъ-чжю. 306.
 Коанъ-уiонъ-цзанъ (Генiй Вой-
 ны). 70. 305. 473.
 Кобу. 421.
 Кiо-гу-рiо (Гао-гуй-ли). 76. 303.
 304. 350. 351. 382. 383. 384. 385.
 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392.
 Кониси. 401.
 Конфуцiй (Конфу-цзы). 73. 192.
 305. 355. 379. 398. 399. 473.
 Кон-чжю. 306. 390.
 Коньянъ. 394.

„Кореецъ“. 39. 442.
 Корейскiй заливъ. 6.
 Корейскiй полуостровъ. 6. 100.
 153. 304.
 Корейскiй проливъ. 154. 416. 439.
 492.
 Корея. 5. 6. 7. 8. 16. 20. 22. 25. 28.
 30. 34. 35. 36. 37. 41. 42. 59. 60.
 61. 73. 74. 76. 77. 78. 81. 82. 83.
 86. 90. 92. 93. 97. 99. 100. 101.
 102. 105. 106. 108. 109. 110. 113.
 114. 115. 116. 117. 118. 121. 125.
 129. 131. 134. 143. 144. 146. 149.
 150. 153. 154. 155. 156. 158. 161.
 164. 166. 171. 172. 174. 179. 180.
 181. 190. 191. 192. 195. 206. 210.
 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217.
 230. 233. 237. 241. 245. 258. 262.
 266. 274. 284. 299. 300. 301. 302.
 303. 304. 306. 307. 309. 310. 311.
 313. 314. 315. 317. 318. 321. 322.
 323. 327. 329. 330. 331. 332. 333.
 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341.
 342. 343. 344. 345. 347. 348. 449.
 350. 351. 354. 355. 360. 361. 362.
 365. 366. 367. 369. 370. 372. 373.
 374. 376. 378. 379. 380. 383. 384.
 385. 386. 587. 390. 391. 392. 393.
 394. 395. 397. 400. 401. 402. 403.
 404. 406. 407. 408. 409. 410. 411.
 413. 414. 415. 416. 422. 423. 425.
 428. 429. 435. 436. 437. 438. 439.
 440. 441. 447. 448. 449. 450. 451.
 452. 453. 455. 464. 474. 475. 479.
 487. 488. 491. 492. 501. 502. 504.
 Coria. 91.
 Корiо (Гао-ли). 90. 91. 216. 238.
 390. 391. 393. 492.
 Кiо-рiонъ. 304.
 „Кукъ-цзо-бо-гамъ“. 398.
 Курода Киотаву. 410.
 Куроки. 347.
 Кю-ма. 470.
 Кюнъ-санъ. 17. 216. 306. 421.

Л

Лазарева, портъ. 21.
 Ледовитый океанъ. 46.

Лендисъ (д-ръ). 66.
 Лессаръ. 438.
 Линдсай (Ань-минь-до). 307.
 Ли-хун-чангъ. 413. 415.
 London. 58.
 Лубенцовъ. 330. 367.
 Ляо-дунскій пол. 382. 386. 423.
 Ляо-тсе. 419.
 Ляо-хе, 382. 384.
 Львовъ. 179.

М

Мадритовъ. 439.
 Malcolm C. Fenwick, 211.
 Малороссія. 186.
 Манчжурія. 94. 105. 115. 116. 153.
 163. 171. 178. 179. 180. 181. 211.
 301. 344. 382. 384. 441. 492.
 Манъ-гук-чжюнь-бионъ. 300.
 Манъ-сѣкъ-тонъ. 335.
 Ма-ханъ. 383.
 Меллендорфъ. 413.
 Мен-цзы. 399.
 Министерская ул. 194. 271. 470.
 474.
 Минь (Миень). 74. 237. 268. 362.
 393. 398. 406. 408. 410. 412. 413.
 425. 437. 468.
 Минъ-йонъ-икъ. 412. 414.
 Минъ-чжи-ріокъ. 408.
 Минъ-шхъ-хао. 412.
 Мобанъ. 82.
 Мокъ-пхо. 17. 306.
 Монголія. 61. 153. 169.
 Мосамъ-пхо (Мозамбо). 16. 17.
 306. 413. 416. 439. 491.
 Москва. 429.

Н

Нагасаки. 8.
 Накъ-тонъ-ханъ. 97. 375.
 Намъ-банъ-чо-неиъ. 85.
 Намъ-біюль-гуиъ. 305.
 Намъ-инъ. 407.
 Намъ-санъ (р.). 49. 50.
 Намъ-санъ. 472.

Намъ-ханъ. 71. 90.
 Наикинъ. 394. 468.
 Клубъ „Независимости“ (Тонъ-минъ-хо-пѣнь). 355. 430. 431. 435. 436.
 Нипонъ-Юсенъ-Кайша (пароходство). 11. 16. 26.
 Но-инъ. 407.
 Нянгъ-дамъ. 261. 273.

О

Оанъ. 238. 393. 394.
 Оанъ-гюиъ. 391.
 Олений островъ (Чюль-льонъ-до). 8. 435.
 Омъ. 437.
 Онъ-цзи. 389.
 Онъ-чинъ. 211.
 Осака. 345.
 Осака-Шозенъ-Кайша. 26.
 Остъ-Индія. 442.
 Отано-Кморо. 90.
 Отори. 422. 423.
 О-чжюнь-га. 389.

П

Павловъ. 440.
 Пакъ. 389. 393.
 Пакъ-йонъ-хо. 426.
 Пакъ-кюль. 390.
 Пакъ-ту-санъ. 382.
 Пакъ-чумъ-сѣкъ. 421.
 Пакъ-чжю-санъ. 389.
 Пакъ-юнъ-тай. 421.
 Паи-чай. 191. 194.
 Пакъ-чжю (Бо-цзи). 94. 306. 384.
 385. 386. 388. 389. 393. 417. 492.
 Пель-чангъ. 165. 166.
 Пекинъ. 82. 163. 397. 410. 430.
 Пекъ-ту-санъ. 94.
 Персія. 143.
 Петербургъ. 437.
 Петръ Великій. 394.
 Піакъ-тонгъ. 440.
 Піонъ-ханъ. 383.
 Писанъ-гори. 286. 289.

Подель-коге. 260.
 Поджіо, М. А. 115. 172. 310.
 Покъ-геунъ-га. 388.
 Польша. (Царство Польское).
 102. 301.
 По-мо-ги. 274.
 По-му. 421.
 Портъ-Артуръ. 423. 425. 439. 472.
 „Правительственный Вѣстникъ“. 457.
 Приморская область. 339.
 Пу-бангъ-чо-ненъ. 85.
 Пу-ю. (Фу-ю). 393.
 Пу-міо. 473.
 Пукъ-санъ. 472. 473.
 Пукъ-ханъ. 90.
 Пукъ-чюнь. 329.
 Пунъ-міо. 70.
 Пхабалъ ба. 44.
 Пхе-наму-сей. 185. 187. 198.
 Пхіонъ-ан-до. 302. 303. 304. 308.
 382. 407.
 Пхіонъ-ень-са. 89.
 Пхіонъ-янъ (Пинъ-янъ). 17. 97.
 303. 304. 347. 401.
 Пхіонъ-ганъ (Пхіонъ-ганъ). 201.
 Пхутъ-кчангъ. 282.

Р

Реклю. 113.
 Римъ. 153.
 Роджерсъ. 410.
 Розень, бар. 438. 441.
 Rose Island (Роза). 18. 39.
 Розъ (Roze). 409.
 Россія. 102. 130. 153. 210. 336. 339.
 340. 343. 344. 364. 372. 373. 394.
 416. 425. 429. 435. 437. 438. 439.
 441.

С

Сабанъ-ча-чханъ. 85.
 Сайгонъ. 342.
 Сакія-Муни. 61.
 Самбанъ. 161. 163. 164.
 Сомба. 161. 162.

Самъ-ганъ-хънь-синъ-дѳ. 398.
 Самъ - клыкъ - санъ (Самъ-гакъ-санъ). 284. 285. 472.
 Санъ-силліонъ. 62. 172.
 Санъ-чжинъ-цзоэ-сокъ. 66.
 Саппоро. 179.
 Сахалинъ. 46. 250.
 Сеуль-Сеуръ (Ханъ-сіонъ-Ханъ-янъ). 8. 17. 19. 21. 27. 30. 36.
 49. 69. 70. 73. 74. 78. 90. 97. 98.
 113. 146. 148. 154. 156. 161. 162.
 163. 165. 171. 191. 193. 194. 195.
 213. 214. 239. 243. 247. 259. 263.
 266. 271. 279. 281. 283. 284. 286.
 287. 290. 292. 294. 295. 303. 305.
 308. 313. 322. 329. 345. 347. 355.
 356. 363. 370. 374. 377. 394. 395.
 401. 409. 412. 413. 416. 418. 420.
 421. 422. 423. 427. 429. 436. 440.
 443. 446. 447. 449. 450. 452. 465.
 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472.
 473. 474. 475. 477. 478. 481.
 Сеульская дорога. 122.
 Seoul. 58.
 Сибирская ж. д. 45.
 Сибирь. 353.
 Силла. (Синъ-ло). 76. 94. 216. 255.
 305. 350. 381. 384. 385. 386. 387.
 388. 389. 390. 391. 392. 393. 402.
 Симоносеки. 8. 412. 423.
 Синъ-сюкъ-цзу. 398.
 Синъ-цзанъ. 65.
 Сіамъ. 343.
 Сіюль-цзонъ. 76.
 Сіонъ-чжіонъ-ганъ. 302.
 Сіонъ-чіонъ (Сіонъ-чинъ-пхо).
 17.
 Сіонъ-хунъ-и (Петръ). 81.
 Сіонъ-цзо. 400.
 Сіу (дух. уч). 78.
 Со. 237.
 Сѳ-гѳ-цзонъ. 398.
 Сѳсъ-чанчъ. 389.
 Сѳ-кіѳ (донъ). 122.
 132. 133. 134. 148.
 Сѳкъ-оанъ-со. 42. 44. 49. 55. 59.
 89.
 Сѳкъ-у-ро. 390.

Соль-сомъ-ду. 390.
 Сонгъ. 421.
 „Сѡнь-гѡнь-дѡ-чжѡнь“. 419.
 Сѡнь-гѡкъ. 389.
 Сон-до (Ка-сѡнь). 391.
 Сонъ-си-рѡль. 406.
 Сѡнь-чжѣ. 419.
 Сонъ-чжю. 66.
 Со-хонгъ. 370.
 Среуль. 277.
 Стрѣльничій. 301.
 Суй. 385.
 Сунгари. 94. 383.
 Сунъ. 391.
 Сунъ-цзо. 407.
 Су-уонъ. 304.
 Сюкъ-цзонъ Уѡнь-хю. 405.
 Сюкъ-цзонъ-цень. 36.
 Сѣв. Амер. Соединенные Штаты.
 191. 336. 414. 426.
 Сынгъ-му. 486. 487.

Т

Та-банъ-коль. 475.
 Та-гу. 306.
 Та - донъ - ганъ. 25. 97. 303. 382.
 401.
 Та-мѡнь-юль. 398.
 Тангара. 75.
 Тан-са-коге 46. 49. 91.
 Танъ. 386.
 Танъ-цзонъ. 399.
 Тасокъ (Уоль-сангъ). 388.
 Татарскій проливъ. 21.
 Та-уѡнь-гунь. 408. 409. 410. 411.
 412. 416. 422. 426.
 Таре. 277.
 Тень-ганъ. 186.
 Тенгри. 75.
 Тень-гуль. 43.
 Тибетъ. 61.
 Тихій океанъ. 93.
 Ти-чжю. 66.
 Токіо. 29. 179. 492.
 Тѡк-сан-чжѡнь (Оцо - кен-мури.
 302.
 Томъ-банъ-чо-нень. 85.

Тонгъ-чакъ. 282.
 Токъ-гоанъ (Старый дворецъ).
 305. 447. 493.
 „Тонъ-гукъ-тонъ-гамъ“. 398.
 Тонъ-до-са. 89.
 Тонъ-нинъ-мунъ (Арка „Неза-
 висимости“). 305. 430. 432. 473.
 „Тройного Сіянія“, улица. 482.
 Тумень-ганъ. 6. 94. 382. 429. 438.
 441.
 Тха-чжю. 162.
 Тхѡнь-чжю (Владыка Небесъ).
 419.
 Тю-чжю. 440.
 Тъеголя. 473.
 Тьен-тсинъ 415.

У

Уа-юнгъ. 390.
 Уангъ-Гун. 355.
 У-юнгъ-чжюнь. 421.
 Уллѡнгъ-до. 390.
 Уѡнь-чжю. 420.
 Уссурійскій край. 102. 210. 303. 313.
 Уль-санъ. 211, 402.

Ф

Формоза. 342. 343.
 Франція. 336. 407. 425.
 Фузанская бухта. 8.
 Фузанскій заливъ. 435.
 Фузанъ. 7. 8. 9. 12. 16. 17. 23. 37.
 143. 154. 155. 156. 306. 332. 333.
 335. 336. 341. 345. 347. 375. 398.
 401. 402. 403. 404. 429. 491.
 Фу-ку-синъ (Фу-синъ). 386.
 Фу-ю (Пху-ю). 383.

Х

Хакодате. 488.
 Халла-санъ (Mount Auckland).
 100.
 Хам-гѡн-до. 133. 302. 304. 308.
 315. 334. 382.
 Хамъ-хынъ. 302. 329.

Ханабуза. 411. 412.
 Ханари. 75.
 Ханенимъ. 73.
 Ханъ-іоуль-канъ. 281.
 Ханъ-цзанъ-му. 486.
 Ханъ. 18. 292. 305. 421. 474.
 Ханъ-ганъ. 17. 31. 97. 409. 410.
 Ханъ-гинъ-чжикъ. 414.
 Ха-сан-до. 302.
 Харамъ. 109.
 Хау-булянкъ. 162. 185. 186.
 Ха-чжю (Хай-чжю). 304.
 Хельбертъ, Г. Б. 60. 191. 236. 348. 383.
 Хентъ. 374. 375.
 Хидеіѡши. 7. 400. 401. 403.
 Хіѡ-буль-хіѡ. 255.
 Хіѡк-ко-со. 389.
 Хіѡнъ-гіѡнъ-но. 407.
 Хіѡнъ-Цзѡнъ. 190.
 Хоанъ-хѡ-до. 196. 211. 304. 308.
 „Hongkong and Shanghai Banking Corporation“. 321.
 Хонъ-іѡнъ-сикъ. 414.
 Хѡнъ-цзѡнъ-Кіѡ-мунъ. 407.
 Хо-со. 386.
 Хуангъ. 421.
 Хубилай. 392.
 Хуѡнъ. 203. 214.

Ц

Цейлонъ. 181.
 Цзанъ-анъ-со. 89.
 Цзанъ-Хѡнъ. 162. 305. 407. 408.
 Цзо. 237. 408.
 Цзо-бо. 189.
 Цзѡнъ-но. 466. 470. 489.
 Цзо-оанъ. 66.
 Цзо-сіѡнъ. 382. 393. 394. 399.
 Цзоэ-сокъ. 66.
 Цзунъ-ихунъ-ха. 428.
 Ціѡкъ. 393.
 Цію. 82.
 Цушима. 332. 389. 398. 412.
 Цханъ. 461.
 Цхо. 237.
 Цхоронгъ. 273.

Цхое-чъже-у. 418. 419. 420. 421.
 Цхо-чи-уонъ. 381.

Ч

Частенъ. 82.
 Чемульпо. 17. 18. 19. 39. 41. 154. 155. 156. 321. 333. 335. 336. 341. 345. 347. 371. 377. 411. 415. 422. 442. 490. 491.
 Чень-бо-шанъ. 383.
 Чжи-сѡуль. 389.
 Чжіе-чжю. 307.
 Чжіолла-до. 216. 306. 308. 421.
 Чжіонъ. 237.
 Чжіонъ-сіѡнъ. 321.
 Чжіонъ-цзю Конъ-Чжіонъ. 398.
 Чжіонъ-чжю. 306. 358. 412.
 Чжію-ый-чжіе-бу. 399.
 Чжюнь-чжю. 389.
 Чжю-чжинъ. 306.
 Чинамъ-пхо. 17.
 Чингисъ. 392.
 Чингъ-хай-уень (Шингъ-хай) 439.
 Чинъ-го-гай. 471.
 Чинъ-ханъ. 383.
 Чіоль-цзѡнъ. 392. 407. 408.
 Чо-иси-Хіѡнъ. 420. 421.
 Чои-си-хіенгъ. 451.
 Чосенъ (Страна Утренняго Спокойствія). 156. 277.
 Чосенъ-Шимпо (газ.). 8.
 Чюнь-чюнь-до. 306. 308. 412. 422.
 Чюнь-чю. 306.
 Чунъ-піѡнъ-чжюнь. 421.

Ш

Шанъ-дао. 76.
 Шан-ди. 75.
 Шанхай. 147.
 Шанъ-чже. 75.
 Шимпо. 244.
 Шинъ-мунъ-чюнь. 418. 452. 453. 454. 455. 461. 464. 470. 477. 478. 479. 481. 482. 484. 485. 488. 490. 494. 496. 498. 499. 500. 501.
 Шоаль. 307.

Ы

Ый-чжу (Ви-чжу). 303. 332. 347.
386, 440.
Ый-уонъ-йонгъ. 355.

Э

Эмберъ 82.

Ю

Юань. 468.
Юань-ши-кай. 413. 415.
Юк-сан гунъ. 305.
Юнгъ-чжюмъ. 421.
Юнь. 237.
Ю-ри. 388.
Ю-чжоу-со. 89.

Я

Янгъ-чжи. 389.
Янь-(Уйнь). 382.

Янь-гоа-чжинъ. 17. 313.

Янь-ди. 385.

Янь-цзе-киангъ. 342.

Янь-чжю. 163. 374.

Янгъ-чю-нау. 194.

Янковскій, А. 179.

Японія. 5. 6. 7. 8. 12. 16. 36. 52.

78. 81. 83. 101. 105. 106. 108. 109.

114. 117. 118. 121. 146. 147. 150.

153. 158. 179. 180. 190. 191. 194.

210. 212. 233. 245. 273. 313. 314.

323. 331. 332. 337. 338. 339. 342.

343. 345. 355. 376. 379. 383. 384.

385. 386. 387. 390. 391. 392. 398.

399. 400. 401. 402. 403. 404. 408.

410. 413. 414. 415. 416. 417. 422.

423. 425. 426. 427. 429. 431. 435.

437. 441. 467. 471. 487. 488. 492.

Японскій архипелагъ 46. 154.

Японское море. 6. 302. 304. 401.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Корейская легенда	5
Глава I. Берега	7
„ II. Тон-са, ма-фу и пхунъ	27
„ III. Монастырь Сѡкъ-оакъ-са	42
„ IV. Нѣсколько словъ о религіи корейцевъ	60
„ V. Выѣздъ изъ монастыря. Корейскія горы	84
„ VI. Долина Акъ-біона. Земледѣліе	98
„ VII. Деревня Сѡ-кіо	122
„ VIII. Пища. Рѣчка Кинига. Климатъ	142
„ IX. Ущелья. Преданіе. Перевалъ. Цхосей	158
„ X. Тигры. Корейская фауна и корейское звѣ- роловство	171
„ XI. Хау-булингъ. Школа въ деревнѣ. Пхенаму- сей. Народное образованіе	185
„ XII. Пхѡпъ-ганъ. Панъ-су. Конецъ жатвы. Кре- стьяне и ихъ домашнія животныя	198
„ XIII. Кладбища и похоронные обряды	215
„ XIV. Родовые союзы. Бракъ. Положеніе женщины	236
„ XV. Далѣе на юго-западъ. Корейское платье	259
„ XVI. Страничка изъ дневника	273
„ XVII. Населенность. Административное дѣленіе	299
„ XVIII. Народное хозяйство. Промышленность и тор- говля	309
„ XIX. Общество	349
„ XX. Историческій очеркъ	382
„ XXI. Сеулъ наканунѣ войны	444
Предметный указатель	507
Алфавитный указатель	508